

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Москва
2004

Научное издание

Ближний Восток и современность.
Сборник статей (выпуск двадцать четвертый)
М., 2004, 376 стр.

Ответственный редактор

А.О.Филоник

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 5-89394-144-6

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ISBN 5-89394-144-6

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Создание Государства Израиль, играющего важную роль в современной мировой и региональной политике, стало одним из знаменательных событий XX века. По сей день это государство остается во многом уникальным, не имеющим аналогов в мире. Будучи неотъемлемой частью демократического мира, Израиль тем не менее не может быть характеризован в силу его специфичности и особенностей только в рамках привычных и традиционных подходов, которые используются при анализе государственно-правового развития других стран. Становление Израиля как государства, равно как и формирование его конституционно-правовой системы, проходило в сложных и специфических исторических условиях.

1. Правовые основы создания Государства Израиль

Международно-правовые аспекты его возникновения. С точки зрения конституционного права и международных норм Израиль представляет собой специфическое государство, создание которого явилось результатом деятельности сионистского движения и политики ведущих держав мира. Оно было образовано в соответствии с решением ООН.

Появление современного израильского государства положило конец череде неординарных событий в истории еврейского народа, насчитывающей около 4 тыс. лет. После разрушения Иерусалима римлянами в 70 году евреи рассеялись по многим странам. Между тем везде, где была возможность, еврейские общины на протяжении веков старались соблюдать собственные законы и обычаи.

В 1895 г. журналист и драматург Теодор Герцль, «крестный отец» сионистского движения, предложил в своей брошюре «Еврейское государство – попытка современного решения еврейского вопроса» создать в Палестине, в тот период провинции Османской империи, «Конституционную монархию» или «аристократическую республику». Двумя годами позже, в 1897 г., на конгрессе в Базеле, положившем практическое начало политическому сионистскому движению, было решено превратить «Святую землю» в «Землю Сиона» и основать в Палестине «еврейский национальный очаг», а затем и государство, населенное исключительно евреями.

После Базельского конгресса удовлетворенный принятыми на нем решениями Герцль записал в своем дневнике: «Через 50 лет возникнет еврейское государство» (в истории найдется мало примеров такого фантастически точного предвидения). Лидеры сионистского движения отчетливо понимали, что реализация идеи о «колонизации» Палестины без помощи «сильных мира сего» была невозможной. В результате сближения сионистов с представителями правящих кругов Англии появилась так называемая декларация Бальфура (письмо английского министра иностранных дел банкиру и щедрому кредитору сионистского движения Л.Ротшильду), в которой подчеркивалось, что «правительство Великобритании рассматривает благосклонно вопрос о создании в Палестине национального очага для евреев». До Декларации Бальфура международное право не знало юридического понятия «очаг». Примечательно, что Декларация не явилась результатом какого-либо соглашения между государствами. В связи с этим профессор Сорбонны Д.Басдеван писал в свое время, что «Великобритания не имела права осуществлять компетенцию над другими территориями и народами. Палестинская земля никогда не была английской вотчиной».

Следующим шагом, который «узаконил» права Великобритании на Палестину, явилось получение ею 25 апреля 1920 г. на конференции в Сан-Ремо мандата Лиги Наций, который вступил в силу 22 июля 1922 г. Согласно мандату, Англия уже официально взяла на себя обязательства способствовать иммиграции евреев в Палестину. Во время Второй мировой войны сионистские лидеры убедились, что страна-мандатарий больше не в силах удержать в своих руках контроль за ситуацией здесь.

Неспособность решить палестинский вопрос вынудила правительство Великобритании передать его на обсуждение в ООН. Генеральная Ассамблея ООН 29 ноября 1947 г. в резолюции 181/11 одобрила раздел Палестины и согласилась на образование на ее территории двух государств: арабского и еврейского. В соответствии с этой резолюцией одним из главных условий создания обоих государств было принятие ими постоянных конституций, и только после этого они должны были стать независимыми и самостоятельными субъектами международного права. В последний день работы Генеральной Ассамблеи ООН 14 мая 1948 г. в Тель-Авиве было объявлено о создании Государства Израиль и принята Декларация о его независимости.

Правовая система. Израильская правовая система поначалу практически полностью впитала в себя элементы как оттоманской, так и британской мандатной правовой практики. В ее основу был положен принцип, согласно которому действующий в Палестине нормативно-правовой порядок сохранял свою силу и после 14 мая 1948 г., если ни одна из действующих норм не противоречила появившимся израильским законам и при условии, что это не наносило вред устоям государства.

Центральное место в израильской правовой системе постепенно стала занимать «межел» – оттоманская кодификация (1869–1876 гг.). Этот документ был составлен с использованием догм ислама, под влиянием Гражданского кодекса Наполеона и в особом стиле. Местные специалисты испытывали большие трудности в применении «межел». Официальный текст ее был доступен лишь нескольким юристам, знающим турецкий язык. Использование неофициальных переводов часто приводило к спорам и коллизиям. Кроме того, оттоманское законодательство было отчасти обесценено временем и считалось реликтом исчезнувшей империи. Тем не менее «межел» имела равную, если не большую, правовую ценность по сравнению с британским «Common Law». В Израиле некоторые оттоманские законы оставались действующими до самого последнего времени. Закон об упразднении «межел» был принят лишь в середине 80-х годов. В первые годы существования израильского государства законодатель ограничивался в основном внесением поправок в нормативные акты отдельных отраслей права, считая такую модификацию весьма срочной. Радикальной трансформации израильская структура права подверглась только в последние двадцать лет.

Сложное внутривнутриполитическое положение в Израиле не способствовало немедленному принятию собственного стабильного законодательства. Первоначальный период развития государственности характеризовался серьезными расхождениями по правовым вопросам между различными партиями и политическими силами. Унаследованный правовой порядок был трансформирован и адаптирован к новым реалиям и неоднородному израильскому обществу планомерно. Постепенно создаваемая израильская правовая система стала преодолевать зависимость и от английского права. В отличие от других стран, находившихся под британским влиянием, Израиль не вошел в Содружество наций и выбрал собственный путь правового развития.

Закон об основных правах, принятый в 1980 г., окончательно закрепил независимость израильской правовой системы от английской системы права. Согласно этому закону, состоящему всего из двух статей, во-первых, отменялись решения британской администрации о привилегированном статусе английского законодательства, а во-вторых, определялись положения, которыми должен пользоваться израильский судья при спорных ситуациях. Закон гласит, что «если суд не согласен с нормой, регулирующей принятие решения, и не находит никакого ответа ни в писаном праве, ни в судебной практике вообще, он должен при принятии вердикта исходить из принципов свободы, справедливости, мира и в духе «еврейской традиции». Ссылка на «еврейскую традицию» была сделана не случайно. Израильский судья всегда обязан помнить о еврейских моральных ценностях и не должен блуждать в «дебрях» еврейского закона со всеми его ответвлениями.

Вообще «еврейское право» играет важную роль в толковании законов и даже тех вопросов, которые, строго говоря, не относятся к исключительной компетенции религиозных судов. Не только «право раввинов», которое, несмотря на груз традиций, осталось легко применимым в настоящее время, но и Библия и ее наиболее древняя часть – Пятикнижие – продолжают использоваться в стране в качестве источников права.

Что касается других источников израильского права, то они связаны во многом с особенностями создания израильского государства. Народ, разбросанный по всему свету, объединился на основе идеи светских общества и государства, в то время как некоторые элементы «классического» национального суверенитета у него отсутствовали. Сионистское руководство с самого начала много внимания уделяло правовым основам развития своего движения. Идеологический контраст между сионизмом, по сути светско-политическим движением, и ортодоксальными религиозными кругами, одержимыми мессианской идеей, тем не менее не исключал сотрудничества между ними в деле создания израильской правовой системы.

Конституционно-правовое развитие. Специфика государственно-правового развития Израиля сказалась и на конституционном процессе. Попытки создания конституции в качестве документа, имеющего высшую юридическую силу по отношению к другим законам, в первые годы существования израильского государства в силу объективных и субъективных причин не увенчались успехом. Руководство страны под разными предлогами сознательно уходило от фиксирования в окончательном и обязательном виде существа, целей и задач появившегося государства. Против конституции, уже по своим мотивам, выступали влиятельные религиозные круги. Отсутствие конституции, надо заметить, не вытекало из сионистского кредо, а объяснялось прежде всего конкретными историческими и политическими условиями и событиями.

В Декларации независимости Государства Израиль содержится оценка резолюции ГА ООН от 29 ноября 1947 г. в том смысле, что последняя включает требование о создании еврейского государства в Палестине, и это право, признанное международным сообществом, закрепляется как окончательное и бесповоротное. Отцы-основатели Государства Израиль заявили о том, что до 1 октября 1948 г. должно быть образовано Учредительное собрание, которому надлежит принять Конституцию, на основе которой будут сформированы постоянные органы государственной власти.

Некоторые израильские ученые и исследователи считают, что Декларацию независимости можно рассматривать в качестве конституции, поскольку она включает в себя перечень политических и гражданских прав в том виде, в каком он зафиксирован в ряде действующих в мире демократических конституций. В частности, в ней гово-

рится, что «Государство Израиль... будет основано на принципах свободы, справедливости и мира. Оно будет гарантировать в полном объеме равенство социальных и политических прав всем жителям независимо от их религии, расы и пола, обеспечивать полную свободу вероисповедания, культовых обрядов, воспитания и культуры. Государство будет стремиться сохранить неприкосновенность святых мест и храмов всех религий, будет уважать принципы Устава Объединенных Наций».

Надо признать, что руководители Израиля поначалу намеревались создать для страны постоянную конституцию. Первые дебаты по ее разработке начались в Кнессете в феврале 1950 г. Позже, выступая там, глава первого израильского правительства Давид Бен-Гурион недвусмысленно заявил об отрицательном отношении к идее принятия конституции.

Одной из основных причин такой позиции «самого выдающегося лидера практического сионизма» являлось то, что в тот период времени не был вполне очевидным этнический характер создаваемого государства. Израиль было трудно назвать государством еврейского народа, поскольку в нем проживало всего 10% евреев от их общего числа в мире. Были, однако, и другие причины, которые заставляли Бен-Гуриона и его сторонников не торопиться с решением этого вопроса. Известно, что сам глава правительства был тесно связан с религиозными кругами, для которых Закон Божий, выраженный в Торе, был единственно возможной конституцией. Религиозные партии, отрицательно относясь к идее принятия конституции, опасались того, что она станет выше обычного закона и на ее основе будет осуществляться контроль за изменением законов с точки зрения их соответствия конституционным целям и принципам и в ущерб иудаизму. К этому надо добавить и личную неприязнь Бен-Гуриона к конституционной идее, поскольку он в принципе был против усиления роли права в обществе. Для него сама мысль о том, что Верховный суд может обсуждать решения его партии и Кнессета, была абсолютно неприемлема.

Среди четырех компонентов, которые собственно и создают государство, – территория, народ, власть и суверенитет – понятие «территория» в случае с Израилем имеет особое значение. Специфика Государства Израиль состоит, в частности, в том, что его граница точно не определена. Резолюция ГА ООН от 29 ноября 1947 г. остается единственным международно-правовым документом, в котором она упомянута. Согласно мирному договору между Израилем и Египтом, заключенному в 1979 г., признается общая граница только между этими двумя странами. Подобных соглашений с другими арабскими государствами нет. Сам Израиль до сих пор с учетом разных факторов также воздерживается от установления своих границ. Законодатель, думая о факте существования самого государства, избегает говорить о границах и ограничивается утверждением о том, что территория Израиля –

это зона, в которой действуют его законы. В стране имеется немало юристов, которые утверждают, что территория вообще не является обязательным элементом определения государства.

Длительный спор в израильском обществе по поводу принятия конституции привел к определенному компромиссу, суть которого заключалась в том, что различные конституционно-правовые положения были аккумулированы в различных нормативных актах. 13 июня 1950 г. Кнессет принял так называемую резолюцию «Харари» (по имени внесшего ее депутата). Этот документ предусматривал поручение парламентской комиссии по конституции, законодательству и праву подготовить конституцию страны. Причем она должна была состоять из отдельных глав, каждая из которых была бы «основным законом». По мере готовности глав они должны были обсуждаться в Кнессете, приниматься им и после этого включаться в единый конституционный документ.

Начав с принятия Основного закона о государственных землях в 1956 г., с 1958 г. процесс создания конституционных основ Государства Израиль принял планомерный характер. Помимо упомянутого закона по настоящее время Кнессетом принято еще 10 основных законов:

- О Кнессете (1958)
- О государственных землях (1956)
- О президенте Государства (1964)
- О правительстве (1968)*
- О бюджете (1975)
- Об армии обороны Израиля (1975)
- Об Иерусалиме, столице (1980)
- О юридической власти (1984)
- О контролере Государства (1986)
- О достоинстве и свободе личности (1992)
- О профессиональной свободе (1992)**.

Принятие в 1992–1994 гг. Основного закона о профессиональной свободе и Основного закона о достоинстве и свободе личности, в которые были включены отдельные положения Декларации независимости Государства Израиль, привело к «конституционной революции» в стране. По сути, упомянутые законы стали своего рода Билем о правах человека. Поскольку с их принятием в законодательстве был восполнен пробел в части, касающейся прав и свобод, а также гаран-

* Этот закон в 1992 году под тем же названием был заменен Основным законом, в который, в частности, было включено положение о выборах главы правительства всеобщим и прямым голосованием. В 2001 году был принят Основной закон о правительстве (вместо Основного закона о правительстве 1992 года), в котором отменялся порядок избрания главы правительства всеобщим и прямым голосованием.

** Этот закон был заменен новым законом под тем же названием в 1994 г.

тий прав человека и гражданина, некоторые израильские ученые считают, что именно с этого момента в стране существует неконсолидированная (не в качестве единого документа) писаная конституция, состоящая на сегодня из одиннадцати основных законов. В то же время официально наличие в Израиле Конституции не признается.

2. Правовой статус личности

Эволюцию конституционного статуса прав и свобод человека и гражданина хронологически можно разделить на два этапа – с момента образования израильского государства до «конституционной революции» и последовавший за этим период, простирающийся до наших дней.

Права и свободы человека и гражданина. Характерной особенностью для Израиля является практика, согласно которой защита прав и свобод человека и гражданина является фактически заботой органов правосудия. В настоящее время правозащитная проблематика в стране приобрела актуальный характер, так как на изломе XX и XXI веков оказалась в фокусе внимания израильских политической и академической элит.

В стране до сих пор бытует законодательная практика, существующая со времен британского мандата и во многом не отвечающая общепринятым ныне демократическим нормам. Нашумевшим в этом смысле и получившим большой резонанс в израильском обществе стало дело Маргалит Хар-Шеви. Эта израильтянка училась в Университете Бар-Илан вместе с убийцей И.Рабина А.Амиром и слышала его слова о том, что он намеревается убить премьер-министра. Суд приговорил ее к 9 месяцам тюремного заключения за то, что она не сообщила об этом полиции. Судебный вердикт был вынесен на основе принятого британскими властями ордонанса, который применялся исключительно редко и суть которого сводилась к тому, что каждый житель подмандатной Палестины обязан был информировать власти о любой ставшей ему известной угрозе жизни гражданским и военным лицам. В подавляющем большинстве демократических государств, как известно, аналогов подобному закону нет – за недонесение не судят.

Гражданство. Одним из важных израильских законов наряду с Законом о возвращении 1950 г., гарантирующим всем евреям в мире и их семьям право иммиграции в Израиль, является Закон о гражданстве, который был принят 7 апреля 1952 г. В нем, в частности, сказано, что «Государство Израиль существует с целью предоставления очага евреям всего мира». Этот закон признает право крови и предоставляет израильское гражданство детям родителей, независимо от того, где они родились. Полученное однажды израильское гражданство передается из поколения в поколение. Причем термин «национальность» в стране не используется в смысле понятия гражданства, как это имеет место в большинстве других государств. Двойное граж-

данство не служит препятствием для получения или сохранения израильского гражданства. В целом процесс его получения выглядит довольно либеральным. Иммиграция является типичным способом приобретения израильского гражданства наряду с получением его по рождению. Гражданство, полученное согласно Закону о возвращении, не требует особого акта со стороны претендента. Однако лицо, не желающее получить гражданство «по возвращении», должно своевременно заявить об этом.

Свобода выражения мнения. При наличии многочисленных законов, ограничивающих свободу выражения мнения, Верховный суд Израиля занял четкую позицию по ограничению их применения и по устранению дискриминационных полномочий властных органов в этой области. Особенно важным представляется свобода прессы, а также доступ ко всем средствам массовой информации. Свобода выражения мнения находит естественное ограничение, когда пресса использует свое влияние против устоев государства или его демократических норм. Отметим, что в стране есть немало юристов, которые считают, что свобода выражения мнения не считается абсолютным правом. Известно, что внешнеполитические условия существования Государства Израиль допускают цензуру прессы, делая ее практически необходимой.

Принцип равноправия граждан. Равенство считается одним из важных элементов израильской правовой системы. Оно защищается специальным законодательством, включающим в себя, в частности, Закон о равноправии женщин 1988 г., запрещающий дискриминацию в области занятости и трудоустройства на основе половой принадлежности, сексуальной ориентации, личного и семейного статуса. Главным «посягательством» на принцип равенства является положение, связанное со статусом женщины с учетом абсолютного применения религиозного законодательства в области браков и разводов.

Законы Государства Израиль до «конституционной революции» содержали отдельные положения, которые «ослабляли» принцип равноправия. В этой связи можно упомянуть, в частности, привилегии членов Кнессета, хотя эта практика, как известно, является обычной в демократических странах. Его депутаты, статус которых не определен конституционной нормой, например, сами устанавливали до последнего времени размер своего жалования и привилегии. Например, как только кандидат избирался членом Кнессета, ему обеспечивалось медобслуживание на всю жизнь, причем не только ему, но и его супруге и детям и даже внукам и только совсем недавно, под сильным давлением общественности эти привилегии депутатам были отменены.

Принцип свободы. Положение о том, что «человек рождается свободным и не подвергается ни ограничениям, ни ущемлениям, если только они не предусмотрены законом», являлось до 1992 г. основой существующего правового порядка в отношении совокупности прав человека

и гражданина. Декларация прав человека, принятая ООН 10 декабря 1948 г., ее положения до самого последнего времени своего четкого отражения в израильской правовой системе не находили. Тем не менее необходимо признать, что основные права, такие, как «физическая свобода, свобода вероисповедания и ее принципы, защита брака, неприкосновенность частной жизни и собственности», считающиеся основными конституционными правами человека, обеспечивались одновременно как гражданам страны, так и иностранцам. Израильским законодательством предусмотрены гарантии справедливого судебного разбирательства, свободного выбора места проживания, включая право эмигрировать, свободы мнений, свободы образования политических, общественно-массовых и профессиональных ассоциаций. В целях недопущения несправедливых решений и ограничения противоправных действий властей гражданин имеет право знать причины отклонения его жалобы. Мотив отказа должен быть сообщен истцу в обязательном порядке.

«Конституционная революция». Чрезвычайное положение в стране, принявшее перманентный характер, нередко используется властями для оправдания отдельных шагов, которые вступают в противоречие с устоявшимся мировоззренческим подходом к правам человека в мирное время. Правда, в ряде случаев такие меры находят свое оправдание в связи с неурегулированностью отношений между Израилем и Палестинской национальной администрацией, а также некоторыми арабскими государствами, которые в состоянии оказывать воздействие на его внутривнутриполитическую обстановку.

Отсюда по большей части и происходит осознанное сужение некоторых прав и свобод. Объясняя, но не оправдывая это, можно сделать вывод, что подобная практика выстраивает барьеры на пути демократизации израильского общества. Возникающая внутренняя коллизия в целом осознается властями, свидетельством чему служит принятие Кнессетом уже упомянутых двух новых базовых актов – Основного закона о профессиональной свободе и Основного закона о достоинстве и свободе личности, содержащих нормы исключительной важности, а именно: постановления и правовые акты, принимаемые в условиях чрезвычайного положения, «не могут наносить ущерб достоинству человека». Такое поистине революционное изменение коренным образом преобразует понятие прав человека в стране, поскольку они теперь получили преимущественный правовой статус и содержатся в своде законов.

В то же время нельзя не отметить, что в Израиле сложилась аномальная ситуация, когда одни и те же гражданско-правовые институты применяются в отношении прав человека двумя различными подходами. Позитивное решение арабо-израильского конфликта должно в долгосрочной перспективе повлечь за собой и сокращение использования властями чрезвычайных полномочий в стране, расширяя возможности соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Израильское общество имеет перспективу дальнейшей либерализации при условии благоприятной внутренней и внешней обстановки, залогом чему служит сочетание законодательной деятельности Кнессета в сфере прав человека с усилиями Верховного суда по охране прав личности.

В стране до сих пор нет единого мнения по вопросам, что же такое Израиль – «государство евреев» (чего хотели основатели сионизма), «государство еврейского народа» (такая трактовка подкрепляется, в частности, Законом о возвращении и Законом о гражданстве) или «еврейское и демократическое государство», как гласит официальная доктрина, подтвержденная Верховным судом; кто есть израильтянин, кто является евреем.

С определением принадлежности к еврейству особых проблем нет: иудейский законодатель установил, что еврей – это тот, кто рожден от матери-еврейки, не принадлежит к иной конфессии и принял иудаизм согласно Галахе (система еврейского религиозного права).

Что касается «еврейского характера и демократического характера» Государства, то, по мнению большинства израильских юристов, данный термин не включает в себе никаких противоречий, и оба элемента, дополняя друг друга, находятся в полной гармонии. При этом эксперты ссылаются на то обстоятельство, что ценности израильского общества, как и любого демократического общества, развились на основе еврейских истории и традиций, а современные демократические ценности и принципы очень близки к ним. Признавая за такими суждениями право на существование, трудно полностью согласиться с ними. На сегодня реального равноправия граждан независимо от этнической и религиозной принадлежности в стране все же не существует.

В самом Израиле немало юристов, которые считают, что несмотря на еврейский характер государства в силу наличия у евреев права репатрироваться в него и чисто еврейских ценностей, нельзя идентифицировать это государство как «еврейское и демократическое», пока существуют Галаха и раввинатские суды, так как в сложившихся условиях понятие «правового демократического государства» абсолютно несовместимо с концепцией галахическо-теократического государства.

Государство и религия. Религиозный вопрос имеет в Израиле архиважное значение. Он всегда находился и в настоящее время остается в центре внимания и дискуссий в израильском обществе, поскольку затрагивает практически все аспекты социально-политической деятельности государства, а также различные стороны частной жизни граждан.

Евреи, как известно, представляют собой моноконфессиональную нацию, и немалое число проблем, стоящих перед Государством Израиль в религиозном плане, вытекает из этого факта. Иудаизм является религией, присущей лишь одной нации и ставящей во главу угла не

личность, а еврейский народ как общность. Религия в стране служит одновременно объединяющим и разъединяющим фактором. Многие социально-политические конфликты связаны с глубоким расколом израильского общества по вопросам религии и государства. Невозможно проигнорировать вклад религии в укрепление еврейского национального самосознания в Израиле (и, вероятно, также в сохранении еврейства в диаспоре), поскольку моноконфессиональность народа (или религиозное измерение еврейства как нации) поддерживает его обособление от других этносов, создавая границу между ними.

Особо стоит отметить специфику, связанную с тем, что в стране архиважную роль играют религиозные ортодоксы. С их точки зрения, Израиль не могли воссоздать простые смертные. Они считают, что это дело божественное, и только мессия, а не человек, может собрать евреев на «Земле обетованной». Ортодоксов «недолюбливают» не только светские граждане, но даже умеренно-религиозные лица, потому что «упертые» обычно не работают, не служат в армии, а только молятся и изучают религиозные книги.

Сложным остается и вопрос, как следует определять отношения между религией и государством. Многие специалисты сходятся во мнении, что Израиль не является теократическим государством и страной, где религия отделена от государства. Однако часть исследователей склонна считать, что в нем существует «нечто вроде официальной религии» (имея в виду иудаизм) и некое подобие официальной религиозной организации в лице ортодоксального раввина. Другая часть ученых, наоборот, оспаривает эту точку зрения, утверждая, что поскольку глава государства не обязательно должен быть евреем, а министерство по делам религий курирует все конфессии, говорить о наличии в стране «официальной религии» оснований нет.

Общепризнанным является и то, что Государство Израиль не может осуществить свободу вероисповедания во всей ее полноте, так как в сфере семейного права и ряде других областей действует религиозное право, приходящее в противоречие с общепологающими демократическими ценностями. Навязывание галахических принципов посредством законов государства, должным образом оформленных Кнессетом, также весьма спорно с точки зрения демократии. В многочисленных постановлениях Верховного суда резко критикуется религиозное брачно-семейное право, поскольку его нормы представляют собой очевидное нарушение прав человека.

В Израиле действует договоренность о «статус-кво» во взаимоотношениях между религией и государством, которая фактически распространяется на все сферы общественной и политической жизни. Компромисс в виде «статус-кво» стал квинтэссенцией и лейтмотивом всей израильской политико-правовой системы. Особое место в сфере взаимоотношений между государством и религией занимают вопросы брака и развода. Известно, что Талмуд придает большое значение

браку. Считается, что «брак обеспечивает эмоциональную и духовную полноценность человеку через поддержку и товарищество супруга и заключается в ощущении им физической полноты жизни в форме сексуального выражения».

Известно, что дискуссии и политические столкновения в стране по религиозному вопросу были многочисленными и широкими по размаху. Однако в практическом плане, т.е. в юридическом аспекте, этот вопрос практически не изучен не только вне Израиля, но и в самом этом государстве. Отсюда важность рассмотрения чисто правовых сторон социально-политической жизни, в том числе касающихся статуса религии. Надо сразу признать, что израильское право в основе своей не является религиозным правом. Все ссылки на религиозное право (речь идет только об ивритском праве, право других известных религий не затрагивается) должны быть применены «светским» законодателем, а именно Кнессетом. В случаях, когда светский суд и религиозный суд имеют различную практику, истец, выбирая суд, может сам определять, какое право использовать: религиозное или светское. Государство не разделяет законодательную власть с религиозными учреждениями: оно признает только один-единственный порядок и позволяет религиозному праву действовать лишь в сфере, не затронутой законами государства.

При системе, где светское право и религиозное право как бы «наслоены» друг на друга, познание суда не может считаться как полностью усвоенное. Израильский судья, работающий в светском суде, должен иметь достаточное представление о Библии и Талмуде для того, чтобы рассматривать вопросы, связанные с еврейским правом. Нельзя не признать, что сферы, в которые законодатель непосредственно решил инкорпорировать религиозное законодательство, в последнее время заметно сократились. Единственная область, в которую оно было практически прямо и полностью включено, – личный статус. Так, в Израиле отсутствует институт гражданской регистрации брака, а заключать его в синагоге могут только евреи.

Таким образом, пока в Израиле не урегулированы взаимоотношения между государством и религией, т.е. пока все вопросы, связанные с регистрацией актов гражданского состояния, находятся в ведении судов религиозных общин, проявления дискриминации на религиозной почве неизбежны. Наличие системы религиозных судов и отсутствие института гражданского брака способствуют сохранению в израильском обществе различных этнических и конфессиональных групп, полное равенство которых перед законом обеспечить практически невозможно.

Вопросы идентичности. За проблемой принадлежности к еврейству и вообще вопросами, связанными с еврейским характером израильской политической системы общества, стоят глубокие разногласия. Проблемы идентичности занимают особое место в Израиле. В мире мало найдется наций, которые потратили столько сил, терпения и

энергии в попытках определения своей идентичности, идет ли речь о еврейской идентичности или с недавнего времени об израильской.

В связи с определением того, кто «является евреем» в стране возникает немало политических кризисов и правовых коллизий. Согласно Закону о регистре населения 1965 г., в удостоверение личности в обязательном порядке заносятся сведения о вероисповедании и национальности. Определить, кто является евреем по национальности, важно с различных точек зрения, особенно в свете Закона о возрождении, согласно которому «каждый еврей вправе репатриироваться в Израиль». Нахождение истоков еврейства по происхождению вызывает споры между верующими и неверующими, чего нельзя сказать о соответствующем определении по религиозному принципу. Первоначально большинство экспертов сходилось во мнении, что «еврей» представляет собой национальную идентичность. После долгих правовых дебатов была принята единственно приемлемая для страны дефиниция, опирающаяся на иудаизм. В результате долгих дискуссий в израильском обществе за основу была принята религиозная формулировка определения еврейства. В связи с этим стоит напомнить, что иудаизм в отличие от большинства других мировых религий начиная с XV века прекратил способствовать прозелитизму. Согласно канонам иудаизма, принятие еврейской веры возможно, но оно остается чрезвычайно труднодостижимым. До сих пор в Израиле нет четких ответов на вопросы, касающиеся идентичности личности.

В последнее время весьма актуальным для политико-государственной жизни в Израиле является вопрос о так называемой толерантности его общества, которое представляет собой чрезвычайно пеструю мозаику в социальном, расовом, национальном, этническом, профессиональном и культурном отношениях. В стране идет сложный процесс формирования гомогенной израильской нации. На этом пути имеется немало трудностей, связанных прежде всего с тем, что эта общность создается выходами более чем из ста стран мира, и попытки «сварить» их по американскому образцу в одном «плавильном котле» пока не увенчались успехом. Интересны итоги одного опроса, недавно проведенного в стране. Так, 34% израильтян ответили, что они «евреи», 35% считают себя израильтянами, а 30% евреями и израильтянами.

Определение Государства Израиль как государства еврейского народа имеет, по мнению местных юристов, существенное политико-правовое значение. На деле это выражает классическое сионистское видение данной проблемы, так как в данном случае речь не идет об особых еврейских ценностях, а налицо имеет место чисто национальный подход. При этом утверждается тезис, смысл которого состоит в том, что Государство Израиль является государством еврейского народа, и на Земле не может быть другого государства этого народа. Последняя оговорка сделана специально для того, чтобы избежать в мире различных толкований.

3. Высшие органы власти Государства Израиль

Кнессет. Израильский парламент, более известный под названием Кнессет (именно так назывался во времена древнего Израиля парламент-собрание из 120 еврейских законодателей), является высшим законодательным органом страны. Основу израильской избирательной системы составляют несколько законов: Основной закон о Кнессете (1958 г.), Закон о выборах в Кнессет (1969 г.), Закон о финансировании партий (1973 г.) и Закон о партиях (1992 г.).

В Израиле действует пропорциональная избирательная система, способствующая широкому представительству в парламенте различных политических, религиозных, этнических и других течений. Избирательный порог для прохождения партий в Кнессет составляет всего 1,5%. В соответствии с законом активным избирательным правом обладают с 18 лет, пассивным – с 21 года. Характерной чертой израильской избирательной системы является отсутствие деления страны на округа. Выборы в Кнессет проходят один раз в четыре года.

Израильская система выборов – одна из самых простых в мире. Она определяется ст.4 Основного закона о Кнессете. Эта статья долгое время была единственной незыблемой статьей выборного законодательства. Израильская избирательная система имеет одновременно национальный и пропорциональный характер (аналогичная система в мире существует лишь в Нидерландах). Поэтому ее называют «полной или чисто пропорциональной системой». Ограничение и преимущества голосующих в стране исключаются.

В практическом плане применение пропорциональной системы свелось к голосованию по партийным спискам. Введение относительно недавно системы первичных выборов в партиях по американскому образцу («праймериз») сделало возможным участие рядовых избирателей в процессе составления списков. Низкий избирательный порог позволяет иметь в парламенте представителей различных политических партий, включая мелкие, что приводит к большой фрагментарности его состава. Для распределения оставшихся свободными депутатских мандатов в Кнессете предусмотрена так называемая квота наибольшего среднего.

Отмечается и ряд негативных факторов применения такой избирательной системы, которые чаще всего связаны с коррупцией, необходимостью уступки интересов большинства в угоду мелким фракциям при формировании различных парламентских коалиций. Значительная часть израильского общества вообще считает, что именно избирательная система в ее нынешнем виде является источником и причиной почти всех бед в государстве, тормозом дальнейшей демократизации общества.

Первоначально Кнессет был образован как учредительное собрание. Поэтому в законодательной сфере он действует в двух ипостасях: учредительной и законодательной. В первом качестве Кнес-

сет принимает основные законы, а во втором – обычные. Такая специфика в деятельности израильского парламента часто приводит к серьезным правовым коллизиям в законодательстве. Первый Основной закон Кнессет принял о себе, что положило начало изданию последующих основных (конституционных) законов.

Как и любой парламент, Кнессет часто ассоциируется главным образом с законодательными функциями, хотя он выполняет множество других задач. Причем его законотворческая деятельность не всегда является основной. Законодательное закрепление этого положения было оформлено в упомянутом Основном законе о Кнессете, где израильский парламент определяется как «палата депутатов», а его характеристика в качестве законодательного органа формально вообще отсутствует.

Важнейшим моментом, во многом определяющим характер и содержание работы Кнессета, является правовое положение депутата и общие гарантии его депутатской деятельности. Депутаты израильского парламента обладают чрезвычайно широким иммунитетом. В понятие иммунитета включена территориальная неприкосновенность самого здания Кнессета, всех его внутренних помещений и принадлежащего ему имущества. В отличие от многих других стран в Израиле личная неприкосновенность депутата распространяется на его высказывания и действия как в самом Кнессете, так и за пределами оно. Помимо абсолютного и ограниченного иммунитета от судебного преследования Закон предоставляет депутатам наряду с юридической защитой и привилегии, имеющие целью обеспечить достойное выполнение ими своих функций. В то же время Кнессет вправе лишить депутата парламентской неприкосновенности, ограничить его полномочия или отстранить от участия в дебатах.

Правовой статус депутата Кнессета определяется емкостью его парламентского мандата. Израильские юристы различают несколько видов мандатов парламентария, в соответствии с которыми он может действовать: императивный, общий и партийный. Правовая доктрина не дает, однако, единого толкования определений различных видов мандатов.

В январе 2003 г. состоялись выборы в израильский парламент шестнадцатого созыва, на которых убедительную победу одержал возглавляемый А.Шароном блок Ликуд, получивший в общей сложности 40 депутатских мандатов. Партия труда, традиционный соперник Ликуда, провела в Кнессет только 19 депутатов – это самый низкий показатель за всю историю участия этой партии в парламентских выборах. Третье место на выборах получила центристская антиклерикальная партия Шинуй (Движение за перемены), чей резкий взлет объясняется недовольством значительной части общества той ролью, которую играет религия в жизни страны. Эта партия увеличила свое представительство в парламенте по сравнению с прошлыми выборами с 6 до 15 мест.

Впервые «русские» иммигранты в большинстве своем голосовали за Ликуд и Шинуй, а не за созданные ими партии.

Правительство. За всю историю Государства Израиль было последовательно принято три Основных закона о правительстве: в 1968, 1992 и 2001 годах. Израиль принадлежит к числу государств, где правовое положение правительства четко регулировалось и регулируется специальным законодательством. Принятие вышеупомянутых основных законов было обусловлено конкретными политическими ситуациями в Израиле в разные исторические периоды. Все эти основные законы не только логически дополняют друг друга, но и являются нормативно-правовыми актами, принципиальные положения которых переходят из закона в закон.

Правящие круги страны постепенно пришли к выводу о необходимости трансформации системы высших органов государственной власти. К концу 80-х годов внимание израильских юристов и политологов привлекла идея введения прямых выборов главы правительства, в реализации которой ими виделась едва ли не панацея от всех политических «недугов». Эта идея в виде научной гипотезы была впервые апробирована в проекте конституции, разработанной в 1987 году правоведами Тель-Авивского университета во главе с проф. Д. Фридманом.

В тот период в Израиле сложилось относительное равновесие между двумя крупнейшими политическими партиями – Партией труда и Ликуд, что привело к повышению роли и влияния мелких партий, которые оказались способными шантажировать крупные партии в их борьбе за власть. Почти «все игроки израильского юридического поля» высказались за введение изменений, касающихся порядка формирования правительства и его главы. Их критика сводилась к тому, что в результате применения действующей избирательной системы внутри Кнессета постоянно складывалось расслоение политических сил, что не позволяло крупным партиям сформировать правительство, а это парализовало исполнительную власть и усиливало роль мелких фракций в парламенте.

Основной закон о правительстве в новой редакции, содержащий норму о выборах премьер-министра всеобщим голосованием, был принят в 1992 г., а вступил в силу в 1996 г. Он серьезно трансформировал структуру взаимоотношений между тремя высшими органами государственной власти – Кнессетом, президентом и правительством и модернизировал ряд положений первого основного закона, введя порядок прямых выборов премьер-министра. Израиль, формально оставаясь парламентской республикой, превратился фактически в единственное в мире государство, где премьер-министр избирался всеобщим голосованием.

Состоявшиеся в 1996 и 1999 гг. выборы в Кнессет и премьер-министра страны привели к любопытным и отчасти неожиданным результатам. Прежде всего они доказали, что нет опасений по поводу

появления «враждебного или оппозиционного Кнессета», хотя прогнозов на сей счет среди израильских юристов было достаточно. Другим результатом выборов, важным по своей сути, стало утверждение на политической сцене в качестве самостоятельных «игроков» многочисленных мелких партий, что способствовало уменьшению в политико-государственной жизни влияния двух основных партий. Опыт избрания в Израиле прямым голосованием главы правительства оказался, однако, в целом негативным. Новая избирательная система не достигала своей главной цели – укрепления стабильности исполнительной власти.

В феврале 2001 г. в Израиле состоялись досрочные выборы главы правительства, особенность которых состояла в том, что впервые в истории Израиля прямым голосованием избирался только премьер-министр, а выборы в Кнессет не проводились. В марте того же года Кнессет не только утвердил правительство А.Шарона, но после долгих и «темпераментных» прений его депутаты приняли во втором и третьем (окончательном) чтениях новый Основной закон о правительстве, отменяющий прямые выборы главы правительства. В этот закон вошла важная поправка о требовании «конструктивного вотума недоверия», который может быть объявлен правительству лишь большинством голосов в 61 голос и при наличии альтернативного кандидата на пост премьер-министра.

В соответствии с этим законом правительство является органом исполнительной власти, который несет коллективную ответственность перед Кнессетом. Членом правительства может быть только израильский гражданин, постоянно проживающий в стране. Лицо, имеющее иностранное гражданство, может быть назначено членом правительства только после того, как им были осуществлены все необходимые юридические процедуры по отказу от иностранного гражданства.

Формирование правительства после выборов в Кнессет осуществляется следующим образом. Президент государства после консультаций с представителями фракций Кнессета дает поручение одному из депутатов, подтвердившему свое согласие сформировать правительство. В случае его неудачи подобная попытка предоставляется еще трем депутатам. После того как депутат Кнессета сформировал правительство, он уведомляет об этом президента и председателя Кнессета. Впоследствии правительство утверждается на заседании парламента. Депутат Кнессета, сформировавший правительство, становится его главой. После вынесения Кнессетом вотума доверия новому правительству его глава и члены правительства принимают присягу. Кнессет имеет право по требованию не менее трети его членов пригласить главу правительства на свое заседание, посвященное обсуждению важного вопроса. Настоящий Основной закон может быть изменен только решением, принятым квалифицированным большинством членов Кнессета на его пленарных заседаниях в

результате трех чтений. Одной из характерных особенностей закона о правительстве 2001 г. является то, что в нем воспроизведены как некоторые статьи Основного закона о правительстве 1968 г., так и отдельные положения Основного закона о правительстве 1992 г.

После выборов 2003 г. А.Шарону после долгих и трудных консультаций удалось сформировать правительство национального единства, в том числе с участием партии Шинуй и Национально-религиозной партии (НРП). Впервые с 1984 г. в правительство не вошла религиозная партия Шас.

В результате Ликуд получил в правительстве 13 министерских постов, Шинуй – 5, Национальное единство – 2 (в июне 2004 г. они были отправлены в отставку), НРП – 2. Должности премьер-министра, министров обороны, иностранных дел и финансов блок Ликуд оставил у себя. Впервые с 1973 г. правительству А.Шарона фактически не угрожает оппозиция. Разрыв между блоком Ликуд и Партией труда составил более 20 голосов. Такой отрыв достигнут впервые, и именно этот феномен израильские юристы и политологи называют главным «электоральным достижением» А.Шарона. До последнего времени казалось, что правительству не угрожает и внутрипартийная оппозиция, поскольку все потенциальные конкуренты лидера партии, занимая в правительстве важные посты, «умерили» свои амбиции. Однако после проведения в Ликуде в мае 2004 г. референдума относительно выдвинутого Шароном Плана по размежеванию с палестинцами, когда рядовые члены Ликуда этот план не поддержали, такая вероятность стала вполне реальной.

Президент. В Израиле главой государства является президент, место и роль которого в системе высших органов государственной власти исторически всегда были и остаются весьма скромными. Большинство специалистов по конституционному праву считают, что президент по сути своей скорее является «моральным судьей», эффективность деятельности которого зависит в большой степени от самой личности, занимающей этот пост, чем от присущих ему прерогатив. Традиционно на эту должность выдвигались и выдвигаются лица, имеющие большие заслуги перед израильским народом и пользующиеся в стране огромным авторитетом.

В настоящий период в Израиле действует Основной закон о президенте, принятый в 1964 г. В соответствии с ним закрепляется пятилетний срок полномочий президента, хотя конкретная дата его вступления в должность точно не фиксируется. Действующий закон закрепляет минимальные требования к кандидату на пост президента. В частности, он должен обязательно быть гражданином Израиля и проживать на его территории, при этом различий в способах приобретения израильского гражданства для потенциального кандидата на пост президента (по рождению или по натурализации) не делается. Не устанавливается и возрастной ценз, что, как известно, является не-

обычным при выборах главы государства в большинстве стран мира. Согласно этому Основному закону, запрещается переизбрание президента более чем на два срока. Но лицо, осуществлявшее полномочия президента в течение двух сроков подряд, может вновь баллотироваться на эту должность по прошествии периода в один президентский срок.

Лишь в общих чертах Основной закон закрепляет порядок и сроки проведения выборов президента. Они осуществляются тайным голосованием депутатов Кнессета на специальных его заседаниях в несколько туров. Если уже в первом туре голосования кто-либо из кандидатов получает абсолютное большинство голосов списочного состава Кнессета, то он объявляется избранным президентом. Если же в первом туре ни один из внесенных в список претендентов не набрал абсолютного большинства голосов депутатов, назначается второй тур голосования, куда допускаются все выдвинутые кандидаты. Если же и второй тур голосования не принес требуемого результата, голосование продолжается, и назначается третий тур. Но в третьем и последующих турах голосования кандидат, получивший в предыдущем туре наименьшее по сравнению с другими кандидатами количество голосов, выбывает из дальнейшего участия в выборах президента. В данном случае израильским законодательством предусматривается своеобразное рейтинговое голосование. Если в третьем или последующих турах голосования два или более кандидатов получают равное количество голосов, выборы будут продолжены до тех пор, пока один из кандидатов не получит относительное большинство голосов депутатов, принимавших участие в голосовании.

В случае выезда президента за рубеж с государственным (официальным) визитом или по личным мотивам полномочия президента передаются в полном объеме председателю Кнессета. Причем законодательно установлено, что покидая территорию Израиля, президент каждый раз должен запрашивать специальное разрешение правительства. В противном случае, т.е. без такого согласия, он рискует быть обвиненным в халатном отношении к обязанностям главы государства и в поведении, не совместимом с исполняемыми им ответственными полномочиями. Такая норма закона возникла из постоянных осложнений внутри- и внешнеполитической обстановки.

Правовой статус президента определяется прежде всего тем, что в соответствии с Основным законом он объявляется главой государства и в этом качестве не входит ни в одну из ветвей власти. Он фактически стоит над всеми властными органами государства, выступая в качестве высшего представителя государства как внутри страны, так и на международной арене.

Основной закон о президенте в общей форме устанавливает круг полномочий главы израильского государства. Президент участвует в законодательном процессе, подписывая принятые Кнессетом законы.

Законодательством предусмотрена обязательная контрасигнатура принятых законов главой правительства или соответствующим министром. Фактически участие главы государства в законодательном процессе этим и ограничивается. Закон не предоставляет ему ни права вето на принятие Кнессетом закона, ни права законодательной инициативы.

Особо стоит остановиться на вопросах взаимоотношений президента с правительством. Если раньше, до 1996 г., президент назначал премьер-министра путем согласования его кандидатуры с наиболее крупными и влиятельными фракциями, представленными в соответствии с результатами всеобщих выборов в Кнессете, то в последние годы он даже формально был лишен этой возможности. Основным законом о правительстве, принятый в 1992 г., введя прямые выборы главы правительства, практически полностью отстранил президента от какого-то ни было участия в этом процессе. Таким образом, глава государства находился в период с 1996 по 2003 годы в положении, подобного которому не было ни в одной другой стране мира: рядом с президентом, избранным парламентом, действовал всенародно избранный глава правительства.

При таком статусе главы государства стали возникать серьезные коллизии между ним и главой правительства, обусловленные различной степенью их легитимности, серьезным различием в характере полномочий, степенью политического влияния на решение внутри- и внешнеполитических проблем. Постепенно президент стал терять и без того скромный объем своих полномочий, формально оставаясь главой государства, а фактически превращаясь в откровенно номинальную фигуру.

Сокращение в период с 1996 по 2003 годы полномочий главы государства в результате прямых всеобщих выборов главы правительства на практике привело к внутривнутриполитической напряженности и даже противостоянию в стране. В результате институт президентства, безусловно, многое потерял в своем значении «символа нации» и статусе нейтрального арбитра в политической жизни страны. В связи с этим были предприняты попытки различных политических сил изменить статус президента, увеличить объем его полномочий путем введения прямых всеобщих выборов уже и главы государства.

После того как Израиль вновь вернулся к практике избрания премьер-министра парламентским путем, израильская политическая элита не настаивает на своем предложении избирать президента всеобщим голосованием, так как его роль после отмены прямых выборов главы правительства была не только вновь восстановлена, но и в определенной мере укреплена.

Верховный суд. Исключительно важное место в системе высших органов государственной власти и управления принадлежит Верховному суду, который играет существенную роль в политической жизни страны. Верховный суд был создан спустя четыре месяца после про-

возглашения Государства Израиль 15 сентября 1948 г. Первоначально его полномочия практически не отличались от функций Верховного суда подмандатной Палестины.

Важное значение для понимания деятельности Верховного суда имеет его организационная основа. Он состоит из 14 судей, но решения здесь принимаются отдельными составами, число судей в которых варьируется в зависимости от важности рассматриваемых дел. Большинство из них выносятся составом из трех судей. В последнее время наметилась тенденция слушания дел более широкими составами. Судьи несменяемы, и если они не совершили дисциплинарных проступков, уходят в отставку в возрасте 70 лет. Судьи избираются специальной комиссией, состоящей из 9 членов, в которую входят: министр юстиции (председатель), один из «непрофильных» министров, председатель Верховного суда, два депутата Кнессета и два адвоката. Как правило, судьи имеют очень высокий профессиональный уровень и пользуются большим авторитетом в израильском обществе. Этот авторитет подтверждается также тем, что судьи связаны очень жесткими обязательствами и ограничениями, включая запрет на занятие политической и профессиональной деятельностью.

К важным полномочиям Верховного суда, имеющего стремление к внесудебной законности, следует отнести и практику создания специальных следственных комиссий. Учрежденные Законом от 1988 г., они предназначены для выяснения обстоятельств, имеющих особую значимость для государства. Хотя решение об их создании и сфере компетенции может принимать только правительство, назначение членов таких комиссий отнесено к ведению председателя Верховного суда. При этом председателем комиссии обязательно должен быть судья. Эти комиссии располагают широкими оперативно-следственными полномочиями и формируют рекомендации, носящие по существу императивный характер.

Постепенно Верховный суд взял на себя функцию арбитра по правозащитным вопросам и сегодня вносит огромный вклад в дело защиты гражданских прав и свобод и соблюдение законности. Его деятельность основана на принципе, согласно которому законодательные акты следует интерпретировать, исходя из убеждения, что парламент не имеет намерения ущемлять политические и гражданские права и свободы или предоставить такие полномочия иным властным структурам.

За более чем пятьдесят лет своего существования Верховный суд занял видное место среди израильских государственно-правовых и политических институтов и приобрел высокий авторитет у граждан. Израильское общественное мнение в основе своей все больше начинает склоняться к тому, что именно Верховный суд может и должен обеспечивать процесс демократизации в обществе и нормальное функционирование государственного механизма. В насто-

ящее время в Израиле наметилась тенденция дальнейшего расширения полномочий Верховного суда, что выражается в его многочисленных, хотя отчасти и противоречивых и нередко прецедентных решениях в сфере конституционного надзора, т.е. фактически проводится своего рода политика «судебного активизма». В результате в стране сложилась уникальная ситуация, когда при отсутствии консолидированной Конституции повсеместно осуществляется конституционный контроль.

В отличие от большинства других стран в Израиле не существует конституционного суда и соответствующего законодательства. Согласно принятой практике, закрепленной в одном из положений Основного закона о судопроизводстве, контрольные функции за соблюдением законов государственными органами и учреждениями выполняет Верховный суд. В этом случае он является Высшим судом справедливости. Эта функция носит уникальный характер в израильской системе судопроизводства, поскольку Высший суд справедливости действует как первая и последняя судебная инстанция, рассматривая дела, требующие официального вмешательства с целью восстановления справедливости в интересах правосудия и не подлежащие юрисдикции никакого иного суда или трибунала. Как Высший суд справедливости Верховный суд ежегодно заслушивает свыше тысячи дел, инициаторы которых подвергают сомнению или оспаривают правильность и законность решений официальных государственных инстанций. Тем самым эта его деятельность направлена на неуклонное соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Своим развитием в сторону демократии, правового государства Израиль во многом обязан смелой и решительной позиции Верховного суда. В стране сформировался такой правопорядок, когда решения высших органов государственной власти и управления фактически контролируются Верховным судом. Тем самым в этой сфере израильской конституционно-правовой системы сложилась уникальная ситуация, поскольку сохранение подобной тенденции не может не привести к «крену» во всей системе высших государственных органов власти. Это в свою очередь повлечет за собой, с большой долей вероятности, ответные противодействующие шаги со стороны законодательной и исполнительной ветвей власти с целью сохранения равновесия и политической стабильности в израильском обществе.

При рассмотрении полномочий Верховного суда нельзя не коснуться деятельности очень важного органа в государственно-правовой системе Израиля, а именно: юридического советника правительства, называемого часто генеральным атторнеем. Он фактически выполняет две отдельные задачи, и это делает его одним из самых влиятельных должностных лиц в государстве. С одной стороны, он является по сути государственным прокурором, с другой – отвечает за юридическую корректность принимаемых правительством реше-

ний. Чтобы подчеркнуть особый статус этого должностного лица, при смене правительства его никогда не меняют. В качестве государственного прокурора именно израильский генеральный атторней, и только он, принимает решения о целесообразности судебного преследования или отказе в нем.

Юридический советник правительства дает правовые рекомендации и заключения, составившие многотомный сборник, который по сути является вторичным источником права. Часто такие заключения носят характер *ad hoc* и *ad personam*: так, вслед за следственной комиссией по разбирательству кровавых событий в палестинских лагерях Сабре и Шатиле в 1982 г. именно генеральный атторней сформулировал своеобразный вердикт, согласно которому бывший на тот период времени министром обороны А.Шарон должен был уйти с занимаемой должности, но мог занимать другие посты в правительстве.

Проведенный анализ положения и деятельности основных государственно-правовых институтов в Израиле свидетельствует о том, что в последнее время эта страна стала, по общему мнению, своего рода лабораторией и полигоном нововведений и разработок современной науки конституционного права. Несмотря на то, что, по убеждению многих юристов и политологов в мире, Государство Израиль – одно из самых демократических государств в регионе, тем не менее его конституционно-правовая конструкция отнюдь не является совершенной и не все в ней идеально. Более того, отдельные аспекты политико-правовой жизни израильского общества требуют критического осмысления.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ АМЕРИКАНО-БРИТАНСКОЙ КОАЛИЦИИ ПРОТИВ ИРАКА

В ходе подготовки и активной фазы военной операции против Ирака США и Великобритании развернули в регионе широкомасштабные психологические операции (ПсО), используя все известные на сегодняшний день способы информационно-психологического воздействия. По оценкам американских военных специалистов, нынешние психологические операции являются самыми масштабными со времен войны во Вьетнаме.

Развернутая против Ирака психологическая война преследовала главные цели: снижение морального духа ВС и населения Ирака, подрыв авторитета власти С.Хусейна, воспрепятствование возможному разворачиванию партизанского движения и нейтрализация (привлечение к сотрудничеству) госчиновников, высокопоставленных военных и интеллигенции для обеспечения успешного проведения военных действий коалиции и недопущения организации мощного сопротивления иракских войск и народного ополчения.

Для достижения указанных целей активно применялись силы и средства ВС США и Великобритании из состава как регулярной армии, так и резерва. При этом основная нагрузка по ведению информационно-психологического воздействия на население и военнослужащих Ирака была возложена на личный состав группы психологических операций (ГрПсО), дислоцированной в Форт-Брэгг (штат Северная Каролина).

Подготовка сил и средств ВС США к ведению информационно-пропагандистской кампании в поддержку военной операции против Ирака стартовала задолго до начала боевых действий. Как отмечают зарубежные СМИ, приказ о переброске в зону конфликта отдельных подразделений ПсО поступил еще в марте 2002 г. При планировании и проведении акций информационной войны и психологического воздействия в Ираке американскими военными специалистами широко использовался опыт аналогичных операций в Ираке в 1991 г., в Югославии, а также операции «Несгибаемая свобода» в Афганистане.

Для проведения информационной операции в группировке коалиционных сил ВС США и Великобритании была сформирована Объединенная оперативная группа ПсО и по работе с гражданским населением (РГН). В нее вошли: подразделения группы ПсО ВС США в

составе регионального батальона ПсО (120 чел.); батальона тактических ПсО (160 чел.); отдельное подразделение непосредственной поддержки из состава ПсО Великобритании (15 чел); часть авиакрыла сил специальных операций ВС США (от двух до трех самолетов ЕС-130Е «Коммандо Соло»). Общая численность военнослужащих ПсО и РГН ВС США и Великобритании составила около 650 человек.

Оперативно-тактическое руководство деятельностью сил и средств ПсО было возложено на объединенный оперативный центр ПсО штаба объединенного командования специальных операций ВС США (Мак-Дилл, шт.Флорида).

Штабом ПсО были выбраны целевые группы, информационно-психологическое воздействие на которые должно было принести наибольший эффект:

1. Личный состав вооруженных сил, который был менее подвержен идеологической обработке правящим режимом (военнослужащие срочной службы из числа представителей крестьянства и мелких служащих);
2. Представители интеллигенции и командный состав ВС;
3. Шиитское и ассирийское меньшинства населения Ирака, проживающие на юге и севере страны;
4. Гражданское население, намеренное вести партизанские действия против войск коалиции.

Основными направлениями проведения психологических операций в Ираке на оперативно-тактическом уровне являлись:

- убеждение руководства страны в неспособности Ирака противостоять высокоточным ударам коалиции;
- использование религиозных и этнических противоречий различных слоев населения Ирака в целях подавления их стремления к сопротивлению и склонения к сотрудничеству;
- распространение слухов и дезинформации, вводящей в заблуждение население и военнослужащих страны;
- ослабление морально-психологического состояния ВС Ирака, прежде всего элитных частей;
- ведение пропаганды среди курдской и шиитской оппозиции, мирного населения и военнослужащих Ирака с использованием печатных носителей информации, электронных СМИ и радиовещательных средств в целях формирования и/или дальнейшего усиления недовольства существующим в Ираке режимом, раскола общества и деморализации вооруженных сил.

Задолго до начала военной операции американо-британской коалиции против Ирака специалистами МО США был проведен ряд мероприятий по исследованию морально-психологического состояния и боеготовности ВС Ирака на основе анализа опыта их учебно-боевой деятельности. В результате был выявлен в целом низкий уровень психологической готовности и морального духа иракских военнослужащих.

К основным причинам низкой боевой и морально-психологической готовности ВС Ирака относились:

- слабое финансирование учебно-боевой подготовки;
- при проведении учений не моделировалась реальная боевая обстановка, не весь личный состав прошел подготовку;
- низкая интенсивность и сложность проводимых учений;
- недостаточное внимание к проведению практических стрельб;
- низкий уровень грамотности и обученности иракских военнослужащих;
- отсутствие личной заинтересованности в достижении высоких результатов;
- резкая социальная расслоенность в армейских рядах.

Перечисленные обстоятельства предопределили скоротечность военной кампании.

В качестве средств оказания информационно-психологического воздействия на противника командование специальных операций ВВС США использовало листовки, радио- и телевизионные передачи, электронную почту и каналы обычной телефонной связи.

Распространение листовок явилось одним из основных направлений деятельности сил ПсО антииракской коалиции. Еще до операции печатная пропаганда носила массированный характер. Так, с октября по конец декабря 2002 г. листовки на английском и арабском языках над территорией Ирака разбрасывались 10 раз. В первые месяцы 2003 г. интенсивность распространения листовок повысилась до 2–3 раз в неделю. За один самолето-вылет разбрасывались от 180 000 до 240 000 листовок.

При этом четко прослеживалась планомерная интенсификация таких мероприятий, и росли тиражи распространяемых информационно-пропагандистских материалов. Накануне начала операции и в первые дни ее проведения ВС США осуществили беспрецедентные по своим масштабам массированные выбросы листовок в иракские населенные пункты и на военные позиции иракской армии (19 марта 2003 г. было распространено около 2 млн. экз. листовок, 21 марта – более 2 млн. экз.).

По сведениям представителей Центрального командования ВС США, за месяц, предшествовавший началу военной операции, авиация коалиции распространила более 15 млн. листовок, а общее число пропагандистских материалов, распространенных со 2 октября 2002 г., когда началась непосредственная подготовка к операции, составило более 25 млн. экз. Предположительно силами ПсО ВС США за время операции распространено более 40 млн. экз. листовок (для сравнения: в Афганистане – около 20 млн., в ходе войны в Персидском заливе в 1991 г. – 29 млн.). Всего за период войны специалистами подразделений ПсО были разработаны более 80 видов листовок, которые были отпечатаны большими тиражами и распространены на иракской территории.

Такая массированная психологическая кампания, по оценке военного руководства США, была достаточно успешной. В ее результате группы иракских солдат сдались в плен, выросли противоречия в иракском руководстве, оно утратило контроль над ситуацией в стране.

В листовках, распространявшихся накануне операции, содержались призывы не противодействовать американской и английской авиации в случае начала военных действий, не восстанавливать линии связи при их разрушении. Другие листовки информировали о радиочастотах, на которых транслируются пропагандистские передачи. Специальная листовка с угрозой атаковать транспортные суда, осуществляющие перевозки в Ирак, была распространена в Бахрейне вблизи мест стоянок судов иракского торгового флота. В листовках, обращенных к военнослужащим, содержалось предостережение не пытаться применять против войск антииракской коалиции ядерное, биологическое или химическое оружие, а также призыв в случае начала боевых действий немедленно покидать позиции и оставлять оружие.

После начала активной фазы операции в листовках содержались обращения к мирному населению с рекомендацией покидать районы боевых действий и заверения в том, что военная операция направлена не против простых граждан Ирака, а против диктаторского режима С.Хусейна.

Авторы текстов листовок, обращаясь к иракцам, использовали как методы элементарного запугивания неотвратимостью воздействия американского оружия, так и игру на чувствах, выражая заботу о семьях военнослужащих, которые могут остаться без кормильцев. Особо интенсивно эксплуатировался тезис о том, что Саддам Хусейн и его ближайшее окружение в надежде избежать возмездия за совершенные ими преступления используют армию в качестве личной охраны, а гражданское население – в качестве живого щита.

Многие листовки были подготовлены заранее и доставлялись из США (Форт-Брэгг, штат Северная Каролина). Часть листовок печаталась на месте. Помимо типографий подразделений ПсО (батальона подготовки и распространения материалов со штатными техническими средствами) активно использовались полиграфические мощности американских авианосцев типа «Честер У.Нимиц».

Распространение листовок осуществлялось преимущественно с помощью агитационных бомб M129A1, сбрасываемых с истребителей-бомбардировщиков F-16, F-18, A-10, транспортных самолетов EC-130E и бомбардировщиков B-52. Использовались также авиационные контейнеры. В ходе наземных боевых действий для распространения листовок применялись 155-мм агитационные артиллерийские снаряды.

Основная масса листовок была иллюстрирована. Их тексты были набраны крупным шрифтом, что позволяло читать листовку, не поднимая ее с земли.

Полиграфический уровень исполнения большинства листовок был высок, чего нельзя в полной мере сказать об их содержании. Листовки в основном носили общий характер и, как уже говорилось, были подготовлены заблаговременно. Сведений о распространении информационно-пропагандистских материалов, содержащих «свежие» факты, отражающие изменения в обстановке и т.д., не имеется. Цели и содержание некоторых листовок носили очень неопределенный характер, что затрудняло понимание их пропагандистского посыла, особенно учитывая не очень высокий уровень образования основной массы населения Ирака. Тексты листовок зачастую были написаны на классическом арабском языке, который с трудом воспринимается в современном арабском обществе, при этом не учитывались распространенные в Ираке диалекты.

Американо-британские силы ПсО широко применяли информационно-психологическое воздействие с использованием каналов телекоммуникационной связи.

Интернет в Ираке находится под тотальным контролем государства, и доступ к этому каналу информации и связи имеет весьма ограниченный круг лиц. Однако именно эти люди обладают высоким общественным статусом и способностью влиять на принятие ключевых решений. Это обстоятельство активно использовалось командованием американских специальных операций для осуществления так называемых «e-mail-атак» (распространения пропагандистских сообщений по электронной почте).

С января 2003 г. высшие офицеры иракской армии, правительственные чиновники, ученые и специалисты ВПК регулярно получали по электронной почте, факсу либо просто по телефону сообщения, которые по замыслу организаторов психологических операций должны были оказать заметное влияние на настроения в высшем военном и политическом руководстве Ирака. Послания направлялись как на домашние компьютеры и телефоны, так и на компьютеры, установленные на рабочих местах. Сообщения начинались, как правило, словами: «Мы знаем кто ты. Сложи оружие и откажись от сопротивления...». В сообщениях, адресованных военнослужащим, содержались призывы в случае начала военной операции не оказывать сопротивления, а также гарантии безопасности всем выполнившим эти требования и членам их семей. Ведущие ученые и специалисты ВПК получали послания с требованиями сообщать инспекторам ООН любую информацию, касающуюся иракского ОМП, по возможности препятствовать его разработкам, производству, а в случае начала военных действий – и применению. Тем, кто согласится на такое сотрудничество, равно как и членам их семей давались гарантии безопасности. Вот пример одного из наиболее типичных сообщений:

«Если Вы обладаете информацией об оружии массового поражения или предпримете меры, которые воспрепятствуют его применению, мы сделаем все необходимое, чтоб защитить Вас и членов

Вашей семьи. Если Вы не последуете этой рекомендации, всех вас ждут тяжелые последствия...».

Сравнительно новым методом в проведении ПсО США стала широкомасштабная адресная психологическая операция против командования и военнослужащих ВС Ирака с целью убедить их отказаться от участия в боевых действиях против войск коалиции и не подчиняться приказам на применение оружия массового уничтожения. Так, в одном из подобных сообщений говорилось: «Если Вы будете участвовать в боевом применении оружия массового поражения, то Ваши действия будут рассматриваться как военное преступление. Если Вы можете воспрепятствовать использованию ОМП, сделайте это. Если Вы имеете возможность сообщить о дислокации химического, бактериологического или ядерного оружия, сделайте это. Если это невозможно, Вам следует как минимум отказываться выполнять приказы о применении такого оружия...». Прямое психологическое давление на военнослужащих иракской армии осуществлялось по средствам телефонной и факсимильной связи при тесном взаимодействии с силами иракской оппозиции, которые предоставили адреса, номера домашних телефонов и факсов. Информационно-психологическое воздействие посредством телефонных звонков представителям иракской администрации и офицерам иракской армии велось вплоть до окончания активной фазы боевых действий, что во многом способствовало деморализации иракских военнослужащих. Между тем слабое знание национально-психологических особенностей и языка во многом оборачивалось для подразделений ПсО ВС США прямо противоположным эффектом воздействия. По оценке профессора Худы Аммах, члена правящего крыла партии БААС, часто такие сообщения были предварительно записаны на пленку, их диктовал с сильным американским акцентом, вероятно, один из иракских диссидентов в изгнании.

В целях обеспечения непрерывности информационно-психологического воздействия на военнослужащих и гражданское население Ирака командование американо-британской коалиции организовало пропагандистское теле- и радиовещание.

Вследствие низкого уровня жизни в стране у населения имеется мало телевизоров, спутниковых антенн и компьютеров, подключенных к Интернету, поэтому радиопередачи являлись для значительной части иракцев основным источником информации. Радиопередачи транслировались с борта самолетов психологической борьбы ЕС-130Е «Commando Solo» авиакрыла специальных операций. Установленный на этих самолетах комплекс технических средств психологической борьбы позволяет вести радиовещание в диапазоне средних и коротких волн, УКВ-диапазоне, на телевизионных частотах, а также на радиочастотах, используемых иракской армией.

Самолеты ЕС-130Е «Коммандо Соло» вылетали с авиабазы Эль-Джабер (Кувейт). Трансляция велась в полете вдоль границы с Сау-

довской Аравией с высоты 6–10 тыс. метров, что позволяло осуществлять радиотрансляцию на глубину до 600 км, а телетрансляцию – до 300 км. При этом телепрограммы передавались в эфир на частотах государственного телевидения Ирака, что создавало помехи для последнего и одновременно позволяло американцам избежать глушения своих передач.

Так, силы ПсО США 21 января 2003 г. провели одну из крупнейших информационно-пропагандистских акций, когда через самолеты «Коммандо Соло» на Багдад в прямом эфире транслировалось выступление главы МО США Д.Рамсфелда. С началом боевых действий рано утром 20 марта информационно-пропагандистское воздействие США на противоборствующую сторону еще более возросло. На частоте иракского государственного радио на арабском языке было передано обращение к жителям Ирака командования ВС США, в его обращении, в частности, говорилось о том, что «наступил день, которого мы все ждали». Кроме того, военнослужащих Ирака призывали не оказывать сопротивления и сдаваться в плен. В этот же день с телеобращением выступил президент США, который объявил о начале военной кампании по свержению С.Хусейна.

Группа специалистов ПсО с борта самолета ЕС-130Е осуществляла трансляцию до девяти сеансов радиопередач на арабском, курдском и английском языках в ходе каждого полета. Основными темами радиопередач т.н. «Информационного радио» были:

- использование С.Хусейном денежных средств, предназначенных для закупки продовольствия, на производство оружия;
- невыполнение Ираком резолюций ООН;
- разбазаривание С.Хусейном национальных денежных средств на строительство своих личных дворцов;
- проведение испытаний химического оружия на своем народе.

В перерывах между информационными сообщениями и агитационными призывами передавалась традиционная для мусульман музыка и песни на арабском языке. За период боевых действий самолеты ЕС-130Е осуществили около 60 вылетов, а время общего телевидения на Ирак с их бортов составило свыше 300 часов, радиовещания – более 310 часов.

Кроме авиационных теле- и радиосредств для осуществления непрерывного радиовещания на территорию Ирака в северо-восточной части страны была развернута армейская широкоэвещательная радиостанция. Мощность передатчика составляла 50 кВт, а дальность вещания – 160–200 км. Аналогичная радиостанция ПсО действовала с территории Кувейта.

Одновременно для трансляции пропагандистских радиопрограмм использовались технические средства 27 гражданских радиостанций, расположенных на территории Кувейта и других государств региона, программы которых уверенно принимались практически на всей тер-

ритории Ирака. Это прежде всего английская радиостанция Би-Би-Си и американская «Radio Sawa». Сетка вещания «Radio Sawa» совмещает короткие информационные выпуски, западную и арабскую поп-музыку и ориентирована прежде всего на арабскую молодежь. Информационные программы «Radio Sawa» на арабском языке освещали ситуацию вокруг Ирака исключительно с американской точки зрения, что с учетом широты круга радиослушателей должно было, по мнению американцев, оказать определенное воздействие на общественное мнение в стране.

Говоря о роли радиовещания в психологической войне против Ирака, следует также упомянуть о радиостанциях иракской оппозиции, вещавших с территории Ирана, Кувейта и Саудовской Аравии, а также о курдских радиостанциях, работающих на неподконтрольных иракским властям северных территориях страны.

В феврале 2003 г. с территории Кувейта на южные районы Ирака была начата трансляция передач новой радиостанции «Радио Тикрит» (Radio TIKRIT). Вещание ведется ежедневно с 22.00 до 24.00. Руководство радиостанцией осуществляется непосредственно ЦРУ. Кроме того, под эгидой ЦРУ помимо «Радио Тикрит» действовали «Радио две реки» (Two rivers radio) и «Радио Эль-Мустакбаль» (Radio Al-Mustaqbal).

Особое место в психологической борьбе занимала видеопропаганда, которая в силу своих специфических особенностей способна оказывать большое информационно-психологическое воздействие. Подразделения ПсО США оснащены современной видеоаппаратурой, позволяющей готовить видеопродукцию на высоком профессиональном уровне.

Видеопропаганда осуществлялась путем широкого распространения в Иордании и других сопредельных с Ираком странах видеокассет пропагандистского содержания для последующей переправки их в Ирак.

Кроме того, в ходе подготовки и с началом операции против Ирака подразделение ПсО Объединенного центрального командования ВС США на территории Кувейта произвело съемку нескольких сюжетов для последующего их распространения через информационные агентства.

Так, опубликованные в первый день вторжения кадры о продвижении бронетанковой техники к Багдаду были сняты в западных районах Кувейта (80 км западнее от г. Эль-Кувейт). Сюжет о массовой сдаче в плен иракских военнослужащих снимался на северном побережье Кувейта с привлечением подсобных рабочих. Для демонстрации уничтоженного иракского вооружения сняли военную технику, которая была захвачена Кувейтом еще в 1991 г.

Даже такой солидный американский спутниковый канал, как Си-Эн-Эн, неоднократно использовал изделия своих армейских специа-

листов. Например, 25 марта 2003 г. по этому телеканалу неоднократно демонстрировался репортаж о переправе подразделений 3 пд ВС США на левый берег Евфрата по захваченному у иракцев мосту. На распространенных по всему миру видеоматериалах хорошо видно, что американские танки преодолевают небольшую водную преграду в яркий солнечный день. В действительности, ширина Евфрата в районе Эн-Насирии не менее 200 метров. Кроме того, в этот день над Ираком бушевала песчаная буря, закрывшая небо песком и пылью. Этот видеоролик военной хроники, как и остальные ему подобные, снимался заблаговременно на одном из полигонов в Кувейте.

Традиционно важное место в психологической борьбе на тактическом уровне занимало информационно-психологическое воздействие с помощью звуковещательных средств.

В целях оказания тактической поддержки и склонения иракских солдат к сдаче в плен командирам частей и подразделений коалиционных войск было придано до 60 групп специалистов со звуковещательными средствами, которые действовали в интересах объединений и соединений (до дивизии включительно).

Прямое вещание осуществлялось с подвижных звуковещательных станций (ЗС), устанавливаемых на автомобилях М1025 «Хаммер» или на вертолетах, и с портативных звуковещательных станций (ПЗС). Дальность вещания ЗС в зависимости от погодных условий, рельефа местности и времени суток составляет 3–5 км, ПЗС – 300–700 м.

Таким образом, части и подразделения ПсО из состава сил специальных операций ВС США в ходе подготовки к военной операции провели массированные психологические акции, направленные на обеспечение благоприятных условий для действий американских войск в Ираке.

В целом основные задачи, намеченные американским руководством командования в Ираке, были выполнены. Особое внимание при этом уделялось дезинформации руководства Ирака.

Анализ опыта психологической борьбы в Ираке позволяет сделать вывод, что военно-политическое руководство Соединенных Штатов рассматривает ПсО в качестве одного из важнейших факторов, способствующих достижению победы.

Так, в американском журнале «Ньюсуик» от 21 апреля 2003 г. в статье, посвященной итогам операции США и Великобритании против Ирака, подчеркивается, что в этой войне ключевыми факторами, обеспечившими победу американско-британской коалиции, явились: использование сил специальных операций, проведение психологических акций и применение авиации. В частности, слабое сопротивление мирного населения Ирака продвижению оккупационных войск, отмечает журнал, было достигнуто за счет организации силами ПсО массированного информационно-психологического воздействия на местное население.

В ходе выступления США и Великобритании против Ирака информационно-психологическому воздействию на войска и население противника уделялось существенное внимание на всех этапах операции. При этом следует подчеркнуть то, что массовые мероприятия психологической борьбы были развернуты задолго до начала войны, а с началом активной фазы боевых действий еще больше интенсифицированы. Особенно широко при этом использовалась печатная и радиопропаганда.

Сильной стороной американо-британской коалиции является наличие богатого практического опыта реального применения сил и средств ПсО в предыдущих операциях, а также хорошая техническая оснащенность подразделений ПсО и нестесненность в финансовых средствах.

Структурам ПсО США и Великобритании удалось достичь определенных успехов в информационно-психологическом воздействии на военнослужащих и население Ирака, о чем свидетельствует скоротечность военной кампании, отсутствие организованного массового сопротивления оккупационным войскам среди основной части военнослужащих и гражданского населения, а также отдельные факты сдачи в плен не только солдат и офицеров иракской армии, но и целых подразделений, особенно на заключительном этапе войны. Проведенные ПсО операции в немалой степени способствовали формированию в целом нейтрально-лояльного отношения иракцев к оккупационным войскам.

В то же время психологические операции антииракской коалиции не достигли ожидаемого эффекта за счет того, что большинство материалов информационно-психологического воздействия был подготовлен задолго до начала боевых действий и не учитывал национально-психологических, религиозных и языковых особенностей населения Ирака. В самом планировании психологической борьбы отмечался традиционный для американцев формальный подход, использование шаблонов, недостаток творческой и разумной инициативы, а также переоценка своих сил и недооценка возможностей противника.

Литература

1. Soldier, 2003, May.
2. Проблемы глобальной безопасности. 2003, январь-февраль.
3. Der Spiegel. 2003, № 23, с. 130–134.
4. Die Welt. 2003, 24 Mai.
5. Janes Defense Weekly. 2003, 19 March.
6. The New York Times. 2003, 20 March.
7. Независимое военное обозрение. 2003, № 7.
8. www.Back-To-Iraq.com
9. CNN. 2003, 25 March.
10. Newsweek. 2003, 21 April.

**ВЛИЯНИЕ ДРУЗСКОГО РОДА ДЖУМБЛАТОВ
НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЛИВАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Исторически сложилось так, что на политические и социальные процессы, происходящие в Ливане, неизменно влияло противоборство нескольких друзских родов, принадлежащих к изначально враждующим арабским племенам иемениев и кейсиев¹. Будучи в оппозиции друг к другу, они неоднократно вступали в открытое противоборство, вследствие чего возникали восстания и бунты, подрывающие стабильность государства. Религиозная идентичность, как правило, отодвигалась на второй план, уступая место политическим интересам конкурирующих сторон. Постепенно степень влияния межродового противоборства на внутриванскую политику снизилась, приобрела более цивилизованную окраску и в настоящее время выглядит как соперничество за доминирование в общине. Ныне деятельность отдельных представителей друзских родов в политических кругах страны остается весьма значимой. Среди современных политиков Ливана особое место занимает лидер Прогрессивной социалистической партии Валид Джумблат, выходец из древнего рода Джумблатов, своей историей неразрывно связанного со всеми событиями становления ливанского общества.

Имение Джумблатов – Мухтара расположено в районе Шуф – основном месте сосредоточения ливанских друзов. Прародителем рода принято считать курдского феодала Мунташа, правившего Килисом в конце XIII века². Его потомок Джанбулад б. Касым аль-Курди б. Араби за доблесть, проявленную в османском походе на Кипр, получил от султана Селима II в наследственное владение санджаки Килис и Ма'арра. Он прославился своей ролью в освобождении близлежащих районов Халеба от разбойников, борьба с которыми до него велась безуспешно. Джанбулад б. Касым умер в 1572 г., передав правление Хусейну, сумевшему в дальнейшем сконцентрировать власть над Халелем в своих руках и стать правителем северной части Сирии. В 1605 г. он был казнен «за бунтарство» по приказу Синака-паши и управление Халелем перешло к Али Джанбуладу [4]. Али Джанбулад объединился с эмиром Фахр ад-дином II Ма'аном и с его помощью значительно расширил границы своих владений. Объявив себя единовластным правителем подвластных ему земель, он по примеру Фахр

ад-дина заключал договоры с европейскими дворами, чеканил собственные монеты и проводил независимую от османов политику управления, что не осталось безнаказанным со стороны последних. В 1607 г. между войсками великого визиря Мурада-паши и Али Джанбулада произошло сражение, в результате которого Джанбулад бежал в Малую Азию. Посылая оттуда прошения, адресованные султану Ахмеду I, он добился не только помилования, но и назначения на высокий пост в румынской крепости Тимишоаре. Однако Мурад-паша не пожелал примирения и в 1610 г. приказал казнить Али Джанбулада [5]. Его род, управление которым перешло к Джанбуладу б. Сайду, по приглашению Фахр ад-дина расселился в горном Ливане в районе Шуф, где в скором времени его приняли в общину друзов³ [6].

Постепенно род Джумблатов⁴ начал набирать силу. В 1697 г. Ма'аны прекратили свое существование, и власть в стране перешла к суннитскому роду Шихабов (верховным правителям Вади-т-Тейма). При Хайдаре Шихабе Джумблаты находились в составе группы друзских великих шейхов. Правящий эмир за заслуги в борьбе с имениями передал часть их земель в полноправное владение Али Джумблату, чем не только расширил границы владений Джумблатов, но и вызвал недовольство представителей рода Имадов (Язбеков). Впоследствии межродовое противоборство Джумблатов и Имадов переросло в открытую конфронтацию, которая привела к значительному ослаблению как Джумблатов и Имадов, так и остальных друзских родов, подключившихся к конфликту. Дальнейшая история рода Джумблатов неразрывно связана с борьбой Шихабов за власть в Ливане. Руководствуясь личными интересами, они попеременно выступали то в союзе, то в оппозиции Шихабам, что негативно отразилось в первую очередь на самом роде.

В начале XIX в. Джумблатам принадлежали пять муката, расположенных на юге Ливана (Шуф, Иклим Джиззин, Иклим ат-Туфах, Иклим аль-Харуб и Джебель ар-Рихан), в которые входило около 200 поселений с населением более 30 тыс. человек [8]. С введением в 1861 г. османскими властями режима мутасаррифии Джумблаты потеряли феодальные привилегии, что заметно ослабило их влияние на политической арене Ливана. Лишь после назначения Насиба Джумблата в 1884 г. каймакамом Шуфа род вновь начал набирать силу. Проанглийская ориентация Насиба Джумблата привела к тому, что накануне первой мировой войны власти обвинили его в политической неблагонадежности и отстранили от занимаемой должности. После образования в 1920 г. под временным протекторатом Франции государства «Великий Ливан» каймакамом Шуфа был назначен племянник Насиба Джумблата – Фуад Джумблат, отличавшийся от своего дяди лояльностью к французскому правительству. Позиция каймакама и его действия, направленные на подавление антифранцузских выступлений, вызывали недовольство со стороны оппозиции. В 1921 г.

Фуад Джумблат был убит, и власть номинально перешла к его брату – Али Джумблату. Однако фактически управление родом взяла в свои руки жена покойного Фуада Джумблата – Назира Джумблат. Возглавляя род в течение 20 последующих лет, она не только удержала главенствующие позиции, но и превратила Мухтару в один из основных политических центров Ливана.

Сын Назиры Джумблат – Камаль Джумблат достаточно продолжительный период времени оставался безразличным к политической деятельности. Получив образование во Франции, он после возвращения в Мухтару, занялся социальными проблемами ливанцев, которые к данному периоду времени обострились с новой силой. Его политическая карьера началась после смерти в 1943 г. Хикмета Джумблата – экс-министра сельского хозяйства Ливана, приходящегося двоюродным братом Камалю. В этом же году Камалю Джумблату избрали в парламент, где он проявил себя как компетентный специалист в вопросах экономики. Его «пятилетний план развития экономической политики», основанный на принципах приоритета экономики над другими сферами деятельности, на государственном регулировании экономического сектора и распределении денежных средств государством, а не отдельными лицами, нашел немало сторонников. В сформированном в 1946 г. правительстве Рияда Сольха Камаль Джумблат получил назначение на должность министра национальной экономики с совмещением должностей министра сельского хозяйства и социального обеспечения.

Несмотря на преодоление политической зависимости от Запада, основная доля капиталовложений в экономику Ливана продолжала принадлежать иностранным монополиям, что привело к усилению отдельной прослойки общества и ухудшению социального положения большинства ливанцев. Выступая в оппозиции правящему режиму, Камаль Джумблат в 1947 г. выходит из «правительства гигантов» и со своими единомышленниками приступает к разработке Устава партии, первые шаги по созданию которой наметились еще в 1945 г. 1 мая 1949 г. он официально провозгласил создание Прогрессивно-социалистической партии (ПСП), основной задачей которой стало построение «демократического общества». Партия выступала за суверенитет и независимость страны, ее реформаторский путь развития, а также за нейтралитет Ливана на международной арене. Подчеркивая равенство и объединение всех слоев населения, на своем партийном флаге ПСП разместила кирку (символ рабочих), серп (символ крестьян) и перо (символ интеллигенции). Помимо отсутствия социальной градации, в партии также отсутствовало деление по конфессиональному признаку. То, что руководящие должности распределялись с учетом деловых качеств членов партии, а не исходя из принадлежности к той или иной конфессии, привлекло в ПСП значительное число ливанцев.

Выведенная членами ПСП программа реформ в ливанском обществе нашла немало сторонников. В 1952 г. в стране прошли забастовки, поддержанные армией. Президент Башир Хури был вынужден подать в отставку. Пост главы государства занял Камиль Шамун, безусловной заслугой которого стало внесение изменений в избирательную систему посредством введения прямого голосования и предоставления избирательного права женщинам, имеющим начальное образование. В марте 1957 г. Камиль Шамун принял решение о присоединении Ливана к «доктрине Эйзенхауэра», по которой США предполагали оказывать экономическую и военную помощь странам Ближнего и Среднего Востока с целью «сохранения их независимости и свободы» от Советского Союза. Такой шаг вызвал в стране недовольство, результатом чего стало создание оппозиционного блока, получившего название «Объединенного Национального Фронта». Наряду с другом Камалем Джумблатом в него вошли шиит 'Али Базри, христиане Генри Фараон, Шарль Хелу, Хамид Франжье и др. Основные требования оппозиционеров сводились к отставке президента и смене внешнеполитического вектора, так как ориентация президента на США и Великобританию обостряла отношения Ливана с Египтом и Сирией. Недовольство курсом главы государства усилила масштабная фальсификация Итогов парламентских выборов 1957 г. Постепенно Шуф становится одним из очагов восстания, которое в мае 1958 г. переросло в гражданскую войну. Несмотря на интервенцию американских войск в Ливан, Камилу Шамуну не удалось удержать президентское кресло. 31 июля главой государства был избран Фуад Шихаб, отличавшийся от своего предшественника, в аппарате которого преобладали марониты, независимым курсом.

В 1960 г. в Ливане проходят парламентские выборы, по результатам которых ПСП стала партией, располагающей самой крупной фракцией из 8 депутатов [9]. В первом кабинете Камаль Джумблат получил назначение на пост министра национального образования. Свою основную деятельность новый министр направил на увеличение количества государственных школ и на пересмотр качества общеобразовательных программ в учебных заведениях. Во втором кабинете, сформированном 20 мая 1961 г., он занял пост министра планирования и общественных работ. Джумблату принадлежит заслуга разработки пятилетнего плана развития экономики Ливана, предусматривающего капиталовложения в 450 миллионов лир для осуществления программ развития мелиорации, электрификации, прокладки дорог и т.д. [10]. После отставки кабинета Саиба Саляма Камаль Джумблат в сформированном кабинете Рашида Карама получает место министра внутренних дел. Развернув активную деятельность по борьбе с наркобизнесом и проституцией, он вводит жесткую цензуру на иностранные кинофильмы и литературу сомнительного содержания. Министерская должность была сохранена за Джумблатом и после избрания в 1964 г.

президентом Шарля Хелу – сторонника Фауда Шихаба. Одним из важных политических шагов, предпринятых Джумблатом на министерском посту, стала легализация Ливанской коммунистической партии (ЛКП), находящейся до этого в подполье. В дальнейшем ЛКП принимала активное участие во всех направлениях деятельности ПСП.

С началом проведения в 1968 г. широкомасштабных военных операций Израиля против соседних арабских государств внутриливанские противоречия усилились с новой силой. Число палестинских беженцев в страну стало исчисляться десятками тысяч. Преследование израильской армией палестинцев на территории Ливана стало катализатором обострения разногласий в высших эшелонах власти, что выразилось в расколе ливанских политиков на два лагеря. В поддержку Палестинского движения сопротивления (ПДС) выступили ПСП, ЛКП и Движение арабских националистов (ДАН). Оппозицией мусульманам стал Тройственный блок «Хельф», состоящий из правых христианских партий. Президенту Сулейману Франжье, избранному в августе 1970 г. при поддержке как «Хельфа», так и ряда мусульманских депутатов, не удалось преодолеть нарастающий кризис. 2 мая 1973 г. отряды правохристианских формирований окружили лагерь палестинцев в Бейруте и открыли по ним огонь, в связи с чем правительство объявило о введении чрезвычайного положения в стране. В 1975 г. вооруженные столкновения между сочувствующими палестинцам мусульманами и выступающими за укрепление отношений с западными странами христианами переросли в гражданскую войну. Угроза окончательного раскола Ливана по конфессиональному признаку обострилась с новой силой.

Еще в апреле 1966 г. Камаль Джумблат со своими сторонниками создал Фронт патриотических и прогрессивных партий, организаций и деятелей (НПС). На начальном этапе гражданской войны Камаль Джумблат во главе делегации НПС направился в Дамаск, где обратился к президенту Хафезу Асаду с просьбой об оказании помощи в прекращении вооруженного конфликта [11]. Но несколько позже разногласия в вопросе о «военном решении» внутривнутриполитического кризиса в Ливане привели к обострению отношений Джумблата с сирийским руководством. 1 июня 1976 г. сирийские войска вступили на территорию Ливана. Сын Камала Джумблата – Валид, к тому времени уже прочно занимавший определенные позиции в ливанских политических кругах, возглавил друзскую вооруженную милицию. Несмотря на разногласия с Дамаском, Камаль Джумблат надеялся на перспективу улучшения отношений с Хафезом Асадом и урегулирование конфликта посредством политического диалога. Не придя к компромиссному решению, он развернул широкую кампанию за вывод сирийских войск. Однако добиться положительного результата Камалю Джумблату не удалось. 16 марта 1977 г. недалеко от Дейр Дуреята его машину расстреляли неизвестные.

Главой рода, лидером ПСП и президентом НПС единогласно избрали Валида Джумבלата. Он не стал вносить кардинальных изменений в заданный его отцом внутренний и внешнеполитический курс, за что заслужил непререкаемый авторитет у «старой гвардии» Камала Джумבלата. Взяв за основу разработанные отцом программные положения политического и социального развития Ливана, Валид Джумблат продолжил борьбу в оппозиции.

Несмотря на частичный вывод израильской армии с территории Ливана в 1978 г., обстановка в стране не стабилизировалась. Столкновения между отрядами правохристианских партий в союзе с израильтянами – и отрядами ПДС, поддержанными НПС, продолжались. 6 июня 1982 г. израильские войска вошли в Западный Бейрут – одно из основных мест дислокации ПДС. Через два месяца в столицу вводят свои «многонациональные силы» Соединенные Штаты. Подчиняясь израильско-американскому требованию о выводе отрядов ПДС, палестинцы покидают пределы столицы. Дисбаланс государственной политической системы вновь усилился. 14 сентября был убит президент страны Башир Жмайель, выбранный на пост главы государства 23 августа. Его преемником стал Амин Жмайель – член политбюро правохристианской партии «Катаиб». С декабря 1982 г. Амин Жмайель начинает вести переговоры с Израилем о выводе войск. В мае следующего года он подписывает соглашение о создании в Южном Ливане «зоны безопасности», что было расценено Джумблатом и его сторонниками как капитуляция перед Израилем. Христианские подразделения пытались установить контроль над оставленной израильтянами территорией, но натолкнулись на решительное сопротивление со стороны мусульман. На освобожденных территориях разворачивают свою деятельность отряды сопротивления, лидирующую роль среди которых стал играть созданный 23 июля 1983 г. Фронт национального спасения (ФНС), возглавляемый Валидом Джумблатом. Основой ФНС стали разработанные еще в 60-х годах Камалем Джумблатом положения программного документа НПС «За демократическую реформу политического строя в Ливане» [12]. В ходе активных боевых действий, проводимых отрядами ФНС в союзе с палестинскими формированиями, районы Шуф и Алей покинуло свыше 300 тыс. христиан.

Противоборствующие стороны пришли к некому компромиссу лишь после вмешательства Сирии и Саудовской Аравии. 25 сентября противники подписали соглашение о прекращении огня и договорились о созыве конференции по национальному диалогу, которая прошла в два тура. Ее основными участниками стали президент Амин Жмайель, Валид Джумблат со своими сторонниками из ФНС Рашидом Карамом, Сулейманом Франжье, глава движения «Амаль» Набих Берри и лидеры правых христианских партий Пьер Жмайель, Камиль Шамун и др.

Первый тур конференции, проходивший в Женеве, не принес желаемых результатов. Оппозиция президенту продолжала настаивать

на расторжении ливано-израильского соглашения. Отряды Валида Джумבלата, объединившись с формированиями «Амаль», регулярно нападали на части ливанской армии и в конечном итоге завладели Западным Бейрутом. Под давлением Сирии Амин Жмайель объявил об отмене соглашения с Израилем, после чего в Лозанне состоялся второй тур конференции. Стороны признали за Ливаном статус арабского государства, утвердили меры по прекращению огня и одобрили принципы выработки новой конституции. Тем не менее, прийти к компромиссу по проведению политических реформ, учитывающих интересы всех конфессиональных групп, ливанским политикам не удалось. Поддерживаемые Сирией, мусульманские формирования продолжали вести бои с правохристианскими силами.

В вышеуказанный период Валид Джумблат активно сотрудничает с Дамаском, его формированиям регулярно оказывается помощь поставками оружия. В 1985 г. при посредничестве Сирии он подписывает с Набихом Берри и командующим «Ливанских сил» Эли Хобейком соглашение о размещении сирийских войск в мусульманских зонах влияния. Отказ президента ратифицировать данное соглашение стал новым камнем преткновения в мусульмано-христианских отношениях. Острый политический кризис привел к тому, что к окончанию президентского срока Амина Жмайеля (1988 г.) правительство не смогло прийти к компромиссу и избрать нового президента. Наряду с иными главами мусульманских партий Валид Джумблат отказывается признать в качестве исполняющего обязанности главы государства назначенного Жмайелем премьер-министра «переходного военного правительства» генерала Мишеля Ауна. Требование Ауна о выводе сирийского вооруженного контингента из Ливана «с целью достижения мира и национального согласия» побудило просирийски настроенные формирования к возобновлению военных действий. Отряды Джумבלата вновь начинают атаковать христианские подразделения.

Одним из импульсов к урегулированию внутриливанского кризиса стало подписанное в октябре 1989 г. в Эт-Таифе соглашение «о прекращении вооруженного конфликта», которое закрепило равенство ливанцев в правах вне зависимости от их конфессиональной принадлежности и внесло ряд корректив в политическое устройство Ливана. Документ предусматривал создание сирийско-ливанского военного комитета «как посредника между сирийским и ливанским правительствами по вопросам: численности сирийских войск на территории Ливана, сроков их пребывания в установленных районах и взаимоотношений этих войск с ливанскими органами власти» [13].

После окончания гражданской войны Валид Джумблат входил в состав правительства «национального единства», возглавляемого Омаром Караме. После отставки кабинета Караме в мае 1992 г. Джумблат вошел в правительство Рашида Сольха, а позже в кабинет Рафика Харири. Формирования ПСП были частично распущены, а их

компетенция номинально стала ограничиваться обеспечением внутреннего порядка в друзских районах. Однако фактически отряды ПСП остались боевыми формированиями, готовыми в случае необходимости к решительным действиям.

Длительное невыполнение Сирией Таифского соглашения внесло разногласия между Валидом Джумблатом и Дамаском. В принципе, во взаимоотношениях Джумблатов с сирийским руководством прослеживается некая закономерность, выражающаяся в последовательности обращения к Сирии за помощью в урегулировании внутриливанского кризиса, последующем отказе от нее, переходящем в открытое противостояние. Как и отец, Валид Джумблат объединяется с Дамаском в вопросах военного присутствия сирийского контингента и выступает посредником между оппозицией и правящим режимом (возглавляемым по установленной традиции христианами). В дальнейшем при усилении влияния Дамаска на политические процессы ливанского общества он резко критикует сирийское руководство. Так, лидер ПСП поддержал инициированную маронитским патриархом Насраллой Бутросом Сфейром кампанию протеста, направленную на прекращение вмешательства Сирии во внешнюю и внутреннюю политику Ливана. В своем приветствии патриарху он заявил: «Позвольте мне объявить, что эра братоубийственной вражды прошла навсегда» [14]. Сближение Джумблата с маронитами, достаточно резко выступающими против присутствия сирийских войск в Ливане, не осталось незамеченным Дамаском, что привело к объявлению Джумблата в Сирии персоной нон грата. Лишь после распоряжения Башира Асада о передислокации сирийских войск из Бейрута в западные и северные районы страны между ливанским политиком и новым главой Сирии наметились определенные шаги к компромиссу.

Непримиримость Джумблата к Израилю лишь отчасти можно назвать сближающим фактором в его взаимоотношениях с Дамаском. То, что он неоднократно обращался к друзьям, проживающим на Голанских высотах, с рекомендациями отказываться от службы в израильской армии, скорее говорит о попытках создать некое друзское объединение, рассчитанное на противостояние с Израилем, чем о посредничестве между Баширом Асадом и израильскими друзьями. Так, в 2003 г. на встрече с друзским экс-министром Израиля Салахом Тарифом Валид Джумблат призвал израильских друзей к «выработке общепарабского сознания», и к «помощи палестинским братьям» [15]. До настоящего времени СМИ четко разделяли в своих комментариях друзей, участвующих в террористических актах, проводимых «Хезболлах», и друзей, представляющих ПСП. Тем не менее активная поддержка Валидом Джумблатом палестинского сопротивления остается очевидной. Фактически консолидация с палестинцами и ориентир на арабские государства являются основным политическим вектором ПСП. Ее призыв к нейтралитету на внешнеполитической арене

на протяжении всего периода существования партии оставался лишь лозунгом, что неоднократно подтверждала практика.

1 октября 2004 г. в центре Бейрута, в районе Хамра была взорвана машина экс-министра экономики и торговли Ливана Марвана Хамаде. По заявлению Валида Джумבלата, покушение на жизнь второго человека в ПСП связано с резким осуждением членами партии изменения действующей конституции страны, в результате которого срок президентства Эмиля Лахуда, занимающего свой пост с 1998 г., продлен на 3 года. Члены ПСП расценили покушение на жизнь экс-министра как «четкое послание в адрес оппозиции», о чем заявил ответственный секретарь партии Шариф Фаяд [16]. После открытого требования Джумבלата в сентябре этого года отставки президента трое министров – друзей вышли из состава правительства. Подчеркивая свою непримиримость с президентом, Валид Джумблат распорядился о закрытии музея Камаля Джумבלата, расположенного во дворце Бейт эд-Дин и о перемещении экспонатов в Мухтару. Открытый после окончания гражданской войны музей с 1998 г. стал летней резиденцией Эмиля Лахуда. Лидер ПСП заявил, что его решение закрыть музей связано с тем, что «память о том, кто погиб ради свободы, не может соседствовать рядом с последователем военной диктатуры» [17].

В настоящий момент Джумблат продолжает занимать позицию открытого противоборства с Эмилем Лахудом как «ставленником Дамаска». Он активно участвует во всех акциях протеста, организованных профсоюзными и общественными деятелями. Отвечая на вопрос ливанских журналистов, не боится ли он повторить судьбу своего отца, Валид Джумблат заявил, что «допускает любое развитие событий, в том числе тюремное заключение или покушение на свою жизнь, тем более что с недавнего времени на офисы его партии начались нападения и в них регулярно стали проводиться обыски» [18]. Тем не менее позиции Валида Джумבלата в ливанских политических кругах, позволяющие ему занимать высокие посты в правительственных эшелонах независимо от смены правящего кабинета, остаются и в наши дни достаточно прочными.

¹ Принято считать, что эпонимом названия общины послужило имя *ад-да'и* Мухаммада б. Исма'ила ад-Дарази (ум. в 1020 г.), впервые (30 мая 1017 г.) публично заявившего о божественном воплощении в халифе ал-Хакиме [1]. Сами друзья предпочитают самоназвание *аль-мугеаххидун* – исповедующие *таухид*, т.е. веру в Единого Бога. Они считают ад-Дарази вероотступником, а слово «друз» интерпретируют как форму арабского *дурус* (урок).

² Семья б. Араби происходит из рода дяди Саллах ад-дина – Айюба (курда из племени хазбани), имя которого стало эпонимом династии Айюбидов [2]. С этимологической точки зрения фамилию Джумблат, как правило, рассматривают как производную от курдских слов «сап» и «rolat», что в переводе означает «стальное тело» [3].

³ Принимая во внимание мнение исследователей о том, что род Джумблатов изначально принадлежал к одной из курдских этноконфессиональных общностей – *ахл-и хакк* («люди истины») [7], вполне объяснима причина столь легкого принятия им вероисповедания друзов, так как по своим догматам религия *ахл-и хакк* практически идентична (за несколькими исключениями) друзской религии.

⁴ Однозначного мнения о времени трансформации произношения фамилии Джанбулад на Джумблат не существует. Скорее всего, это произошло после принятия родом друзской религии.

Литература

1. Дафтари Ф. Краткая история исма'илизма. – М., 2003, с. 111.
2. Ирмияева Т.Ю. История мусульманского мира. От Халифата до Блистательной Порты. – М., 2000, с. 315.
3. Izoli. Kurdi-Tirki ferheng. Istanbul, 1992, с. 46.
4. Öz M. Tüirkiye Diyanet vakfi Islam Ansiklopedesi. Istanbul, 1994, X, с. 46.
5. Öz M. Указ. соч., с. 46
6. Салиби С. Очерки по истории Ливана. / Пер. с англ. – М., 1969, с. 58.
7. Рашад Сабри Рашид. Этноконфессиональная ситуация в современном Курдистане. – СПб, 2003, с. 149.
8. Смилянская И.М. Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в. – М., 1965., с. 23.
9. Тимофеев И. Камаль Джумблат. – М., 2003, с. 254.
10. Тимофеев И. Указ. соч., с. 267.
11. Тимофеев И. Указ. соч., с. 365.
12. Щенников В. Кто вы, друзья? // Азия и Африка сегодня. 1995. № 8.
13. Джабер Хасан Али. Возрождение. // Азия и Африка сегодня. 1996. № 6.
14. www.mignews.com 05.08.2001.
15. www.russian-bazaar.com 04.08.2004.
16. РИА «Новости», 01.10.2004.
17. РИА «Новости», 20.09.2004.
18. www.isra.com 01.10.2004.

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ США В АФГАНИСТАНЕ

Афганистан в прошлом в течение многих десятилетий не привлекал особого внимания американских политико-дипломатических кругов и экспертно-академического сообщества. Такая ситуация сохранялась даже в послевоенный период, когда США открыто и наступательно диверсифицировали свою азиатскую стратегию. Афганские дела заняли в ней третьестепенное место, явно уступая по актуальности иранским, а также пакистанским – именно эти государства должны были стать наряду с Турцией основой американской блоковой политики на Среднем Востоке и в Южной Азии. Соответственно, скромным был интерес к Афганистану и со стороны американского научного сообщества. Институционально американская афганистика зародилась как экспертно-аналитическое направление в годы второй мировой войны: в декабре 1941 г., через несколько дней после нападения Японии на США, в Вашингтоне в структуре научно-аналитического отдела управления стратегического планирования американской армии был срочно создан афганский сектор («стол»). Его первым сотрудником стал Ричард Фрай, в последующем известный востоковед уникально широкого диапазона – в сферу его интересов входили проблемы средневековой Центральной Азии, международных отношений, современные цивилизационные процессы. Он был командирован в Афганистан, где с лета 1942 по 1944 гг. совмещал служебные дела с преподаванием в лицее «Хабибия», тогда главном учебном заведении афганской столицы. Сравнительно недолгое, но культурно и профессионально насыщенное пребывание в этой стране позволило Р.Фраю, востоковеду классического профиля, стать одним из первых и к тому моменту немногих американских экспертов по Афганистану – он побывал во многих уголках этой страны, хотя особый интерес проявлял к афганскому северу, где в Мазари-Шарифе и других местах афганского приграничья сохранились уникальные исторические памятники многоликой культуры Центральной Азии.

Но и Р.Фрай, и некоторые другие, молодые и уже сложившиеся востоковеды занимались тогда Афганистаном главным образом в силу служебных и других ситуационных причин, тогда как сама эта страна оставалась на периферии профессионального востоковедческого поиска. Как саркастически заметила Р.Класс, работавшая в

«Фридом Хаусе» и хорошо знавшая Восток по своей волонтерской деятельности: «Афганистан считался неким историческим, ничего не значащим придатком, подобным аппендиксу в человеческом организме – о нем вспоминали лишь тогда, когда он извергал ядовитую инфекцию»¹. Тем не менее уже в начале 50-х годов интерес к Афганистану в США приобретает определенные организационные формы: в 1950 г. туда направляется специальная этноархеологическая экспедиция Американского музея натуральной истории (руководитель – Уолтер Фэйрсервис). Географическая и предметная области ее программы были чрезвычайно широки: от Амударьи и до Персидского залива, от древней истории и антропологии до этнографии и лингвистики. Американские ученые, пользуясь всесторонней поддержкой афганских властей, сумели достичь значительных результатов – они обследовали многие исторические памятники Кандагарского региона, получили доступ в Афганский Туркестан, почти приблизившись при этом к афгано-советской границе. Зона действия экспедиции постоянно расширялась: часть ее персонала двигалась на запад, в Афганский Сеистан², тогда как отдельные исследователи выполняли свои собственные программы. Например, Ч.Макензи изучал языки и обычаи Хазараджата – высокогорного и изолированного региона, супруги Л. и Н.Дюпре проводили полевые исследования в Шамшергаре, Фарахе и Герате – часть экспонатов после обработки и каталогизации они передавали афганской стороне.

Работой экспедиции интересовались предпринимательские круги и компании (в частности, «Моррисон-Надсен») – палеогеологические и другие междисциплинарные исследования могли составить основу для их собственной деятельности в производственно-сырьевой сфере. Пожалуй, самой необычной была задача члена экспедиции – специалиста по физической антропологии Маранджияна – он должен был провести антропометрическое исследование в афганской армии. Подобный проект Маранджиян уже успешно осуществил к тому времени в Пакистане, где получив добро военных властей, собрал и исследовал образцы крови брагуев, пуштунов, хазарейцев и представителей других национальностей – военнослужащих частей, базировавшихся в Кветте³. Кое-что ему удалось сделать и в Афганистане: с разрешения военного министра он провел антропометрическое обследование и фотографирование королевских гвардейцев.

В середине 50-х годов лидирующие позиции в Афганистане в сфере внешнеэкономического сотрудничества занял СССР. Специальное изучение этого вопроса было поручено Л.Пулладе – тогда молодому сотруднику американского посольства в Кабуле, а впоследствии – автору ряда оригинальных научных работ (в том числе двух книг) по афганской тематике. Востоковедческая специализация и опыт работы в американском консульстве в Лахоре (Пакистан) позволили Л.Пулладе довольно быстро сориентироваться в афганских делах

и помимо тонких наблюдений по его основному служебному профилю (экономическая политика СССР в Афганистане) сделать еще одно немаловажное заключение: в США слишком мало внимания уделяется систематическому изучению Афганистана, а по его прогнозу, эта страна могла приобрести чрезвычайно важное значение. Но американский дипломат опасался, что когда это произойдет, окажется, что у его соотечественников недостаточно базового знания о людях и политических силах Афганистана⁴. Поразительная прозорливость, многократно подтвержденная событиями последующих десятилетий!

Пионерскими трудами в американской афганистике, обзорными по характеру и содержанию, стали книги Р.Фрэзер-Тайтлера и Д.Уилбера⁵. Но первые фундаментальные работы по проблемам Афганистана появились в американском востоковедении в конце 60-х годов – непревзойденной во всех отношениях до сих пор остается диссертация и изданная на ее основе книга В.Грегоряна «Возникновение современного Афганистана: политика реформ и модернизации, 1880–1946»⁶. В.Грегорян сделал блестящую карьеру – подготовив уникальное исследование в области афганистики, он затем практически отошел от активной научной работы, сосредоточившись на проблемах управления и менеджмента, главным образом в образовательно-академической сфере: был деканом-организатором факультета искусств и наук Пенсильванского университета (в 1974–1981 гг. – его ректор), в 1981–1989 гг. возглавлял Нью-Йоркскую публичную библиотеку. В 1989 г. В.Грегорян стал деканом одного из факультетов Брауновского университета, где и проработал девять лет. В настоящее время он – президент Корпорации Карнеги в Нью-Йорке. В.Грегорян – обладатель многих престижных научных грантов и стипендий, член советов Института продвинутых исследований Принстонского университета, Музея современного искусства и др. В 1998 г. он был удостоен высокой американской награды – специальной медали за выдающиеся достижения в области гуманитарных наук.

Свою научную карьеру в качестве афганиста начинал и видный американский востоковед Р.Макчесни – в 1967 г. в Принстонском университете он защитил диссертацию о реформах эмира Абдуррахманхана – основателя современного афганского централизованного государства (1880–1901)⁷. В дальнейшем Р.Макчесни переключился на сюжеты классического исторического профиля, хотя периодически, и весьма успешно, возвращался к афганской проблематике. Он, в частности, перевел с русского на английский и опубликовал в конце 90-х годов один из важнейших источников по новейшей истории Афганистана – «Книгу упоминаний о мятеже», дневник времен гражданской войны 1929 г., который вел Файз Мухаммад, первый афганский профессиональный историк и летописец⁸. И сегодня проф. Макчесни активно занимается афганской проблематикой: он не только выступает на международных форумах с интересными докладами по новой и новейшей

истории Афганистана, но и руководит специальным проектом «Электронная библиотека по Афганистану» Нью-Йоркского университета.

Целой главой в американской (как, впрочем, и в мировой) афганистике стали работы Л.Адамека: помимо фундаментальных трудов по дипломатической истории современного Афганистана в XX веке он подготовил к изданию уникальную шеститомную серию историко-политических газеттиров по регионам этой страны и несколько проблемных и биографических работ энциклопедического характера, включая исторический и биографический словари по Афганистану⁹. Среди многочисленных достоинств работ Л.Адамека – широчайшее использование дипломатических документов, в том числе материалов внешнеполитического ведомства Германии. Л.Адамек обозначил в американской афганистике высокие научные стандарты, его работы – это тематически многомерные и скрупулезные в фактологическом плане исследования, ставшие настольными книгами нескольких поколений востоковедов, специализирующихся по Афганистану.

Афганистика стала приобретать в США параметры внушительной национальной научной школы в начале 70-х годов, когда в эту отрасль пришли и подготовили свои главные квалификационные работы Л.Пуллада, Р.Кэнфилд, Р.Магнус и другие исследователи¹⁰. Некоторые из них, например Л.Пуллада и Р.Магнус, обладали и определенным практико-аналитическим опытом, приобретенным в ходе работы в дипломатическом и других ведомствах. Диссертационные исследования этой группы востоковедов нередко становились основой монографических публикаций, часть которых до сих пор сохранила свою научную ценность.

В середине 70-х годов в структуре Азиатского общества – организации, ориентированной на экспертное сопровождение американской политики на Востоке – был создан Совет по Афганистану. В 1975 г. усилиями группы энтузиастов во главе с А.Полом в университете г. Омаха (штат Небраска) специальный научный центр, целиком сфокусированный на Афганистане. Его основой стала коллекция редких материалов по этой стране, впоследствии названная именем Артура Пола, рано ушедшего из жизни.

Исследователем уникального диапазона и профиля, на многие годы определившим развитие американской афганистики во всех ее проявлениях, стал Л.Дюпре – его «историко-археологический» подход, а фактически – использование арсенала целого ряда научных дисциплин, от археологии и антропологии до политологии, позволили ему создать многомерную панораму развития афганского государства и общества¹¹. Л.Дюпре больше времени, чем кто-либо из его коллег по научному интересу, работал в «поле» – он и его супруга Н.Дюпре провели многие годы в изучаемой стране, ставшей для них вторым домом. В результате известных событий конца 1979 – начала 1980 г. Л.Дюпре по требованию новых властей покинул Афганистан, но не

оставил афганскую тему – он активно включился в политические и практические акции американской политики, поддерживавшей афганскую оппозицию, и продолжил экспертно-аналитическую работу на афганском направлении. После смерти Л.Дюпре (март 1989 г.) усилиями его вдовы и ряда коллег Советом по общественным наукам США в память о нем была учреждена специальная именная премия, которой удостоиваются исследователи, добившиеся значительных успехов в изучении Афганистана и Центральной Азии, но фактически – только те из них, которые уже получали грантовую поддержку указанного совета на выполнение диссертационных проектов.

СOLIDНУЮ лепту в развитие исследований по Афганистану в США внесли представители местной афганской диаспоры – так, Н.Шахрани стал не только первым афганцем – профессиональным антропологом мирового уровня, но и основал целое направление междисциплинарного изучения своей исторической родины. Он – автор целого ряда оригинальных разработок по проблемам государственности и самоуправления в Афганистане, опытный организатор учебно-научного процесса – декан факультета Ближнего и Среднего Востока Индианского университета в Блумингтоне. Не прекращает научную работу талантливый афганский историк, ныне почетный профессор университета Иллинойса Дж.Ханифи, он – скрупулезный историограф и авторитетный критик всей сколько-нибудь заметной продукции в сфере афганистики, а также автор ряда обзорных материалов энциклопедического характера¹². Но даже натурализовавшиеся в США исследователи афганского происхождения мало привлекаются к экспертной работе, хотя есть и исключения – так, З.Халильзад многие годы сотрудничал с ведущими аналитическими центрами (РЭНД и др.). Ныне он – посол США в Афганистане.

Афганский кризис в том виде, в каком он развивался в 80-е годы, – фактически самый масштабный из международно-политических конфликтов заключительного этапа «холодной войны», – привлек внимание многих аналитиков в США. Новой практикой научно-экспертной деятельности по афганской проблеме стало проведение специальных симпозиумов (в рамках традиционных форумов антропологов, представителей других социогуманитарных специальностей) либо международных конференций (в ряде случаев их итогом становилось издание основных материалов – докладов, дискуссий). Одним из первых таких «мозговых штурмов» стал симпозиум «Революции и восстания в Афганистане: антропологический подход», состоявшийся в рамках ежегодной конференции Американской антропологической ассоциации в 1980 г. Участники заседания (а затем и соавторы одноименной книги, подготовленной под редакцией лучших американских антропологов-афганистов – Р.Кэнфилда и Н.Шахрани – и вышедшей из печати спустя несколько лет) представили в рамках своей специализации и регионального профиля взгляд на фундаментальные проблемы аф-

ганского общества и государства, концентрируясь при этом на событиях новейшей истории, главным образом конфликте конца 70-х годов XX столетия¹³.

Анализ альтернатив социально-политического развития Афганистана составил проблемное поле международной конференции, проведенной в ноябре 1983 г. под эгидой Информационного агентства США (ЮСИА) Монтерейским институтом международных исследований¹⁴.

События конца 70-х – начала 80-х годов в Афганистане чрезвычайно политизировали ту часть академического сообщества, которая профессионально занималась этой страной и сопредельными государствами, причем такая метаморфоза произошла даже с исследователями классического профиля, до этого занимавшимися отдаленным прошлым Азии. Яркий тому пример – профессор Гарвардского университета Р.Фрай, ведущий специалист по исторической Центральной Азии: уже буквально через несколько дней после вторжения советских войск в Афганистан в конце 1979 г. он оказался на афгано-пакистанской границе (Пешавар), где внимательно изучал ситуацию на месте, прислушиваясь к мнению простых людей и, напротив, – осторожно относясь к заявлениям дипломатов и политиков, которые, по его мнению, часто действуют как «хладнокровные участники политических игр»¹⁵. Безусловно осуждая советскую военную акцию в Афганистане, Р.Фрай рассматривал афганскую проблему гораздо более масштабно, чем это делали многие, даже искренне озабоченные положением дел в Афганистане: он видел в ее хитросплетениях новый всплеск панисламистского движения, спровоцированного как новыми прокоммунистическими экспериментами на Востоке, так и давними нерешенными проблемами мусульманского мира, прежде всего палестинской. Афганские события, полагал Р.Фрай, просто подталкивают ответственные политические круги к быстрому решению палестинской проблемы, – это и насущная задача международного сообщества, и удержание (перехват ?) Западом стратегической инициативы на Востоке.

Зимой 1980 г. профессор Фрай предпринял настойчивые, но малоуспешные посреднические усилия по налаживанию диалога внутриафганских сил под эгидой региональных держав – Индии, Пакистана, Ирана. Натолкнувшись на равнодушие, он апеллировал к общественности: по его инициативе на Си-Би-Эс был снят и в апреле 1980 г. показан по телевидению фильм о ситуации в Афганистане. Одновременно он обратился к своим друзьям и коллегам в СССР с предложением провести международную конференцию по афганскому кризису – инициатива, не имевшая шансов на поддержку при советском политическом режиме того времени.

Симпатии Р.Фрая-миротворца неизменно оставались на стороне тогдашней афганской оппозиции, он был среди тех, кто призывал администрацию оказать моджахедам всяческую, в том числе и военную, помощь, но – предназначенную для обороны (сред-

ства противовоздушной и противотанковой защиты, переносные ракеты, миноискатели и т.д.). Вашингтонские же политики стремились извлечь дополнительные дивиденды из афганского конфликта: в своем запоздалом ответе Фрау в июне 1980 г. конгрессмен С.Стрэттон подчеркивал: «... [Надо] сделать все, чтобы осложнить положение Советов в Афганистане: чем дольше мы сможем удерживать здесь увязнувших русских, тем больше времени будем иметь для создания оборонительной системы в Персидском заливе и зоне Индийского океана»¹⁶.

Летом 1980 г. появился американо-британский проект создания афганского правительства в изгнании на территории Египта, – египетский президент А.Садат, попавший в международную изоляцию после подписания с Израилем Кэмп-Дэвидских соглашений, был готов предоставить такую услугу в обмен на западную военную помощь. Но афганцы даже при своей многолетней отстраненности от арабо-израильского конфликта подвергали себя риску лишиться поддержки других государств арабского мира, и это при том, что один из первых лидеров альянса афганской оппозиции А.Р.Саяф был креатурой вахабитского режима Саудовской Аравии.

Р.Фрай был, вероятно, одним из авторов и исполнителей «египетского» плана, который, судя по имевшемуся в его личном архиве проекту заявления о создании афганского правительства в изгнании, выглядел политически обещающим, хотя и не был претворен в жизнь: предполагался созыв всеафганской Лоя Джирги на основе конституции 1964 г., предоставления гарантии против произвола центральной власти, создание двухпартийной политической системы и проведение свободных выборов, предоставление автономии племенам и деление страны на естественные штаты. Он предложил также целую политико-пропагандистскую программу действий на афганском направлении: постоянный прессинг в отношении кабульских властей и их советских покровителей, советского военного контингента в Афганистане, предоставление оружия исламской оппозиции и вообще широкомасштабная поддержка панисламистского движения – проведение конгрессов и других акций и форумов, в которых бы принимали участие представители государств с исламским населением, включая республики советской Средней Азии и Кавказа, а также КНР. Здесь же повторялся известный тезис Р.Фрая об удвоении усилий по решению палестинской проблемы как одной из основополагающих предпосылок стабилизации обстановки в исламском мире¹⁷. Этот и другие эпизоды его биографии 80-х годов в некоторой степени характеризуют как прозорливость, так и заблуждения (по поводу позитивного потенциала панисламизма, лидерских качеств А.Р.Саяфа) одного из опытейших знатоков и экспертов исторического и современного Востока, по-своему видевшего выход из афганского тупика, – Р.Фрай, несомненно, имел основания сделать в своих рабочих бумагах по афган-

ской войне примечательную запись: «Я был основателем Союза Свободного Афганистана»...¹⁸

Дальнейший ход афганских событий и обострение гражданской войны в 90-е годы заставили многих наблюдателей и специалистов-востоковедов пересмотреть взгляды на суть афганского феномена и его отдельных компонентов: доминировавшее в стране во второй половине 90-х годов движение «Талибан» продемонстрировало способность преодолеть свой политический экстремизм и вытекающую отсюда международную изоляцию, а Афганистан превратился в опасный очаг региональной нестабильности, наркобизнеса и плацдарм международного терроризма. Причина такой эволюции заключается, видимо, в том, что и само большинство афганского народа, и романтики, и трезвые приверженцы демократии во всем мире, к которым принадлежит и профессор Фрай, по тем или иным причинам на некоторое время уступили место в афганских делах транснациональным военно-промышленным и политическим кругам, цинично рассматривающим Афганистан как выгодный рынок сбыта оружия и полигон других видов незаконного бизнеса, лишенный привычных форм государственности и национальной безопасности. Ситуация в Афганистане начала медленно меняться после проведения антитеррористической операции силами международной коалиции во главе с США – 9 октября 2004 г. были проведены фактически первые в истории страны президентские выборы, планируется восстановление парламентской традиции, успешно апробированной в Афганистане еще в 1950–1960-е гг.

Объяснимая с политической точки зрения концентрация большинства американских исследователей на анализе текущего афганского конфликта создала в 80-е годы и в последующий период серьезный дисбаланс в проблемном поле афганистики, не устраненный до сих пор. Тревогу по этому поводу выражали авторитетные представители этой дисциплины: так, на страницах единственного в США (а фактически, на тот момент – и во всем мире) профильного журнала «Афганские исследования» Г.Фарр, директор Центра исследования Среднего Востока Портлендского университета, призывал как можно скорее преодолеть научно-образовательные потери отрасли и «подготовить новое поколение исследователей чудесной страны Афганистан»¹⁹.

До последнего времени в США имелся только один центр, специализирующийся исключительно на Афганистане. Находящийся в провинциальном университете г. Омаха в штате Небраска, он был почти лишен государственной поддержки²⁰. Несмотря на то, что его директор Т.Гуттьер неоднократно выполнял по поручению администрации США важные миссии, навещая афганского экс-короля Захиршаха в Риме, сам центр фактически существовал только номинально. Однако в 80-е годы именно в Омахе готовились кадры для будущего «постсоветского» Афганистана, в больших количествах разрабатывалась и издавалась учебная и иная литература, переправляемая затем

непосредственно в Афганистан. Центр имел свое представительство в Пешаваре (Пакистан), через которое осуществлялся постоянный мониторинг ситуации в Афганистане.

В конце 80-х годов американцы свернули свою активность на афганском направлении, в том числе и в научной сфере, лишь отдельные аналитики – специалисты в этой области (например, Б.Рубин, ныне профессор Нью-Йоркского университета, один из наиболее квалифицированных исследователей Афганистана)²¹ сохранили свой публичный статус, периодически выступая в качестве экспертов на специальных слушаниях в Конгрессе США по афганской проблематике. Но в дальнейшем Афганистан, по существу, занял в американской политике и аналитике особое положение полигона для подготовки и осуществления среднemasштабных геополитических (в частности, связанных с Чечней и Сынцзяном) и крупных геоэкономических проектов. Оперативная и экспертная проработка возникающих вопросов в основном решалась на уровне соответствующих структурных подразделений правительства США, ЦРУ, других специальных служб и стратегических центров типа РЭНД, Атлантического совета. В полузакрытом режиме проблемы Центральной Азии и Афганистана активно изучались в Институте Центральной Азии и Кавказа Школы международных отношений им. П.Нитце Университета Дж.Гопкинса в Вашингтоне (директор – Ф.Старр), который периодически готовил «смягчающие» сценарии американской политики в Афганистане, призванные сгладить воинственность официальной линии администрации (санкции и др.). Влияние афганских событий на центральноазиатский регион и прочие, неафганские аспекты его развития последние несколько лет отслеживались Международной кризисной группой по Центральной Азии (штаб-квартира в Брюсселе, спонсоры – Европейский союз и НАТО), базирующейся в Оше и возглавляемой некоторое время Дж.Шоберлайном (Гарвардский университет). Что касается собственно научного (академического) направления в американской афганистике, то оно развивалось почти исключительно благодаря личной инициативе исследователей: так, Д.Эдварде подготовил основательную работу о генезисе идейно-политических течений исламистского направления в Афганистане²².

Ситуация стала меняться на рубеже XX–XXI вв., особенно заметно в связи с приходом к власти администрации Дж.Буша-младшего. Кадровые и организационные перемены затронули структуры конгресса, в ведении которых находится Афганистан, по установившейся американской административно-дипломатической традиции включенный в регион Южной Азии. Во-первых, в рамках комитета по иностранным делам конгресса США был образован новый подкомитет по Среднему Востоку и Южной Азии, что означает намерение разрабатывать и проводить скоординированную внешнюю политику в рамках гигантского, «укрупненного» геополитического пространства, увязку

целого ряда международных проблем. Возглавил подкомитет республиканец от Нью-Йорка Б.Гилеман, закоренелый китаефоб и сторонник стратегического партнерства США с Индией (до этого Б.Гилеман руководил всем комитетом по иностранным делам, но по существующему правилу не мог занимать эту должность более 6 лет. Кстати, он пытался, но безуспешно, включить в сферу деятельности своего подкомитета даже Европу!).

Еще одной ожидаемой кадровой новацией, но уже в управленческой сфере мог стать приход (а фактически возвращение) в администрацию З.Халильзада, известного аналитика-международника из РЭНД, уже имеющего опыт аппаратной работы и активно занимающегося афганской проблемой в течение последних двадцати лет. При Р.Рейгане З.Халильзад работал в госдепартаменте в качестве специального советника заместителя госсекретаря по политическим вопросам, при Дж.Буше-старшем – в Пентагоне. Он – этнический афганец, одна из основных фигур так называемого движения за Лоя Джиргу, лидером которого считается экс-король Афганистана Захиршах, а также ключевой автор подготовленной в 1999 г. под эгидой Афганского фонда (создан в 1993 г. конгрессменом-республиканцем Д.Риттером) Белой книги по Афганистану²³, вызвавшей немало негативных откликов, особенно со стороны пропуштунски настроенных кругов афганской эмиграции. З.Халильзад рассматривался как один из претендентов на высокий пост в министерстве обороны, поскольку заместитель главы этого ведомства П.Вулфовиц – его давний друг и коллега, но в конечном счете был направлен в Афганистан в качестве американского посла.

Весьма важную позицию помощника госсекретаря США по Южной Азии могла занять Ширин Тахирхели, пакистанка по происхождению, находящаяся на престижном посту директора Института внешней политики (ИВП – подразделение Школы международных исследований университета Дж.Гопкинса в Вашингтоне). У Ш.Тахирхели блестящий послужной список: она была (при Р.Рейгане) специальным представителем США по политическим вопросам при ООН, в Совете национальной безопасности отвечала за военно-политические дела, а в настоящее время является членом комитета по разработке политики госдепартамента, научным сотрудником Центра международных исследований Принстонского университета (основной профиль – проблемы Индии и Пакистана и американская политика в Южной Азии). Карл Индерферт, отвечавший при президенте Б.Клинтоне за южноазиатские дела, дал ей демоническую характеристику как личности, объединяющей в одном лице и госдепартамент, и совет национальной безопасности. Ш.Тахирхели поддерживает тесные личные связи с родиной, она замужем за этническим афганцем. Если бы Ш.Тахирхели закрепилась на указанной позиции в госдепартаменте США, это означало бы сохранение прочных (не обязательно афишируемых) отношений США с Па-

кистаном, достаточно высокий статус афганской проблематики в американской внешней политике, причем в тесной и грамотной увязке с подходом Индии, а в концептуально-управленческом отношении – тесную координацию действий соответствующих подразделений администрации и их деловое партнерство с профильными научно-образовательными центрами США и их союзников. Но этого не произошло – пост помощника госсекретаря по делам Южной Азии заняла К.Рокка, длительное время (с 1982 по 1997 гг.) проработавшая в ЦРУ. Историк по образованию, она владеет несколькими европейскими языками, а также русским. В конце 90-х годов К.Рокка консультировала сенатора С.Браунбэка по проблемам Южной и Центральной Азии, участвовала в разработке программ помощи государствам Центральной Азии и Кавказа. В своем нынешнем качестве она активно сотрудничает с пакистанской стороной, что создает ей дополнительные возможности многомерного подхода к афганской проблематике.

С приходом к власти американской администрации Дж.Буша она немедленно стала адресатом призывов, заявлений и инициатив противоборствующих сторон в Афганистане. В последнюю неделю января 2001 г. основные участники афганского противостояния развернули борьбу на дипломатическом фронте: так, в США отправился представитель международно признанного правительства Б.Раббани д-р Абдулла, отвечавший за внешнюю политику Северного альянса. Режим талибов также решил воспользоваться сменой американского руководства и в конце января через свое единственное функционирующее посольство в Исламабаде заявил о готовности обсудить и решить путем переговоров любые вопросы, включая вопрос об Усаме бен Ладене. Но эта переговорная пауза была недолгой – ситуация круто изменилась в сентябре 2001 г.: после известных событий началась подготовка, а потом и осуществление военной операции по свержению «эмирата» талибов, который пал осенью того же года.

Трагедия 11 сентября 2001 г. и начавшаяся затем военная кампания оказали влияние на процесс выработки американской политики в Центральной и Южной Азии. Впервые за последние 20 лет особое и в значительной степени самостоятельное направление в ней стала занимать афганская проблематика, ныне охватившая не только практико-политическую, научно-аналитическую, но и образовательную, информационно-пропагандистскую и иные социальные сферы жизни американского общества. 11–12 декабря 2001 г., через неделю после подписания Боннского соглашения по созданию временной администрации в Афганистане, Институт международных исследований им. Томаса Уотсона при Брауновском университете в сотрудничестве с Центром афганских исследований университета Небраска (Омаха) провел семинар «Восстановление политических структур в Афганистане». В нем участвовали эксперты по афганскому праву, политике,

управлению, миротворческим операциям, переходным политическим ситуациям, а также непосредственные участники Боннского процесса, включая бывших афганских министров, отставных и ныне действующих американских политиков и функционеров ООН. Одной из самых малочисленных групп на семинаре были ученые – специалисты по Афганистану. Семинар стал попыткой осмысления афганской политической традиции, в особенности политических институтов прошлого и настоящего, а также возможных путей установления стабильного политического порядка в этой стране. Но следует заметить, что этой встрече в Брауновском университете предшествовала другая, состоявшаяся сразу после падения Кабула там же, но в более узком составе – на нее были приглашены лишь специалисты из Миротворческого института Военного колледжа армии США, американского правительства и ООН. Ее участниками был выработан документ «Соображения по поводу международной вовлеченности в постталибский Афганистан».

За последние несколько лет ведущими научными центрами востоковедческого профиля в США была проведена большая работа по анализу корней происшедшей трагедии и современной ситуации на Ближнем Востоке, военной кампании и программ переустройства Афганистана.

Воинственность американской политики в Афганистане воспринимается и в самих США, и в мире как естественный, но отнюдь не безальтернативный стратегический курс, чреватый тяжелыми и непредсказуемыми последствиями. Собственно военная акция, как известно, сопровождается целым рядом мер политического, экономического, научно-образовательно-организационного характера, пропагандистской кампанией. Проводя эти меры, американская администрация не избавилась от целого ряда прежних стереотипов внешнеполитического поведения, на что ей уже осторожно указывают некоторые союзники, в том числе Великобритания устами своего министра иностранных дел Дж.Стро, выступающая за выработку «ясной программы переустройства Афганистана» и других «несостоявшихся» государств. Действительно, есть немало свидетельств бесцеремонности американцев при разработке схем и формул будущей власти в Афганистане, в том числе и их персонального «наполнения» – факт, доподлинно известный из разных источников и косвенно осуждаемый самими же представителями американской стороны. «Мы должны поощрять процесс создания нового правительства ..., но не создавать его непосредственно»²⁵, – заявил Ф.Старр, директор Института Центральной Азии и Кавказа университета Дж.Гопкинса в Вашингтоне.

После разгрома движения «Талибан» США и их союзниками была поставлена задача превратить Афганистан в стабильное, демократически управляемое государство с эффективно развивающейся экономикой. Это бы означало и обеспечение национальной безопасности самих США – американские законодатели, да и многие из тех, кто реально столкнулся с афганскими проблемами в конце 2001 г. и в

последующий период, поняли, что корни терроризма и других крайностей следует устранять социальными, политическими и, конечно, финансовыми средствами на месте. Именно для достижения этих целей был разработан законопроект «Акт в поддержку свободы в Афганистане 2002 г.» (автор – Г.Хайд). Уже в первые месяцы 2002 г. во внешнеполитических структурах федеральной власти США сложился механизм по оказанию помощи Афганистану. В государственном департаменте была создана специальная группа по Афганистану во главе с послом Дж.Доббинсом, подотчетным госсекретарю. Дж.Доббинс взаимодействовал со специальным представителем ООН по Афганистану Л.Брахими. Этот и другие факты говорили о том, что в процессе послевоенного урегулирования Афганистана США отводили определенную роль ООН. Летом 2002 г. американцам удалось провести на пост главы временной администрации Афганистана своего ставленника – Х.Карзая, ряд лет прожившего в США и имевшего там свой бизнес. Но положение переходного правительства оставалось неустойчивым. Осенью 2002 г. сенат принял «Акт в поддержку свободы в Афганистане», сумма предоставляемой новому афганскому режиму помощи в течение предстоящих 4 лет должна была достичь 3,3 млрд. долл.²⁶ В структурном отношении большая часть помощи (1,7 млрд. долл.) выделялась на экономические и гуманитарные программы, а также на цели политического развития. 300 млн. долл. направлялось на создание национальной армии Афганистана. 1 млрд. долл. предназначался для укрепления международных вспомогательных сил безопасности.

Новая американская политика в Афганистане обозначилась в последние год-полтора – ее характерной чертой являются попытки военных выступить в роли менеджеров восстановительного процесса. Так, в течение 2003–2004 гг. Пентагон планировал создать на территории Афганистана от 6 до 8 военных баз, призванных гарантировать власть центрального правительства. Персонал каждой из таких баз будет состоять из 60 человек, включая спецназовцев, гражданских специалистов и др. Помимо них, на базах будут находиться и представители государств – участников антитеррористической коалиции, а также афганской армии, медики и военно-инженерные звенья, в результате чего численность персонала некоторых баз возрастет до 100 человек. Предполагается, что войсковые части будут вести строительные работы (ремонт мостов, школ и т.д.). Но в целом задуманная перестройка не должна привести к расширению американского военного присутствия в Афганистане – общая численность американского военного контингента по-прежнему сохранится на уровне 12 тыс. человек. Вместе с тем в кругах американской администрации высказываются и мнения, что масштабы американского присутствия здесь могут возрасти за счет привлечения военно-инженерных частей к крупным проектам по восстановлению Афганистана, планы такого рода находятся на рассмотрении в соответствующих структурах.

Наметившаяся перегруппировка американских сил и пересмотр приоритетов в Афганистане – отражение ведущихся в политических и военных кругах дебатов. С предложением привлечь военных к дорожному строительству и преимущественно гражданским хозяйственно-экономическим проектам выступил генерал Ричард Майерс, председатель объединенного комитета начальников штабов.

Но политико-экономические амбиции военных не встречают одобрения со стороны неправительственных организаций – их лидеры (многие из которых провели годы непосредственно в Афганистане и сопредельных странах) уверены, что такого рода новации способны принести лишь краткосрочные политические выгоды, а не долговременный эффект. Заботясь о будущем, в США в срочном порядке были созданы специальные программы по Афганистану, появились новые рабочие места для афганцев, в учебные программы вводятся специальные курсы. Так, например, масштабно активизировалась исследовательская работа по афганской проблематике в Гарвардском университете, где ранее, несмотря на наличие специальных профильных учебно-научных структур типа Центра исследования Среднего Востока и Форума исследования Центральной Азии, она традиционно игнорировалась. Известному антропологу из Бостонского университета Т.Барфилду поручено срочно разработать спецкурс по Афганистану, который растиражирован печатно и на видеокассетах.

Новые штатные единицы и дополнительное финансирование выделены Школе управления им. Дж.Кеннеди, одному из крупнейших подразделений Гарвардского университета, для разработки специального проекта послевоенного переустройства Афганистана. Большая работа по афганской тематике ведется в Центре международного сотрудничества Нью-Йоркского университета под руководством проф. Б.Рубина, там осуществляется целый ряд аналитических и прикладных проектов, один из них – по восстановлению афганской столицы – Кабула. В 2003 г. был создан Американский институт по изучению Афганистана – он задуман как стационарное научно-аналитическое учреждение, базирующееся непосредственно в афганской столице. Презентация института состоялась на ежегодной конференции Общества исследования Центральной Евразии в начале октября 2003 г. в Гарвардском университете.

Летом 2004 г. начала функционировать «Электронная библиотека по Афганистану» – специальный проект, осуществляемый на базе Нью-Йоркского университета. Проект возглавляет известный востоковед, профессор факультета Среднего Востока и ислама Р.Макчесни. «Электронная библиотека по Афганистану» задумана как главное хранилище материалов по этой стране. Сюда, в частности, планируется переместить библиотеку (25 тыс. книг) и другие фонды ACBAR – неправительственной организации, базирующейся в Пешаваре (Пакистан). Большая заслуга в создании научно-документальной коллекции

АСВАР по Афганистану принадлежит Н.Дюпре – ее подвижничество на этом поприще продолжается уже более 40 лет!

Задачей вновь образуемых и восстанавливаемых центров является не только собственно экспертная оценка и прогнозирование событий в Центральной Азии. Большое внимание уделяется подготовке и продвижению на американский и мировой медиарынок большого объема материалов центральноазиатской и собственно афганской проблематики аналитического, новостного и пропагандистского характера, призванных поддерживать необходимый эмоционально-психологический фон проводимой США общественной дискуссии, захватывая политические, военные круги, средства массовой информации и др. При этом все более очевидным становится сходство нынешней американской схемы умиротворения Афганистана с советским опытом образца 80-х годов. Отличие же состоит в том, что американская модель осуществляется в более благоприятных внешних и внутренних условиях, когда уничтожены основные силы прежнего режима, так и не сумевшего сохраниться хотя бы в виде оппозиции, и когда США широко пользуются политической и военно-технической поддержкой целого ряда государств Европы и Азии. Но решить им даже самые основные проблемы афганского «узла» до сих пор не удалось: не пойманы руководитель «Аль-Каиды» Усама бен Ладен и глава свергнутого режима талибов мулла М.Омар (он даже сформировал «Руководящий совет Афганистана»), совершают нападения частично сохранившие свои ряды талибы. Эти обстоятельства побудили режим Х.Карзая начать диалог с умеренными силами правоклеricalной оппозиции. Величайшим злом для международного сообщества остается проблема афганских наркотиков.

Несмотря на длительность собственно военной фазы антитеррористической операции в Афганистане, необходимость в чисто военных мерах поддержания в этой стране безопасности не уменьшилась. Сохраняются активность формирований талибов, напряженность в отношениях между этническими группами и их военно-политическими структурами. Но администрация Дж.Буша в сотрудничестве с некоторыми международными структурами все же провела осенью 2004 г. первые в истории страны общеоафганские президентские выборы. Х.Карзай, с декабря 2001 г. выполнявший функции главного администратора, в качестве президента, судя по итогам голосования, обрел легитимную власть. Меняется и вся временная администрация, действовавшая по чрезвычайному мандату – ее состав одобрила чрезвычайная Лоя Джирга (общенациональная ассамблея), но не весь народ. Предстоящие в апреле 2005 г. парламентские выборы должны дать ответ на вопрос, состоится ли восстановление современных политических институтов в масштабах всего Афганистана. Уже сейчас оптимисты поговаривают о так называемой «афганской модели», имея в виду прежде всего военную сторону действий США и их союз-

ников в Афганистане – относительный успех коалиционных сил в разгроме основных сил движения «Талибан» и «Аль-Каиды».

Краткий обзор развития научно-аналитических основ политики США в отношении Афганистана показывает, что соответствующие кадры и организационные структуры, а также концептуальные установки и конкретные программы действий на афганском направлении возникли здесь относительно поздно, лишь в 40–70-е годы, как ответ на насущные практические потребности военно-политических кругов, но быстро обрели статус важного, по преимуществу прикладного направления политики и аналитики. Успешно развивалась и ее академическая составляющая, чего нельзя было сказать об образовательных компонентах – им не уделялось внимания вплоть до самого последнего времени, когда США оказались вовлеченными в афганские дела в связи с проведением антитеррористической операции и осуществлением программ переустройства Афганистана. Будучи «малолюдной» по своему основному кадровому корпусу, американская афганистика во всех ее проявлениях оказалась все же в состоянии решить ряд важных научных и практических проблем – благодаря усилиям целой плеяды специалистов она заняла достойное место в мировом сообществе тех, кто профессионально занимается Афганистаном. Несмотря на рассредоточенность ученых и экспертов данного профиля по учебно-образовательным и специально-отраслевым учреждениям, недостаточную координацию исследовательской работы, слабую связь с практической политикой США в Афганистане, сегодня здесь предпринимаются усилия по концентрации необходимых материалов, ресурсов и кадров, налаживанию связей с афганской стороной, заметны попытки преодоления прежних политических и концептуальных стереотипов в пользу интернационализации научного поиска и решения насущных практических проблем на афганском направлении.

¹ The Great Game Revisited. N.Y., 1983, с. 6.

² Предполагалась и иранская часть экспедиции, но из-за политической ситуации в Иране ее не удалось осуществить.

³ The Rockefeller Family archives: The Fourth Filed Report from the Afghanistan Expedition, с. 7.

⁴ The Rockefeller Foundation: Record Group 2, Leon Poullada's interview on April 5, 1955.

⁵ Wilber Donald N. Afghanistan, its people, its society, its culture in collaboration with Elizabeth E. Bacon, etc. New Haven, 1962.

⁶ Gregorian, Vartan. The Emergence of Modern Afghanistan. Politics of Reform and Modernization, 1880- 1946. Stanford, 1969.

⁷ McChesney R. Abd al-Rahman Khan: Initial Phase Reform in Afghanistan 1880–1901. Princeton University, 1967.

⁸ Kabul under Siege: Fayz Muhammad's Account of the 1929 Uprising. Translated, abridged, re-worked, and annotated by R.D. McChesney. Princeton, 1998.

⁹ Adamec L. Afghanistan 1900–1923: A Diplomatic History. University of California Press, 1967; его же Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-20th Century: Relations with USSR, Germany, and Britain. Tucson, 1974; Historical and Political Gazetteer of Afghanistan. Graz, 6 vols. 1972–1985; Historical Dictionary of Afghanistan. Metuchen, 1991.

¹⁰ Poullada L. Reform and rebellion in Afghanistan, 1919–1929: King Amanullah's failure to modernize a tribal society. PhD thesis, Princeton, Princeton University, 1970; Magnus R. The ideology and organization of royalist revolutions: a comparative study of Iran's white revolution and Afghanistan's new democracy. PhD thesis, Berkeley, University of California, 1971; Canfield R. Faction and conversion: a study of religious alignments in a plural society (focussed on religious sects in Bamian). PhD thesis, Ann Arbor, University of Michigan, 1971.

¹¹ Dupree L. Afghanistan. Princeton, 1980.

¹² См., например, его рецензии: Hanifi, M.Jamil. Afghanistan // Middle East Journal, vol. 56, # 4, 2002 и др.

¹³ Revolutions & Rebellions in Afghanistan. Anthropological Perspectives. Eds: M.Nazif Sx. Jirani & Robert L.Canfield. Berkeley, 1984.

¹⁴ Afghan Alternatives: Issues, Options, and Policies. Ed. by Ralph Magnus. New Brunswick, 1985.

¹⁵ Papers of Richard Frye, Harvard University archives, box 13011, Miscellaneous correspondence (Correspondence re Afghanistan War).

¹⁶ Там же, письмо С.Стрэттона Р.Фраю от 11 июля 1980 г.

¹⁷ Там же, см., например, машинописный текст с правкой Р.Фрая «Recommendations in regard to Afghanistan (what should we do? what should «they» do? What should be done?)»

¹⁸ Там же, надпись на конверте «Correspondence re Afghanistan War», сделанная после 6 мая 1988 г., то есть после начала вывода из Афганистана советских войск.

¹⁹ Fair, Grant. The Study of Afghanistan: Where to Next? – Afghanistan Studies Journal, 1990/91, v. 2, с. 4.

²⁰ В 1997 г. Центр афганских исследований получил \$1,8 млн. грант от калифорнийской компании Unocal (ядра международного консорциума по строительству трансасиатского газопровода, впоследствии распавшегося) на осуществление образовательных программ в Афганистане. – The Washington Times, 31 Oct., 2001.

²¹ См., например: Rubin, Barnett R. The Search for Peace in Afghanistan. From Buffer State to Failed State. Yale University Press, 1995 и другие его работы.

²² Edwards David B. Before Taliban. Genealogies of the Afghan Jihad. Berkeley, 2002.

²³ The Afghan Foundation White Paper. Wash., 1999.

²⁴ The Afghanistan Digital Library. An occasional newsletter. New York university libraries. V. 1, № 1, July 1, 2004.

²⁵ <http://www.afghanradio.com/oct23o2001.html>

²⁶ Самуилов С.М. Президент, конгресс и американская политика в отношении Афганистана. – США. Канада, 2003, № 12, с. 39.

АФГАНИСТАН В ПРЕДДВЕРИИ ВЫБОРОВ

Принятая в январе 1994 г. новая, либеральная конституция заложила основы новой государственности, положив демократические идеи в основу общественной жизни и провозгласив права граждан Афганистана. Правда, авторам Основного закона пришлось пойти на некоторые уступки консерваторам: исламу и богословам была отведена определенная регулирующая роль в общественной жизни. Однако такого рода баланс между светским либерализмом и исламом весьма неустойчив, и в ходе практической реализации конституционных положений противостояние двух сил представляется неотвратимым. Об этом свидетельствует тот факт, что нынешняя судебная система контролируется консерваторами, взгляды которых окрашены в яркие исламистские цвета. Они открыто выступают против демократизации страны, в частности, всячески препятствуют процессу эмансипации женщин, заявляющих о себе в соответствии с духом Основного закона как о полноправных участниках политического и духовного возрождения страны.

Нарождающаяся афганская демократия предполагает создание новой политической системы. Нормой ее развития де-факто стала многопартийность. Наряду с активизировавшимися старыми партиями и движениями моджахедов появляются новые политические организации самого разного идейного толка – от радикальных исламистов до неокommунистов. Все, однако, дружно выступают поборниками «демократии» и «социальной справедливости». Этому партийному «взрыву» способствовал Закон о политических партиях, утвержденный Х.Карзаем в ноябре 2003 г., в соответствии с которым все граждане получили право создавать политические и общественные организации при условии, что их программы и деятельность «не должны противоречить положениям ислама». На сегодняшний день зарегистрировано 60 партий (всего их около 100). В основном это небольшие группы и группировки, именующие себя «партиями», «движениями», «фронтами», «обществами», «конгрессами», «союзами», не имеющие четко сформулированных программ и известных лидеров.

Важнейшим завоеванием демократических сил является закрепленная конституцией свобода слова: в стране издаются более 300 независимых периодических изданий (многие из них открыто оппозиционные), упразднена цензура. Объектом критики становятся все, включая

президента страны. Недавно появилось и частное телевидение, в том числе на севере страны, в г. Мазари-Шарифе, и в Кабуле.

На фоне такого «демократического прорыва» по-прежнему самой острой проблемой сегодняшнего Афганистана остается политическая, экономическая, этническая и религиозная нестабильность, в основе которой лежит отсутствие безопасности. В стране продолжается вооруженная борьба талибов и боевиков «Аль-Каиды» против правительства Х.Карзая и иностранных войск, растет всевластие и произвол локальных, противостоящих центральному правительству полевых командиров (warlords), вспыхивают вооруженные столкновения между ними, увеличивается производство наркотиков, очень медленно формируются национальная армия (на конец сентября 2004 г. насчитывала 13 тыс. человек) и правоохранительные органы (20 тыс. человек), углубляются национальные противоречия (можно говорить о национальном расколе), ширится политический бандитизм, усиливается соперничество зарубежных игроков на афганском поле.

По-прежнему основную угрозу безопасности представляют талибы, «Аль-Каида» и их союзник – Исламская партия Афганистана Г.Хекматъяра, в 2002 г. объявленная вне закона. Оптимизм американцев, основывающийся на убеждении, что основные силы экстремистов локализованы в Афганистане и находятся на грани окончательного разгрома, а бен Ладен будет вскоре пойман (это стало дежурной фразой министра обороны США Д.Рамсфелда каждый раз, когда он с визитом посещает Кабул), не подкрепляется ничем серьезным. Действительно, силы талибов и их союзников в Афганистане значительно ослаблены, и они не могут радикально влиять на ситуацию и политические процессы в стране, прижаты к приграничным с Пакистаном районам и не способны на проведение крупномасштабных военных операций. Тем не менее экстремисты обладают значительным потенциалом военного, идейно-пропагандистского и психологического характера. Все крупные военные операции, проведенные США и их партнерами по международной коалиции против террористов в 2002–2004 гг., оказались неэффективными.

В ходе последней («Буря в горах», март 2004 г.) основные силы талибов были блокированы в местах их дислокации в пограничных провинциях Кандагар, Заболъ, Урузган. Одновременно пакистанские войска провели широкомасштабную зачистку экстремистов в дистрикте Южный Вазиристан Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП). Так удалось прижать талибов к афгано-пакистанской границе с двух сторон. При этом американцы не смогли достичь главной цели операции – поимки Аймана аль-Завахири, второго человека в иерархии «Аль-Каиды». А пакистанские войска столкнулись с враждебностью местных пуштунских племен, в местах проживания которых в СЗПП укрываются талибы, и понесли большие потери. В целом американцам и пакистанцам не удалось снизить активность террористов,

вооруженная борьба которых видоизменилась, но не стала менее опасной для Кабула и его западных покровителей.

После войны в Ираке талибы сменили тактику: теперь они избегают крупных вооруженных столкновений с противником, предпочитая партизанские акции – нападения небольшими мобильными группами на военные объекты (базы и другие места расположения войск коалиции и афганских частей, блок-посты), на представителей гражданской администрации, на сотрудников международных и неправительственных организаций. Запугивание и террор в отношении всех лиц, сотрудничающих с американцами и администрацией Х.Карзая, диверсионные акты, в том числе с использованием смертников – новое для Афганистана явление. В октябре 2003 г. талибы создали Высший совет в составе 10 человек во главе с муллой Омаром – руководящий военно-политический орган, который координирует вооруженную деятельность противников Кабула.

При этом они продолжают сохранять заметное присутствие, влияние и пользоваться поддержкой в перечисленных выше пограничных провинциях, а также в провинции Хост, которую они фактически контролируют. Правительственный контроль в ряде уездов этих провинций достаточно призрачен: главы местных администраций либо симпатизируют талибам и сотрудничают с ними, либо сами являются скрытыми талибами.

По-прежнему нерешенной остается проблема ограничения влияния крупных локальных и региональных лидеров, которые после ликвидации режима талибов сумели укрепить свою власть на контролируемых ими территориях. Многие из них занимают посты губернаторов провинций, хотя зона их фактического контроля зачастую распространяется далеко за пределы соответствующих административных единиц. Они отказываются переводить в государственную казну все поступления (налоги, таможенные пошлины и т.д.), саботируют процесс разоружения своих частных армий и демобилизации бойцов, назначают своих людей на ключевые посты в местных органах власти, чинят произвол в отношении местного населения. Многие из них замешаны в операциях по контрабанде наркотиков.

Х.Карзай всячески пытается ограничить всевластие местных лидеров, ввести их деятельность в рамки существующего законодательства. Так, в мае 2003 г. он подписал соглашение с губернаторами 12 пограничных провинций. Последние взяли на себя обязательства поддерживать правительство и обеспечивать закон и порядок в своих провинциях, переводить все таможенные пошлины, доходы и другие поступления в Центральный банк и т.д.

Однако, как показали последующие события, это соглашение так и осталось на бумаге. Позиции и деятельность полевых командиров с тех пор по существу не изменились. В течение всего постталибского периода вплоть до последнего времени продолжались спорадические

вооруженные столкновения боевых отрядов узбекского генерала А.Достума, контролирующего север Афганистана, с формированиями таджика генерала Атта Мухаммада, соратника министра обороны маршала Фахима. Попытка захвата г. Майманы, центра провинции Фарьяб, осуществленная людьми генерала А.Достума в апреле 2004 г. под предлогом поддержки восстания населения города против губернатора, якобы сторонника талибов, столкновения между правительственными войсками и отрядами губернатора Герата («эмира юго-западного Афганистана») Исмаил-хана в марте 2004 г., повлекшие убийство его сына, министра туризма и гражданской авиации Мирвайса Садека, ожесточенные бои между отрядами Исмаил-хана и формированиями его старого соперника Амануллы-хана в августе 2004 г. – все эти события серьезно дестабилизируют обстановку в стране. Они оказывают заметное воздействие и на настроения населения этих беспокойных районов: с одной стороны, все больше ширится недовольство людей деятельностью полевых командиров, с другой – подрывается вера в способность правительства Х.Карзая и стоящих за ним американцев покончить с всеобщим произволом и привести страну к миру и безопасности.

В конце июня 2004 г. центральной власти вновь бросили вызов, на сей раз в западной провинции Гур, где в течение двух дней продолжались вооруженные столкновения между правительственными войсками и отрядами местного полевого командира Абдуссалама, который в результате захватил власть в провинции. Губернатор Гура Мухаммад Ибрагим был вынужден покинуть город. В заявлении министерства внутренних дел сообщалось, что причиной беспорядков стал конфликт между командиром дивизии, дислоцированной в Гуре, и Абдуссаламом. Накануне туда была послана правительственная комиссия во главе с советником президента Мухаммадом Аламом Расехом, которая после провала переговоров с новым хозяином провинции была вынуждена покинуть город вместе со свергнутым губернатором.

Встревоженное этими событиями правительство срочно созвало Национальный совет безопасности, который принял решение послать в Гур батальон новой Национальной армии для восстановления порядка. Вместе с ним в Гур отправился бежавший накануне губернатор провинции. Угроза применения силы вынудила Абдуссалама пойти на соглашение. В результате прежняя власть была восстановлена, а дислоцировавшаяся в провинции 41-я дивизия распущена. В последующем в Гур прибыла еще одна правительственная комиссия во главе с советником правительства Тадж, бывшим министром внутренних дел Мухаммадом Вардаком, которая занялась расследованием инцидента¹. Учитывая непростую обстановку в провинции, Кабул пошел на кадровые перестановки: потерявший в Гуре власть губернатор Мухаммад Ибрагим (кстати, бывший полевой командир, член «Исламского общества Афганистана») указом президента был назначен советником министра внутренних дел².

Попытки приструнить полевых командиров, ограничить их всевластие, покончить с повсеместным произволом тормозятся действиями США в Афганистане, военное командование которых на исходе военной операции 2001 г. сделало ставку на полевых командиров, стремясь использовать их в борьбе против талибов. Их услуги щедро оплачивались американцами. Кроме денег, командиры получали также оружие и материальную помощь. Однако эта ставка не оправдала себя: многие командиры использовали деньги и покровительство американцев для сведения счетов со своими соперниками, другие просто таким образом усилили свою власть и влияние в провинциях, а некоторые даже тайно помогали талибам. Так, во время крупной операции в районе Тора Бора на востоке Афганистана в декабре 2001 г. американцы привлекли к сотрудничеству влиятельного в восточной провинции Нангархар полевого командира Хаджи Заман Шаха. Перед ним была поставлена задача при поддержке авиации США разгромить талибов в этом районе. Американское командование имело тогда серьезные основания считать, что в составе талибов в районе Тора Бора находились лидер талибов мулла Омар и бен Ладен. Операция закончилась тем, что благодаря Заман Шаху основная часть отрядов талибов пересекла пакистанскую границу и окопалась на территории пограничных племен в Пакистане. По некоторым данным, он прямо способствовал уходу талибов за рубеж.

Мощную поддержку американцев до последнего времени получал и генерал А.Достум, войска которого в октябре 2001 г. при поддержке американской авиации участвовали в освобождении от талибов г. Мазари-Шарифа. В дальнейшем США поддерживали его в противостоянии панджирскому триумvirату (маршал М.К.Фахим, д-р Абдулла и Ю.Кануни), занявшему ключевые позиции в администрации Х.Карзая. Это дало возможность Достуму получить по существу неограниченную власть в северном Афганистане, а в дальнейшем и выдвинуть свою кандидатуру на пост президента страны.

Попытки Х.Карзая найти управу на полевых командиров были обусловлены не только стремлением укрепить власть центрального правительства в провинциях, но и подготовить благоприятную почву для проведения предстоящих выборов президента, которые афганская пресса патетически назвала «переходом к демократии». Х.Карзай отчетливо понимал, что срыв выборов может не только поставить точку в его политической карьере, но и окончательно дестабилизировать обстановку в стране, что могло оказаться чревато рецидивом новой гражданской войны. В этих условиях требовалось предпринять нестандартные шаги, используя широкий диапазон восточной дипломатии вплоть до принятия непопулярных мер. Это касалось в первую очередь талибов, открыто угрожавших сорвать выборы.

Убедившись в неэффективности попыток военным путем ликвидировать экстремистов, Х.Карзай еще в 2003 г. начал поиск других

возможностей нейтрализовать талибов, а именно поиск компромиссов. Сначала Кабул пытался выйти на прямые контакты с руководством талибов через задержанного в том же году бывшего министра иностранных дел в правительстве талибов В.А.Муттавакиля, слывшего наиболее либеральным в окружении их лидера муллы Омара. Действительно, еще в начале операции «Несокрушимая свобода» в октябре 2001 г. он публично объявил о несогласии с лидером талибов, отказавшимся выдать США Осаму бен Ладена, и отошел от движения «Талибан». Однако руководство экстремистов не пошло на контакт с правительством Х.Карзая, отказавшись использовать услуги человека, потерявшего их доверие.

В последующем Х.Карзай напрямую апеллировал к талибам, приглашая их к переговорам, одновременно проталкивая идею о том, что не все талибы – экстремисты, что основная их часть – это люди, вынужденные воевать в их рядах, и лишь десяток-полтора их лидеров – преступники и террористы. Такая позиция не только не нашла понимания и поддержки афганской общественности, но и вызвала определенное недовольство значительной части политических кругов в Кабуле, что в период предвыборной кампании активно использовалось против Х.Карзая его соперниками на пост президента страны. Свое недоумение по этому вопросу выразили и США. Усилия президента оказались тщетными – талибы не откликнулись на его призыв: они не захотели иметь никаких дел с «американской марионеткой». В результате Карзая не удалось привлечь на свою сторону даже тех талибов, которых он называл «умеренными».

Предпринимались также попытки привлечь в лагерь правительства союзников талибов – Исламскую партию Афганистана во главе с Г.Хекматъяром. Их также пригласили к политическому диалогу, обещая полноценное участие партии в политической жизни страны. Г.Хекматъяр откликнулся на эту инициативу. Он заявил, что его партия готова стать участницей политических процессов при условии, что все иностранные войска будут немедленно выведены из Афганистана и ему разрешат открыть отделения партии во всех провинциях³. Выдвинутые им условия оказались заведомо неприемлемыми, диалога не получилось.

В дальнейшем продолжались попытки расколоть эту партию, выделить «умеренные», склонные к компромиссу элементы. Весной 2004 г. небольшая группа членов Исламской партии, делегация которой прибыла в Кабул, заявила о том, что они порвали с Г.Хекматъяром еще три года назад и готовы сотрудничать с правительством Х.Карзая. Однако выяснилось, что делегаты представляли совсем ничтожную часть членов партии. При этом руководство Исламской партии осудило действия «ренегатов» и подтвердило свою прежнюю, непримиримую позицию.

Тем не менее в дальнейшем, к началу предвыборной кампании Х.Карзая удалось несколько ослабить позиции полевых командиров. Летом он снял со своих постов трех губернаторов, замешанных в кор-

рупции, причем не прибегая к репрессиям, и назначил на их место лояльных ему людей. В августе он оказал сильнейший нажим на губернатора Герата Исмаил-хана, ловко используя его вооруженный конфликт с Аманулло-ханом. В ход была пущена политика «кнута и пряника»: с одной стороны, президент предотвратил захват Герата отрядами Амануллы, «сохранив» пост губернатора для Исмаил-хана, при этом прибегнув к помощи американских военных, сыгравших роль «посредника» в драматических событиях и остановивших вооруженный конфликт. С другой – он продемонстрировал военную слабость гератского губернатора, оказавшегося на грани потери своего поста и «спасенного» Кабулом⁴. Одновременно части Национальной армии Афганистана, посланные в район боевых действий, взяли под свой контроль военно-воздушную базу Шинданд, ранее находившуюся под властью Исмаил-хана. В результате зона территориального влияния непокорного губернатора Герата значительно сузилась. В центральной прессе высказывались предположения, что действия отрядов Амануллы-хана, частей Национальной армии и американцев были заранее спланированы и согласованы⁵. К концу лета 2004 г. позиции гератского губернатора оказались весьма уязвимыми: на него шло давление извне с использованием силы, в рядах его армии началось дезертирство, на его настроении сказались военные неудачи. Одновременно Кабулу удалось нейтрализовать Амануллу-хана, кстати, бывшего полевого командира талибов, который оказался в Кабуле на положении «гостя правительства», что дало возможность властям заняться разоружением его боевых отрядов. При этом он поставил условие: Исмаил-хан должен также оставить свой пост губернатора⁶.

Наконец, в начале сентября Х.Карзай наносит решительный удар по позициям правителя Герата: указом президента он был снят со своего поста, взамен ему предложили должность министра горных дел и промышленности в центральном правительстве. Вместо него был назначен бывший посол Афганистана в Украине Мухаммад Хайр-хах, близко знакомый с Исмаил-ханом с давних времен. Причем накануне в Герате побывал посол США в Афганистане Зальмай Халильзад, который встретился с губернатором.

Впрочем, это была не первая попытка «вытащить» «эмира западного Афганистана» в столицу, оторвать от родной базы поддержки. В течение 2004 г. ему неоднократно предлагали занять пост министра внутренних дел и даже вице-президента⁷. Однако он каждый раз категорически отказывался.

Впрочем, Х.Карзай уже имеет удачный опыт обуздания амбициозных полевых командиров путем предоставления им высоких должностей в Кабуле. Так, в 2003 г. губернатор провинции Кандагар Гуль Ака Шерзай, входивший в пятерку самых влиятельных полевых командиров Афганистана и конфликтовавший с губернатором Герата Исмаил-ханом, пошел на повышение: он стал министром гражданского строительства.

С Исмаил-ханом дело оказалось намного серьезней: кроме того, что он обладал неограниченными финансовыми возможностями, держал под ружьем крупные вооруженные формирования, имел своих людей на ключевых постах в провинции, он безусловно пользовался поддержкой населения Герата. Но с того времени ситуация в провинции значительно изменилась не в его пользу. И на сей раз его перемещение в столицу оказалось императивом. Впрочем, предложение, сделанное Исмаил-хану, выглядело как признание его заслуг перед страной и народом. Пресс-служба президента заявила, что решение предоставить смещенному правителю Герата пост министра было принято на основании резолюции Национального совета безопасности в знак признания его «великих достижений» в гератской провинции и стремления использовать его «таланты и организационные возможности» в национальном масштабе⁸.

Однако Исмаил-хан занял выжидательную позицию. Несмотря на приезд нового губернатора в Герат, он продолжал оставаться в городе. Разумеется, в сложившейся ситуации он не мог открыто проигнорировать решение президента, но и сразу согласиться не считал возможным. Оправдывая свое прямо не высказанное нежелание занять пост в правительстве, он заявил: «Как я могу стать министром, когда еще не вывезены останки моих погибших боевых товарищей и соратников с полей Шинданда»? Более того, он сообщил, что на недавней встрече с президентом тот обещал, что никаких изменений в системе управления гератской провинцией в ближайшее время не произойдет, и он договорился с Х.Карзаем о том, что переедет в Кабул только после выборов президента 9 октября⁹. Позиция Исмаил-хана была подкреплена бесчинствами и беспорядками, которые устроили 10 сентября в Герате его сторонники, протестовавшие против его смещения. Произошли столкновения с полицией, в результате погибли 7 человек.

И все-таки Карзаю удастся постепенно, с немалыми издержками, переломить ситуацию, связанную с всевластием полевых командиров. Время явно работает не на них. В новых условиях пошатнулись позиции и влияние даже самого могущественного из региональных лидеров, узбекского генерала Абдуррашида Достума. «Известный своей изобретательностью генерал Абдуррашид Достум, включившийся в президентскую гонку, – пишет корреспондент агентства Reuters Майк Коллет-Уайт, – будет вынужден использовать все свое мастерство хамелеона, чтобы выжить в стране, где полевые командиры и лидеры группировок постепенно отодвигаются на обочину (политической жизни)»¹⁰. Достум один из тех сильных людей в Афганистане, которые благодаря поддержке, оказанной американцам в разгроме талибов, взлетели к вершинам власти в регионах в конце 2001 г. Теперь же власть некоторых из них размыта из-за их нежелания разоружать собственные армии, а их участие в междоусобных вооруженных столкновениях испортило их отношения с США и Х.Карзаем. Формирования Достума, обвиняемые в

массовом произволе (что он сам отрицает), подвергаются разоружению, а ему самому не удалось получить пост министра обороны. И теперь лишенный всех государственных постов, которые он до недавнего времени занимал (заместитель министра обороны, специальный представитель президента на севере страны, советник президента по вопросам безопасности и обороны), вытесненный из провинции Балх под давлением ее нынешнего губернатора генерала Атта Мухаммада, теряя собственную армию в процессе разоружения, он лишается и своего статуса военного и государственного деятеля.

Выдвинув свою кандидатуру на пост президента, Достум понимал, что не имеет реальных шансов победить, ибо мог рассчитывать на поддержку лишь узбекского населения Севера. Но, надеясь получить значительное число голосов, он стремится вновь обрести легитимность в качестве политического деятеля, которого непросто будет убрать с политической арены. Многие полагают, что участие Достума в президентской гонке было последней соломинкой в его игре на политическое выживание. При этом он вряд ли льстил себя надеждой получить какой-либо серьезный пост в следующем правительстве, ибо Х.Карзай исключил возможность формирования коалиционного правительства, в котором амбициозные полевые командиры будут сидеть бок о бок с получившими образование на Западе умеренными реформаторами из среды пуштунов. Проиграв президентские выборы, Достум скорее всего займется подготовкой к парламентским выборам, назначенным на апрель 2005 г., где его партия Национальное исламское движение Афганистана, влиятельная, хотя и в региональном масштабе, может получить большое число голосов, а сам Достум – сильный рычаг влияния на правительство.

Наконец, Х.Карзай, расчищая себе путь к легитимной власти, убрал с пути самого опасного соперника, тоже полевого командира, занимавшего при этом пост министра обороны маршала Фахима, отказавшись в августе 2004 г. взять его в напарники на роль кандидата на пост вице-президента. Поражение Фахима могло обернуться крупными коллизиями, в том числе вооруженными: ведь до сих пор маршал командует крупными вооруженными формированиями, по численности превосходящими Национальную армию Афганистана. Причем часть его отрядов до сих пор дислоцируется в Кабуле, хотя под давлением США и НАТО он начал выводить из столицы тяжелую технику. Но министр не рискнул бросить открытый вызов президенту. Вероятно, он понимал, что проиграл в противостоянии с Карзаем и не найдет серьезной поддержки среди политических и военных кругов. Тем не менее он держит крупные силы в ущелье Панджшир с большим арсеналом оружия и военной техники. Впрочем, его карьера крупного политического деятеля скорее всего завершена, у него была единственная надежда вернуться в большую политику только в случае победы на выборах основного соперника Х.Карзая, бывшего ми-

нистра просвещения Юнуса Кануни, которому он оказал активную поддержку.

В преддверии выборов президента 9 октября обстановка в стране значительно осложнилась. Талибы все чаще организовывали акции террора, насилия и запугивания, стремясь сорвать выборы. Последние случаи: взрыв 28 августа в Кабуле в офисе американской фирмы DYN-CORP, готовящей кадры афганской полиции и службы охраны президента, в результате погибли 7 человек, в том числе 3 американца; взрыв 25 августа в медресе в провинции Пактия в 120 км к югу от столицы – погибли 9 детей и 1 взрослый, ранено 15 человек. Участились случаи убийства и устрашения сотрудников избирательных участков (на конец августа число жертв превысило 30 человек). 16 сентября произошло покушение на Х.Карзая во время его предвыборной поездки в г. Гардез, а 20 сентября такой же участи подвергся в Бадахшане кандидат на пост первого вице-президента.

И хотя ответственность за безопасность проведения выборов наряду с афганской армией и полицией была возложена на международных миротворцев (ISAF) под командованием НАТО, численность которых превысила 8 тыс. военнослужащих, все они не смогли гарантировать спокойное проведение выборов. Поэтому по настоянию Х.Карзая на обеспечение безопасности было решено мобилизовать все имеющиеся в стране вооруженные формирования – Национальную армию, полицию, натовских миротворцев, силы антитеррористической коалиции, всего около 100 тысяч человек.

В разгар подготовки к выборам Х.Карзай предпринял и внешнеполитические шаги, чтобы обезопасить проведение выборов: в августе он совершил визит в Исламабад, где заручился обещанием президента П.Мушаррафа не допустить вылазок экстремистов с пакистанской территории.

На выборы возлагались большие надежды, причем не только афганцами, но и международным сообществом. Действительно, ставки были чрезвычайно высоки: речь шла не просто о выборах нового главы государства, а о выборе пути дальнейшего развития страны. Станет ли она примером нового, формирующегося на базе традиционных устоев демократического общества или вернется под власть все еще влиятельных консервативных сил.

¹ Кабул, 23.06.2004.

² Лрман-е мелли, 12.09.2004.

³ Кабул, 07.04.2004.

⁴ Чераг, 02.09.2004.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Кабул, 07.04.2004.

⁸ Арман-е мелли, 12.09.2004.

⁹ Там же.

¹⁰ Mike Collett-White. Afghanistan's Dostum seeks to re-invent, again // Reuters, October 4, 2004.

**АФГАНСКИЙ НАРКОРЫНОК: ПЕРЕДЕЛ СОБСТВЕННОСТИ,
ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ**

Принято считать, что наркотическая экспансия стартовала в Афганистане в 1979 г., с началом ввода советских войск. За прошедшие четверть века небольшое государство с населением 14 млн. чел. и разрушенной войной экономикой превратилось в мирового лидера по посевам и производству опийного мака (по оценкам ООН, соответственно 80 тыс. га и 4600 тонн) и крупнейшего экспортера героина (около 400 тонн или 75% оборота мирового рынка, что эквивалентно 4 млрд. наркотических доз). Именно с этого момента Афганистан оказался втянут в замкнутый круг, выйти из которого он не может до сих пор: война вызвала падение уровня жизни и превратила наркобизнес в источник существования; в свою очередь, прибыли от оборота наркотиков давали деньги на закупку оружия и поддержание нестабильности. Естественно, что производители наркотиков были заинтересованы в сохранении наркобизнеса (т.е. военно-политической нестабильности) и расширении наркотрафика (по сути зон конфликтов как в самом государстве, так и в сопредельных странах). Поэтому говоря о корнях наркоэкспансии, нельзя ограничиваться лишь началом гражданской войны – необходимо принять во внимание специфику исторического развития самого Афганистана, равно как и положение в сопредельных Пакистане и Иране.

Опийный мак был завезен в Центральную Азию еще Александром Македонским, однако начал активно распространяться лишь в XIX в., в эпоху британского колониального господства. В принципе наркотики всегда занимали в истории Афганистана, как и всей Центральной Азии, свое определенное место. Использование легких наркотиков (опий и анаша) являлось некой традицией народов Центральной Азии. Так, например, в крупных городах, судя по воспоминаниям путешественников, действовали курильни опиума. Этнографы знали о том, что опий применяется местными жителями в качестве лекарства от желудочных болезней. В северных районах Афганистана, где широко распространено трудоемкое ковроткачество, женщины по-прежнему довольно часто дают растворенный в молоке опий даже детям – чтобы те не мешали работать. Тяжелые наркотики (такие, как героин и гашиш) долгое время были редкостью в Афганистане – они не вписывались в афганский быт и противоречили религиозным кано-

нам. Но никогда наркотики, как обычные для стран региона, так и пришлое, не были предметом торговли в особо крупных размерах. Масштаб торговли мог свидетельствовать лишь о социально-экономическом неблагополучии.

Для Афганистана – страны с крайне бедной экономикой, высокой безработицей и малообразованным населением выращивание мака и получение опиума становилось единственным средством существования, и в торговлю наркотиками втягивались как простые крестьяне, так и крупные чиновники, помещики, торговцы и т.д.¹ Именно поэтому в конце 70-х годов XX столетия в стране осложнилась благоприятная питательная среда для зарождения и развития собственного нарко-рынка, т.е. для первоначального накопления «героинового капитала».

Начавшийся в эти годы расцвет наркобизнеса в Афганистане нельзя связывать только с вступлением «советских танков». Так, например, именно в 1979 г. администрацией М.Зия-уль-Хака было полностью запрещено выращивание опийного мака в контролируемых им округах Северо-Западной пограничной провинции соседнего Пакистана; принимались также меры по сокращению посевов в полосе расселения восточнопуштунских племен². Производителям, чтобы не попасть в тюрьму, необходимо было быстро избавиться от запасов опиума, и они начали срочно вывозить его. Отчасти этому способствовала и Исламская революция в соседнем Иране: создание государства с фундаменталистской идеологией привело к нарушению традиционной системы транспортировки, мест переработки и отчасти выращивания мака и конопли.

Часть наркотиков перерабатывалась на территории Афганистана, причем зачастую современные установки для производства героина завозились из Пакистана, в свою очередь часть мака перевозилась в Пакистан для дальнейшей переработки в лабораториях, разбросанных в зоне племен (Гилгит, Читрал, Сват, Балу и др.). Начался процесс постепенного развития молодого афганского наркобизнеса и его выхода на мировой рынок, естественно, при поддержке пакистанского теневого капитала.

После начала гражданской войны наркобизнес в Афганистане поделили между собой полевые командиры, которые одновременно сделались крупнейшими наркобаронами. Деньги, получаемые от наркотиков, помогали им успешно противостоять советской армии. Ключевой фигурой на афганском наркорынке стал пакистанский пуштун Айюб Африди, который был связующим звеном между иностранными заказчиками и афганскими производителями и контролировал большинство маковых посевов Афганистана. Во владение Африди не попал лишь небольшой участок на севере страны, где основные маковые плантации находились в собственности таджиков, которые не собирались делиться собственными доходами с пуштунами³.

Господствовавшие на севере силы Северного Альянса во главе с Ахмад Шах Масудом также приняли посильное участие в развитии

наркорынка. Так, вначале Северный Альянс попытался ввести запрет на культивацию мака и производство героина – еще в 1999, т.е. на год раньше знаменитого закона талибов (см. ниже), однако их политика не принесла заметных результатов. По данным Программы ООН по международному контролю над наркотиками (UNDCP), в 2001 г. в контролируемых Северным Альянсом районах было собрано около 150 тонн опиума⁴. Сам «Панджшерский лев» Ахмад Шах Масуд был убит при неясных обстоятельствах 7 сентября 2001 г.

По окончании войны против СССР афганские наркобароны устремились в большую политику. Так, Гульбеддин Хекматиар стал премьер-министром, а близкий друг Африди Хаджи Абдул Кадир получил пост губернатора провинции Нангархар (богатейшей по количеству опийных плантаций). Сам Африди, будучи пакистанским гражданином, был избран депутатом парламента Пакистана.

Значительный вклад в развитие афганского наркорынка внесли события 1991 г. – появление независимых государств к северу от Афганистана и открытие бескрайних просторов СНГ, пока еще не охваченных мировым наркокапиталом. Следует в этой связи отметить, что пакистанские правительства в 80-е годы проводили довольно жесткую политику по наркоконтролю и сокращению наркотрафика по налаженным маршрутам из Пакистана и, соответственно, Афганистана. Однако на смену главному пакистанскому порту Карачи (а оттуда – в Европу, на Балканы, в США, Японию) неожиданно распахнулись практически не охраняемые с севера границы Афганистана. Наркотики устремились в Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан и далее в Казахстан, Россию и ту же Европу. Афганские наркодилеры получили огромный новый рынок сбыта продукции, а следовательно, новые стимулы для расширения своего бизнеса.

Усиление исламизма поначалу не вызвало у пуштунских наркodelьцов тревоги – они с радостью приветствовали появление движения Талибан и охотно натравливали талибов на своих таджикских конкурентов с севера. Поначалу глава Талибана Мохаммад Омар не возражал против экспорта опиума, поскольку, по его мнению, продавая героин за рубеж, афганцы боролись с врагами ислама. Под защитой такой идеологии наркоторговля продолжала процветать: в 1999 г. афганский наркорынок достиг своего рекордного уровня, составляющего 75% оборота мирового объема опиума⁵.

Однако потом талибы начали добиваться признания мировым сообществом, и им надо было как-то поправить полученную репутацию, а потому в июле 2000 г. мулла Омар принял историческое решение – ввел запрет на возделывание мака.

Плантации уничтожались, крестьянам, уличенным в возделывании мака, грозила тюрьма. Запрет привел к резкому падению производства наркотиков – с 3,27 тыс. тонн в 2000 г. (спад по сравнению с рекордным 1999 г. был вызван небывалой засухой) до 185 тонн в 2001 г.⁶

Успех политики Талибана в борьбе с наркотиками был признан на сессии ГА ООН в октябре 2001, буквально через несколько дней после начала бомбовых атак. Как было отмечено на сессии, ни одна другая страна – член Управления ООН по наркоконтролю (UNODC) не смогла осуществить столь массированную программу. «Мы получили данные наших полевых исследований по посевам мака в Афганистане. В 2001 г. производство составило 185 тонн. По сравнению с 2000 г. (3300 тонн) спад составил 94%. По сравнению с рекордным уровнем в 4600 тонн два года назад спад составил 97%», – отмечалось в докладе UNODC⁷.

После начала широкомасштабной антиталибской кампании на страницах западных (в том числе и американских) СМИ все чаще стали появляться сообщения и заявления официальных политиков о том, что международное сообщество ничего не делает для предотвращения наркоугрозы. Высказывались сомнения, стоило ли вести войну против талибов, забывая о том, что «этот происламский режим совместно с ООН провел успешную операцию по запрету посевов мака». Производство опиума сократилось более чем на 90% в 2001, однако в течение октября-декабря 2001 г. крестьяне уже вновь возобновили масштабные посевы. Корреспондент «Гардиан», занимающийся проблемами наркобизнеса, сказал по этому поводу: «Я не хочу возвращения талибов, но я думаю, они никогда не давали кредита для распространения опиума по подконтрольным им территориям. И этот контроль они осуществляли силовыми методами. Сегодня каждый, кто имеет даже небольшой клочок земли, стремится засеять его маком, поэтому выброс афганского героина на мировой рынок примет в 2002 г. огромные размеры»⁸.

Однако очень скоро UNODC изменило свою стратегию и действовало так, как будто запрета 2000 г. не было и в помине: «Борьба с культивацией наркотиков была выиграна в других странах, и это возможно добиться в Афганистане при наличии сильного демократического правительства, международной помощи, внутривластной стабильности и безопасности»⁹. Указ Муллы Омара породил подозрения, что сокращение производства опиума было продиктовано стремлением обмануть мировое сообщество.

Как Вашингтон, так и UNODC стали утверждать, что целью талибов в 2000 г. было не столько «искоренение наркотиков», сколько тактическая программа по созданию «искусственного спада в производстве», которая привела бы к росту цен на героин на мировом рынке. Интересно также, что подобная двойственная позиция ООН не состыковалась с докладом UNODC по Пакистану, в котором особо указывалось на отсутствие доказательств по сокращению производства и посевов во время правления талибов¹⁰.

Накануне введения талибами запрета закупочные цены за сырой опий на афганском рынке составляли 30 долл. В марте 2001 г., во вре-

мя закупочного сезона по свежему опию цены взлетели до 700 долл. После 11 сентября курьеры и местные торговцы, справедливо опасаясь американского возмездия талибам и бен Ладену, продали лишь 2900 тонн, которые ООН приписало успехам Северного альянса. Сразу после 11 сентября 1 кг опиума стоил лишь 95–120 долл. – намного ниже предлагаемого при талибах уровня. Однако уже 7 октября 2001 г., непосредственно перед материализацией американской интервенции, цены подскочили до 500 долл. Позднее, в 2002 г., несмотря на новый взлет производства (3400 тонн), цены возросли до 600 долл. за кг, что специалисты ООН, следящие за производством и колебанием цен, объяснить уже не могли¹¹.

Нельзя забывать, однако, что в 2000–01 гг. подвела сама природа – огромные плантации мака выгорели из-за дикой засухи, которой не было в стране уже несколько десятилетий. Еще в феврале 2002 г. UNDCP предупреждала, что Афганистан вновь становится главным наркопроизводителем: «Мы имеем четкие свидетельства, что крестьяне возвращаются к выращиванию мака после периода правления талибов. К сожалению, мы не помогаем афганским крестьянам после террористических атак и международной интервенции. Отчаяние может вынудить крестьян возвратиться к выращиванию мака после потери ими источников доходов вследствие небывалой многолетней засухи»¹².

В целом Талибану не удалось разбогатеть на переработке или контрабанде опия, поскольку львиная доля прибыли оседала в карманах мафиози и торговых посредников. Запрет на наркотики в Афганистане вызвал резкий рост цен на мировом рынке героина – если летом 2001 г. за 1 кг героина давали 450 долл., то уже в начале 2002 г. – более 900 долл.¹³ В то время как цены на опий и его производные на афганской границе выросли в 5 раз, появились сообщения, что внутри страны склады ломятся от опия. Кроме того, он хранится в тайниках у крестьян, которые готовы выбросить наркотики на рынок¹⁴.

Настал «звездный час» освободившихся на севере таджиков. Именно они стали поставлять опиум на внешний рынок, а наркобароны-пуштуны, лишившись бизнеса, стали бороться со вчерашними друзьями-талибами. Северный Альянс получил неожиданную поддержку от вчерашнего конкурента: к нему неожиданно присоединился (упомянутый выше) пуштунский наркоделец Хаджи Абдул Кадир.

И когда после 11 сентября на Талибан обрушилась антитеррористическая коалиция, оказалось, что талибов практически никто не поддерживает – их Исламский эмират без поддержки наркоденог рассыпался. Северный Альянс успешно занял Кабул, а наркодельцы-таджики составили костяк нового правительства. После американских бомбовых атак и падения Талибана афганские крестьяне были всецело готовы возобновить высокодоходную культивацию мака. «Производители опия на мировом рынке хотят продать свою продукцию до того момента, когда новый афганский урожай снизит цены»¹⁵.

Согласно данным Департамента США по наркоконтролю (US Office of National Drug Control Policy), опубликованным в ноябре 2002, афганские крестьяне в том году засеяли маком 30759 га – рекордная посевная площадь после подписания Боннского соглашения по созданию переходного правительства в Афганистане (декабрь 2001 г.). В 2001 г. посевы мака составили лишь 1685 га – сказались как неблагоприятные погодные условия, так и политика Талибана¹⁶. По данным ООН, производство опиума в 2002 г. составило 3400 тонн, по сравнению со 185 тоннами в 2001 г. – «крестьяне возвращаются к маку как наиболее выгодной культуре для их земли»¹⁷.

Перераспределение ролей, впрочем, привело к новому витку борьбы за наркорынок. Вышедшие из подполья наркодельцы захотели вернуть себе утраченный бизнес. Пример им подал наркобарон Хаджи Абдул Кадир, который стал губернатором родной провинции Нангархар и провел там масштабную «кампанию по борьбе с наркотиками» – конфисковал у крестьян все маковые плантации в свою пользу. Затем Кадир занял пост вице-президента, однако летом 2002 г. он был убит у входа в свою резиденцию в Кабуле. В мае-июне того же года сын Кадира конфисковал на местном рынке около 5000 кг героина и арестовал большую группу крестьян. Позже конфискованная партия вновь поступила в обращение на наркорынке, но продавалась уже по более высоким ценам¹⁸.

Передел наркорынка, обороты которого исчислялись десятками миллиардов долларов, продолжался, в то время как сам рынок вступил в новый этап своего стремительного развития.

Многие полевые командиры, равно как и наркобароны, вновь стали создавать собственные «государства» в государстве. В результате многие крестьяне во всех провинциях продолжали выращивать мак на своих участках и при этом большинство из них получало выгоду, вступая в деловые отношения с местными наркобаронами.

В целях борьбы с наркобизнесом США выделили специально 1 млн. долл. различным командирам и вождям для проведения кампании по уничтожению посевов мака. Командирам была обещана компенсация в среднем в размере 200–300 долларов за джариб. Позже, однако, выяснилось, что выделенные для компенсации деньги далеко не всегда доходили до крестьян и тратились вовсе не по назначению¹⁹.

В 2001 наметилась новая тенденция в укреплении наркорынка – торговцы и курьеры решили действовать сообща с полевыми командирами для обеспечения бесперебойного наркотрафика по всем районам страны, вне зависимости от межрегиональных противоречий и границ между «государствами в государстве». Сейчас такая политика прогрессирует, и ее наибольшие достижения зафиксированы, естественно, в приграничных с Пакистаном, Ираном, Таджикистаном и Узбекистаном районах. И хотя правительство Хамида Карзая пытается мобилизовать всех губернаторов и командиров на борьбу с нарко-

тиками, большинство из них уже вступило в преступное сотрудничество с представителями наркобизнеса. Тем более, что многие из «хозяев» провинций сами владеют весьма обширными посевами мака.

В мае 2003 г. в Париже состоялась международная конференция «Пути наркотиков из Центральной Азии в Европу», в которой приняли участие представители более 50 государств Евразии, а также США и Канады. Особое внимание уделялось афганской наркоугрозе. О ее масштабах красноречиво свидетельствовали приводимые факты: в 2002 г. производство опиатов выросло по сравнению с 2001 г. в 18 раз. Площадь плантаций опиумного мака в этой стране за этот же период выросла в 9,25 раза. Такие масштабы незаконного оборота афганских наркотиков обусловили зачисление этого явления в разряд «новых угроз». Афганский героин, преодолев границы Евразии, ринулся в Северную Америку, Японию и Австралию. Три четверти реализуемого в Европе героина – афганская продукция, в России же почти весь героин афганского происхождения²⁰.

Масштабы наркокатастрофы подтвердил опубликованный в сентябре 2003 г. доклад МВФ – первый доклад за последнюю четверть века о состоянии афганской экономики. Документ предупреждает, что Афганистан становится «наркогосударством», постепенно превращаясь в страну, где все государственные институты бессильны перед колоссальными объемами производства и транспортировки наркотиков. По данным МВФ, ВВП Афганистана в 2002 г. был равен 4 млрд. долл. и производство опиума и героина составило в этой сумме от 40 до 60%. С конца 2001 г., когда пал режим талибов, Афганистан вновь занял место крупнейшего в мире производителя наркотиков. Доходы от продажи мака составили в 2003 г. 2,32 млрд. долл. (1,02 млрд. получили крестьяне, 1,3 млрд. – торговцы). Выручка же торговцев на международных рынках возрастает десятикратно. По данным МВФ, только европейцы тратят на афганский героин до 20 млрд. долл. ежегодно²¹.

В 2002–03 гг. темпы роста афганской экономики (без учета доходов от наркоторговли) составили 29% – в основном за счет массивной донорской подпитки и окончания продолжительной засухи. Предполагаемый рост в 2003–04 гг. должен составить 20%. В 2003 г. ВВП равнялся 4,05 млрд. долл., однако производство опиума растет более быстрыми темпами. В 2003 производство опиума возросло уже до 3600 тонн по сравнению с 3400 тонн в предыдущем году²². По данным Управления ООН по контролю за наркотиками (UNODC), посевная площадь под маком оценивалась в 80 тысяч га. По оценкам Госдепартамента США, в 2004 г. посевы составят уже 120 тыс. га: «Некоторые эксперты указывают на возможность роста от 50 до 100% в 2004 г. по сравнению с тревожными цифрами 2003 г.»²³.

Еще более тревожными выглядят данные по быстрому распространению наркотиков в новых для их культивации районах страны. После антиталибской операции коалиционных сил посевы мака пере-

местились с равнин, где ситуацию контролирует правительство Хамида Карзая, в горы. Позже посевы мака охватили весь Афганистан. Так, весной 2003 г. основные посевы мака были сосредоточены в таких провинциях, как Гильмент, Кандагар, Пактия, Хост, Пактика, Нангархар, Унар, Бамиан, Фарьяб, Парван, Лагман, Пагман и некоторых других²⁴. Интересно, что в восточных районах, где качество опия несколько выше, закупочные цены составляют 2700 рупий, в то время как в остальных частях страны цены опустились до 1000 рупий²⁵.

По данным на апрель 2004 г., мак высевался в 28 из 32 провинций. Новая информация, полученная из провинций Газни и Пактия, дает основание полагать, что они также присоединились к наркопроизводящим районам²⁶. Ожидаемые рекордные данные за 2004 г. будут включать сведения, полученные уже с территории всего Афганистана.

В настоящее время основными районами, где сосредоточены посевы мака, являются приграничные с Пакистаном провинции – Нангархар, Гильмент и Кандагар. Именно эти, населенные в основном пуштунами районы в наименьшей степени ощущают контроль со стороны Кабула²⁷.

Вместе с тем нельзя не отметить, что меняется лицо наркоиндустрии. Она уже не является столь высокоорганизованной, как в былые времена, напротив, она все более активно разделяется на мелкие семейные предприятия. По данным ООН, 264 тыс. семей афганцев заняты выращиванием мака (1,7 млн. сельского населения), что составляет 7% всего населения страны. Чем больше людей оказываются втянутыми в наркорынок, тем быстрее падают цены. В 2002 г. крестьянин мог получить 350 долларов за 1 кг чистого опия, в 2003 г. – лишь 283 долл. (для сравнения – 1 кг пшеницы стоит лишь 0,19 долл.)²⁸.

Согласно данным, приведенным на конференции в Париже (май 2003), в международную торговлю афганскими наркотиками вовлечено около полумиллиона человек²⁹.

Интересно, что выдавая ежегодно довольно подробные доклады о посевах мака и о героиновом рынке, представители ООН не уделяют практически никакого внимания посевам и дикорастущим зарослям конопли или рынку марихуаны и гашиша. Вместе с тем Афганистан, особенно его северные районы, славится как производством, так и потреблением гашиша, равно как и поставками его на внешний рынок через Иран в страны Персидского залива. Основные плантации конопли сосредоточены в трех районах провинции Балх, в основном вокруг северной столицы – Мазари-Шарифа.

Независимые эксперты не располагают точными данными о площади посевов и объемах сбора конопли и отмечают значительный всплеск в этой «отрасли» наркорынка непосредственно после запрета талибов на посевы опийного мака³⁰.

Официальный представитель UNODC в Афганистане отметил, что одна из причин, почему крестьяне предпочитают выращивать мак,

является легкость выращивания и транспортировки этой культуры. В стране, где все дороги и транспортная инфраструктура разбиты бомбовыми ударами, никакие другие культуры практически невозможно доставить на городской рынок³¹. «Мак – это наш единственный урожай, без него мы не выживем», – говорит крестьянин Дилагха из деревни Бийяр в предгорьях Тора-Бора. В 2002 г. он получил 6500 долл. за 14 кг маковой соломки, собранной с его участка. Если бы он выращивал пшеницу, говорит крестьянин, он бы получил лишь 100 долл. – сумму не достаточную даже для покрытия расходов на удобрения и семена. При этом правительственная компенсация за отказ от выращивания мака сократилась с 350 до 50 долларов за джариб (0,2 га)³².

По подсчетам ООН, на восстановление афганской экономики потребуется 1,5 млрд. долл. в течение 10 лет, при этом она целиком будет зависеть от иностранной помощи. Пока же международное сообщество обещало выделить 4,5 млрд. на восстановление в течение первых 5 лет – это было подтверждено на конференции в Токио в январе 2002 года³³.

В последнее время все чаще высказывается опасение, что наркорынок Афганистана подпитывает терроризм и, следовательно, срастается с ним. На конференции, организованной в Кабуле 7–8 февраля 2004 г., исполнительный директор UNODC Антонио Мария Коста предупредил о всевозрастающем подтверждении того факта, что деньги наркорынка используются для финансирования криминальных структур, включая террористические. По его мнению, «борьба с наркотрафиком приравнивается к борьбе с терроризмом»³⁴.

Однако еще задолго до этих предупреждений, высказанных на Кабульской конференции, тот факт, что «наркотерроризм» представляет угрозу как Афганистану, так и всему миру, уже был признан в качестве неоспоримого. Так например, министр обороны Франции Мишель Эллиот-Мари заявил в январе 2003 г.: «наркотики в настоящее время являются основным источником подпитки всей сети “Аль-Каиды” во главе с бен Ладеном»³⁵.

Хамид Карзай, со своей стороны, также все чаще говорит об опасности превращения Афганистана в «наркотическое государство» и настаивает на международной помощи, нацеленной на борьбу с «наркотерроризмом» в рамках антитеррористической коалиции. Акцент при этом делается как на увеличении материальной компенсации крестьянам, отказавшимся от возделывания наркотических культур, так и на усилении карательных мер против несговорчивых афганцев.

Во время своего визита в Афганистан в августе 2004 года министр обороны США Рональд Рамсфельд сообщил, что для отражения «героиновой атаки на афганскую демократию разрабатывается некий генеральный план». Он не уточнил, какую роль план отводит американскому экспедиционному корпусу в Афганистане (в составе

11,5 тысяч чел.), а какую – социально-экономическим мерам, нацеленным на подъем сельского хозяйства. Большая ответственность в осуществлении борьбы с наркоугрозой возлагается на Залмая Халилзада (пуштун, родившийся в Мазари-Шарифе, получивший высшее образование в США и проработавший в госдепе и Пентагоне, в настоящее время – посол США в Афганистане)³⁶.

В отношении социально-экономических мер необходимо отметить, что еще в январе 2003 г. губернатор провинции Нангахар Хаджи Дин Мохаммад предупредил центральное правительство о том, что недостаточные компенсации за отказ от выращивания наркотических культур не стимулируют крестьян на изменение структуры посевов. Он пожаловался, что США и другие страны-доноры не выполняют своих обещаний о предоставлении помощи в 4,5 млрд. долл., которая была обещана Афганистану год назад, большая часть которой предназначалась для подъема сельского хозяйства. «Афганцы уже были обмануты иностранными правительствами. Если они почувствуют, что их вновь обманывают, возникнут новые проблемы. Теперь они уже вполне могут превратиться в террористов»³⁷.

Война с терроризмом активизировала афганский наркорынок, который, в свою очередь, является прекрасной подпиткой для нового всплеска терроризма. США должны понимать, что воевать одновременно и с терроризмом, и с наркобизнесом не представляется возможным – это два разных театра военных действий, в каждом из которых имеются свои сторонники и свои враги.

Как справедливо отмечала лондонская «Гардиан», сам термин «война против наркотиков» лишен твердого смысла. «Наркобизнес сам по себе может служить как мотивацией для вооруженного конфликта, так и источником его финансирования и поддержания. По сути, в Афганистане наркоторговля разрослась в 80-е годы, когда ЦРУ начало массированную подпитку мохаджиров. Аналогично, кокаиновая торговля в Центральной Америке получила всплеск в то время, когда американская администрация проводила свою политику в Никарагуа и Колумбии»³⁸.

По мнению исполнительного директора UNODC Антонио Мария Коста, в настоящее время существует реальная угроза того, что «Афганистан вновь превратится в слабое государство, «но уже под властью наркокартелей и наркотеррористов». Он также предупредил, что если афганское правительство, поддерживаемое мировым сообществом, ничего не будет предпринимать для борьбы с наркотерроризмом, то «наркотическая опухоль начнет распространяться за пределы афганских границ»³⁹.

Похоже, что Афганистан прочно и надолго оказался втянутым в замкнутый круг под названием «терроризм-наркотики-терроризм» (в котором, по аналогии с марксистской политекономией, наркотики превратились в устойчивую форму денежного обращения).

- ¹ The Economist, 28.10.2000.
- ² Подробнее см.: Жмуйда К., Овлев В. Пакистан. Наркотики – трагедия и бизнес // Азия и Африка сегодня, 1987, № 4, с. 25–28.
- ³ Коммерсантъ-Власть, 6.08.2002.
- ⁴ The ironies of Afghan opium production // The Nation, 20.09.2003.
- ⁵ Коммерсантъ-Власть, 6.08.2002.
- ⁶ Там же.
- ⁷ The Nation, 9.04.2004.
- ⁸ Там же, 23.02.2002.
- ⁹ Там же, 9.04.2004.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ The ironies of Afghan opium production // The Nation, 20.09.2003.
- ¹² The News, 23.02.2002.
- ¹³ The Economist, 16.02.2002.
- ¹⁴ Московские новости, 13–19.11.2001.
- ¹⁵ The Economist, 16.02.2002.
- ¹⁶ Dawn, 11.11.2002.
- ¹⁷ The Nation, 11.01.2003.
- ¹⁸ The Nation, 21.11.2002.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Время новостей, 22.05.2003.
- ²¹ Там же, 24.09.2003.
- ²² Dawn, 24.12.2003.
- ²³ The Nation, 9.04.2004.
- ²⁴ Там же, 16.04.2003.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же, 10.04.2004.
- ²⁷ Dawn, 11.11.2002.
- ²⁸ The Nation, 10.04.2004.
- ²⁹ Время новостей, 22.05.2003.
- ³⁰ The Nation, 3.09.2002.
- ³¹ Там же, 23.01.2003.
- ³² Там же.
- ³³ Там же, 12.03.2003.
- ³⁴ Там же, 29.03.2004.
- ³⁵ Там же, 29.03.2004.
- ³⁶ Время новостей, 12.08.2004.
- ³⁷ The Nation, 23.01.2003.
- ³⁸ The Guardian, 5.12.2003.
- ³⁹ The Nation, 10.04.2004.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В РАМКАХ
СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ
ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА**

Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) представляет собой региональную интеграционную группировку, в состав которой входят шесть нефтедобывающих государств – Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Оман и Саудовская Аравия. Решение о создании Совета было принято в феврале 1981 г. в Эр-Рияде на совещании министров иностранных дел шестерки. Первое совещание в верхах, на котором были приняты основные документы ССАГПЗ, состоялось в Абу-Даби в мае 1981 г.

Интеграционные процессы в регионе Персидского залива получили весомый импульс под влиянием «нефтяного фактора», который проявился в ходе энергетического кризиса 1973–1974 гг. и повлек за собой кардинальные изменения в положении нефтедобывающих государств. Этот кризис сопровождался значительным повышением цен на нефть, что привело к крутому увеличению доходов экспортирующих ее стран. К середине 70-х годов были ликвидированы иностранные нефтяные концессии, монополизировавшие ранее добычу нефти в этих странах, и нефтедобывающая промышленность перешла под государственный контроль. Энергетический кризис продемонстрировал высокую степень зависимости высокоразвитых индустриальных держав, в том числе и США, от нефтяных ресурсов государств Персидского залива. Наиболее ярко это проявилось во время октябрьской войны 1973 г., когда нефтедобывающие страны Залива ввели эмбарго на поставки нефти США и другим союзникам Израиля для оказания на них политического давления.

Аравийские монархии на волне эйфории, вызванной их резко возросшим влиянием на мировой арене в экономической сфере, предпочли укреплять политическую и экономическую стабильность, не опираясь на западные страны, а на основе внутрирегионального сотрудничества. Со своей стороны, западные государства к тому моменту еще не выработали своей политики в отношении этих стран, так как потеряв за короткий период значительную часть того, чем они фактически безраздельно владели, они еще не были готовы к установлению со странами Залива равноправных партнерских отношений. Это также толкало государства региона интенсивнее налаживать взаимное сотрудничество, без опоры на развитые западные державы.

Таким образом, изначально создание ССАГПЗ было объективно обусловлено политической и экономической слабостью каждой из стран Залива в отдельности, а не высоким уровнем процессов экономической интернационализации. В этот период экономика аравийских монархий не только не отвечала внутренним требованиям в плане укрепления хозяйственных связей, но и нуждалась в значительном стимулировании развития этих отношений. В доказательство можно привести слова Султана Кабуса, правителя Омана, о том, что только создание Совета сотрудничества позволило странам-членам ССАГПЗ сохранить все предыдущие достижения, что было бы невозможно в условиях политической и экономической обособленности¹.

Деятели ССАГПЗ неоднократно подчеркивали, что экономическая интеграция является приоритетной задачей сообщества. Они провозгласили образцом для своей деятельности Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), т.е. организацию, основной задачей которой было достижение экономической интеграции входящих в нее государств. Поэтому вполне закономерно, что цели, намеченные во время первого совещания в верхах в мае 1981 г., затрагивали только социально-экономическую область. Главной целью ССАГПЗ было провозглашено достижение координации, кооперации и интеграции между государствами-членами в экономической и социальной областях для постепенного содействия их полному объединению. В дальнейшем приоритет экономических вопросов в деятельности Совета сотрудничества сохранился, что подтверждают слова министра иностранных дел Катара шейха Хамада бин Джассима аль-Джабера ат-Тани, сказанные по завершении 23-го саммита ССАГПЗ: «Обсуждению экономических вопросов на каждом саммите ССАГПЗ уделялось важнейшее место... Если мы сможем достичь успеха в сфере экономики, то это окажет прямое влияние на наши возможности сотрудничать в сфере политики»².

Первоочередными экономическими задачами ССАГПЗ были: координация планов развития национальных экономик для преодоления их одностороннего развития, основанного лишь на нефтедобыче, расширение внутреннего рынка и содействие эффективному росту современной промышленности в национальных рамках. Особенности участия государств-членов ССАГПЗ в мировом разделении труда обусловили также то, что большое внимание было уделено вопросу координации нефтяной политики проблемам разработки газовых месторождений.

Первым результатом деятельности ССАГПЗ было подписание во время второго совещания в верхах, состоявшегося в Эр-Рияде в ноябре 1981 г., Единого экономического соглашения ССАГПЗ. Проект соглашения представлял собой программу, состоящую из семи разделов, каждый из которых был посвящен определенной сфере деятельности: торговому обмену, движению капиталов, трудовым ресурсам и правилам ведения экономической политики, координации пла-

нов экономического развития, техническому и валютно-финансовому сотрудничеству, а также кооперации в области транспорта и коммуникаций. В этом документе были намечены первоочередные задачи по координации экономической политики и разработке единого законодательства в области торговли, промышленности и таможенного обложения.

Единое экономическое соглашение ССАГПЗ представляет собой первый и важнейший нормативно-правовой документ, который заложил основы и обозначил основные направления интеграции стран Совета. В декабре 2001 г. на 22-м саммите ССАГПЗ в г. Маскат (Оман) было подписано соглашение о мерах по интеграции экономик шести стран-членов Совета, которое является обновленным вариантом Единого экономического соглашения от 1981 г.³ Основной целью принятия нового соглашения стало стремление ускорить экономическую интеграцию в русле тенденций развития мировой экономики с учетом собственных достижений ССАГПЗ.

Одним из последних достижений на пути интеграции в рамках ССАГПЗ является создание таможенного союза. На первом этапе, старт которому был дан 1 января 2003 г., были унифицированы экспортно-импортные процедуры и обеспечено свободное перемещение местных товаров в рамках экономического блока. Был введен единый 5%-й тариф на товары, импортируемые из третьих стран⁴. Второй этап начался 1 января 2004 г., а заключительный стартовал 1 января 2005 г. В результате этого трехлетнего переходного периода к 2006 г. будут отменены все препятствия на пути свободного перемещения товаров в рамках ССАГПЗ⁵.

На первом этапе создания таможенного союза будут сохраняться определенные ограничения. Так, например, каждая страна Совета представила список товаров, которые не подпадают под действие правил таможенного союза, то есть на их импорт сохраняются тарифные ограничения при торговле внутри блока. Кроме того, странам ССАГПЗ необходимо выработать систему распределения доходов от пошлин на импорт товаров из третьих стран. По этому вопросу существуют значительные разногласия. Ранее предполагалось, что получаемая прибыль будет распределяться пропорционально в соответствии с экономическим потенциалом каждой из стран. Однако учитывая тот факт, что импортные пошлины составляют наибольшую часть нефтефтяных доходов этих стран, некоторые члены Совета выступают против такой системы, так как в этом случае поступления от импортных пошлин будут распределены в пользу Саудовской Аравии. По этой причине разрабатывается механизм компенсаций для стран, имевших высокие пошлины на определенные виды товаров.

Однако несмотря на ряд недоработок, все же можно отметить, что страны ССАГПЗ смогли решить большую часть вопросов, которые в течение многих лет препятствовали сплочению в таможенном сою-

зе. Так, после заключения в 1983 г. странами ССАГПЗ договора о создании Зоны свободной торговли и введения единых 4–20% пошлин на продукцию, импортируемую из третьих стран, в течение последующих двадцати лет прогресс в деле координации торговой политики был очень незначительным. В соответствии с договором о Зоне свободной торговли все сельскохозяйственные и промышленные товары, а также природные ресурсы, произведенные или добытые в странах Совета, при торговле внутри ССАГПЗ не облагались таможенными тарифами и другими сборами. Однако «национальным» товаром ССАГПЗ могла считаться только такая продукция, не менее 40% конечной стоимости которой было произведено в одной из стран Совета. Кроме того, такой товар также должен был быть произведен на предприятии, не менее 51% капитала которого находилось в собственности резидента одной из стран-членов Совета сотрудничества, или же это предприятие должно было на 100% принадлежать резидентам ССАГПЗ. Однако по требованию ряда стран-членов было дано разрешение на взимание пошлин с семи наименований товаров, включая цемент, алюминиевую продукцию и изделия из пластика.

Одной из причин значительных задержек в создании таможенного союза было наличие серьезных разногласий Саудовской Аравии и ОАЭ по поводу модели таможенного союза. Эти противоречия исходили из различия моделей развития, избранных этими двумя государствами. Так, Саудовская Аравия, вступив на путь индустриализации в конце 60-х годов, стала проводить протекционистскую политику во внешней торговле, которая сыграла свою определенную положительную роль в создании саудовской промышленности. ОАЭ же придерживались принципа открытой экономики, что предполагает низкие внешнеторговые тарифы и отсутствие других нетарифных ограничений импорта и экспорта. Таким образом, основное противоречие между Саудовской Аравией и ОАЭ сводилось к тому, следует ли принять модель закрытого или открытого регионализма. Для Королевства снижение таможенных пошлин могло привести к значительным экономическим, а также социальным и политическим потрясениям. Поступления от импортных пошлин стали одной из основных статей правительственных доходов, и в условиях постоянного дефицита платежного баланса в период с 80-х по середину 90-х годов сокращение этих поступлений означало бы серьезное ухудшение макроэкономической ситуации. Кроме того, отмена протекционистской политики могла привести к тому, что слабая национальная промышленность не выдержала бы конкуренции с импортными товарами, в результате чего и без того высокий уровень безработицы мог существенно возрасти. Такое социальное потрясение грозило ослабить легитимность правящего режима. В ОАЭ же повышение таможенных пошлин также могло привести к серьезным негативным последствиям в сфере экономики в результате потери международной конкурентоспособности.

Еще одним существенным препятствием на пути создания таможенного союза было то обстоятельство, что Саудовская Аравия как хранительница наиболее значимых святынь ислама не могла согласиться с тем, что товар, пересекавший границу ССАГПЗ, не может подвергаться досмотру и проверке на границе Королевства.

В результате переход к таможенному союзу стал реальным только в 1997 г., когда на саммите ССАГПЗ было одобрено соглашение о классификации более чем 1000 товарных наименований и гармонизации по ним торговых тарифов. Эта договоренность стала настоящим прорывом в деле заключения унифицированного соглашения по тарифам, которое до этого казалось труднодостижимым из-за постоянных разногласий между членами Совета. По словам делегата из ОАЭ на этом саммите, «постепенное сведение спорных моментов к разногласиям лишь по 36 позициям является свидетельством того, что задача создания унифицированной тарифной системы ССАГПЗ является достижимой»⁶. Было также решено, что работа по классификации оставшихся товарных позиций будет завершена до следующего саммита ССАГПЗ в декабре 1998 г.

В ходе 22-го саммита ССАГПЗ в декабре 2001 г., было принято решение о введении в силу унифицированного таможенного кодекса с 1 января 2002 г. Было также решено, что таможенный союз начнет действовать с 2003 г. В контексте этого решения были также рассмотрены проблемы введения единой системы стандартов, которая обеспечивала бы функционирование таможенного союза. Для достижения этой цели было решено усилить кооперацию между соответствующими структурами по стандартизации стран Совета, а также создать новый комитет ССАГПЗ по стандартам⁷. Кроме того, большое внимание было уделено вопросу о защитных и компенсационных мерах во внешней торговле. По мнению министра торговли и промышленности Омана Макбуля бин Али Султана, создание таможенного союза и введение унифицированных внешнеторговых тарифов поставило перед Советом сотрудничества задачу защиты национальной промышленности⁸. Для решения этой проблемы в ходе 21-го совещания Комитета по промышленному сотрудничеству, который состоит из министров торговли и промышленности шести стран, было решено, что одновременно с созданием таможенного союза войдет в силу антидемпинговый закон.

Введение таможенного союза должно в значительной мере ускорить подписание соглашения о свободной торговле с Европейским Союзом. Переговоры с ЕС о заключении такого соглашения ведутся уже около 15 лет, но только сейчас, по словам представителя ССАГПЗ в ЕС Наджиба ар-Равваса, «у ЕС больше нет причин для того, чтобы откладывать подписание соглашения о свободной торговле»⁹. Ожидается, что такое соглашение будет заключено уже в ближайшие месяцы, так как обе стороны в последнее время заметно активизировали свои усилия в этом направлении¹⁰.

Что касается влияния созданного таможенного союза на развитие торговли внутри ССАГПЗ, то многие специалисты сходятся во мнении, что вряд ли эта мера принесет странам-членам ощутимую выгоду. Это связано с тем, что объемы внутренней торговли Совета сотрудничества незначительны. По словам Дона Хепберна, бывшего исполнительного директора «Бахрейн Петролеум Компани», для того «чтобы ССАГПЗ действовал как эффективный торговый блок, 30% его совокупной торговли должно производиться внутри блока, а в настоящее время этот показатель менее 10%»¹¹.

Таблица 1

**Объем внутреннего экспорта и импорта ССАГПЗ
и их доля в общем товарообороте, 1990–2000 гг.**

Годы	Объем внутреннего экспорта ССАГПЗ (млн. долл.)	Общий экспорт ССАГПЗ (млн. долл.)	Доля внут- реннего экспорта в общем объеме экспорта (%)	Объем внутреннего импорта ССАГПЗ (млн. долл.)	Общий импорт ССАГПЗ (млн. долл.)	Доля внут- реннего импорта в общем объеме импорта (%)
1990	6905,77	87 153,92	7,92	3999,82	47 734,45	8,38
1991	4759,64	83 821,10	5,68	3897,16	55 479,68	7,02
1992	5419,46	91 749,40	5,91	4426,87	68 292,76	6,48
1993	5505,14	87 435,91	6,30	5051,73	65 075,86	7,76
1994	5877,45	91 667,32	6,41	5150,47	62 425,72	8,25
1995	6832,24	105 641,93	6,47	5719,38	69 244,54	8,26
1996	7624,23	125 566,22	6,07	6289,97	74 224,60	8,47
1997	8110,48	126 646,89	6,40	6613,26	75 666,65	8,74
1998	7209,77	93 344,77	7,72	5385,69	82 116,58	6,56
1999	7175,10	116 719,55	6,15	6120,46	81 472,43	7,51
2000	9656,85	170 170,50	5,67	8763,13	90 582,43	9,67

Рассчитано по: AMF Statistical Review 2002.

В действительности же, экспорт внутри блока едва достигает уровня 7% от совокупного экспорта ССАГПЗ (5% – в 1982 г.). Однако если рассматривать этот показатель без учета доходов от экспорта нефти, то этот показатель возрастает до 34%¹². Этот

факт объясняется тем, что страны-участницы Совета обладают огромными запасами нефти, которая не участвует во внутрирегиональной торговле, а поставляется за рамки блока и приносит львиную долю экспортных доходов этим странам. По этой причине сравнение внутрирегионального экспорта с объемом ненефтяного экспорта более точно отражает развитие интеграционных процессов в ССАГПЗ. В этой связи можно сказать, что интеграционные процессы в регионе достаточно сильны, и реальный сектор экономики стран блока в целом ориентирован на рынок ССАГПЗ. Низкая же доля импорта внутри блока по отношению к его совокупному объему указывает на высокую зависимость аравийских монархий от поставок иностранной продукции, что объясняется низким уровнем диверсификации промышленности ССАГПЗ.

Первые данные об объеме внутренней торговли, опубликованные после введения таможенного союза, свидетельствуют о значительном росте торговли в рамках блока. Согласно докладу Промышленного банка ОАЭ, объем экспорта и реэкспорта из Эмиратов в другие страны ССАГПЗ вырос в 2003 г. на 33% по сравнению с 2002 г., а торговый оборот – на 16%. Впервые Саудовская Аравия, Кувейт и Катар возглавили список государств, реэкспортирующих из ОАЭ в другие страны мира. Это обстоятельство подчеркивает важность введения таможенного союза¹³.

Заключение таможенного союза должно также оказать значительное положительное воздействие на инвестиционный климат стран ССАГПЗ. Так, для товаров, произведенных в ССАГПЗ предприятиями с участием иностранного капитала, открывается доступ на рынки всех шести стран-членов Совета, что способствует росту экономической привлекательности инвестиций в такие проекты.

В долгосрочном плане создание таможенного союза представляется весьма эффективной мерой. Так, это ведет к повышению международной конкурентоспособности региона и более эффективному использованию ресурсов, что очень важно для стран-членов ССАГПЗ, так как их промышленность по большей части ориентирована на производство идентичной продукции (нефтепереработка и нефтехимия) и конкурирует сама с собой на мировом и внутреннем рынках.

Кроме того, договор о создании таможенного союза предполагает дальнейшую интеграцию стран ССАГПЗ, а именно создание общего рынка к 2007 г. и введение единой валюты к 2010 г., что приведет в итоге к возникновению единой экономической зоны¹⁴.

Унификация валют является одной из важнейших целей интеграции. По заявлению Генерального директора Арабского Валютного Фонда (АВФ) доктора Джассима аль-Маннаи, фонд в настоящее время активно занят разработкой критерия, на основе которого должен быть создан валютный союз и осуществлен переход к единой валюте

в рамках ССАГПЗ¹⁵. Согласно резолюции 22-го саммита ССАГПЗ был создан комитет, состоящий из глав Центральных банков стран Совета, который должен подготовить введение единой валюты. В качестве первого шага в этом направлении комитет осуществил к концу 2002 г. привязку валют всех стран ССАГПЗ к доллару США.

Так, в настоящее время все валюты стран ССАГПЗ имеют фиксированные курсы по отношению к американскому доллару. В ОАЭ курс был зафиксирован в 1980 г., в Катаре и Бахрейне – в 1981 г., в Омане – в 1986 г., в Саудовской Аравии – в 1987 г. Последней страной шестерки, которая закрепила курс своей национальной валюты по отношению к доллару, стал Кувейт. 13 октября 2002 г. Советом министров Кувейта был принят законопроект, по которому с 1 января 2003 г. осуществлялась привязка кувейтского динара к доллару на уровне 0,310–0,289 кув. дин. за доллар. Коридор, в пределах которого может колебаться курс, был установлен в размере $\pm 3,5\%$ ¹⁶. В сущности, подобная привязка уже существовала в течение последних шести лет, когда курс кувейтского динара, несмотря на привязку к корзине валют, испытывал колебания по отношению к доллару в размере $\pm 3\%$, в то время как аналогичный показатель в отношении фунта стерлингов составлял 20%, японской йены – 35%, европейских валют – 40%¹⁷. Таким образом, на деле в 2003 г. состоялось просто приведение в соответствие с законом той политики, которую проводил ЦБ Кувейта с 1997 г.

Таблица 2

**Курсы валют стран ССАГПЗ к американскому доллару,
1990,1995, 2000 гг.**

Год	ОАЭ	Бахрейн	Саудовская Аравия	Оман	Катар	Кувейт
1990	3,6710	0,3760	3,7450	0,3845	3,6400	0,2912
1995	3,6710	0,3760	3,7450	0,3845	3,6400	0,2985
2000	3,6725	0,3760	3,7450	0,3845	3,6400	0,3068

Источник: AMF Statistical Review 2002.

Привязка национальных валют стран Совета к доллару в данный момент объясняется тем, что доходы от нефти деноминированы в доллары, равно как и зарубежные активы этих стран. Кроме того, США являются ведущим торговым и инвестиционным партнером ССАГПЗ, и в свете этого стабильность курса национальных валют по отношению к доллару обеспечивает большую инвестиционную и коммерческую стабильность стран Совета. США также заинтересованы в такой привязке, так как это укрепляет позиции американского доллара в качестве мировой валюты, особенно с учетом все возрастающей конкуренции с евро.

По словам председателя ЦБ ОАЭ Султана бин Нассера аль-Сувайди, перспективы привязки будущей единой валюты ССАГПЗ к одной мировой валюте, а не к корзине валют не подвергаются сомнению¹⁸. Эффективность такой позиции подтверждается исследованиями экспертов МВФ, которые сравнили параметры внешнеторговой стабильности при привязке валюты Совета к доллару и СПЗ (специальным правам заимствования). В результате этого исследования они пришли к выводу, что привязка к корзине валют менее эффективна, чем к доллару, однако это не означает, что фиксирование курса по отношению к доллару более выгодно по сравнению с привязкой к какой-либо другой валюте¹⁹. Председатель ЦБ ОАЭ также не исключает возможности такой «недолларовой» привязки. Кроме того, не отвергается возможность введения плавающего курса единой валюты.

Необходимо отметить, что механизм перехода ССАГПЗ на единую валюту строится на основе аналогичного опыта Европейского Союза, когда курс стран-членов ЕС был привязан к немецкой марке с 1975 г. на основе установленных паритетов, и был определен коридор колебаний этих курсов в размере 4,5%. Паритеты несколько раз подвергались корректировке в результате несовпадения денежной и фискальной политики некоторых стран, а валютный коридор был увеличен до 15% от размера паритета. Вероятно, Совету сотрудничества также придется корректировать паритеты для предотвращения дестабилизации потоков капитала в условиях валютного союза, что особенно важно, учитывая широкий масштаб различий в экономической политике стран-членов ССАГПЗ.

По мнению экспертов МВФ, валютный союз будет способствовать усилению координации экономической политики стран ССАГПЗ, снижению транзакционных издержек, увеличению прозрачности цен, что приведет к более стабильному деловому климату и облегчит принятие инвестиционных решений²⁰. По словам министра финансов и национальной экономики Бахрейна Абдаллы Сайфа, единая валюта, «сделав цены на товары и услуги, а также инвестиционные затраты легко сравнимыми, будет способствовать росту конкуренции»²¹. Помимо этого, введение единой валюты положительно скажется на процессе унификации и развития региональных фондовых рынков и повысит эффективность финансовых услуг. Более того, такие издержки по введению валютного союза, как отказ от возможности проведения самостоятельной денежной политики и корректировки обменных курсов, не будут иметь большого значения для стран Совета, так как они уже долгое время не используют эти инструменты (с момента введения фиксированных курсов).

Однако введение единой валюты в означенные сроки потребует от правительств стран ССАГПЗ значительных усилий. Так, до сих пор не установлены такие критерии для перехода к валютному союзу, как

максимально допустимый уровень инфляции, бюджетного дефицита и государственного долга²².

Другой мерой на пути создания общего рынка является предоставление гражданам государств-членов ССАГПЗ в рамках блока свободы экономической деятельности, вложения капиталов, владения недвижимой собственностью, свободного передвижения, освобождения от налогообложения и др. Кроме того, инвесторы – граждане этих государств могут получать кредиты из банков и фондов промышленного развития в любой стране, входящей в Совет сотрудничества. Такие меры призваны создать условия для широкого обмена капиталами и трудовыми ресурсами внутри ССАГПЗ.

Таблица 3

Количество лицензий, предоставленных гражданам ССАГПЗ на ведение деятельности в других странах Совета, к 1992,1995,1998,2001 гг.

Страна	к 1992 г.	к 1995 г.	к 1998 г.	к 2001 г.
ОАЭ	2531	2754	3384	3384
Бахрейн	233	206	260	220
Саудовская Аравия	740	786	936	960
Оман	107	91	159	244
Катар	208	274	261	303
Кувейт	372	649	770	983
ВСЕГО	4191	4760	5770	6094

Составлено по: GCC General Secretariat Statistical Review, 2004.

Свобода экономической деятельности граждан стран ССАГПЗ способствует не только экономическому развитию региона, но и повышает его привлекательность для инвесторов. Во-первых, сокращаются издержки, связанные с наймом рабочей силы из других стран Совета. Это является весьма важным обстоятельством, так как все без исключения аравийские монархии испытывают дефицит квалифицированной рабочей силы, который сочетается с жесткими ограничениями на найм иностранных кадров. В этих условиях снятие ограничений на перелив рабочей силы между странами Совета расширяет рынок труда, повышает конкуренцию на нем, что ведет к снижению затрат на найм персонала и росту его квалификации. Во-вторых, в случае, если иностранный инвестор образует совместное предприятие с юридическим или физическим лицом – резидентом ССАГПЗ, то тогда перед ним открываются более широкие возможности по привлечению средств под совместный проект, так как его партнер-резидент может подать заявку на финансирование в банк или специализированный фонд в любой стране Совета.

Безусловно, финансирование за счет специализированных правительственных фондов создает дополнительные стимулы привлечения иностранных инвестиций в ССАГПЗ. Однако разрешение нерезидентам подавать заявки на получение кредитов таких фондов встречает определенное сопротивление со стороны экономических кругов стран Совета. Так, Торгово-промышленные палаты всех государств аравийской шестерки рекомендовали Генеральному секретариату Совета сотрудничества ввести ограничения для иностранных инвесторов, привлекающих средства в специализированных фондах. Они объясняют это тем, что таким образом за сравнительно небольшой промежуток времени из региона были выведены миллиарды долларов²³.

Еще одним направлением интеграции является координация в сфере промышленности. По словам Генерального секретаря ССАГПЗ Абдул Рахмана бин Хамад аль-Атия, страны-члены Совета рассматривают развитие промышленности как важнейший фактор экономического прогресса, и по этой причине они направили значительные ресурсы в эту отрасль и употребили стимулы для ее развития²⁴. Так, в октябре 1982 г. комиссия по промышленному сотрудничеству приняла решение о формировании группы экспертов из всех стран Совета для выработки стратегии сотрудничества в этой области. В 1985 г. на VI сессии Высшего совета ССАГПЗ, проходившей в г. Маскате (Оман), была утверждена Единая стратегия промышленного развития. Ее основными задачами стали диверсификация основанной на нефти промышленной базы и координация экономической политики с целью избежать дублирования производств. Кроме того, стратегия промышленного сотрудничества подразумевала концентрацию усилий на развитии перспективных отраслей, производящих экспортную продукцию, конкурентоспособную на внешнем рынке. Среди них: нефтепереработка, нефтехимия, черная и цветная металлургия, некоторые виды обрабатывающей промышленности. Причем в каждой из стран делался упор на развитие одной из отраслей, исключая нефтепереработку и нефтехимию, существующие во всех странах. Например, на Бахрейне – на развитие алюминиевой промышленности, в Катаре – металлургической и т.д.

Необходимо также отметить такое важное направление интеграции в рамках ССАГПЗ, как создание единой транспортной системы, которая подразумевает строительство единой сети железных дорог, а также газопровода, который соединял бы страны-участницы Совета²⁵. Интеграция транспортной системы имеет большое значение в деле усиления экономической кооперации и создания единой инфраструктуры в странах аравийской шестерки.

В 2005 г. планируется начать реализацию проекта объединения электроэнергетических систем стран ССАГПЗ. Проект подра-

зумевают объединение энергосистем в три этапа: 1) Саудовской Аравии, Кувейта, Катара и Бахрейна; 2) Омана и ОАЭ; 3) объединение этих двух образованных крупных систем. Стоимость проекта оценивается в 6 млрд. долл. Расходы по реализации первого этапа проекта распределяются следующим образом: Саудовская Аравия покрывает 40%, Кувейт – 33,8%, Бахрейн – 11,4%, Катар – 14,8%. 35% своей доли эти страны оплатят непосредственно из бюджета, остальная часть будет профинансирована путем заимствований. Такая схема финансирования является наиболее выгодной, так как окупаемость первого этапа не превышает 4 лет, а второго и третьего вместе – 3 лет. Быстрая окупаемость говорит о высокой экономической эффективности этого направления интеграции ССАГПЗ. Так, к примеру, создание единой энергосистемы позволит использовать 5 млрд. МВт в год, которые до этого утрачивались²⁶.

Итак, ССАГПЗ удалось добиться значительных положительных результатов в области экономического сотрудничества. Все мероприятия, проводимые в области экономического сотрудничества стран-членов Совета, создают основу для их экономической интеграции в более широком масштабе.

Необходимо отметить, что в последнее время скорость интеграционных процессов в ССАГПЗ возросла. Вероятно, это объясняется тем, что в момент создания ССАГПЗ интеграционные процессы в регионе не были объективной реальностью, а нуждались в покровительстве со стороны государственных и надгосударственных структур. По этой причине первое десятилетие сотрудничества было посвящено созданию благоприятных условий для расширения интеграции, в то время как в настоящее время происходит прорыв в правовом оформлении интеграционных процессов стран Совета. Однако до сих пор ССАГПЗ, как и большинство других интеграционных объединений, не имеет наднационального органа, который обладал бы правом управлять деятельностью национальных органов власти.

Тем не менее некоторые видные деятели стран ССАГПЗ недовольны итогами интеграции. Так, наследный принц Саудовской Аравии Абдалла заявил на саммите в Маскате (Оман) в 2001 г.: «То, что было достигнуто, слишком несущественно, и это напоминает нам о той большей части, что находится впереди... Мы до сих пор продвигаемся с малой скоростью, не отвечающей темпам современности»²⁷.

Среди наиболее очевидных причин относительно медленного продвижения интеграционных процессов в ССАГПЗ можно отметить повышенную приверженность лидеров этих стран концепции осторожной политики. Эта концепция не в последнюю очередь была обусловлена ситуацией, в которой происходило формирование

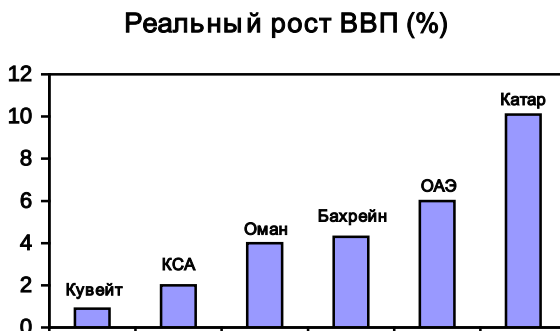
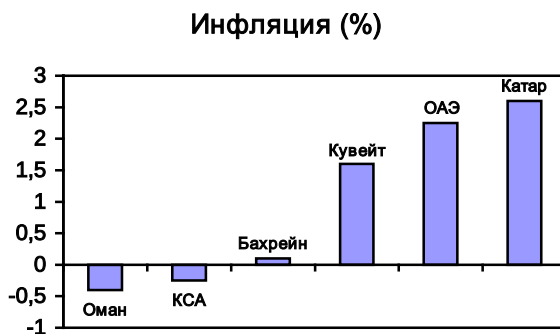
и развитие ССАГПЗ. Совет сотрудничества был создан в то время, когда его непосредственные соседи, Иран и Ирак, находились в состоянии войны друг с другом. В дальнейшем регион Персидского залива был свидетелем наиболее крупных международных войн, происходивших за последние 20 лет: войны в Заливе и военной кампании США в Ираке. В условиях постоянной нестабильности в регионе лидеры стран ССАГПЗ решили продвигаться в деле интеграции пусть медленно, но с большой тщательностью и осторожностью. Это заключалось в том, что приоритетом для них было не выполнение каких-либо сроков реализации того или иного этапа интеграции, а устранение всех противоречий до окончательного правового оформления этого этапа во избежание конфликтных ситуаций в рамках ССАГПЗ. Как одно из следствий этого можно отметить то обстоятельство, что программы, принимаемые на саммитах ССАГПЗ, зачастую определяют только общие направления интеграции и не содержат конкретных указаний на сроки и то, как их осуществить.

Долгое время лидеры государств-членов ССАГПЗ придерживались стратегии создания совместных структур, которые специализируются на интеграции в строго определенных сферах (промышленность, транспорт и т.д.), и меньше внимания уделяли устранению препятствий для ведения экономической деятельности между странами шестерки. Это объясняется тем, что либерализация экономической деятельности между членами интеграционного блока может привести к довольно значительным негативным последствиям в краткосрочном периоде. Эффективность введения таможенного союза, например, зависит от того, превысит ли эффект создания торговли воздействие эффекта отклонения торговли. В случае ССАГПЗ эффект отклонения торговли, в результате которого местное потребление переключается с более дешевых товаров стран Запада на более дорогую местную продукцию, мог оказать значительное негативное влияние на благосостояние нации. Однако исследования западных ученых указывают на то, что в результате либерализации торговли между странами-членами ССАГПЗ еще до введения таможенного союза эффект создания торговли превосходил эффект ее отклонения²⁸. Следовательно, при введении таможенного союза, основным достижением которого является введение единого низкого тарифа на импорт товаров из третьих стран, эффект отклонения торговли снизится еще больше. Минимизация негативного эффекта экономической интеграции была достигнута именно благодаря осторожной политике лидеров стран ССАГПЗ, стремившихся изучить все возможные последствия интеграции и принять меры для устранения негативного влияния перед тем, как сделать следующий шаг в направлении дальнейшей кооперации.

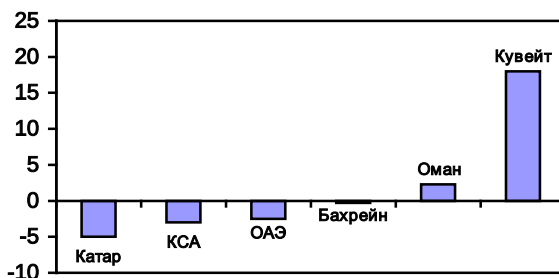
Необходимо также отметить такие препятствия на пути интеграции, как, с одной стороны, схожесть структур национальных экономик ССАГПЗ, а с другой стороны, значительные различия некоторых базовых экономических показателей этих стран. Первое обстоятельство проистекает из того, что во всех государствах Совета двигателем экономики является нефтедобывающая промышленность. Это значительно сужает масштаб преимуществ, которые государства получают от интеграции. Однако схожесть экономической базы стран аравийской шестерки не означает идентичности структур функционирования экономики. К примеру, государственный долг Саудовской Аравии к концу 2001 г. составлял 168 млрд. долл., в то время как в ОАЭ он был практически равен нулю.

График 1

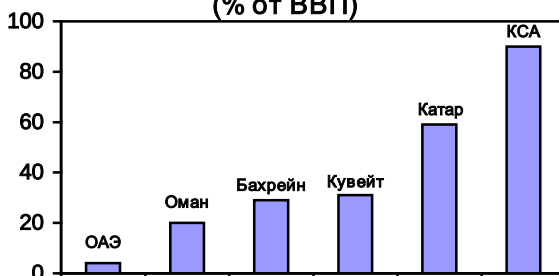
**Конвергенция экономических показателей стран ССАГПЗ
(средние значения, 1996–2001 гг.)**

Платежный баланс (% от ВВП)

Общий государственный долг (% от ВВП)

Источник: Ugo Fasano and Zubair Iqbal. Common Currency // IMF quarterly magazine. December 2002, Volume 39, № 4, с. 35.

В случае с валютным союзом его введение предполагает значительную схожесть базовых экономических показателей государств-членов интеграционного объединения, что несвойственно странам ССАГПЗ. По этой причине странам-членам придется ввести значительные ограничения на свою монетарную, фискальную и бюджетную политику. К примеру, чрезмерный бюджетный дефицит в одной из стран-членов может привести к дестабилизации валютного режима во всем блоке. До недавнего времени государства аравийской шестерки в условиях снижения цен на нефть предпочитали иметь большой дефицит платежного баланса и бюджета, чем снижать государственные расходы, так как они опасались обширного негативного влияния снижения государственных расходов на развитие ненефтяного сектора. Однако последние исследования западных ученых указывают на то, что такая связь в странах ССАГПЗ незначительна, что является результатом

масштабной диверсификации экономики этих государств. Ослабление вышеозначенной связи между государственными расходами и развитием ненефтяного сектора должно дать значительный импульс дальнейшему развитию интеграции ССАГПЗ.

В то же время нельзя безапелляционно утверждать, что интеграционные процессы в ССАГПЗ даже до недавнего времени продвигались слишком медленно. В этом смысле показателен пример Европейского союза, которому понадобилось в два раза больше времени, чтобы достичь того уровня интеграции, который реализован в рамках Совета сотрудничества на данный момент²⁹. Более того, необходимо учитывать, что ЕС обладал двумя преимуществами по сравнению с ССАГПЗ: международной системой обеспечения безопасности (НАТО) и отсутствием крупных международных конфликтов в регионе. Таким образом, нестабильность в регионе оказала существенное негативное влияние на скорость и масштабы развития интеграционных процессов в рамках ССАГПЗ.

Что касается мнения других арабских стран в отношении интеграционных процессов в ССАГПЗ, то оно является положительным. Многие из них стремятся осуществлять более тесную координацию с Советом сотрудничества. Так, например, в 2004 г. между ССАГПЗ и Сирией было заключено соглашение о свободной торговле, которое предполагает отмену всех таможенных пошлин и прочих налогов при торговле между двумя сторонами³⁰. Иордания же официально изъявила желание стать полноправным членом Совета сотрудничества для более полной реализации политических и экономических интересов, которые связывают эти страны. С разрешением в 2000 г. разногласий Саудовской Аравии и Йемена по поводу приграничных территорий лидеры стран ССАГПЗ пришли к принципиальному решению о том, что Йемен должен быть со временем принят в ССАГПЗ. К настоящему времени Йемен входит в ряд наднациональных структур Совета, специализирующихся на вопросах здравоохранения, образования, труда и социальных вопросах.

Надо отметить, что с позиций других стран мира интеграционные процессы в ССАГПЗ также представляются положительными. Во-первых, расширяется рынок стран Персидского залива за счет снятия ограничений на движение товаров внутри блока, в результате чего перед иностранными бизнесменами открывается очень привлекательный рынок с населением в 32 млн. человек, среднегодовой доход которых составил в 2002 г. 11,979 тыс. долларов³¹. Во-вторых, одновременно со снятием ограничений на торговлю внутри Совета происходит либерализация внешней торговли, что облегчает доступ иностранных товаров на местные рынки и тем самым способствует увеличению объемов аравийского импорта.

В-третьих, координация экономической политики стран Совета, ее либерализация ведут к росту конкурентоспособности местного реаль-

ного сектора экономики, что отражается в увеличении интереса со стороны иностранных инвесторов. В-четвертых, предоставление льгот и стимулов компаниям с участием капитала граждан ССАГПЗ способствует росту привлекательности создания совместных с национальным капиталом предприятий в глазах зарубежных инвесторов.

¹ John Duke Anthony. The Gulf Cooperation Council: Strengths // GulfWire Perspectives, 2004, February 20, с. 1.

² John Duke Anthony. In the Shadow of the Clouds. Assessing the GCC's 23rd Summit, 2002, December 26, с. 3.

³ Final communique adopted by the Supreme Council of the Gulf Cooperation Council at its 22nd session. GCC General Secretariat, 2002, с. 2.

⁴ Scott Bortot. Future Challenges and Past Triumphs: The Year in Review. U.S.-Arab Tradeline, 2003, January 1, с. 1.

⁵ Middle East and North Africa Financial News (MENAFN), January 14, 2004.

⁶ Yasser Elguindi. GCC moving towards unified tariff agreement. U.S.-Arab Tradeline, 1997, July 11, с. 5.

⁷ Final communique adopted by the Supreme Council of the Gulf Cooperation Council at its 22nd session. GCC General Secretariat, 2002, с. 3.

⁸ Gulf News, October 24, 2002.

⁹ Middle East Economic Survey. 2002, Vol. XLV, № 1, January 7, с. 8.

¹⁰ The Peninsula, June 02, 2004.

¹¹ Yasser Elguindi. GCC moving towards unified tariff agreement. U.S.-Arab Tradeline, 1997, July 11, с. 6.

¹² GCC single currency need not be pegged to dollar // Gulf News, January 27, 2003.

¹³ Arab News, July 24, 2004.

¹⁴ Амин а'ам маджлис ат-та'авун ли дуваль аль-халидж аль-арабия: мау'ид аль-умля аль-муваххада фи а'ам 2010 (Генеральный секретарь ССАГПЗ: срок введения единой валюты назначен на 2010 г.) // Аль-Иктиад валь-А'амаль', февраль 2004.

¹⁵ Khaleej Times, January 31, 2003.

¹⁶ Times of Oman, January 06, 2003.

¹⁷ Agency for Middle East Business Information, January 4, 2003.

¹⁸ Gulf News, January 27, 2003.

¹⁹ Zubair Iqbal, S. Nuri Erbas. External stability under alternative nominal exchange rate anchors: An application to the GCC countries // IMF Working Paper, 1997, с. 18.

²⁰ Ugo Fasano, Zubair Iqbal. Common Currency // IMF quarterly magazine, December 2002, Volume 39, № 4, с. 7.

²¹ Middle East Economic Survey, 2002, Vol. XLV, № 1, January 7, с. 32.

²² MENAFN, June 15, 2004.

²³ MENAFN, May 24, 2003.

²⁴ Gulf News, October 24, 2002.

²⁵ MENAFN, August 04, 2004.

²⁶ Gulf News, September 11, 2004.

²⁷ Middle East Economic Survey, 2002, Vol. XLV, № 1, January 7, c. 34.

²⁸ Robert E. Looney. Economic Integration in the Gulf Region: Does the Future Hold More Promise than the Past? // Center for Contemporary Conflict, March 2003, c. 12.

²⁹ John Duke Anthony. The Gulf Cooperation Council: Strengths // GulfWire Perspectives, February 20, 2004, c. 2.

³⁰ MENAFN, June 14, 2004.

³¹ Ugo Fasano, Zubair Iqbal. GCC Countries: From Oil Dependence to Diversification // IMF, 2003, c. 9.

**АРАБСКИЙ МИР В НАСТУПИВШЕМ СТОЛЕТИИ:
К «ЗОЛОТОМУ МИЛЛИАРДУ» ИЛИ В «ЧЕТВЕРТЫЙ МИР»? ***

Страны арабского мира вступили в XXI век с крайне дифференцированными итогами социально-экономического и политического развития. Их различия настолько велики, что дают все основания относить некоторые из них к наиболее динамично развивающимся государствам мира, а другие – к числу наименее развитых и беднейших стран. Отчетливое представление об этом дает приведенная ниже таблица 1.

Арабский регион (арабский мир) – это в настоящее время территории, занимаемые почти двадцатью арабскими государствами и простирающиеся от северо-западной оконечности Африки до берегов Персидского залива. Их общая площадь составляет более 12 059 тыс. кв. км, население – около 275 млн. человек (оценка 2000 г.), 70% территории арабских государств находится в Африке, где проживает 75% арабского населения.

Таблица 1

ВВП и ВВП на душу населения арабских стран в 2000 г.

№№	Страна	Население (тыс. чел.)	ВВП в 2000 г.	
			абс. (млн. долл.)	на душу (долл.)
1	Алжир	30296	53306	1760
2	Бахрейн	640	7971	12459
3	Египет	67884	98725	1454
4	Иордания	4913	8340	1697
5	Ирак	22946	...	...
6	Йемен	18349	8532	465
7	Катар	565	14473	25595
8	Кувейт	1914	37783	19736
9	Ливан	3496	16488	4716

* Под «четвертым миром» специалисты, занимающиеся развивающимися странами, в последние годы понимают слаборазвитые государства, население которых живет на душевой доход менее 1 доллара США в день. Их экономика остается застойной, патриархально-примитивной, слабовключенной в глобализационные процессы. – Прим. авт.

№№	Страна	Население (тыс. чел.)	ВВП в 2000 г.	
			абс. (млн. долл.)	на душу (долл.)
10	Ливия	5290	...	...
11	Мавритания	2665	935	351
12	Марокко	29878	33345	1116
13	ОАЭ	2606	...	...
14	Оман	2538	19825	7811
15	Саудовская Аравия	20346	173287	8517
16	Сирия	16189	...	...
17	Судан	31095	11516	370
18	Тунис	9459	19462	2058
19	Палестинская автономия	3191	4359	1366
	Всего:	274255	...	...

Составлено по: UNCTAD. Handbook of statistics. New York and Geneva, 2002, с. 318–319.

Отсутствие в ООН данных по ВВП Ирака, Ливии, ОАЭ и Сирии за 2000 г., как видно из таблицы, не позволяет точно рассчитать совокупный ВВП арабского мира и среднеарабский ВВП на душу его населения. Предыдущие данные ООН за 1998 г. свидетельствуют, что доля арабских стран в населении мира составляла 4,4%, а в ВВП мира лишь 1,8%¹. Это не может не означать, что трудоспособное население всех арабских стран, взятое в целом, работало с весьма низкой общественной производительностью труда.

Низкая в большинстве случаев конкурентноспособность, малая эффективность воспроизводственных механизмов, крайняя неравномерность как имеющихся природно-ресурсных потенциалов, финансовых и людских резервов, в особенности квалифицированной рабочей силы, так и воздействие процессов глобализации и темпов экономического развития привели арабские страны к началу нового века к весьма различным и даже полярным результатам, главным индикатором которых является ВВП на душу населения.

Бесспорными лидерами арабского мира по этому показателю, как свидетельствуют приведенные данные, были страны-экспортеры нефти: Катар (25 595 долл. на душу), Кувейт (19 736 долл.) и ОАЭ (20 073 долл. в 1998 г.). Тем самым по этому показателю Катар превысил в 2000 г. уровень Англии (24 024 долл.), Австрии (23 357 долл.), Бельгии (22 323 долл.), многих других развитых стран Западной Европы и Канады (22 778 долл.), относимым к странам так называемого «золотого миллиарда».

Аутсайдерами социально-экономического развития остались Йемен (465 долл. на душу), Судан (370 долл.), Мавритания (351 долл.) и

Ирак (211 долл. в 1998 г.). Они входят в зону так называемого «четвертого мира» – «миллиарда бедности и нищеты».

Если указанные экономические лидеры арабского мира достигли высоких результатов и в социальной сфере, то основная масса арабских стран, в особенности многонаселенных, по социальным индикаторам к ним даже не приближается. Это делает общую, средневзвешенную картину социальной жизни населения не только не радужной, но, скорее, даже скромной и непривлекательной.

По данным авторов докладов о гуманитарном развитии арабских стран в 2002 и 2003 годах, 40% их населения – неграмотны, число безработных здесь в ближайшие 5 лет достигнет 25 млн. человек, треть населения арабского мира живет менее чем на 2 долл. в день, только 1,6% населения имеют возможность пользоваться Интернетом. Женщинам принадлежат лишь 3% парламентских мест².

При указанной выше доле арабских стран в населении мира в 4,4% на них приходится лишь 1% мирового выпуска книг, одна пятая из которых – религиозного содержания, что втрое больше, чем в остальном мире. Во всех странах региона, вместе взятых, в год на арабский язык с других языков переводятся не более 330 книг. Это одна из причин, по которой средний уровень образования в арабском мире намного ниже, чем в Латинской Америке, Индии, Китае и у мало-квалифицированных рабочих промышленно развитых стран Запада.

К этим результатам рубежа нового столетия арабские страны шли разными путями и темпами, постоянно менявшимися под воздействием самых разных обстоятельств, как-то: внутри- и внешнеполитических, военно-стратегических, социально-экономических, природно-ресурсных.

Отчетливое представление о динамике экономического развития стран арабского мира за последние два без малого десятилетия истекшего XX в., которые фактически и сформировали его завершающие итоги и достигнутые к новому столетию рубежи, дает приводимая ниже таблица 2, составленная по данным ООН за 2000 г.

Приведенные в ней цифры свидетельствуют, что ни одна из 18 охваченных ооновской статистикой арабских стран не развивалась в три приведенные пятилетки равномерно и поступательно. Рост производства в некоторых странах сменялся застоем либо переходил в спад. В других стадия стагнации завершалась, и начинался подъем. В третьих наблюдались иные комбинации этих стадий. При самом внимательном анализе представленной динамики никаких четких закономерностей и поступательных тенденций выявить не удастся. Действительно, в 1980–1985 гг. рекордсменом по темпам роста стал, как видно из таблицы, Оман (15,2% в среднем в год). На втором месте по этому показателю был Египет (7,0%), на третьем – Алжир (5,4%). С другой стороны, наибольший спад производства был отмечен в Ливии (-7,0%), Ираке (-3,8%) и Саудовской Аравии (-3,4%).

Таблица 2

Среднегодовые темпы роста ВВП арабских стран в 1980–1998 гг. (%)

Страна	Темпы роста ВВП			
	1980–85 гг.	1985–90 гг.	1990–95 гг.	1995–98 гг.
Алжир	5,4	0,2	-0,1	1,1
Бахрейн	-0,2	4,1	5,4	4,2
Египет	7,0	4,3	3,5	4,2
Иордания	5,3	-2,0	8,1	5,5
Ирак	-3,8	2,6	-23,0	-12,5
Йемен	...	...	2,9	3,8
Катар	...	1,0	2,2	5,1
Кувейт	-3,3	1,2	16,3	10,3
Ливан	...	...	10,6	7,6
Ливия	-7,0	-8,0	-1,1	0,0
Мавритания	0,6	2,5	3,9	4,2
Марокко	5,5	4,3	1,0	2,2
ОАЭ	-1,5	2,9	1,8	2,9
Оман	15,2	2,8	6,1	5,0
Сауд. Аравия	-3,4	3,6	2,1	1,6
Сирия	2,1	1,8	6,7	5,2
Судан	0,7	1,1	7,2	7,8
Тунис	4,0	2,8	4,0	4,4

Составлено по: UNCTAD. Handbook of Statistics 2000. UN, Geneva, 2000, с. 298–300.

В остальных странах производство фактически стагнировало. Данные о темпах роста в Йемене, Катаре и Ливане в первую половину 80-х отсутствуют совсем.

Ситуация принципиально меняется на протяжении двух последующих пятилеток 1985–90 гг. и 1990–95 гг. Данные за эти годы свидетельствуют, что во второй половине 80-х годов максимальными для арабского мира среднегодовыми темпами (4,3%) возрастал ВВП Египта и Марокко. За ними следовали Бахрейн с показателем 4,1% и Саудовская Аравия – 3,6%. В двух странах ВВП сокращался в этот период: в Иордании в среднем на 2,0% и в Ливии – на 0,6% ежегодно.

В остальных странах региона ВВП либо фактически стагнировал, либо рос крайне незначительно на 1–2% в год. Поскольку, однако, население большинства арабских стран росло в эти годы опережающими темпами, это вело к сокращению ВВП на душу населения. Больше всего он ежегодно сокращался в Катаре – на 5%, Ливии – на 4,2% и Иордании – на 3,9%.

В 1990–1995 гг. на экономической картине арабского мира появляются совершенно новые необычные штрихи. Поражение Ирака в войне со странами антииракской коалиции и разрушение его экономики приве-

ло к тому, что его ВВП в этот период ежегодно падал на 23,0%, а ВВП на душу населения – на 24,6%. В то же время ВВП Кувейта – жертвы иракской агрессии, – который начал восстанавливать свою экономику после окончания войны, ежегодно возрастал в первой половине 90-х годов в среднем на 16,3%, а ВВП на душу населения – на 22,4%.

Весьма быстрыми темпами в 10,6% рос в эти годы и ВВП Ливана, также переживавшего восстановительный период, а его душевой доход ежегодно возрастал в среднем на 6,9%.

Наряду с Ираком незначительное, но все-таки снижение ВВП в эти годы испытывали Ливия (-1,1%) и Алжир (-0,1%). Ливия находилась под прессом международных санкций после дела Локерби, а Алжир был вынужден ограничить внешние экономические связи из-за разгула исламского терроризма.

Огромное воздействие не только на социальную ситуацию в арабском мире, но и на экономическое положение входящих в него стран оказывал крайне неблагоприятный демографический фактор. В разные периоды, приведенные в таблице 2, в большинстве арабских стран темпы роста населения периодически опережали указанные темпы роста ВВП. Об этом свидетельствуют данные приведенной ниже таблицы 3.

Таблица 3

Темпы роста населения арабских стран в 1970–1998 гг.

Страна	Среднегодовые темпы роста населения (%)	
	в 1970–90 гг.	в 1990–98 гг.
Алжир	3,1	2,4
Бахрейн	4,2	2,4
Египет	2,4	2,0
Иордания	4,0	4,1
Ирак	3,4	2,3
Йемен	3,1	4,9
Катар	7,7	2,1
Кувейт	5,6	-2,8
Ливан	-0,1	3,0
Мавритания	2,6	2,8
Марокко	2,3	1,7
ОАЭ	11,6	2,6
Оман	4,8	3,7
Саудовская Аравия	5,5	2,8
Сирия	3,5	2,7
Судан	2,9	2,0
Тунис	2,5	1,7

Составлено по данным: UNCTAD. Handbook of Statistics 2000. UN, Geneva, 2000, с. 292–293.

Так, например, при сравнении темпов роста ВВП (табл. 2) и темпов роста населения (табл. 3) выявляется, что в последнем десятилетии истекшего века (1990–98 гг.) вторые опережали первые в Алжире, Ираке, Йемене, Ливии и Саудовской Аравии. Это неизбежно ведет к снижению ВВП этих стран, приходящегося на душу их населения, или «душевого дохода». А в совокупном выражении по всему Арабскому Востоку такой демографический рост оборачивался удвоением населения этого региона каждые 23 года, в то время как численность населения Европы удваивается лишь каждые 233 года или в 10 раз медленней.

Таблица 4

ВВП и ВВП на душу населения арабских стран в 1990 и 1998 гг.

Страна	ВВП (1990 г.)		ВВП (1998 г.)	
	абс. (млн. долл.)	на душу (долл.)	абс. (млн. долл.)	на душу (долл.)
Алжир	52567	2106	46602	1549
Бахрейн	3484	6927	5350	8998
Египет	50908	971	82710	1254
Иордания	3946	984	7454	1182
Ирак	68041	3763	4600	211
Йемен	6528	559	5334	316
Катар	6484	15186	11703	20212
Кувейт	13490	6295	26452	14609
Ливан	3386	1236	17072	5350
Ливия	40748	8965	22050*	4036*
Мавритания	1052	520	903	357
Марокко	25222	1006	36124	1320
ОАЭ	33778	21258	47234	20073
Оман	10622	6970	14962	6282
Сауд.Аравия	100542	6761	125840	6236
Сирия	24823	2009	49153**	3461**
Судан	25858	1026	10107	357
Тунис	12513	1553	20021	2145
Всего:	483992	2281	533671	2051

* Данные за 1994 г.

** Данные за 1995 г.

Составлено по: 1) Handbook of International Trade and Devefepment Statistics UN, 1992, New-York and Geneva, 1993, с. 432; 2) UNCTAD. Handbook of Statistics 2000. UN, Geneva, 2000, с. 292–293.

В итоге роста ВВП и увеличения численности населения арабского мира, в частности в последнее десятилетие, регион в целом и входящие в него страны, без учета Палестины и Западной Сахары,

подошли к началу нового, XXI века с социально-экономическими результатами, представленными в таблице 1. Из-за уже упоминавшегося отсутствия данных за 2000 г. по ВВП некоторых арабских стран и невозможности высчитать совокупный ВВП арабского мира этого года исследователи вынуждены пользоваться данными за 1998 год.

Итак, к началу XXI в. совокупная масса ВВП всех 18 арабских стран в объеме 533,7 млрд. долл. была меньше, чем ВВП одной Испании, составивший 553,2 млрд. долл., хотя общая численность их населения в 260 млн. человек превосходила численность населения Испании (39,6 млн. человек) в 6,5 раз*. Это означает, что трудоспособное население всех арабских стран, взятое в целом, работало с весьма низкой общественной производительностью труда.

Приход к власти на рубеже веков новых лидеров в ряде арабских стран дает основание полагать, что их деятельность откроет новые перспективы не только для их народов, но и для арабского мира в целом. В числе таких новых лидеров можно назвать, например, Башара Асада в Сирии, который уже начал модернизацию государственных структур своей страны. В их числе находятся также Абдалла II в Иордании, Мухаммед VI в Марокко, который намечает превратить свою монархию в конституционную по типу испанской, премьер-министр Ливана Р.Харири, эмиры Хамад бен Иса – на Бахрейне и Хамад бен Халифа – в Катаре.

Новые перспективы перед арабским миром несомненно откроют меры по либерализации экономики, которые начали осуществляться во многих странах региона. Эти реформы отражают неизбежное и усиливающееся воздействие таких современных тенденций мирового развития, как глобализация, информатизация, внедрение новейших технологий. Впереди других в этом отношении находится эмират Дубай, который, по многим имеющимся оценкам, уже в ближайшие годы нового века станет образцом экономического развития в арабском мире. Именно под влиянием этих тенденций на арабский мир его лидеры в наступившем веке все чаще выступают за создание межарабского экономического пространства, «общего арабского» и «общего исламского» рынков. Активизировались усилия по экономической интеграции и в рамках Лиги арабских государств. В качестве конкретных методов такой интеграции предлагаются свободное перемещение капиталов, товаров и рабочей силы, а также постепенное унифицирование таможенных тарифов.

В новых исторических условиях наступившего века акцент смещается с общеарабской региональной на арабскую субрегиональную

* В 2000 г. население Испании составило 39,9 млн. человек, а арабского мира, как указывалось, – 274,3 млн. человек или в 6,9 раза больше. Поэтому соотношение численности сохранилось на прежнем уровне. (UNCTAD. Handbook of Statistics. New-York and Geneva, 2002, с. 316. – Прим. авт.)

интеграцию, в которой участвуют не все арабские страны, а лишь некоторые, как правило, соседние, входящие в один субрегион. В качестве примера можно привести начавшуюся в первые годы нового века реализацию идеи интеграции Сирии, Ирака, Ливана и Иордании и создания ими единого экономического пространства. Ирак поставлял остальным трем странам нефть по нефтепроводу Киркук-Банияс на льготных условиях, получая в обмен продовольствие. Пользуясь этим, сирийцы с ноября 2000 г. стали поставлять свою нефть на экспорт. Функционирование указанного нефтепровода вызвало, однако, недовольство многих членов мирового сообщества, а США и Великобритания угрожают Дамаску расследованием.

В числе крупных межарабских проектов начала нового века, которые будут во многом определять тенденции экономического развития в ближайшие годы, можно назвать прокладку 400-километрового газопровода по дну Средиземного моря из египетского города Эль-Ариш на севере Синайского полуострова в ливанский порт Триполи, оттуда в Сирию и, возможно, – в Европу, а также создание в Иордании при участии Ливии искусственной реки протяженностью 300 км. В феврале 2004 г. началось строительство плотины на пограничной между Сирией и Иорданием р.Ярмук, которое было задумано еще в 50-е годы истекшего столетия, но многие десятилетия откладывалось.

Таким образом, указанные и многие другие крупные проекты в случае их реализации будут способствовать росту ВВП многих арабских стран, повышению темпов роста производства и душевого дохода. Реализация же их зависит прежде всего от сохранения мира в регионе и стабильного запланированного финансирования. Пока же страны – члены Лиги арабских государств (ЛАГ) вступили в новый век с огромной финансовой задолженностью в размере 375 млрд. долл., из которых 156 млрд. – внешняя, в т.ч. около 20% этой суммы составляет задолженность России, и 219 млрд. – внутрибюджетная. Такая задолженность в случае ее погашения неизбежно будет тормозить экономическое развитие арабского мира в обозримом будущем и реализацию указанных и других проектов.

Будет сохраняться и дифференциация внутри региона по уровню и темпам экономического развития. В значительной мере это объясняется тем, что наибольшая часть указанной задолженности приходится именно на беднейшие арабские страны.

Сохранению различий и даже поляризации внутри арабского мира будет способствовать и дальнейший рост глобального спроса на углеводородное сырье, в частности нефть. 40% разведанных мировых запасов нефти находятся на территории стран ССАГПЗ. Поэтому именно эти страны будут неизбежно вынуждены и далее развивать свою нефтяную промышленность. На последнем в XX в. Всемирном энергетическом форуме, состоявшемся в Эр-Рияде, в частности, отмечалось, что для того, чтобы обеспечить прогнозируемую глобаль-

ную потребность в сырой нефти в объеме 44 млн. баррелей в день, к 2010 г. страны ССАГПЗ должны будут инвестировать в нефтедобывающую промышленность 120–160 млрд. долл.

Заинтересованность потребителей арабской нефти дает основание предполагать, что в обозримом будущем какие-либо принципиальные экономические потрясения арабскому миру не угрожают.

Иное дело, когда речь заходит о социальных, демографических и природно-ресурсных факторах. Главной опасностью здесь для арабского мира будет оставаться, как и в истекшем веке, демографический «взрыв», когда в среднем на одну мать приходится 6,5 детей. Всякие доводы и предположения по этому поводу наталкиваются на стену средневековых исламских понятий и традиций. Преодолеть же последствия потенциального взрыва можно лишь в том случае, если темпы роста ВВП будут опережать темпы роста населения. А это удастся далеко не всем арабским странам и не во все исторические периоды. Последствия быстрого роста населения обостряют продовольственную проблему, влекут рост безработицы в арабских странах. Так, только в 1999 г. эти государства израсходовали на импорт продовольствия 564 млн. долл. По имеющимся оценкам, численность безработных в арабском мире к 2010 г. достигнет, как отмечалось выше, 25 млн. человек. Это, бесспорно, усилит накал не только социальных, но и политических проблем для многих стран и чревато угрозой существующим в этих странах режимам.

Сложные социальные проблемы на рубеже веков стояли в Иордании, Ливане, Марокко, Палестине, Тунисе. А еще более острыми они были в Алжире, Египте, Сирии, Судане. Одним из наиболее ярких проявлений обострившихся социальных язв для ряда арабских стран наряду с ростом безработицы стал разгул исламского фундаментализма, экстремизма и терроризма.

Решить эти проблемы или содействовать их разрешению можно лишь одновременно развивая экономику и социальную инфраструктуру, с одной стороны, и прививая и утверждая принципы демократизма во всех сферах общественной жизни, с другой.

Примеры такого подхода уже в наступившем столетии имеются, хотя пока они и редки. Так, в Алжире на протяжении 2000–2003 гг. было создано 1,2 млн. новых рабочих мест, зарегистрировано 50 тыс. новых предприятий. За последнее пятилетие средняя зарплата по стране возросла на 50%, а инфляция составляла лишь 2% в год. В результате властям почти полностью удалось подавить исламское радикальное движение, которое с 1992 г. вело вооруженную борьбу с правительством, вербуй в свои ряды боевиков преимущественно среди малоимущих и безработных³.

Алжир вышел из состояния международной изоляции. В страну начинают возвращаться иностранные авиакомпании, увеличиваются объемы иностранных инвестиций, возрождается туризм, ширятся масштабы промышленного и гражданского строительства.

Арабские исследователи – составители доклада Программы развития ООН по проблемам людских ресурсов арабских стран за 2002 г. – указали на три основных «тормоза», препятствующих развитию своих стран: дефицит свободы, дефицит прав женщин, дефицит знаний. Пока, однако, правящие элиты целого ряда арабских государств, в особенности с консервативными режимами, отказываются воспринимать демократические ценности гражданского общества, предусматривающие в качестве неотъемлемых норм принципы взаимопонимания и диалога, толерантности, отказа от экстремизма и насилия.

Так, министр иностранных дел Саудовской Аравии Сауд аль-Фейсал в марте 2004 г. заявил, что его страна «будет проводить реформы, вытекающие из необходимости удовлетворения нужд народа и из стремления руководства улучшить работу правительства на благо народа»⁴. Он выступил против подталкивания арабских лидеров к демократическим преобразованиям. Несколько позже в ходе встречи с президентом Йемена А.А.Салехом он указал, что арабские страны нуждаются во внешней помощи только для урегулирования палестинской проблемы и привлечения иностранных инвестиций.

Непредсказуемые сегодня последствия для социально-политического будущего арабского мира в наступившем веке будет иметь быстро обостряющаяся проблема водных ресурсов. Арабский регион, занимающий 9,6% поверхности земного шара, располагает менее 1% возобновляемых мировых запасов пресных вод и является одним из наиболее засушливых в мире. А его население обеспечено водными ресурсами в наименьшей степени по сравнению с населением других регионов мира. Причем на протяжении последних десятилетий обеспеченность водой населения арабского региона постоянно снижается из-за высоких темпов его прироста, составляющих около 3% в год в среднем по региону. Но есть в регионе и страны, в которых темпы прироста населения значительно выше. Так, на протяжении 90-х годов, по данным ООН, рекордсменами по темпам роста населения были Йемен (4,9%) и Иордания (4,1%) (см. табл. 3).

Поскольку темпы роста населения опережают темпы роста вновь осваиваемых водных ресурсов, количество имеющейся воды на душу населения, и без того скудное, постоянно сокращается. В соответствии с существующими мировыми стандартами считается, что для нормального удовлетворения нужд страны объем вод, поступающих из всех наличных источников, должен составлять не менее 1325 куб. м в расчете на одного жителя в год. Если взять в качестве примера арабские страны Северной Африки, то здесь в наиболее благоприятном положении находится Марокко, имевшее в начале 90-х годов 1185 куб. м на одного жителя, а вот в Тунисе на человека в тот же период приходилось всего 532 куб. м в год или в 2,5 раза меньше нормы. Причем если взять период 1960–1990 гг., то в это время возобновляемые ресурсы пресной воды на душу населения в год в Ал-

жире сократились в 2,3 раза, в Ливии – почти в 3,5 раза, в Марокко – в 2,1 раза, в Тунисе – почти в 2 раза⁵.

Постоянное увеличение спроса на воду, в частности, со стороны городского населения, а также потребности промышленности все более ограничивают возможности дополнительного использования водных ресурсов сельским населением и неизбежно вызывают необходимость пересмотра традиционной системы распределения воды, будь то административными методами или фискальными. О том, что потребление воды в арабских странах постоянно растет, свидетельствуют цифры, например, по Египту. Так, согласно данным, опубликованным в октябре 1997 г., суточное душевое потребление водопроводной питьевой воды в Египте возросло с 67 л в 1952 г. до 227 л в 1987 г., а к 2007 г. может достигнуть 636 л. В трехмиллионном Дамаске воду подают лишь на несколько часов в сутки. Палестинцы заявляют, что они умирают от жажды и вот уже много лет продолжают обвинять Израиль в воровстве воды⁶.

В таких условиях рациональным представляется повышение цен на воду и удешевление процесса опреснения морской воды, что поможет сохранить водные источники и привлечь иностранные инвестиции с сопутствующими апробированными технологиями. Все арабские страны нуждаются также в сокращении потерь воды при ее транспортировке. Если же никаких мер вообще не предпринимать или предпринимать их в ограниченных масштабах или медленными темпами, то сельской местности многих арабских стран неизбежно придется столкнуться со все более интенсивно прогрессирующим опустыниванием – самым крайним выражением деградации среды обитания человека.

Возрастающий дефицит водных ресурсов, помимо указанного непосредственного негативного воздействия на социально-экономическое положение населения стран региона, неминуемо влечет за собой и многие другие отрицательные последствия, начиная от столкновений и конфликтов между отдельными деревнями и племенами за колодцы, за места водопоя скота на берегах рек и озер и за другие источники водоснабжения, до осложнения отношений между странами, обычно соседними, расположенными в регионе. В числе последних следует упомянуть многолетние конфликты из-за распределения вод Нила между странами его бассейна, между Ливией и ее южными и восточными соседями из-за выкачки подземных вод в Великую рукотворную реку, между Сирией, Ираком и Турцией из-за распределения вод Евфрата, из-за распределения вод бассейна р.Иордан между арабскими странами, с одной стороны, и Израилем – с другой, и т.д.

Итак, анализ, проделанный в рамках этой статьи, дает основание полагать, что в наступившем веке арабский мир ожидают сохранение дифференциации в экономике, дальнейшее нарастание напряженно-

сти и возможные «взрывы» в социальной сфере разных стран и полное непредсказуемости политическое будущее и дестабилизация некоторых режимов под воздействием многочисленных внутренних и внешних обстоятельств и факторов. Еще несколько нефтяных арабских государств смогут приблизиться по основным, но не по всем, социально-экономическим показателям к странам «золотого миллиарда», но некоторые могут пополнить ряды «четвертого мира».

¹ Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. 2002, вып.5, с. 47.

² Компас, 2004, № 14, с. 18.

³ Компас, 2004, № 38, с. 71.

⁴ Компас, 2004, № 14, с. 19.

⁵ Труды XI съезда Русского географического общества, Санкт-Петербург, 2000, т. 4, с. 78.

⁶ См. ст.: Водный кризис на Ближнем Востоке // Новые Известия, 29.06.2001.

⁷ Подробнее см.: М.А.А.М.Халиль. Проблема водных ресурсов в международных отношениях на Ближнем Востоке (вторая половина XX века): Автореф, дисс. – М., 2004, с. 31.

**РОССИЙСКО-ЕГИПЕТСКОЕ
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Российско-египетские торгово-экономические отношения прошли через несколько этапов в своем развитии. С начала 90-х годов для них было характерно резкое сокращение делового сотрудничества практически по всем направлениям. Причины происшедшего спада хорошо известны, поэтому нет необходимости специально останавливаться на них. Важно подчеркнуть, что оба партнера выражали негативное отношение к происшедшему в их деловых связях и стремились с учетом сложившихся реалий и возможностей ускорить их восстановление, предпринять скоординированные и продуманные меры в интересах их дальнейшего развития. Но шли годы, а заметного и ожидаемого подъема не наблюдалось. Однако, признаем, экономические интересы России, как, впрочем, и Египта, не слишком пострадали от этого. Российские фирмы и компании обрели новых деловых партнеров и новые рынки, главным образом в промышленно развитых странах Европы. Египтяне также заполнили образовавшуюся после «ухода» России нишу. Тем не менее факторы длительного действия продолжали стимулировать процесс поиска возможных форм делового сотрудничества, ведь обоим партнерам было ясно, что устойчивые, взаимовыгодные и разносторонние отношения между двумя странами должны опираться на прочный фундамент взаимовыгодных отношений в торгово-экономической сфере. Представители политических и деловых кругов в России и Египте, близко стоявшие к двусторонним российско-египетским и российско-арабским связям, вполне резонно полагали, что настойчивые и целеустремленные усилия в конце концов дадут ожидаемый результат. Россия, в которой даже в условиях экономического кризиса производится порядка 220 тысяч наименований товаров, нуждается во внешних рынках сбыта. Египет также испытывает острую потребность в значительном расширении своего промышленного экспорта. Такая задача, пожалуй, относится к числу наиболее приоритетных в обеих странах, причем далеко не всегда ее решение возможно на рынках промышленно развитых государств и в рамках делового партнерства с последними. Но, разумеется, это – не единственный стимул к восстановлению российско-египетского сотрудничества в торгово-экономической сфере. Египет

остро нуждается в расширении сбыта за рубежом своих сельскохозяйственных товаров, участии россиян в развитии национальной энергетики, инфраструктуры страны, подготовке национальных кадров и т.п.

Одним из уроков, которые оба партнера извлекли из ситуации, создавшейся к середине 90-х годов прошлого столетия, явилось понимание необходимости формирования новой, более прочной и стабильной основы делового партнерства. Она прежде всего охватывает сферу взаимных инвестиций, а также систему институтов и структур, включающих банковские, страховые, консалтинговые, транспортные компании и фирмы, специализирующиеся на наращивании деловых связей, опыта и необходимых финансовых, материальных ресурсов в области российско-египетского торгово-экономического сотрудничества. Важными ее элементами являются современная правовая база, а также двусторонняя торгово-промышленная палата.

К настоящему времени для российско-египетских торгово-экономических отношений характерно преодоление кризисного состояния, которое сложилось в первой половине – середине 90-х годов прошлого столетия. Тенденция к росту объемов делового сотрудничества приобретает стабильный характер. Объем взаимной торговли, упав с 1,2 млрд. долл. в конце 80 – начале 90-х годов до 300–350 млн. долл. в кризисный период, несколько вырос во второй половине последнего десятилетия XX в. – до 400–450 млн., и затем увеличился примерно вдвое – до 862 млн. долл. (2002 г.)¹.

Постепенно преодолевается и период кризиса и нестабильности в другой важной области – в сфере инвестиций и содействия в сооружении объектов производственного, социального и культурного назначения. Почти полное прекращение деловых связей в этой важной области (до распада СССР с нашим участием в Египте было завершено строительство 97 крупных народохозяйственных объектов) в кризисный период сменилось постепенным налаживанием делового партнерства: российская сторона в 2002 г. участвовала в 11 совместных проектах в АРЕ с общим капиталом в 45 млн. долл., из которых 36 млн. приходится на российскую сторону. В основном это предприятия по сборке тракторов и автомобилей, а также фирмы, проводящие маркетинговые исследования. Египтяне также осуществили ряд инвестиционных проектов в РФ, главным образом в сфере торговли, открыв торговые точки (залы, павильоны) для продажи в России мебели, обуви, одежды и т.п. Вместе с тем крупная египетская компания инвестировала 250 млн. долл. в проект по сборке самолетов ТУ-204. Крупнейшая египетская авиакомпания «Иджипт-Эйр» и туристическая «Иджипт Трэвл» открыли свои представительства в РФ².

Одно из наиболее перспективных направлений – научно-техническое сотрудничество с начала текущего десятилетия также набирает темпы. В 2001 г. на заседании Российско-египетской меж-

правительственной комиссии по торговому, экономическому и научно-техническому сотрудничеству рассматривалась возможность подписания двустороннего соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, развития коммуникаций, запуска спутников в коммерческих целях, медицины и фармацевтики. Усиливается внимание к такому перспективному направлению, как экспорт и взаимный обмен современными технологиями.

Российские коммерческие структуры, включая банки, страховые компании, транспортные фирмы и т.п., активнее выходят на египетский рынок товаров и услуг. Постепенно формируется необходимая «критическая масса» для налаживания полномасштабного сотрудничества, более полно учитывающего значительный потенциал делового партнерства, имеющийся у обеих стран.

Продолжает налаживаться сотрудничество в области культуры (организация выставок и фестивалей, гастролей художественных коллективов, экспедиций, в том числе археологических), в отдельных областях сферы услуг – туристических, медицинских, образовательных и т.п. Особенно обращает на себя внимание значительный объем сотрудничества в сфере туризма: число россиян, посетивших Египет, выросло со 187 тыс. в 2000 г. до 452 тыс. в 2002 г. Каждая из сторон предоставляет ежегодно до 60 стипендий студентам и аспирантам по различным специальностям³.

Заметное оживление российско-египетского сотрудничества явилось результатом продолжительных организационных усилий, принятых обеими сторонами с целью преодоления кризисной ситуации первой половины – середины 90-х годов. Вместе с тем оно стало следствием завершения наиболее активной и сложной фазы экономических реформ, пришедшейся на 90-е годы: и в России, и в Египте на рубеже XX-XXI вв. в основном сложились более или менее четкие границы частного и государственного секторов, соответственно, хозяйствующие субъекты более активно и целеустремленно действуют во внешнеэкономической сфере, в том числе и в области российско-египетского делового партнерства.

Этой тенденции содействует и процесс формирования новых, адекватных современным условиям правовых, организационных, финансовых и иных основ двустороннего сотрудничества, выразившийся в следующем:

- сформирована и провела несколько рабочих заседаний Российско-египетская межправительственная комиссия по торговому, экономическому и научно-техническому сотрудничеству;
- обновлен и подписан протокол о сотрудничестве в торгово-экономической и научно-технической областях;
- заключен ряд межправительственных соглашений, в том числе об избежании двойного налогообложения, предоставлении режима наибольшего благоприятствования и другие.

Наработан практический опыт в новых областях делового сотрудничества, прежде всего в области взаимных инвестиций, использовании СКВ при взаимных расчетах и т.д.⁴

Вместе с тем, несмотря на неоспоримый прогресс, достигнутый в последнее десятилетие, потенциал сотрудничества используется далеко не полностью. Объемы торгового оборота РФ и Египта значительно уступают соответствующим показателям отдельных промышленно развитых государств. Так, российский экспорт в Египет в конце XX – начале XXI вв. примерно в пять раз уступал соответствующему показателю США, в 2–3 раза – Германии, Италии, Франции. Китай также опережал РФ по экспорту своих товаров в АРЕ⁵. Лишь в последние годы, как отмечалось выше, произошло существенное расширение российского экспорта. Объемы взаимных инвестиций (без учета сотрудничества в области авиации) крайне малы, хотя общепризнано, что именно они формируют надежную, менее всего подверженную влиянию экономической и политической конъюнктуры, основу для всего комплекса двусторонних деловых связей. Целый ряд перспективных направлений сотрудничества – в области реализации патентов, передовой продукции машиностроения, различных видов услуг (медицинских, образовательных, геологоразведочных, в сфере подготовки кадров специалистов и других) пока существенно отстают от имеющихся возможностей. Ряд новейших продуктов и услуг в информационно-инновационной области, связанных с использованием интернет-экономики, остаются за рамками делового партнерства.

Основные причины такого положения кратко можно свести к следующим:

- кризисные явления в российской и египетской экономике все еще тормозят развитие всего комплекса внешнеторговых связей;
- структура внешней торговли как РФ (в условиях кризиса отраслей машиностроения), так и АРЕ (в условиях неразвитости товарного экспорта) во многом характерна для развивающихся стран, что эффективно сужает возможности для взаимной торговли;
- все еще сохраняется недостаточный уровень государственной поддержки ряда направлений в двусторонних партнерских связях, в том числе государственного кредитования (необходим новый, более эффективный, менее затратный механизм госкредитования и поддержки);
- более продуктивной должна быть работа тех российских структур, которые координируют активность компаний, фирм и т.п., действующих или проявляющих интерес к работе на рынках товаров и услуг обеих стран. Они включают ТПП, Совет делового сотрудничества, Комиссию по торговому, экономическому и научно-техническому сотрудничеству и т.п., некоторые ключевые структуры, прежде всего банки и представителей торгового, транспортного, страхового и информационного бизнеса, а также аналогичные египетские деловые

структуры (российское отделение Федерации египетских торговых палат и др.);

- ограниченные объемы инвестиционной активности фирм и компаний обеих стран, небольшое число СП требует наращивания усилий с обеих сторон по адаптации инвесторов к местным условиям;

- все еще низка активность, связанная с участием в тендерах, и крайне ограничены объемы сумм выигранных тендеров;

- сохраняются отдельные положения в египетском и российском законодательстве, препятствующие более широкому участию российских партнеров в тендерах (задержка возврата средств после окончания торгов и т.д.), сдерживающие продвижение качественных товаров на рынки партнеров (например, египетских лекарств);

- относительно низкий уровень рекламно-информационной деятельности российских и египетских структур, отсутствие хорошо узнаваемых российских и египетских брэндов на рынке товаров и услуг партнеров, явно недостаточное знание особенностей и специфики последних основной массой предпринимателей;

- сохраняющиеся, несмотря на достигнутый прогресс, сложности в транспортировке и обеспечении безопасности грузов во взаимной торговле.

Особо следует остановиться на том, что египетские товары и фирмы на российском торгово-экономическом пространстве пока мало заметны, несмотря на появление обнадеживающих тенденций в начале текущего десятилетия. Вряд ли можно признать нормальным положение, когда египетский экспорт в РФ не превышает одного-двух десятков миллионов долларов в год. Несбалансированность двусторонней торговли не может не сказываться отрицательно на общем климате делового партнерства, и такое положение следует настойчиво преодолевать.

Обращает на себя внимание и крайне ограниченное число египтян, посещающих Россию по линии туристических связей. Хотя этот показатель имеет тенденцию к росту, он все еще крайне незначителен – немногим более полутысячи египтян ежегодно прибывают в Россию. Впрочем, это в основном происходит в форме делового туризма, который, возможно, проложит надежный путь для массового цивилизованного туризма из этой арабской страны.

Имеются и другие факторы, осложняющие двусторонние торгово-экономические связи, однако их роль неуклонно снижается. Одним из важных показателей этого являются в целом обнадеживающие макроэкономические индикаторы развития АРЕ в последние десятилетия⁶. Они свидетельствуют, в частности, об укреплении платежеспособности страны, устойчивой тенденции роста ВВП и т.п. В этой связи обращает на себя внимание программа развития такой базовой отрасли и одновременно традиционной для российско-египетского сотрудничества, как электроэнергетика. В рамках этой программы

намечено осуществить модернизацию крупнейшего энергетического объекта страны – Асуанской ГЭС⁷. И здесь имеются, несомненно, реальные шансы для российского участия. Важно, чтобы они не были упущены.

¹ БИКИ. М., 2004, № 57, с. 5.

² Полпред. М., 2000, с. 88–94.

³ Международная жизнь. М., 2003, № 9. Интервью Посла АРЕ в РФ.

⁴ Полпред. М., 2000, с. 88–94.

⁵ The Middle East and North Africa. 2004. L., 2004, с. 342.

⁶ Middle East Economic Digest. L., 2004, № 29, с. 21; Египет. Ежегодник – 2002. Министерство информации; National Bank of Egypt. Economic Bulletin. 2001, Vol. 54, № 4, с. 125–133; World Statistics Pocketbook. 2000. N.Y., UN. 2000, с. 61.

⁷ БИКИ. М., 2004, № 35, с. 15.

**ИСЛАМИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В АЛЖИРЕ
ПОСЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2004 Г.**

Переизбрание Абд аль-Азиза Бутефлики 8 апреля 2004 г. на второй президентский срок явилось важным событием в социально-политической жизни Алжира. Оно подтвердило, что значительная часть алжирцев продолжает поддерживать политический курс Бутефлики и воспринимает его в качестве общенационального лидера – *займа*. За Абд аль-Азиза Бутефлику проголосовало подавляющее большинство избирателей – 84,9%¹.

Использование сторонниками действовавшего президента, по утверждениям его оппонентов, «административного ресурса», больших по сравнению с другими кандидатами возможностей для предвыборной пропаганды в СМИ, а также отдельные случаи фальсификации итогов голосования в пользу Бутефлики (если они действительно имели место, что не подтверждено документально) не могли существенным образом изменить результаты голосования, то есть убедительной победы Абд аль-Азиза Бутефлики. Причины его поддержки многими алжирцами достаточно очевидны. Во-первых, именно Бутефлика сумел прекратить острую фазу вооруженного противостояния с радикальными исламистами и успешно начал процесс восстановления гражданского согласия в обществе. Во-вторых, за пять лет его президентства появились первые реальные признаки хотя и незначительного, но все же заметного улучшения социально-экономической ситуации. В частности, было создано 500 тыс. новых рабочих мест, уровень безработицы по сравнению с 2000 г. снизился с 30 до 29%, темп экономического роста в 2003 г. увеличился вдвое по сравнению с 1999 г., соответственно с 3,2 до 6,5%². Кроме того, увеличились объемы строительства муниципального жилья, в результате чего тысячи алжирских семей получили благоустроенные квартиры. В-третьих, под руководством Бутефлики Алжир восстанавливает свое влияние и престиж как в арабском мире, так и на международной арене в целом.

Подтверждением этого служат, в том числе, поздравления по случаю избрания Бутефлики от имени президента США и президента Франции Жака Ширака. Поздравление Ж.Ширака было направлено как в виде личного послания, так и передано в телефонном разговоре 9 апреля, на следующий день после выборов в разгар обвинений со

стороны оппонентов Бутефлики в фальсификации итогов голосования, звучавших со страниц оппозиционной алжирской прессы. Такая поспешность Жака Ширака даже стоила ему упреков во французской прессе³. Тем не менее уже 15 апреля 2004 г., то есть через неделю после избрания Бутефлики французский президент посетил с кратким рабочим визитом Алжир и на своей пресс-конференции подтвердил, что «ось Париж – Алжир является для политики Франции в Средиземноморье и в арабском мире такой же стратегически важной, как ось Париж – Берлин в Европе»⁴. Такое явное желание Франции подчеркнуть особые отношения с Алжиром как своим главным стратегическим союзником в северо-африканском регионе диктуется стремлением Парижа не допустить усиления в Магрибе американского влияния, которое имеет явную тенденцию к расширению. Отношения с Алжиром (наиболее значимым государством Магриба как по размерам территории, запасам нефти и газа, так и по политическому влиянию) представляют особую важность как для Франции, так и для США.

В мае 2004 г. Бутефлика представил правительству проект президентской программы, одними из стратегических целей которой провозглашались «завершение национального примирения, полное восстановление доверия между властью и обществом и создание сильного и справедливого правового государства, стоящего на страже интересов гражданина и общества в целом»⁵. Главными направлениями президентской программы являлись также завершение процесса реформирования государственного аппарата, совершенствование законодательства, а также реформа национальной экономики с целью их адаптации к рыночной модели, что должно было способствовать «дальнейшему экономическому росту, полному восстановлению гражданского согласия в стране и успешной интеграции Алжира в процесс глобализации»⁶. На основе президентского проекта правительство, возглавляемое Ахмедом Уяхья (вновь утвержденным Бутефликой в качестве премьер-министра), разработало детальную и широкомасштабную программу развития и модернизации в экономической, социальной и политической сферах жизни алжирского общества.

Реализация президентской программы, одобренной подавляющим большинством депутатов парламента, рассчитана на ближайшие пять лет – до 2009 г. (срок окончания президентского мандата Бутефлики). Она является важным шагом на пути дальнейшего социально-политического и экономического развития Алжира. Принятие в конце 80-х годов новой конституции, в которой был закреплён отказ от всевластия одной правящей партии и провозглашён политический плюрализм, представляло собой начало перехода алжирского общества от социалистической ориентации к построению демократической государственно-политической системы. Однако многие законодательные акты, регламентировавшие важные области жизнедеятельности государства, оставались прежними. Такая ситуация затрудняла пере-

ход алжирской экономики к рыночной модели и снижала ее эффективность. Президентская программа и, в частности, масштабное реформирование законодательной базы, затрагивающее практически все аспекты жизни общества, как бы подводит итог прошлому периоду социалистической ориентации и закрепляет переход Алжира на новый этап развития. Важным моментом президентской программы явилось продолжение начатого в 2002 г. трехстороннего диалога между правительством, профсоюзами и предпринимателями, направленного на достижение консенсуса в обществе. Проходящие в рамках этого диалога регулярные обсуждения представителями трех сторон вопросов приватизации должны способствовать разрешению возникающих проблем (связанных с закрытием предприятий-банкротов, сокращением рабочих мест, сохранением приемлемого уровня заработной платы и т.д.) и предотвращению роста социальной напряженности. В этой связи необходимо отметить, что именно основательное снижение уровня жизни большого числа алжирцев и вызванный этим социальный протест стали главными катализаторами мощного подъема исламского фундаментализма в начале 90-х годов, поставившего страну на грань гражданской войны. При разработке программы был учтен этот негативный опыт и уделено большое внимание политике по отношению к той части алжирского общества, которая ориентирована на мусульманские традиции и образ жизни. В программе провозглашалось, что «алжирский народ, внесший огромный вклад в развитие и распространение ислама, и впредь будет прилагать все усилия для сохранения и дальнейшего процветания великой арабо-мусульманской цивилизации»⁷.

Программа предусматривала в то же время дальнейшее развитие системы мусульманского образования. С этой целью, а также для того, чтобы повысить роль мечетей в достижении гражданского согласия и распространении «истинных заповедей ислама, являющегося государственной религией и подлинным источником прогресса, гуманизма и братства всех людей»⁸, намечалось реформировать и усовершенствовать подготовку имамов. В соответствии с программой средства фондов вакуфов и закята должны были самым эффективным образом использоваться для реализации социальных проектов. В то же время предполагалось сделать более значимой в обществе роль традиционных завий, которые должны внести «свой вклад в процесс полного восстановления гражданского согласия».

Таким образом, руководство Бутефлики продолжает политику, направленную на усиление контроля государства над религиозной жизнью, в частности над деятельностью мечетей. Первые меры в этом направлении были предприняты в начале 90-х годов после запрета ИФС, когда государство взяло под свой контроль большую часть мечетей, при которых ранее действовали «районные комитеты» ИФС. Конечной целью этих усилий алжирского руководства является противодействие превращению мечетей в инструмент пропаганды

радикального фундаментализма (как это произошло в Алжире в конце 80-х годов) и продолжение курса на интеграцию исламистского движения в рамки действующей политической системы.

Необходимо отметить, что умеренное крыло алжирского исламистского движения достаточно полно представлено в Национальной народной ассамблее (нижней палате алжирского парламента) тремя политическими партиями. Причем они не являют собой единого парламентского блока. Две партии – «Движение общества за мир» (*Харакат аль-муджтамаа ли-с-силъм*), руководимая Бугеррой Солтани*, и «Нахда», во главе которой стоит Ляхбиб Адами**, – в настоящее время входят в президентскую коалицию и полностью поддерживают президентский курс. Более того, партия «Движение общества за мир» (ДОМ), обладающая достаточным политическим весом (на парламентских выборах 2002 г. за нее проголосовало 12% электората), а также проправительственная партия «Национально-демократическое объединение» (НДО) и «Фронт национального освобождения» (ФНО) составляют основу президентской коалиции в Национальной народной ассамблее. Тем не менее в сентябре 2004 г. между ДОМ и НДО возникла серьезная полемика во время обсуждения в ННА новой редакции Семейного кодекса***. ДОМ резко критиковала представленные правительством на рассмотрение парламента изменения в тексте

* Бугерра Солтани заменил на посту руководителя «Движения общества за мир» (ДОМ), скончавшегося 19 июня 2003 г. шейха Махфуза Нахнаха, основателя партии ДОМ и видного исламистского деятеля Алжира. В настоящее время партия представлена в Национальной народной ассамблее (ННА) 38 депутатами из общего их числа в 388.

** Ляхбиб Адами стал руководителем партии «Нахда» после раскола в ее рядах, произошедшего в 1998 г. На съезде партии Ляхбиб Адами и поддерживавшие его члены парламентской фракции «Нахды» выступили против тогдашнего лидера «Нахды» Абдаллы Джабаллы (некоторые обозреватели считали, что действия Ляхбиба Адами, брата бывшего министра юстиции, были инспирированы властями с целью отстранения от руководства «Нахды» Абдаллы Джабаллы, известного и влиятельного исламистского деятеля, который собирался выставить свою кандидатуру на президентских выборах 1999 г.) В результате разногласий в руководстве «Нахды» Абдалла Джабалла вынужден был уйти с поста председателя «Нахды». Ляхбиб Адами остался руководителем парламентской фракции и в то же время стал главой партии «Нахда», которая в настоящее время является малочисленной и не играет заметной роли в политической жизни Алжира.

*** Семейный кодекс, одобренный парламентом и принятый правительством в 1984 г. под нажимом исламистов, был достаточно консервативен. В частности, некоторые его статьи ставили в неравноправное положение женщину при разрешении имущественных споров, а также разрешали многоженство.

Семейного кодекса, заявляя, что они «не учитывают мусульманских традиций алжирского общества и основаны исключительно на светской позиции»⁹. Некоторые обозреватели даже говорили о возможности раскола коалиции и выхода из нее ДОМ. Однако ее лидер Бугерра Солтани заявил, что партия не имеет намерения выйти из президентской коалиции, так как «принципы, на которых она основана, стоят для него выше, чем расхождения по вопросу Семейного кодекса»¹⁰.

Третья исламистская партия, представленная в ННА, «Движение за национальную реформу» (*Харакат аль-ислах аль-ватаний*), возглавляемая Абдаллой Джабаллой*, состоит в оппозиции правительственному курсу. «Движение за национальную реформу» (ДНР) выступает против правительственной программы широкомасштабной приватизации и ратует за «исламскую социальную справедливость». ДНР является наиболее многочисленной и влиятельной исламистской партией, она имеет 40 депутатских мест в парламенте и большинство депутатов в более чем ста балядиях (областных выборных органах власти) из общего их числа в 1 539.

Абдалла Джабалла в настоящее время является самым популярным и влиятельным лидером легальной исламистской оппозиции. Он участвовал в президентских выборах в апреле 2004 г. в качестве кандидата от ДНР и занял третье место после Бутефлики и Али Бен-флиса (всего в президентских выборах участвовало 6 кандидатов), получив 4,8% голосов избирателей. В предвыборной программе Абдаллы Джабаллы не значился пункт о создании «исламской республики» (в соответствии с конституцией АНДР политическая партия не может быть создана на религиозной основе). В то же время в каче-

* Абдалла Джабалла родился в 1956 г. в бедной семье в небольшом городке Буштата на востоке Алжира недалеко от г. Константина. Он вынужден был прервать свою учебу в институте, чтобы зарабатывать на жизнь. Тем не менее Абдалла Джабалла экстерном сдал экзамены и в 1978 г. получил диплом юриста. С 1974 г. он вступает в оппозиционное правящему режиму исламистское движение. За антиправительственные выпады в своих выступлениях Абдалла Джабалла дважды был арестован и отбывал тюремное заключение с 1982 по 1984 гг. и с 1985 по 1986 гг. В 1988 г. он создал ассоциацию «Нахда» (Возрождение), которая в 1989 г. получила статус политической партии. Абдалла Джабалла исповедовал умеренный исламизм и не пошел на союз с более радикальным Исламским фронтом спасения (ИФС). В то же время Абдалла Джабалла выступал против запрета ИФС и прерывания армией демократических выборов в 1992 г. Он также возглавил Комитет в защиту выбора народа в 1992 г., требовавший отмену запрета ИФС. В 1998 г. в результате внутренней борьбы в руководстве «Нахды» Абдалла Джабалла вынужден был уйти с поста ее председателя. Тем не менее Абдалла Джабалла сумел создать новую партию «Движение за национальную реформу» (ДНР), куда перешла большая часть первичных организаций «Нахды».

стве главных целей партии фигурировали сохранение и защита «мусульманских ценностей и морально-этических норм» наряду с требованием проведения социально-ориентированной политики и усиления борьбы с коррупцией и преступностью. Необходимо отметить, что сразу после победы Бутефлики на президентских выборах в апреле 2004 г. Абдалла Джабалла совместно с двумя другими претендентами на президентский пост – Али Бенфлисом, которого поддерживала часть руководства ФНО, и Саидом Саади, лидером берберской партии «Объединение за культуру и демократию» – выступили с совместным заявлением, обвиняя власти в «беспрецедентной фальсификации и подтасовке результатов голосования на всех уровнях»¹¹. Однако никто из авторов заявления тем не менее не призывал своих сторонников к каким-либо акциям протеста. Абдалла Джабалла является достаточно опытным и умелым политиком. Он не впервые прибегает к тактике блокирования с политическими силами, стоящими как бы на совершенно противоположных ему идеологических позициях. В период создания «Римской платформы» в 1994–1995 гг. (попытка ряда алжирских политических партий склонить руководство Алжира и лидеров радикальной исламистской оппозиции к переговорам с целью прекращения вооруженного противостояния) Абдалла Джабалла выступал совместно с партией «Фронт социалистических сил» (ФСС), троцкистской Партией трудящихся (ПТ) и ФНО. Затем Абдалла Джабалла в 1998 г. после его вынужденного ухода из руководства «Нахды» пользовался поддержкой ФСС как при создании своей нынешней партии ДНР, так и при проведении своей предвыборной кампании в 1999 г.¹² Накануне президентских выборов 2004 г. Абдалла Джабалла наряду с Али Бенфлисом считался наиболее сильным оппонентом Бутефлики в борьбе за президентский пост. Тем не менее Абдалла Джабалла, несмотря на свой авторитет и влияние в исламистских кругах, не смог объединить и возглавить все политические силы, исповедующие умеренный исламизм.

Особое место в современном Алжире занимают исламистские организации, официально не обладающие статусом политической партии, но тем не менее играющие довольно значительную роль в общественно-политической жизни страны. Это прежде всего такие организации, как «Вафа» (Верность) и бывший ИФС. «Вафа», не будучи официально зарегистрированной как политическая партия, тем не менее активно участвовала в муниципальных и парламентских выборах, выставляя своих членов в качестве независимых кандидатов. В роли таковых выступали также многие бывшие активисты ИФС (не лишённые гражданских прав), вступившие в члены «Вафа». Лидер «Вафа» Ахмед Талеб Ибрагими пытался участвовать в президентских выборах 2004 г., но не сумел соблюсти все предусмотренные законом для этого юридические формальности. Тем не менее ни Ахмед Талеб Ибрагими, ни поддерживавшее его руководство бывшего ИФС не по-

шли на союз с Абдаллой Джабаллой. Такая их позиция объяснялась наряду с личными амбициями еще и тем, что лидеры ИФС не простили Абдалле Джабалле его отказ поддержать действия ИФС в 1990–1991 гг., что, по их мнению, стало одной из причин поражения ИФС. Накануне президентских выборов 2004 г. руководство ИФС опубликовало обращение, в котором заявляло, что, не имея своего кандидата, оно тем не менее не призывает к бойкоту выборов и предоставляет своим сторонникам право самим решить: участвовать или не участвовать в голосовании. Тем самым экс-лидеры ИФС, так же как Ахмед Талеб Ибрагими, с одной стороны, отказались от поддержки кандидатуры Абдаллы Джабаллы, с другой стороны, способствовали тому, что часть их сторонников (как показали последующие журналистские опросы) проголосовала за Бутефлику.

В то же время руководство бывшего ИФС пытается добиться отмены судебного решения о его роспуске (принятого в 1992 г.) и вновь выйти на политическую авансцену. Бывшие лидеры ИФС и «Исламской армии спасения» (ИАС) в интервью алжирской прессе объявляют о своей готовности работать совместно с властями для возрождения Алжира. Так, например, Аббаси Мадани и Али Бенхадж (бывшие президент ИФС и его заместитель) заявили, что в результате их активного посредничества многие боевики из отрядов «Салафитской группы проповеди и борьбы» (СГПБ), действовавшие в десяти центральных и восточных провинциях страны, сложили оружие и сдались властям¹³. В свою очередь Мадани Мезраг (бывший эмир ИАС), проводивший посреднические переговоры с боевиками в районе г.Жижели (на востоке страны), где сосредоточены основные силы салафитов, объявил, что он «не пожалеет усилий, чтобы вернуть наших обманутых братьев, все еще находящихся в рядах боевиков, к мирной жизни»¹⁴.

Активно пытаются включиться в политику и бывшие члены руководства ИФС, находящиеся в эмиграции. Это прежде всего касается проживающего в Швейцарии Мурада Дина и получившего политическое убежище в Германии Рабаха Кабира*. В своих публичных выступлениях они заявляли о своем желании содействовать построению демократического общества в Алжире, а также пытались организовать встречи с целью разъяснения своей политической программы с официальными лицами европейских стран (в частности с министром иностранных дел Ирландии) и представителями европейских общественных организаций¹⁵.

Непримиримой оппозицией алжирским властям продолжает оставаться радикальное крыло алжирского исламистского движения. Оно представлено в основном двумя вооруженными группировками – СГПБ и «Вооруженными исламскими группами» (*Джамаат исламийя*

* Рабах Кабир возглавлял «Исполнительную инстанцию ИФС за рубежом», а Мурад Дина был одним из его заместителей.

мусалляха), насчитывавшими в своих рядах по разным оценкам от 650 до 1 тыс. боевиков¹⁶. Наиболее боеспособной и многочисленной является СГПБ, базирующаяся в основном в районе горного массива Джурджура Большой Кабилии и в горах, окаймляющих Жижельский карниз (в 300 км к востоку от г. Алжир). По данным американских экспертов, СГПБ входит в созданный в 1998 г. бен Ладеном «Всемирный исламский фронт» и поддерживает тесные контакты с «Аль-Каидой». СГПБ также имеет связи с марокканской фундаменталистской группировкой «Салафитский джихад» (*Салафийя джихадийя*), несколько десятков боевиков которой в 2002 г. проходили своеобразную стажировку в СГПБ, участвуя в террористических операциях на территории Алжира. В ноябре 2003 г. Хасана Хаттаба на посту «национального эмира» СГПБ сменил Набиль Сахрауи*, ранее руководивший внешними связями СГПБ и близкий к руководству «Аль-Каиды». После начала американского вторжения в Ирак СГПБ попыталась активизировать свою террористическую деятельность. В начале июня 2004 г. Набиль Сахрауи издал «фетву», в которой он призывал своих боевиков использовать опыт «наших саудовских собратьев по оружию и усилить борьбу в двух направлениях – уничтожать граждан стран, участвующих в агрессии против Ирака, и наносить удары по нефтя-

* Набиль Сахрауи родился в 1966 г. в сельской местности на востоке Алжира недалеко от г. Константина. Он получил высшее теологическое образование в самом известном в Алжире мусульманском вузе – Университете им. Эмира Абд аль-Кадера в г. Константине. В конце 80-х годов Набиль Сахрауи отправляется в Афганистан, где проходит в лагере моджахедов в районе г. Хост военную подготовку по ведению партизанских действий в городских условиях и как специалист-подрывник. Затем он участвовал в боевых действиях против афганского просоветского режима и поддерживавших его частей Советской армии. В 1992 г. Набиль Сахрауи возвратился в Алжир и вступил в ряды «Вооруженных исламских групп» (ВИГ). В 1997 г., когда Хасан Хаттаб отделился от ВИГ и при покровительстве «Аль-Каиды» создал свою вооруженную группировку «Салафитская группа проповеди и борьбы» (СГПБ), Набиль Сахрауи присоединился к нему и вскоре стал руководителем внешних связей СГПБ. В этом качестве Сахрауи часто встречался с членами руководства «Аль-Каиды», с некоторыми из которых, в частности с Абд аль-Азизом аль-Мукрином и Абу Моссабом аз-Заркауи, он был знаком еще со времен войны в Афганистане. Набиль Сахрауи неоднократно сам участвовал в террористических операциях, во время которых, по свидетельству очевидцев, нередко лично умерщвлял свои жертвы, перерезая им горло, за что получил прозвище «Нож». Набиль Сахрауи отличался от других «эмиров» СГПБ хорошей теологической подготовкой и умением пользоваться современными средствами связи, что помогло ему выдвинуться в первые ряды руководства СГПБ и, в конце концов, стать ее национальным эмиром, сместив с этого поста в ноябре 2003 г. Хасана Хаттаба.

ным предприятиям и объектам, важным для жизнеобеспечения Алжира»¹⁷. В то же время СГПБ усилила террористическую деятельность против звеньев алжирской армии и силовых структур. В начале июня 2004 г. ее боевики совершили ряд нападений на полицейские посты в районе г. Бумердес (50 км к югу от г. Алжир) и г. Биджайя (200 км к востоку от столицы), в результате которых погибли 12 военнослужащих¹⁸. Несколько десятков алжирских солдат погибли, попав в засаду в горном районе Джурджура (300 км к востоку от г. Алжир). Еще 7 жандармов были убиты во время нападения, которым руководил лично Набиль Сахрауи, на полицейский пост в районе приморского г. Туджа в районе Большой Кабилии. Затем 21 июня 2004 г. был совершен террористический акт на ТЭЦ в районе Аль-Хама в г. Алжире. В результате взрыва ТЭЦ, обеспечивавшая электроэнергией крупную станцию по опреснению морской воды, была частично выведена из строя и больше десяти человек получили ранения разной степени тяжести. В это же время боевики СГПБ разрушили одну из опор высоковольтных передач в районе г. Будуау, расположенного в 30 км к востоку от г. Алжира¹⁹. В ответ на эскалацию террора боевиков алжирская армия и силы безопасности провели в районе действий СГПБ несколько крупномасштабных операций, в которых было задействовано более 3 тыс. военнослужащих. В результате были найдены и ликвидированы принадлежавшие СГПБ тайные склады вооружения и продовольствия и уничтожены десятки боевиков. Был также обнаружен командный пункт СГПБ, на котором были уничтожены сам «национальный эмир» СГПБ Набиль Сахрауи и три его ближайших помощника – Окаша аль-Пара, Абу Омар Абд аль-Бер и Абу Моссаб Абд аль-Вадуд, знаток Корана, редактировавший фетвы Набиля Сахрауи. В конце июня 2004 г. в г. Алжире служба безопасности уничтожила также Абу Абдаллу, эмира «Свободной секретной группы» (*Сиррийя хурра*), подразделения входившего в СГПБ и действовавшего в алжирской столице, а также Мухаммеда Азизи, специалиста-подрывника, на совести которого были все взрывы, осуществленные боевиками группы в г. Алжире.

Наряду с действиями внутри Алжира СГПБ, выполняя указания руководства «Аль-Каиды», пыталась распространить джихад на территории других африканских государств, поддерживавших, по заявлениям «Аль-Каиды», «агрессивную политику США». Такими странами были Мавритания, Республика Чад, Мали, Нигер и Буркина-Фасо, где появились салафитские проповедники. Двое видных руководителей СГПБ Хасан Хаттаб и Абд ар-Раззак аль-Пара возглавили отряды боевиков, пытавшиеся «импортировать» джихад за пределы Алжира. Однако Хасан Хаттаб был убит в пограничном районе между Чадом и Нигером в апреле 2004 г. во время столкновения с подразделениями армии Республики Чад²⁰. В свою очередь Абд ар-Раззак аль-Пара, получив в августе 2003 г. 5 млн. евро от германских властей в качестве выкупа за освобождение захваченных им ранее 32 европейских

туристов, пытался установить контакты и снабдить оружием, закупленным на эти деньги, исламистские группировки в Мавритании, Нигере и Чаде. Однако большой караван с оружием*, направленный Абд ар-Раззак в мавританской исламистской группировке, которая в июне 2003 г. пыталась организовать антиправительственный мятеж в Мавритании, был обнаружен и перехвачен алжирской армией. Тем не менее Абд ар-Раззак со своей группой сумел проникнуть на территорию Мали и в одной из наиболее бедных провинций – Кидаль приступил к вербовке местного населения в ряды СГПБ, намереваясь сделать этот район своей опорной базой в Мали. Затем он попытался пройти на территорию Нигера, чтобы установить контакт с местными исламистскими боевиками, но его отряд был обнаружен и Абд ар-Раззак вынужден был изменить маршрут и перешел на территорию Чада. Здесь задачей Абд ар-Раззака было установление связи с антиправительственной группировкой «Движение за демократию и справедливость в Чаде» (ДДСЧ) (*Mouvement pour la démocratie et la justice au Tchad*) и склонение ее руководства к совместным действиям с СГПБ²¹. Тем не менее переговоры не увенчались успехом, в том числе из-за идеологических разногласий, так как ДДСЧ было создано на светской основе и не разделяло фундаменталистской идеологии СГПБ. Однако Абд ар-Раззак не оставлял намерения создать на территории Чада в горной области Тибести укрепленный район, наподобие афганского Тора-Бора, и провозгласить себя «эмиром африканского Сахеля». С этой целью он намеревался вступить в переговоры с немногочисленной, но более радикальной по сравнению с ДДСЧ группировкой, возглавлявшейся чадскими исламистами, получившими теологическое образование в Саудовской Аравии и исповадовавшими салафизм. Однако направляясь к месту конспиративной встречи, Абд ар-Раззак аль-Пара погиб в результате несчастного случая (сорвавшись в пропасть на горной дороге).

Необходимо отдать должное тактике исламистских лидеров, которые не случайно выбрали район африканского Сахеля, весьма удобного для распространения радикального исламизма. Во-первых, в этом регионе имеются труднодоступные территории, которые практически не контролируются властями тех государств, которым они номинально принадлежат. Во-вторых, большинство населения этих стран исповедует ислам (за исключением Буркина-Фасо). Кроме того, данные государства являются одними из самых бедных в мире, а большая часть их граждан неграмотна или полуграмотна и поэтому представляет собой восприимчивую аудиторию для салафитских проповедников СГПБ. В-третьих, почти во всех этих странах действуют антиправительственные группировки, которые могут стать потенциальными союзниками исламских фундаменталистов.

* В караване перевозились, в том числе, минометы, гранатометы и портативные зенитно-ракетные комплексы земля-воздух.

Возможность экспансии радикального исламизма вглубь африканского континента вызвала серьезную тревогу в США, особенно после совершения в африканских странах ряда террористических акций против американцев. Для противодействия распространению в африканском Сахеле радикального фундаментализма в штаб-квартире американских войск в Европе был разработан план под названием «Пансахельская инициатива», на реализацию которой США выделили 7,5 млн. амер. долл.²² План предполагает оказание помощи странам, которым угрожает терроризм.

Американская программа в первую очередь предназначена для реализации в Мавритании, Мали, Нигере и Республике Чад. Впоследствии планируется распространить ее также на Сенегал и страны Магриба. Предполагается также усилить координацию совместных действий армий вышеуказанных стран против террористических группировок. С этой целью командование американских войск в Европе организовало в апреле 2004 г. в своей штаб-квартире в Штуттгарте (Германия) семинар по борьбе с терроризмом для военных руководителей стран африканского Сахеля и Магриба. США учли опыт, в том числе негативный, борьбы с террористическими группировками в Афганистане и не планируют размещения значительных контингентов своих войск на африканском континенте. Как отметил полковник Паулз Смит, руководитель отдела по борьбе с терроризмом в штаб-квартире американских войск в Европе, «мы постараемся избежать присутствия наших войск в африканских странах, чтобы не провоцировать недовольства местного населения, которым могут воспользоваться экстремистские элементы. Для борьбы с терроризмом планируется направлять в эти страны только небольшие американские спецподразделения и в большей степени использовать местные воинские контингенты»²³.

Необходимо отметить, что в Алжире в настоящее время силовые структуры добились значительных успехов в борьбе с вооруженными исламистскими группировками. Одна из них – ВИГ после самоустранения от руководства ею эмира Хасана ат-Тураби (по различным сведениям, он либо дезертировал, либо сдался властям) распалась на несколько зачастую враждующих между собой групп. Вторая – СГПБ, совершавшая наибольшее количество террористических актов, после уничтожения ее главы Набиля Сахрауи и многих членов ее руководящего звена переживает внутренний кризис, обостряющийся усилившейся борьбой за лидерство в ее руководстве. По некоторым данным, после гибели Сахрауи национальным эмиром СГПБ был избран один из его заместителей Абу аль-Хайсам²⁴. Однако часть полевых командиров оспаривает его избрание и, в частности, обвиняет Абу аль-Хайсама в несправедливом распределении финансовых средств СГПБ²⁵. В то же время среди боевиков участились случаи массовой явки с повинной. Так, в июне 2004 г. властям сдался отряд,

входивший в состав СГПБ, во главе с эмиром Абд аль-Хакимом, который действовал на территории трех областей на востоке Алжира – Буштата, Бенибешир и Зуит²⁶. По данным некоторых французских обозревателей (не подтвержденных пока официальными алжирскими властями), в течение лета 2004 г. добровольно сложили оружие около 300 боевиков СГПБ, т.е. почти половина всего ее личного состава.

В этой связи можно утверждать, что алжирскому руководству во главе с президентом Бутефликой в значительной мере удалось подавить очаги радикального фундаментализма, и сейчас он уже не представляет серьезной угрозы для существующего режима. Нынешняя социально-политическая ситуация в Алжире значительно стабилизировалась по сравнению с периодом второй половины 90-х годов, когда целые районы страны фактически находились под контролем вооруженных фундаменталистских группировок. Подавление исламистского экстремизма и возвращение Алжира к условиям мирной жизни стали одной из главных причин поддержки Бутефлики большинством избирателей и его переизбрания на второй президентский срок в апреле 2004 г. Победа Абд аль-Азиза Бутефлики на выборах предоставила ему возможность претворить в жизнь свою программу развития Алжира. Ее стратегическая цель состоит в законодательном закреплении и дальнейшем развитии процесса перехода Алжира к рыночной экономике и демократической форме государственного устройства. Решение такой задачи возможно только в условиях успешного завершения национального примирения в алжирском обществе, что также является приоритетным направлением в политическом курсе руководства Абд аль-Азиза Бутефлики. В дальнейшем предполагается более широкая интеграция Алжира в процесс глобализации, в том числе вступление в ВТО, а также присоединение в той или иной форме к ЕС и НАТО и тесное сотрудничество с США. В то же время в президентской программе соблюден некий баланс между курсом на большую открытость Алжира, и сотрудничество с международными экономическими и политическими структурами и учетом мнения тех общественных слоев, которые продолжают считать сохранение традиционных ценностей исламской цивилизации залогом успешного развития алжирского общества. С достаточной степенью уверенности можно утверждать, что радикальный исламизм утратил поддержку со стороны этой категории алжирских граждан.

В то же время ислам на протяжении веков его существования в Магрибе стал неотъемлемой частью алжирского общественного сознания. Мусульманские исторические традиции и каноны, закрепленные в Коране, во многом продолжают восприниматься в обществе как некий образец, на который ориентированы морально-этические нормы, семейные отношения, форма поведения, стиль взаимоотношений между людьми и сам образ жизни многих алжирцев. Выразителем позиции довольно значительной части алжирских мусульман является легально

действующее исламистское движение, представленное политическими партиями и общественными объединениями. Насколько значительна роль этого движения в общественно-политической жизни Алжира говорит тот факт, что Абдалла Джабалла, лидер исламистской партии «Движение за национальную реформу» занял третье место на президентских выборах 2004 г. по количеству проголосовавших за него избирателей. В то же время его партия является третьей по влиянию политической силой в стране. Партия Абдаллы Джабаллы выступает в качестве оппозиции президентскому курсу. В то же время вторая по величине и влиянию исламистская партия «Движение общества за мир» (ДОМ) входит в президентскую коалицию. Тем не менее в парламенте ДОМ не всегда автоматически поддерживает позицию правительства. При голосовании по законопроектам, которые исламисты считают «не соответствующими мусульманским традициям», исламистские партии, как оппозиционные, так и состоящие в президентской коалиции, зачастую выступают единым фронтом.

Позитивной тенденцией, наметившейся после президентских выборов 2004 г. в алжирском исламистском движении, является его все бо́льшая интеграция в политическую жизнь страны. В настоящее время большинство исламистских лидеров, в том числе тех, кто в прошлом участвовал в вооруженной борьбе с властями, заявили о своем стремлении внести свой вклад в процесс восстановления гражданского согласия. Такая политическая ситуация создает благоприятные перспективы для дальнейшего развития алжирского общества по демократическому пути.

¹ Le Monde, 11.04.2004, с. 4.

² Jeune Afrique, 2003, № 2234, с. 39.

³ Le Monde, 12.04.2004, с. 4.

⁴ Le Point, 2004, № 1648, с. 30.

⁵ Le projet de programme du gouvernement. См.: El Moudjahid, 14.05.2004.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ La liberte, 28.09.2004.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Le Monde, 12.04.2004.

¹² Jeune Afrique/L'Intelligent, 2002, № 2158, с. 80.

¹³ Jeune Afrique/L'Intelligent, 2004, № 2261, с. 40.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Jeune Afrique, 2003, № 2229, с. 35.

¹⁶ Jeune Afrique, 2003, № 2222–2223, с. 54.

¹⁷ Jeune Afrique/L'Intelligent, 2004, № 2269, с. 38; Le Point, 2004, № 1638, с. 34.

¹⁸ www.liberte-algerie.com 19.06.2004.

¹⁹ Jeune Afrique/L'Intelligent, 2004, № 2269, с. 38.

²⁰ Le Point, 2004, № 1658, с. 34.

²¹ Jeune Afrique/L'Intelligent, 2004, № 2259, с. 34.

²² L'Express, 28.06.2004, с. 26.

²³ Jeune Afrique/L'Intelligent, 2004, № 2263, с. 42.

²⁴ Jeune Afrique/L'Intelligent, 2004, № 2268, с. 38

²⁵ СГПБ располагает довольно значительными финансовыми средствами, которые поступают к ней, в том числе, в виде так называемых «джихадистских пожертвований». Эти пожертвования делают в фонд СГПБ и ВИГ дельцы алжирской теневой экономики, в той или иной степени связанные или зависимые от радикальных исламистских группировок. По утверждению генерала Мухаммеда Ламари, начальника генерального штаба алжирской армии, сумма таких взносов достигает иногда 5 млн. алж. динаров (примерно 60 тыс. евро) в месяц. См.: Jeune Afrique/L'Intelligent, 2004, № 2267, с. 47.

²⁶ www.elmoudjahid-dz.com 16.06.2004.

СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ И ПРОБЛЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В последние десятилетия вопросы продовольственной безопасности традиционно являлись одним из важнейших аспектов государственной политики в странах Северной Африки. Связано это было с резко возросшим во второй половине XX в. дефицитом продовольствия, который стал следствием демографического взрыва и, соответственно, значительного увеличения спроса на продукты питания в условиях относительной неразвитости национального сельского хозяйства.

Среди прочих причин обострения продовольственного дефицита следует назвать рост доходов населения, в особенности в странах-экспортерах углеводородов, стимулирующий увеличение спроса на продукты питания в условиях в целом традиционно высокой доли затрат на продовольственные товары в структуре семейных расходов, характерной для арабских стран. Не последнюю роль в отдельных странах региона в этом сыграло и государство, которое излишне жестко контролировало хозяйственную деятельность, прежде всего цены на конечную продукцию, ограничивало частную собственность на землю и тем самым дестимулировало производителей. Недостаточными были и государственные программы развития отрасли, в особенности по расширению орошаемых площадей – основы, как свидетельствует мировой опыт, современного устойчивого производства продовольствия.

Один из важнейших аспектов проблемы продовольственной безопасности – обеспечение водными ресурсами сельскохозяйственного производства. По оценкам международных экспертов, до 2/3 и более всей воды, потребляемой на бытовые и производственные нужды в странах ближневосточного региона, приходится на эту отрасль. Учитывая растущий дефицит этого жизненно важного ресурса, а его испытывают практически все страны региона в условиях быстрого демографического роста, мощный процесс урбанизации и промышленного развития, проблема представляется крайне острой, если не сказать неразрешимой. И это – при относительно ограниченном клине орошаемых земель.

Между тем без значительного расширения орошаемых площадей (исключение составляет лишь Египет, где практически все земледелие ведется на орошаемых землях) решение продовольственного

вопроса в обозримой перспективе представляется невыполнимой задачей. При любом возможном варианте реализация дорогостоящих крупных программ по развитию оросительных систем, созданию искусственных водохранилищ, обустройству водных скважин и т.п. является неотложной хозяйственной задачей, причем не терпящей отлагательств, учитывая остроту проблемы. В конечном счете, ослабление продовольственной зависимости возможно лишь при условии выделения огромных материальных и финансовых ресурсов. Таким образом, достижение продовольственной безопасности, ее обеспечение на стабильной основе тесно связано с общей стратегией экономического развития, доступом к крупным финансовым ресурсам. Если опираться на порядок затрат, планируемых в начале XXI в. в странах Северной Африки, то речь может идти о направлении ежегодно от 1 до 2–3% ВВП, что представляется значительной (на грани возможного) финансовой нагрузкой для бюджетов арабских стран¹.

Другой аспект водной проблемы в ее связи с продовольственной безопасностью – контроль над дефицитными водными ресурсами – носит ярко выраженный международный характер. В частности, это касается Египта, который получает львиную долю – до 56 млрд. куб. м стока Нила – единственной водной артерии на территории страны, обеспечивающей почти на 100% потребности сельского хозяйства. Но при этом Египет не контролирует источники, питающие крупнейшую водную артерию континента. Острота проблемы заключается не только в росте потребностей самого Египта и его стремлении добиться увеличения выделяемой ему квоты, но и в быстром увеличении потребления нильской воды многочисленными африканскими странами, расположенными в его бассейне, причем у истоков самого Нила.

Продовольственная проблема в странах Северной Африки за последние полтора-два десятилетия характеризуется наличием и противоборством двух основных противоречивых тенденций. С одной стороны, ослабление ее остроты в результате технического прогресса в сельском хозяйстве и его продовольственном секторе, организационно-хозяйственных и структурных изменений в отрасли, ведущих к росту продуктивности сельскохозяйственного производства, включая продовольствие, с другой, – ее обострение вследствие относительно быстро растущего спроса на различные виды продовольствия и его диверсификации. Свою роль сыграли и другие факторы, которые, как отмечалось, дестимулировали производство продуктов питания.

Во второй половине XX в. вплоть до 80-х – начала 90-х годов для большинства стран региона было характерно доминирование и преобладание второй тенденции вследствие развертывания наиболее интенсивных процессов урбанизации и демографического роста, чрезмерного вмешательства государства в сферу сельского хозяйства и ограничения развития предпринимательского высокотоварного хозяйства и т.д. В последние одно-два десятилетия усиливается дей-

ствие первой тенденции, однако она пока и к началу XXI в. не стала ни стабильной, ни преобладающей. Дело в том, что позитивные сдвиги в сельском хозяйстве стран Северной Африки последних десятилетий еще не приобрели необходимую для этого глубину и масштабы, стабильность и устойчивость. Некоторое исключение составляют лишь Египет и Тунис, но и здесь острота продовольственной проблемы все еще находит свое проявление в различных ее формах, исключая лишь самые крайние. Впрочем, последнее требует значительных, если не сказать непомерных усилий со стороны государства.

В регионе сложились примерно четыре группы стран, в которых в конце 80–90-х годов прогресс в производственной сфере, включая производство продовольствия, протекал с разной скоростью. Наиболее динамично развитие производственной базы сельского хозяйства и становление современных форм производства продовольствия (семейная товарная ферма, предпринимательское хозяйство) происходило в Египте и Тунисе, несколько менее быстро и не во всех основных секторах – в Марокко; в Ливии и Алжире по некоторым направлениям отмечается умеренный прогресс, по другим – либо стагнация, либо падение отдельных показателей. И замыкают список Судан и Мавритания с их наиболее низкими темпами и падением отдельных показателей. Впрочем, различия между отдельными группами стран по некоторым показателям не столь уж и существенны.

Известно, что технический прогресс и прогрессивные изменения в формах хозяйствования в Северной Африке не всегда совпадают с конечными производственными результатами. Это, в частности, является свидетельством того, что положительные сдвиги, в том числе в росте механизации отрасли, еще находятся лишь на начальной стадии. Кроме того, рост продуктивности продовольственных культур, и это, видимо, главное, протекает более медленно, чем технический прогресс и распространение современных передовых технологий.

Наиболее стабильные темпы роста по всем основным направлениям производства продовольствия (прирост производства зерна, мяса, молока, яиц, фруктов и овощей в расчете на душу населения) отмечаются в Египте, к нему относительно близки Тунис, до некоторой степени Ливия и Судан. Менее устойчивыми были показатели в Марокко и Алжире; в замыкающую группу входит Мавритания.

В то же время, если судить по уровню развития сельского хозяйства, достигнутому за всю предшествующую историю стран региона, то необходимо произвести дополнительную перегруппировку этих стран. По уровню урожайности основных сельскохозяйственных культур, продуктивности домашнего скота, т.е. по степени интенсивности ведения хозяйства в целом в первую группу войдут Египет и Тунис. В этих странах, прежде всего в Египте, во-первых, достигнут заметный прирост производства на душу населения по всем основным видам продовольственной продукции, во-вторых, здесь на основных

направлениях (развитие орошения, насыщение производства современными видами техники, уровень использования современных видов сельскохозяйственных материалов, прежде всего удобрений и т.д.). достигнут несомненный и значительный прогресс, и, наконец, динамика основных показателей носила довольно стабильный характер.

Ситуация в Тунисе, определяемая производством основных видов продовольствия, по ряду позиций либо близка к показателям, достигнутым Египтом, либо даже превосходит некоторые из них. Эта страна добилась одного из самых высоких показателей в регионе по производству всех основных видов продукции животноводства и – что очень важно подчеркнуть – зерна, фруктов, самого высокого уровня производства овощей. И хотя по производству зерна Тунис лишь приблизился к норме, определенной Всемирной продовольственной организацией (ФАО) как минимально приемлемой (230 кг зерна в расчете на душу населения), можно считать, что зерновую проблему эта страна практически решила, хотя и в минимально приемлемых объемах. Дело в том, что относительно небольшой дефицит, имевшийся в Тунисе, согласно нормам ФАО, в конце XX в. вполне перекрывался высоким уровнем производства овощей, оливок. Кроме того, в рамках специализации сельскохозяйственного производства в соответствии с природно-климатическими условиями, Тунис – не зернопроизводящая страна, поэтому достижение столь высокого показателя в производстве зерновых в расчете на душу населения скорее следует оценивать именно как достижение, а минимальный дефицит – как вполне приемлемый и, возможно, оптимальный. Впрочем, расчеты некоторых тунисских специалистов показывают, что уменьшение производства зерна в этой стране и, напротив, увеличение производства субтропических экспортных культур – более оптимальная модель для сельского хозяйства этой средиземноморской страны.

Однако одним из серьезных препятствий для реализации этой модели (структуры) является проблема внешних рынков для экспортной продукции отрасли, прежде всего оливок и оливкового масла. Тем не менее, если среднестатистический уровень калорийности питания в обеих странах постепенно приблизился и даже сравнялся с рекомендуемыми медицинскими нормами, то потребление протеинов растительного и животного происхождения в сумме несколько отстает в начале 90-х годов XX в. – к началу XXI в. от нормы, а по протеинам животного происхождения уступает более заметно.

Особое промежуточное положение занимает Марокко. Здесь еще в 80-е годы в урожайные периоды был превышен рекомендуемый ФАО среднестатистический показатель потребления зерновых за счет местного производства, однако в неурожайные годы он резко – вдвое и более – падал. Не имея столь же значительных экспортных доходов (страна не имеет практически нефти и газа), как Алжир и Ливия, Марокко сталкивалось с серьезным обострением продовольственного положения, бу-

дучи не в состоянии импортировать необходимое количество зерна. Этим прежде всего и определялось продовольственное положение государства. В то же время Марокко располагает уникальными по своим масштабам ресурсами морепродуктов, которые позволяют восполнить дефицит продовольствия в неурожайные годы как по калорийности, так и по протеинам. По оценке экспертов, ежегодный улов рыбы в экономической зоне королевства без нанесения ущерба воспроизводству морепродуктов превышает 1 млн. т. Следует отметить и значительные экспортные возможности по вывозу цитрусовых, овощей и др. с/х продукции. Тем не менее дефицит зерна и спад в производстве оливок – другой важнейшей продовольственной и товарной культуры сильно сказывается на рационе подавляющей части сельских производителей и их семей, приводя к чувствительному сокращению дневного рациона как по его калорийности, так и по качеству.

Что касается Алжира, Ливии, Мавритании и Судана, то по уровню производства отдельных важных продовольственных товаров растительного и животного происхождения они, как правило, уступают наиболее продвинутым странам региона. Однако и здесь есть положительные исключения: в Ливии относительно высок по региональным меркам уровень производства мяса и яиц, овощей и фруктов, в Судане – молока и мяса. Однако для всех этих стран характерен низкий уровень производства основного продовольственного товара – зерновых в расчете на душу населения. Это определяет в целом неудовлетворительное состояние продовольственной проблемы в беднейших странах Северной Африки – Судане и Мавритании. В Ливии и Алжире доходы от экспорта нефти позволяют за счет доходов от ее реализации прибегать к импорту значительного количества продовольственного зерна, других продуктов питания. В общем за счет местного производства продовольственное положение Алжира в большей мере и Ливии в меньшей по отдельным видам и в целом даже уступает суданскому. Лишь благодаря импорту продуктов питания эти две страны перекрывают по калорийности, но главным образом по качеству дневной рацион жителей Судана и тем более Мавритании.

Анализируя показатели, приводимые Всемирной продовольственной организацией (ФАО) относительно среднесуточного потребления калорий в расчете на душу населения в странах Северной Африки и других регионах мира в 70–90-е годы, необходимо отметить, что за почти два последних десятилетия XX в. продовольственное положение населения в большинстве стран региона заметно улучшилось. Это относится как к калорийности питания, так и к качественному составу продовольственного рациона².

Российский экономист Л.А.Княжинская, характеризуя состояние продовольственной проблемы в развивающихся странах в 1975–77 гг., отмечала: «Хронический продовольственный дефицит, во времена

неурожаев перерастающий в острый продовольственный кризис, расширяющий масштабы массового голода, – так в общих чертах можно охарактеризовать продовольственное положение в освободившихся странах на протяжении всего послевоенного периода»³. Для подобного вывода были достаточные основания – калорийность среднедушевого рациона в развивающихся странах в тот период была примерно в 1,5 раза ниже соответствующего показателя в развитых промышленных странах и составляла порядка 2219 ккал. В полной мере такая оценка была справедлива и в отношении стран Северной Африки. Однако, как свидетельствуют показатели уже начала – первой половины 90-х годов, ситуация заметно изменилась. Такие страны, как Египет, Ливия и Тунис добились существенного повышения калорийности дневного рациона питания населения, который практически сравнялся с соответствующими показателями промышленно развитых стран в 1975–77 гг. Причем он заметно превзошел показатели по Африке и даже Азии первой половины прошлого десятилетия, вплотную приблизившись к уровню европейских стран. Вместе с тем он уступал уровню Соединенных Штатов.

Однако в наименее развитых государствах Северной Африки – в Судане и Мавритании калорийность питания все еще сильно отставала от уровня развитых стран даже середины – второй половины 70-х годов прошлого столетия. В особенности низким данный показатель был в Судане. Несколько лучше, чем в этой группе североафриканских государств, было положение в Алжире и Марокко, которые все же приближались к уровню Египта, Туниса и Ливии.

Следует также отметить, что эксперты стран Ближнего Востока и Северной Африки не без оснований считают, что медицинские, научно рекомендуемые нормы питания по калорийности в арабских странах в силу более теплого климата, чем в развитых промышленных странах, должны быть несколько ниже.

Если судить по среднедушевым показателям, то можно констатировать, что в основном решена проблема достижения рекомендуемой медицинской нормы питания по калорийности в Египте, Тунисе и Ливии.

Что касается такого важного аспекта продовольственной проблемы, как уровень потребления протеинов, то ситуация здесь заметно иная. За рассматриваемый период она претерпела некоторые изменения, о чем свидетельствуют данные нижеприводимой таблицы.

Данные таблицы указывают на то, что в начале – первой половине 90-х годов лишь Египет и Тунис были близки к рекомендуемой норме содержания протеинов в дневном рационе питания населения, которая составила в этих странах порядка 90–95% от рекомендуемой медицинской нормы. При этом в динамике данного показателя в этих двух странах отмечается существенный прогресс – в 1992 г. он приблизился к уровню европейских стран начала 70-х годов XX в. (2/3 от

этого уровня в 1970 г.) и значительно – более чем наполовину превосходил соответствующий показатель по Африке и Азии.

**Динамика суточной нормы потребления протеинов
в странах Северной Африки в сравнении
с другими странами и регионами мира, г**

	Всего				Растительного происхождения			Животного происхождения		
	1970	1980	1992	1996–98	1970	1980	1992	1970	1980	1992
Алжир	46,9	68,5	75,6	81,1	37,7	54,5	56,3	9,2	14,0	19,2
Египет	68,4	78,0	87,3	89,7	59,2	66,5	74,4	9,2	11,5	12,9
Ливия	59,6	91,5	79,3	80,9	39,7	54,2	53,4	19,9	37,2	26,0
Мавритания	75,4	72,8	81,5	75,2	33,2	37,7	48,5	42,2	35,0	33,0
Марокко	63,2	70,7	80,9	83,1	53,3	59,4	66,5	9,9	11,3	14,3
Судан	62,7	63,5	65,4	77,3	43,5	38,4	43,1	19,2	25,1	21,7
Тунис	58,1	78,4	90,8	88,0	47,6	62,2	71,9	10,5	16,2	19,0
Африка	57,1	56,9	56,0	...	45,2	44,1	44,1	11,9	13,0	11,9
Азия	53,1	55,7	64,3	...	44,1	44,9	48,6	9,0	10,8	15,7
Европа	93,4	100,4	100,6	...	44,4	43,2	42,5	49,0	57,2	58,1
США	99,0	100,1	112,9	113,6	32,3	32,3	39,4	66,7	67,8	73,5
Мир	65,1	66,7	70,8	74,6	43,8	46,2	46,2	21,2	22,9	24,6

Источник: FAO. Production Yearbook. 1994. Rome, 1995, с. 235, 236; Statistical Yearbook. 1998. UN, N.Y. 2001, с. 89–91.

В Марокко, Ливии и Алжире рассматриваемый показатель с начала 70-х по первую половину 90-х годов заметно возрос. В этих странах, а также в Мавритании содержание протеинов в дневном рационе было заметно выше, чем в среднем по миру и превосходило соответствующий показатель по странам Африки и Азии – более чем на треть, но все еще значительно уступало медицинской норме и уровню европейских стран – примерно на 20–25% и тем более США (более чем на треть).

Тем не менее темпы, с которыми рос данный показатель в Марокко, Ливии и Алжире, позволяют считать, что в ближайшие полтора-два десятилетия и эти страны региона могут достичь уровня, рекомендуемого ВОЗ. Правда, такая оценка в отношении Мавритании может представляться слишком оптимистичной, учитывая уровень экономического развития этой страны и ограниченность земель, пригодных для возделывания с/х культур, и скудость водных ресурсов при крайнем дефиците атмосферных осадков. Впрочем, эта страна имеет реальные шансы достичь рекомендуемой нормы, т.к. она обладает крупными, мирового значения ресурсами морепродуктов, вполне достаточными для того, чтобы, не нанося урона их воспроизводству, прокормить немногочисленное население и также получить значительные доходы в валюте от экспорта части улова.

Что касается Судана, то эта страна по содержанию протеинов в рационе питания сильно уступает всем другим североафриканским

государствам. Во-первых, за последнюю четверть века этот показатель мало изменился к лучшему, а во-вторых, он остается примерно на 35–40% ниже рекомендуемой нормы. Главное то, что за столь продолжительный период времени в этой стране почти нет положительной динамики в качестве рациона, определяемого содержанием протеинов.

В целом же в регионе за прошедшие два-три десятилетия позитивные изменения в качестве питания населения очевидны. Они также подкрепляются и динамикой содержания протеинов животного происхождения, которое, и это важно подчеркнуть, в большинстве североафриканских государств (исключение составила Мавритания) выросло. Причем в Алжире и Тунисе произошло удвоение данного показателя, и примерно на 20–30% оно выросло в Египте, Ливии и Марокко. Несколько увеличился уровень содержания протеинов животного происхождения в Судане – примерно на 10%. Тем не менее этот крайне важный показатель качества питания жителей региона был в начале – первой половине 90-х годов XX в. все еще в 2–4 раза ниже, чем соответствующий показатель в европейских странах начала 70-х годов. Как это ни парадоксально, но особенно низким он остается в Египте и Марокко, где продукты животноводства все еще недоступны в необходимом количестве большей части населения этих стран и где объем производства все еще, несмотря на достигнутый прогресс, явно недостаточен.

Обобщая мозаичную, а в отдельных аспектах – противоречивую картину состояния продовольственной проблемы в странах Северной Африки в конце XX в. на основе одного из важнейших показателей – калорийности питания, российский исследователь В.Морозов исходил из того, что его оптимальный уровень составляет 2300–2400 ккал/день. В этом случае большинство стран региона можно отнести к государствам с уровнем питания «выше оптимального». К ним относятся Мавритания (2650 ккал), Алжир (2950 ккал), Египет (3275 ккал), Ливия (3260 ккал), Марокко (3140 ккал), Тунис (3250), диета жителей которых по калорийности обеспечивается как за счет собственного производства в стране, так и импорта продуктов питания, а некоторых из них в отдельные, неурожайные годы – и за счет продовольственной помощи. Лишь Судан с его диетой в 2380 ккал относится к группе «стран с уровнем питания, равным или близким к оптимальному»⁴. Соглашаясь в целом с такой оценкой, следует подчеркнуть, что речь идет именно об усредненных показателях. Они скрывают значительную неравномерность потребления продуктов питания среди различных слоев населения, имеющих неодинаковые доходы. С большой вероятностью можно предполагать, что в отдельных странах региона от 10–20 до 30–40% жителей, относящихся к наименее обеспеченным слоям населения, необходимого количества калорий недопо-

лучают, в особенности это относится к дорогостоящим продуктам животноводства и фруктам.

В свете вышесказанного перед всеми странами Северной Африки стоят в качестве наиболее острых аспектов продовольственной проблемы в 90-е годы – начале XXI в. более равномерное распределение продовольствия среди различных слоев населения, улучшение качества питания населения, повышение в его рационе доли протеинов животного происхождения, которая все еще заметно ниже рекомендуемой медицинской нормы, сокращение высокой степени зависимости от импорта продовольствия, а также предотвращение массового голода в результате периодически случающихся засух.

Крайне важной хозяйственной и государственной задачей является стабилизация и постепенное снижение расходов СКВ на импорт продовольствия. Резкий рост последних и вынужденные меры по их стабилизации и сокращению привели в ряде стран региона к «хлебным бунтам», подобно тому, как это случилось в январе 1977 г. в Египте. Затраты на импорт пока остаются чрезмерными и составляют в отдельных странах до 2–4 млрд. долл. в год и более⁵. Доля расходов на импорт продовольствия остается чрезмерно высокой, варьируя от примерно 10% в Тунисе до 32% в Алжире⁶.

От успешного решения этих задач во многом зависит внутривнутриполитическая стабильность в странах региона, их отношения с соседними государствами, влияющими на состояние водной проблемы, становление действительно партнерских (а не зависимых) отношений с крупными мировыми державами – факторы, формирующие состояние продовольственной безопасности.

¹ The Middle East and North Africa. 2004. L., 2004, с. 209, 341, 1107.

² FAO. Production Yearbook. 1994. Rome, 1995, с. 233, 234.

³ Statistical Yearbook. 1998. UN, N.Y. 2001, с. 89–96; Княжинская Л.А. Основные тенденции в производстве и потреблении продовольствия в освободившихся странах // Продовольственная проблема в современном мире. – М., 1983, с. 30.

⁴ Морозов В. Продовольственная проблема в Африке // Страны Африки. 2002. – М., 2002, с. 36.

⁵ The Middle East and North Africa. 2004. L., 2004, с. 342.

⁶ International Trade Statistics Yearbook. N.Y., UN. 1997, с. 7, 309, 610, 699, 1032; UNCTAD. Handbook of Statistics. 2000. UN, N.Y. 2000, с. 147, 149, 152, 153, 156, 157; <http://www.arab.net/Algeria, Egypt, Libya, Morocco>.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВИЗАЦИЯ ИРАНСКИХ КУРДОВ

Особое место Ирана в ближневосточной политике США и Запада, а также позитивные экономические и политические процессы в соседнем Иракском Курдистане заставили иранских курдов задуматься о перспективах курдского национально-демократического движения в Иране. Имам Хомейни, как известно, еще в 1980 г. запретил деятельность Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК). В связи с этим ее функционеры были вынуждены покинуть пределы страны и обосноваться в сопредельных районах Ирака, на территории, подконтрольной Патриотическому Союзу Курдистана (ПСК), возглавляемому Дж.Талабани. ДПИК прекратила вести вооруженную борьбу против исламского режима, пытаясь отстаивать права курдов мирными способами, действуя в ИРИ на нелегальном положении. После оккупации Ирака американо-британской коалицией, обещания администрации США предоставить иракским курдам широкую автономию руководящий состав ДПИК пересмотрел свои позиции в отношении Запада. В результате партия отошла от своих антиимпериалистических позиций. Ее лидеры пришли к мнению, что иранские курды должны последовать примеру курдов Ирака и стремиться при поддержке США добиться установления реальной автономии для курдов ИРИ. Эти решения потребовали внесения корректив в программу и деятельность ДПИК. В связи с этим активизировалась деятельность иранских политических эмигрантов. Одни из них осели в соседнем Ираке, другие нашли убежище в странах Западной Европы, где они образовали довольно многочисленную диаспору. Воодушевленная успехами созидательного мирного строительства иракских курдов, часть европейской диаспоры иранских курдов поставила вопрос о необходимости создания новой теоретической и идеологической основы деятельности главной политической организации иранских курдов – ДПИК. С этой целью была образована инициативная группа, приступившая к разработке соответствующих документов.

Свою национальную платформу для Восточного (Иранского) Курдистана ее разработчики обосновывали изменениями геополитических условий, сложившимися после завершения войны в Персидском заливе, последующими событиями в Южном (Иракском) Курдистане после вторжения США в Ирак, а также событиями в ИРИ. Поэтому создание новой практической программы действий, по их мнению, сильнее спло-

тит иранских курдов и станет надежным инструментом сотрудничества с другими иранскими политическими движениями. Члены инициативной группы подчеркивали, что создание такой программы является велением времени, и призвали всех курдов, политические организации и курдскую интеллигенцию подключиться к этой работе.

Между тем известно, что не все иранские курды поддерживают путь развития курдского движения в Иране, предлагаемый диаспорой иранских курдов в Европе. В связи с этим последняя предложила начать диалог с курдами из Восточного (Иранского) Курдистана для достижения политического консенсуса с целью подготовки национальной платформы. В результате 18 октября 2003 г. в Стокгольме состоялось собрание, на котором присутствовало более 60 человек, в том числе представители курдских политических организаций Восточного Курдистана. Был создан новый комитет, в задачу которого входила переработка представленного проекта в соответствии с внесенными замечаниями и предложениями. Этот комитет принял решение опубликовать новый проект платформы и привлечь к широкому его обсуждению как можно большее число курдов, политических партий и организаций с тем, чтобы полнее учесть критические замечания, комментарии и предложения об основных принципах программы действий. С этой целью была проведена работа по организации низовых структур Подготовительного комитета платформы (ПКП) в курдской диаспоре, которая должна была организовать заключительное заседание, на котором разработанная программа действий могла бы быть утверждена как национальная платформа для Восточного Курдистана. В связи с этим ПКП распространил в курдской диаспоре циркулярное письмо, датированное 30 ноября 2003 г., в котором излагался проект платформы.

Проект разработанного документа включал 9 пунктов.

- Курдское движение в Иранском Курдистане рассматривается как часть широкого движения курдов за независимость и политический суверенитет. Самоуправление в форме создания национального государства объявляется законным правом курдского народа.

- Главным инструментом решения курдского вопроса в Иране считается федеративная форма государственного устройства. Оптимальное решение курдского вопроса – это создание курдского национального государства. Однако учитывая современные геополитические условия, федеративная система, основанная на разделении суверенитета, может быть средством консолидации курдской нации в борьбе за политический суверенитет. Если модель (будущего) федерализма, принятая в Иране, не будет отвечать интересам всей курдской нации, то эти противоречия будут решаться путем референдума, на котором курдская нация осуществит свое право на самоопределение.

- Границы Республики Курдистан предлагается установить в соответствии с историческими и географическими принципами расселения курдского населения.

- В Республике Курдистан будет ликвидирована гендерная дискриминация; женщины получат равные гражданские, политические, социальные и экономические права. Политика равноправия в Республике Курдистан будет строиться на принципах «Конвенции уничтожения всех форм дискриминации женщин». Кроме того, курдское правительство упразднит дискриминацию, которой подвергаются женщины в Исламской Республике Иран. Жизненно важное значение будет иметь долгосрочный план борьбы с патриархальными структурами и традиционализмом в курдском обществе.

- Во главу угла выставляется необходимость строительства плюралистического и демократического общества. Законодательная система Республики Курдистан будет направлена на широкое привлечение граждан к участию в общественной жизни. Наиболее активные жители Республики Курдистан, члены политических партий и других институтов и ассоциаций составят костяк политического руководства общества.

- Укрепление демократии и гарантия свободы зависят от социальной справедливости. Поэтому одной из основных целей Республики Курдистан станет обеспечение прав всем гражданам на образование, жилище, здравоохранение и культуру. В этой связи будет отдаваться предпочтение акциям исправления положения маргинальных и находящихся в неблагоприятных условиях слоев общества. Для реализации этой цели Республика Курдистан будет осуществлять политику экономического развития, подтверждая параллельность демократических процессов и достижения экономического благосостояния.

- Граждане не будут ограничены в участии и осуществлении невоенной политической деятельности в Республике Курдистан. Более того, будет создан долгосрочный план искоренения вражды и достижения толерантности общества.

- Граждане Республики Курдистан независимо от пола, этнического происхождения или религии будут иметь право на труд в соответствии со своей квалификацией и заслугами. Кроме того, объявляется борьба со всеми формами коррупции и семейственности.

- Республика Курдистан придает особое значение своей безопасности и выработает политику и планы для своей защиты.

В приложении к этому документу определяется будущая модель федерализма в Иране: во-первых, федеративная система в стране, основанная на политической и законодательной системе гражданского общества, не связываемая с этническими (национальными) или религиозными особенностями, а нацелена на установление демократии и разрешение национальных конфликтов в Иране. Достижение последнего возможно при условии разделения суверенитета. Во-вторых, такая система основывается на секуляризме и автономности законодательной, исполнительной и судебной властей. Федеративная Республика Иран должна принять конституцию, гарантирующую права и обязан-

ности этих ветвей власти. В-третьих, Федеративная Республика Иран будет гарантировать свободу всем населяющим ее этническим и национальным группам, чему будет способствовать разделение суверенитета среди субъектов федерации. В «Платформе» особо должен будет оговорен суверенитет Республики Курдистан¹.

Следовательно, этот документ по сути является программой, нацеленной на изменение государственного строя в Иране, основанного в настоящее время на принципах шиитского ислама. Программа во многом отражает требования иранских курдов, предъявленные иранским властям сразу после свержения шахского режима. Кроме того, задача учреждения в стране секулярного государства иранских курдов согласуется с программой США демократического переустройства Ближнего и Среднего Востока.

Эта Платформа, разработанная курдами, проживающими в Западной Европе, была одобрена на заключительном заседании представителей диаспор иранских курдов 3 июля 2004 г. в Лондоне. На нем было предложено ДПИК отказаться от прежнего лозунга «Демократия – Ирану, автономия – Курдистану» и принять новый – «Создание демократической, плюралистической и федеративной системы в Иране и предоставление национальных прав иранским курдам». Кроме того, была подготовлена новая программа ДПИК, разработанная под явным впечатлением лозунгов и реальных достижений их иракских соотечественников.

В дальнейшем, согласно информации, распространенной курдскими средствами массовой информации от 29 июля 2004 г., ДПИК и большинство курдских партий, представляющих курдов Восточного (Иранского) Курдистана, провели 13-й партийный конгресс в Кой Сан-джак в Иракском Курдистане. На этом съезде, проходившем в течение 5 дней, были намечены перспективы работы партии и осуществлены значительные изменения в партийном руководстве, программе и планах на будущее. С отчетным докладом выступил генеральный секретарь ДПИК А.Хасанзаде. В докладе была проанализирована политика ИРИ в отношении курдов, сделан обзор международного положения, а также дана оценка деятельности ДПИК в отчетный период (с 2000 года).

Поскольку согласно Уставу ДПИК генеральный секретарь партии не может исполнять свои обязанности более двух сроков, а также, видимо, в связи с изменением курса партии, на съезде был поставлен вопрос о переизбрании генсека. Вследствие этого бывший генеральный секретарь ДПИК Абдулла Хасанзаде оставил свой пост, а на эту должность был избран Мустафа Хиджири, исполнявший обязанности партийного лидера с 1992 по 1995 годы после убийства д-ра Садека Шарафканди, а затем являвшийся начальником курдских вооруженных формирований (пешмерга).

М.Хиджири известен своей приверженностью способу достижения намеченных целей вооруженными средствами. Под его руководством ДПИК взяла на себя ответственность лидера в борьбе за фе-

деративный Иран и обязалась гарантировать национальные права курдам и другим национальностям, населяющим страну.

Конгресс принял решение, имеющее символическое значение, а именно: считать флаг Курдского регионального правительства в Ираке общим флагом партии. ДПИК будет рекомендовать (будущему – О.Ж.) курдскому автономному району в Иране использовать этот флаг. Участники конгресса объяснили это желанием консолидировать курдскую нацию для преодоления внутренних расхождений внутри курдского общества.

На съезде было выдвинуто предложение о необходимости сплочения всех сил, поддерживающих платформу ДПИК, в Европе, Северной Америке и Южном и Восточном Курдистане. Эта инициатива нашла реализацию в новом решении: назначить двух членов партии, входящих в центральный комитет, для работы с приверженцами ДПИК за пределами Курдистана и привлечения в нее новых членов. Ранее такой работой разрешалось заниматься только членам партии в рамках собственно Курдистана.

В период между съездами главным руководящим органом партии является ее центральный комитет, в компетенцию которого входит решение всех повседневных дел партии².

Иран, отнесенный к странам «оси зла», находится в списке следующим после Ирака. Иранские демократы, очевидно, рассчитывают на то, что США свергнет исламский режим в ИРИ и курдам удастся провозгласить Республику Курдистан на территории расселения иранских курдов. При этом в их программе ощущается определенная двойственность. С одной стороны, иранские курды ратуют за установление федеративного государственного устройства в Иране, причем Республика Курдистан станет его субъектом, а с другой, – иранские курды рассматривают себя частью широкого движения курдов региона, борющегося за независимость. Последнее обстоятельство, а также использование флага и прочей атрибутики, свойственной курдской автономии Иракского Курдистана, дает основание предположить, что иранские курды будут бороться за присоединение своей республики к Иракскому Курдистану. При этом судьба других народностей Ирана, гипотетически способных бороться за автономию, курдскими демократами оставляется без внимания. Как известно, автономистские движения иранских белуджей, арабов, туркмен и азербайджанцев за национальную автономию в период свержения шахского режима были подготовлены благодаря политической деятельности в этих районах курдских агитаторов и авторитета А.Касемлу, лидера ДПИК того времени. Однако движения были подавлены. И теперь предпосылки для их возобновления почти полностью отсутствуют. Исключение могут составить лишь белуджи, испытывающие влияние политических процессов в сопредельных белуджских районах Афганистана и Пакистана.

Кроме того, в случае возобновления иранскими курдами вооруженной борьбы с исламским режимом расширится зона деятельности

экстремистских исламских группировок за счет включения в нее приграничных со странами СНГ районов расселения разделенных государственными границами этносов Ирана (азербайджанцев, туркмен). Это может осложнить ситуацию в Армении, Азербайджане и Туркмении, где имеется курдское население.

Программа провозглашения Республики Курдистан в федеративном Иране на данном этапе представляется преждевременной, поскольку не имеет экономического обоснования. Кроме того, механическое перенесение опыта иракских курдов невозможно по той простой причине, что иранские курды в отличие от их иракских соотечественников не обладают таким обширным опытом политической борьбы, каков был накоплен в 40–60-е годы под руководством Моллы Мустафы Барзани, у них нет авторитетных лидеров, которые бы были известны в районах иранской периферии, способных консолидировать иранское общество. Иранские курды не имеют достаточного опыта мирного созидательного строительства, никогда не обладали легальной автономией в рамках Ирана и пр. Все это говорит о том, что у иранских курдов нет еще основ для практической реализации решений 13-го съезда ДПИК, продолжающей находиться на нелегальном положении, а большинство ее функционеров живет за пределами Ирана. Кроме того, остается неясным вопрос о том, отвечает ли эта перспектива интересам всех курдов Ирана, поскольку между курдами северо-западной и юго-западной частей (приверженцами шиитского ислама) страны прочных связей и оживленного политического и социально-экономического сотрудничества не наблюдается.

Очевидно, что иранские фундаменталисты ни при каких обстоятельствах не будут договариваться с функционерами ДПИК.

Поэтому они пресекают ее попытки проведения националистической идеологии через легальные курдские печатные издания. Так, за публикацию материалов об А.Оджалане, руководителе РПК Турецкого Курдистана, и Казн Мухаммеде, лидере Мехабадской республики 1946 г. редактор курдской газеты Мохаммед Сада Я Кабудванда был арестован³. Кроме того, иранские власти расправляются самым жестоким образом с функционерами ДПИК, действующими на территории Ирана: применяются репрессии, заключение под стражу, казни, битье палками, а также ампутация пальцев и кистей рук в качестве судебного наказания. Все это напоминает действия шахской тайной охраны САВАК.

Отметим, что реализация требований, предъявленных иранскими курдами правительству, не предполагает вооруженной конфронтации, поскольку они касаются социально-экономических, политических и культурных вопросов, которые вполне можно урегулировать мирными средствами. Они сводятся к следующему: ликвидировать дискриминацию в области экономики, политики, в культурной, социальной и религиозной сферах жизни, решить вопросы массовой без-

работицы, покончить с нищетой и вынужденной эмиграцией иранских курдов, объявить борьбу с наркоманией, которая, как считают курдские активисты, среди курдской молодежи приняла масштаб массовой эпидемии, увеличить объемы инвестиций в сельское хозяйство и в развитие инфраструктуры.

Курды-сунниты выражают недовольство попытками властей усилить влияние шиитского ислама в Иранском Курдистане, население которого издревле было суннитским. Поэтому они выступают против строительства шиитских мечетей в районах, где традиционно господствовало суннитское направление ислама. В области образования курды требуют введения обязательного изучения курдского языка в начальной школе и открытия отделений курдской филологии и истории в высшей школе.

После вступления в должность в 1996 г. президент аятолла Хатами обещал курдам принять программу развития для Иранского Курдистана. Однако с тех пор практически ничего не было сделано, хотя определенные средства предусматривались в иранском бюджете. В своем выступлении в Тегеране перед членами меджлиса от Курдистана Хатами заявил, что в четвертом пятилетнем плане было уделено «специальное внимание» развитию Курдистана.

Однако призывы части курдских демократов, находящихся за рубежом, к борьбе за независимость являются сдерживающим фактором в развитии экономики Иранского Курдистана.

В августе 2004 г., когда Хатами посетил этот район, он признал, что в кабинете министров и среди заместителей министров в его правительстве нет курдов⁴.

Отсутствие практических действий иранского правительства в деле развития экономики региона вынуждает образованную часть иранских курдов искать себе работу в Иракском Курдистане. Они также выдвигают претензии о том, что курдов-суннитов не назначают на высшие и средние руководящие должности, хотя среди иранских курдов немало квалифицированных специалистов.

Практически реализовать требования иранских курдов пытаются курдские демократы, которые находятся в стране. Они прилагают усилия решить эти вопросы легально, путем активного участия в политической и общественной жизни Ирана, не чураясь сотрудничества с исламскими органами власти. И эта работа является результативной, поскольку в Иранском Курдистане издаются курдские газеты и журналы, работает Курдский культурный институт в Тегеране и т.д. Конечно, деятельность этих учреждений находится под наблюдением иранской администрации, следящей за тем, чтобы они не стали очагами распространения курдского национализма.

Вместе с тем иранские власти относятся вполне лояльно к тем иранским курдам, которые способны находить с ними общий язык на благо своего народа. Они плодотворно сотрудничают с реформатор-

скими силами в управленческих структурах ИРИ, пытающимися сдерживать репрессии и расправы над иранскими курдами. Между тем в Иранском Курдистане продолжают нарушения основных человеческих прав, что было официально признано международными правозащитными организациями. Тем не менее в сложных условиях, когда большинство в иранском парламенте получили фундаменталисты, группа депутатов 7-го созыва пытается вновь образовать курдскую фракцию. Депутат от города Урмия Абди Фаттах заявил, что ее создание направлено на укрепление единства Ирана.

Это согласуется с позицией иранского руководства, не планирующего каких-либо изменений в административном устройстве страны. ИРИ при этом поддерживает создание в Ираке федеративного государства из трех штатов, из которых один – шиитский – всегда будет под ее политическим и моральным покровительством. Образование курдского штата в рамках Ирака, по мнению некоторых иранских политиков, может способствовать снижению напряженности в Иранском Курдистане. В то же время ИРИ, как и Турция, намерена всячески противодействовать образованию курдского государства на иракской территории. Кроме того, Иран и Турция пытаются обеспечить безопасность в пограничной зоне с помощью совместного ирано-турецкого комитета, стараясь ужесточить свою позицию в отношении Рабочей партии Курдистана. Ситуация на ирано-турецкой границе осложняется тем, что курдские боевики РПК, которым иранские власти предоставляли убежище после того, как они были вытеснены из Северного Ирака, теперь перенесли свою деятельность и на территорию Ирана. Отношение Ирана с РПК таким образом испортились.

Как представляется, иранские курды еще не исчерпали возможности решения своих насущных проблем в условиях существования нынешнего режима. Более приемлемым представляется путь договоренностей с представителями властей, путь обоюдных уступок и компромиссов, достижение экономических и социальных преимуществ для нормального развития общественных процессов в Иранском Курдистане. Программа, предлагаемая ДПИК на данном этапе, может дестабилизировать ситуацию в стране и регионе и будет способствовать еще большему ухудшению положения курдского народа Ирана.

¹ Towards a National Platform for East Kurdistan. – <http://www.kurdishplatform.org/>.

² Report from KDPI's Thirteenth Congress. – <http://www.kurdishmedia.com/news.asp?id=5315>.

³ В Иране арестован редактор курдской газеты. – <http://www.kurdistan.ru/b5.htm>

⁴ Iranian Kurds gets Jobs in Northern Iraq, As Islamic Government Continues Sectarian Policies, Kurdish Journalist Says. – <http://www.home.cogeco.ca/-kurdistan/17-8-04-kurds-east-go-to-south-kurdistan.htm>

ТУРЦИЯ И ЕС: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ

Турция – ветеран среди кандидатов на вхождение в Европейский союз; ее ассоциированное членство в этой организации продолжается уже сорок с лишним лет. Однако длительное ожидание, увы, не делает перспективу полного членства страны в ЕС более вероятной в ближайшее время.

Причем в самом начале пути в Евросоюз у Турции были довольно неплохие шансы на успех. В условиях «холодной войны» страна выбрала западный лагерь – приняла «план Маршалла», «доктрину Трумэна», в 1952 г. вступила в НАТО, направляла своих солдат воевать в Корею и т.п., поэтому была для Запада желанным кандидатом.

Окончание «холодной войны» и распад СССР стали своеобразной проверкой отношений между Турцией и ЕС на прочность. Согласно положениям Анкарского Договора об ассоциации – основного документа турецко-европейского сотрудничества (вступил в силу с 1 декабря 1964 г.), после выполнения ряда условий Турция должна была стать полноправным членом ЕС к 1995 г. Но пока турецкое правительство старалось реализовать свои обязательства перед Евросоюзом к намеченной дате, выяснилось, что в новых условиях европейцы не намерены закрывать глаза на прежние «антидемократические грехи» верного и испытанного союзника Запада и требуют от него все новых и новых шагов к достижению определенного уровня социально-экономического развития, а также ликвидации правовых изъянов в законодательстве, прежде всего в конституции, принятой, кстати, в 1982 г. в условиях военного режима. При таком подходе лишь к 1999 г. Турции удалось добиться признания за ней статуса страны-кандидата в ЕС.

Первый и, пожалуй, наиболее обоснованный блок претензий, предъявляемых Евросоюзом Турции, касается несоответствия ее основных социально-экономических показателей – темпов инфляции (в отдельные годы – свыше 70–80%) и безработицы (до 10%), объема внешнего долга (в 2003 г. – свыше 140 млрд. долл.), дохода на душу населения (около 3000 долл.) уровню развития стран-членов ЕС¹. По-прежнему сохраняются диспропорции в экономическом развитии прибрежных и внутренних, а также западных и юго-восточных регионов Турции.

В 90-е годы наряду с экономической отсталостью на первый план выдвинулись политические преграды, в частности, неудовлетвори-

тельная ситуация с соблюдением прав человека и основных демократических свобод в стране. Прежде всего это касается уважения прав курдского меньшинства и немусульманских конфессий, отказа от применения пыток в тюрьмах, уменьшения особой роли армии в политической жизни страны. Кроме того, до недавнего времени излюбленной темой противников вхождения Турции в Евросоюз был ее конфликт с Грецией по поводу Кипра. Положительный исход голосования по «плану Аннана» среди турок-киприотов в апреле 2004 г. частично лишил ЕС этого козыря.

Среди основных препятствий, выдвигаемых Западом на пути Турции в Евросоюз, осталось упомянуть быстрый рост населения в стране, вследствие чего Турция будет обладать наибольшим представительством в Европарламенте, угрозу наплыва турецких мигрантов в страны ЕС (уже сегодня турецкая диаспора, насчитывающая порядка 3 млн. человек – самая большая в Европе), а также соседство Турции с такими проблемными зонами, как Ближний Восток и Закавказье.

Наконец, существует мнение, что решающую роль в «торможении» Турции Западом играет тот факт, что ЕС – это якобы «христианский клуб», который не желает пополнять свои ряды за счет мусульман, «потому что все культурные, политические и иные традиции Турции идут вразрез с духом Европы, который зиждется на христианстве»².

Неприятие чужой культуры, страх потерять свою идентичность в потоке мусульман-иммигрантов, конечно, объективно присутствуют в европейской среде, отчасти подтверждая модный сегодня тезис о «столкновении цивилизаций», но это, как представляется, лишь один аспект проблемы. Гораздо более серьезной помехой на пути Турции в Евросоюз, нежели преобладание среди турок мусульман, исследователи не так давно считали успех в стране сил, «для которых вступление Турции в ЕС отнюдь не является приоритетным»³. Речь в данном случае идет о победе на парламентских выборах в 1995 г. исламистов (Партия благоденствия Н.Эрбакана – «Рефах») и в 1999 г. правых и левых националистов (блок Демократической левой партии Б.Эджевита и Партии националистического движения Д.Бахчели). Высказывались, в частности, предположения, что тщетные попытки Турции интегрироваться в европейские структуры, разочарование турецкого общества в основных политических партиях – сторонниках проевропейского кемализма способствуют популярности маргинальных сил, играющих на ксенофобии, политизации религии и т.п., а эти силы, в свою очередь, могут предложить обществу внешние ориентиры, альтернативные вхождению в ЕС – блокировку с мусульманскими соседями, либо тюркоязычными республиками Центральной Азии.

Казалось, сама победа, причем абсолютным большинством, правящей ныне Партии справедливости и развития во главе с Р.Т.Эрдоганом в ноябре 2002 г. подтверждает подобные прогнозы. ПСР оформилась в 2001 г. как «умеренное крыло» происламского движения

«Милли герюш» («Национальный взгляд»), которое до этого представляла, по сути, одна политическая партия, периодически закрываемая судебными властями, но каждый раз воссоздаваемая под новыми названиями и под старыми лозунгами – во главе с прежними лидерами. Последнее ее название – Партия добродетели («Фазилет»), запрещена она была в 2001 г., причем одним из поводов к запрету послужили происламистские высказывания тогда уже популярного в этой среде Р.Т.Эрдогана.

Сторонники «Милли герюш» чаще всего осуждали стремление светского руководства страны интегрироваться в Евросоюз и делали упор на необходимости тесного сотрудничества с мусульманским Востоком. Практическая попытка осуществления данной идеи была предпринята правительством Партии благоденствия (очередное воплощение «Милли герюш») в 1996 г., когда премьер-министр и лидер ПБ Н.Эрбакан выступил с инициативой образования «исламской восьмерки», задуманной как альтернатива «семерке» индустриально развитых стран Запада, куда вошли бы Турция, Иран, Пакистан, Египет, Бангладеш, Малайзия, Индонезия и Нигерия. Поскольку до раскола на «умеренных» исламистов во главе с Р.Т.Эрдоганом и «консерваторов» во главе с Н.Эрбаканом оба лидера представляли одно течение, естественным было ожидать от Эрдогана проведения внешней политики в духе идеологии «национального взгляда».

Итоги двухлетнего пребывания у власти правительства Р.Т.Эрдогана демонстрируют успешную борьбу с подобными стереотипами. Более того, именно благодаря политике ПСР в канун определения в декабре 2004 г. на саммите Евросоюза даты начала предвступительных переговоров Анкара чувствует себя довольно уверенно. Ведь текущий доклад Комиссии европейских сообществ от 6 октября 2004 г., посвященный реализации турецким правительством конкретных шагов на пути к интеграции, наконец-то рекомендовал, пусть с некоторыми оговорками, начать переговоры о полном членстве страны в будущем 2005 г.

Еще до парламентских выборов руководители ПСР подчеркивали, что вхождение в ЕС является их главной задачей. Придя к власти, Р.Т.Эрдоган и его министр иностранных дел А.Гюль совершили немало «европейских турне», убеждая руководство ЕС в целесообразности европерспективы Турции. Главным шагом в этом направлении стала адаптация турецкого законодательства к правовым нормам Евросоюза. В 2003–2004 гг. правительство одобрило последние пять из восьми «пакетов» законодательных поправок к основополагающим законам страны, включая внесение изменений в уголовный кодекс, Конституцию и др.⁴

Значительным изменениям подверглась судебная система. Постепенно были ликвидированы суды государственной безопасности, приговоры которых не подлежали обжалованию, вкпе со 143 статьями Конституции, регулирующей их работу. Введена процедура обжало-

вания судебного приговора в Европейском суде по правам человека, в случае если вердикт противоречит основополагающим европейским конвенциям. Данная мера уже дала возможность таким политическим заключенным, как бывший депутат турецкого парламента, активист курдского движения Лейла Зана и ее соратники, подать апелляцию в Европейский суд и добиться освобождения в июле 2004 г. Ранее, в мае того же года приоритет международных конвенций над местным законодательством был закреплен в статье 90 Конституции.

Согласно поправке к действующему Закону о судебных делах, судимость перестала быть пожизненной. Порог детской преступности повышен с 15 до 18 лет. В случае если какие-либо действия не являются правонарушениями с точки зрения европейского права, то они и вовсе должны быть удалены из личного досье гражданина.

Великое национальное собрание Турции (парламент) отменило чрезвычайное положение в ряде регионов, приняло меры к искоренению судебного произвола. Печально известный недуг турецкой полицейской системы – пытки – в настоящий момент отнесены к разряду преступлений, расследование которых должно проводиться безотлагательно и в максимально короткие сроки, невзирая даже на нахождение в отпуске судебных чиновников.

Из Закона о борьбе с терроризмом исключена статья 8, предусматривавшая тюремное заключение сроком на три года за пропаганду, угрожающую целостности государства (стандартное обвинение, выдвигаемое против курдских националистов). Пересмотрено само понятие террора, под которым подразумеваются любые действия, создающие угрозу основным республиканским принципам, существующему строю, авторитету властей, пресловутой «нерушимой целостности государства, страны и народа», демократическим свободам, внутренней и внешней безопасности страны и т.д., но с немаловажной оговоркой – «при использовании насильственных методов». Уточнено и определение террористической организации.

Изменения Закона об обществах и Закона о фондах не только узаконили фактически действующие правила, но и существенно расширили свободу собраний ассоциаций. В своих международных контактах и частной переписке общественным организациям теперь официально разрешено использовать иностранные языки, делать публичные заявления без обязательного ранее предварительного согласования, открывать филиалы за рубежом. Турецкие общества также могут участвовать в международных организациях своего профиля по согласованию с МИД и МВД Турции. Аналогичное положение действительно и для иностранных объединений; правда, в этом случае их деятельность подчиняется местным законам, как и турецких организаций – законам страны, на территории которой они функционируют.

Фонды немусульманских религиозных конфессий приобрели право скупать и регистрировать на себя недвижимость. Получили кос-

венное признание культовые сооружения немусульман; теперь, согласно положению о градостроительстве, при застройке местности рекомендуется выделять место не просто для мечетей, а вообще для религиозных сооружений.

Либерализационные меры коснулись и положений о печати и средствах массовой информации. СМИ больше не обязаны раскрывать источники сообщаемых сведений. Согласно статье 30 «О защите средств печати» Конституции страны, здания и пристройки издательского дома ни при каких обстоятельствах не могут быть закрыты или конфискованы (по старому законодательству их могли изъять как «орудие преступления», если против издательства выдвинуто обвинение в антиправительственной деятельности).

Смягчено положение о цензуре в отношении кино-, видео- и музыкальной продукции. Внушительный список запретов в этой сфере заменен значительно более лаконичной фразой, предписывающей проверку данной продукции на соответствие «основным конституционным принципам республики, нерушиму единству нации, страны и народа, общей морали, интересам и здоровью нации». Кроме того, цензуре больше не подлежат литературные и научные труды и произведения искусства, а печатная продукция, забракованная цензорами, может быть изъята, но не уничтожена, как предписывалось законом раньше.

Публичные оскорбления и презрительные реплики в адрес государства и его основных органов все еще преследуются законом. Вместе с тем признается, что высказывания с целью критики, не содержащие оскорбительных выражений, наказанию не подлежат.

Из всей массы законодательных нововведений, быть может, наиболее горячо дискутируемыми стали положения о правах граждан страны нетурецкого происхождения. Еще в начале 90-х турецкие власти пытались доказать международному сообществу, что уважают самобытность нетурецких народностей, например, легализовав в 1991 г. курдский язык как средство общения, что, разумеется, и без того считалось естественным в курдской среде.

Сегодня, помимо турецкого, частным и государственным каналам разрешено вещание на других языках и наречиях. Трансляцию телепередач на курдском и некоторых других языках проживающих в стране этнических меньшинств в ограниченные часы осуществляет центральный телеканал Турции TRT-1. И хотя турецкий язык, будучи государственным, все еще продолжает быть единственно допустимым языком преподавания и обучения в государственных школах, парламент решил открывать частные курсы по изучению нетурецких языков, употребляющихся гражданами страны в быту, а также включать данные языковые дисциплины в программы частных школ. Из законодательства был изъят запрет на ношение определенных имен, за исключением тех, которые, по словам закона, «противоречат общей морали и

оскорбительны для общества». По мнению ряда обозревателей, таким образом были «реабилитированы» курдские имена.

Картина получилась бы слишком безупречной, если бы не тот факт, что правительство Р.Т.Эрдогана нередко использует процесс модификации турецкого законодательства для решения личных и партийных проблем. В частности, сразу после победы на выборах в 2002 г., явно с целью обезопасить ПСР от посягательств со стороны военных, были пересмотрены правила участия граждан в политической деятельности.

В то время как по старому законодательству существовал запрет на вступление в политическую партию лиц, виновных в «открытом разжигании среди населения межклассовой, межнациональной, межрелигиозной, межконфессиональной и межрегиональной розни», теперь единственным препятствием к вступлению является участие в террористической деятельности. Такая инициатива неудивительна, ведь при смене власти некоторым нынешним руководителям в любой момент могли напомнить их прошлые высказывания. К тому же лицам, повинным в различных финансовых преступлениях, терроризме, а также злоупотреблении религиозными чувствами граждан, ныне грозит отлучение от общественной жизни на два года (ранее – пожизненно), а членам и руководителям запрещенных организаций – на год вместо прежних пяти лет. Прежде всего это позволило избрать в турецкий парламент на должность премьер-министра самого Р.Т.Эрдогана, имевшего судимость.

Существенно усложнена процедура закрытия политических партий. Если раньше, чтобы возбудить дело о прекращении деятельности партии в Конституционном суде было достаточно решения генпрокурора, то теперь потребуются указ президента, постановление совета министров, а также обращение в суд министра юстиции или какой-либо из партий. Причем как практически любой приговор, решение о закрытии политической партии теперь может быть обжаловано в том же Конституционном суде.

С одной стороны, правительство сделало немало для модернизации семейного права: отменило наиболее одиозные статьи в духе традиционной морали, такие, как наказание за прелюбодеяние; конституционно закрепило положение о равенстве прав мужчин и женщин (статья 10). Вместе с тем об «особом» отношении ПСР к исламу и его нормам свидетельствует попытка правительства в сентябре 2004 г. внести на обсуждение ВНСТ предложение о включении в Уголовный кодекс Турции статьи, предусматривающей наказание за... супружескую неверность. Под давлением западной общественности эта инициатива была снята с обсуждения, хотя успела наделать много шума.

Время от времени у отдельных наблюдателей и наиболее активных поборников светских норм в Турции вызывает опасение обоюдное стремление руководителей Евросоюза и приверженцев исламиз-

ма ослабить влияние турецкой армии, которая в лице своего руководства, Генштаба, а также используя весомое представительство в Совете национальной безопасности страны, претендует на особую роль в защите государственного строя и к тому же занимает наиболее бескомпромиссную позицию в отношении клерикалов.

В соответствии с требованиями Евросоюза ВНСТ урезало обязанности Совета национальной безопасности (конституционного органа Турции) до представления рекомендаций в сфере оборонной политики. Члены СНБ удалены из Совета по цензуре кино-, видео- и музпродукции, а также внесением поправки к статье 131 «О высшем образовании» Конституции страны – из состава Совета по высшему образованию (СВО), учрежденного военными после переворота 1980 г. для регламентации деятельности вузов. Изменено соотношение военных и гражданских членов в СНБ. Согласно новому регламенту, генеральный секретарь СНБ назначается премьер-министром из числа гражданских лиц по согласованию с Генштабом ВС Турции (ранее назначался главой Генштаба из числа высших армейских чинов, а затем утверждался правительством). В октябре 2004 г. к этим обязанностям приступил бывший турецкий посол в Греции. Наконец, парламент Турции наделил себя правом контролировать бюджетные расходы, включая затраты на нужды армии и оборонную промышленность (последнее – в порядке строгой секретности). Ежегодно примерно 1/5 государственных ассигнований тратится на военные расходы, причем до сих пор военные обладали иммунитетом в отношении финансовых проверок.

Наряду с этим все больше сторонников завоевывает позиция, согласно которой уменьшение роли армии не приведет к потере турецким исламом своего «умеренного» характера, т.к. принципы светскости прочно укоренились в турецком обществе, и большая часть населения выступает против замены светской юридической системы на шариатскую.

По мере приближения публикации упомянутого выше доклада КЕС, в котором должен был прозвучать предварительный ответ о готовности видеть в своих рядах Турцию, обстановка вокруг этой темы становилась все более напряженной. Довольно откровенную оценку событий дала датская газета «Information»: «В Турции дела идут настолько хорошо, что европейские комиссары из кожи вон лезут, чтобы придумать новые отсрочки, преграды и тесты... Вместе с тем признается, что в лице Турции мы потеряем стратегического партнера в отношениях с арабским и мусульманским миром. ЕС просто не может позволить себе сказать “нет” Турции»⁵.

Так в конечном счете и получилось. Доклад, подготовленный главой еврокомиссии по расширению Г.Ферхойеном и другим еврокомиссаром Р.Проди⁶, содержит немало позитивных заявлений: приветствуются изменения в турецкой судебной системе, практически

отсутствуют нарекания по поводу несовершенств в экономической сфере, отмечается прогресс по Кипру. Вместе с тем доклад вновь концентрирует внимание на отдельных недостатках судебно-правовой системы (указывается на необходимость формирования апелляционных судов нижних уровней; призывается к «нулевой терпимости» в отношении плохого обращения с заключенными и пыток). Особо отмечается то, что турецкая армия продолжает сохранять право вмешиваться в политическую жизнь (некоторые статьи Конституции – «защита и охрана республиканских принципов» – ранее использовались ею как законодательное оправдание военного вмешательства). Доклад требует устранения ограничений для деятельности немусульманских конфессий, в т.ч. в сфере подготовки священнослужителей, создания фондов, школ, владения недвижимостью, констатирует ущемление прав женщин, профсоюзов, национальных меньшинств. По словам авторов, возвращение курдских беженцев в деревни и компенсация за потерю имущества затруднены из-за отсутствия прочной системы охраны деревень и недостаточной материальной базы. Отмечается отсутствие единой стратегии всестороннего развития юго-восточных регионов страны.

Любопытно, что под понятие меньшинства («не суннитского толка») теперь подпали алевиты – религиозная конфессия, к которой относится часть курдов и турок. Если в отношении курдов оборот «национальное меньшинство» уже стал привычным, то алевиты в прошлых докладах назывались «конфессией не суннитского толка». Первыми на это отреагировали сами алевиты и курды – лидеры профессиональных обществ алевитов: «Мы – неотъемлемая часть этой страны, ее учредители, а не меньшинство»⁷.

В итоге делается вывод, что Турция «в достаточной мере» добилась выполнения требуемых политических критериев, в связи с чем рекомендуется начать переговоры о ее членстве.

Но процесс переговоров, отмечают в руководстве ЕС, будет длительным, положительный исход ожидается не раньше 10–15 лет, причем он не гарантирован. Устанавливается сложная процедура: предстоят ежегодные доклады по политической ситуации (первый – в декабре 2005 г.), затем подготовительный этап к переговорам, далее – обсуждение каждой проблемы в отдельности; должны, кроме того, предприниматься меры по укреплению политического и культурного диалога на массовом уровне (каким образом – будет оговорено дополнительно). Турецких политиков особо пугает заложенная в докладе КЕС правозащитная формула, которая позволяет ЕС в случае необходимости приостановить и даже прекратить процесс ведения предвступительных переговоров с Анкарой.

Турецкое руководство сделало все возможное, чтобы обеспечить положительное рассмотрение на декабрьском саммите ЕС рекомендаций Еврокомиссии и нейтрализовать такие дискриминационные по-

ложения доклада, как «негарантированность» исхода переговоров и др. Саммит в Брюсселе имел для Турции принципиальное значение. Ведь процедура переговоров с ЕС такова, что, будучи однажды начатой, она рано или поздно завершится вхождением в Союз. Турецкие политические деятели не упускали возможности продемонстрировать ЕС свою позицию, нередко в достаточно категоричной форме. Так, Р.Т.Эрдоган в интервью «The Times» и «The Independent» заявил, что «переговоры завершатся либо полноправным членством, либо ничем». Ожидания Турции от саммита в Брюсселе он суммировал так: предвступительные переговоры без каких-либо условий; конкретная дата начала переговоров; никаких дополнительных политических требований кроме тех, что были зафиксированы на саммите в Копенгагене в 2002 г. (т.е. таких, как дипломатическое признание Кипра). По словам Эрдогана, «правила не должны меняться во время игры». В том же интервью премьер-министр Турции довольно нестандартно обосновал принадлежность Турции к европейской культуре: «В последние годы своего существования Османскую империю называли «больным человеком» Европы, а не Азии. Даже в худшие времена мы считались европейцами». В доказательство возможности успешного сочетания самых разных, порой противоположных систем ценностей Эрдоган привел собственный пример, определив себя как «мусульманина, турка и демократа во главе светского правительства»⁸.

Результаты саммита Евросоюза в Брюсселе в общем-то справедливо преподносятся в Турции как крупная дипломатическая победа. Самым положительным и долгожданным итогом для нее стало согласие Евросоюза на запуск переговорного процесса 3 октября 2005 г. На пресс-конференции, организованной по возвращении в Анкару возглавлявшим турецкую делегацию на саммите Эрдоганом, было заявлено о «пусть не стопроцентной, но победе». «Цель – полное членство, и это засвидетельствовано в форме, не оставляющей места для сомнений. Хотя дальнейший путь куда более долг и тернист, Турция с божьей помощью и благодаря своему динамичному населению преодолееет все преграды. Мы находимся в точке, когда наконец-то начали пожинать плоды наших 41-летних усилий»⁹, – убежден премьер-министр.

Турецким делегатам удалось добиться некоторых уступок в плане упомянутых в октябрьском докладе Еврокомиссии ограничений на передвижение турецкой рабочей силы: вместо постоянных ограничений теперь планируется ввести «длительные», «временные» и «в случае необходимости». В остальном раздел декларации брюссельского саммита, посвященный перспективам членства Турции, практически полностью дублирует основные положения доклада КЕС¹⁰. Приветствуются изменения в турецком законодательстве, развитие добрососедских отношений с государствами ЕС, граничащими с Турцией. Вместе с тем большинство положений доклада, вызвавших

неприятие турецкой стороны, таких, как сложная процедура и длительность переговоров, пункт о «неопределенности» их исхода, а также о возможном прекращении в случае «серьезных и систематических нарушений кандидатом принципов свободы, демократии, уважения прав человека и основных свобод и верховенства закона, на которых построен Союз», было все же включено в декларацию. Указывается, что бюджет, рассчитанный на потенциальное членство Турции, может быть сформирован не раньше 2014 г. (видимо, состоявшееся в мае 2004 г. расширение Евросоюза пока не позволяет брать на себя дополнительную финансовую нагрузку в виде поддержки Турции). Более того, похоже, не исключен и вариант «привилегированного партнерства» для Турции вместо полноправного членства, скрывающийся за расплывчатой формулировкой: «Если страна-кандидат не в состоянии в полной мере взять на себя обязанности, связанные с членством, ей будут гарантированы тесные связи с европейскими структурами прочнейшими узами».

Главным «яблоком раздора» между сторонами в ходе брюссельского саммита стала, как и ожидалось, кипрская проблема. Как известно, разделенный Кипр не участвует в таможенном союзе ЕС с Турцией из-за отсутствия дипломатических отношений с Анкарой. Используя последнее обстоятельство, киприоты уже ввели ограничения на обращение турецких товаров в греческой части Кипра, что противоречит таможенной политике ЕС в отношении обеих стран.

После горячих дебатов в текст декларации саммита был включен параграф о готовности турецкого руководства подписать дополнительный протокол к Анкарскому договору, признающий условия таможенного соглашения между Турцией и ЕС справедливыми и для 10 новых стран-членов, присоединившихся к Евросоюзу 1 мая 2004 г., к числу которых относится и Республика Кипр. Исходя из текста декларации, подписание протокола должно состояться до начала переговоров и, следовательно, является необходимым условием запуска переговорного процесса. Фактически, это прокладывает дорогу к установлению дипотношений между Кипром и Турцией и равносильно отказу Турции от политики по непризнанию южной части Кипра.

Сторонники вхождения Турции в Евросоюз осознают, что приняв в свои ряды придерживающуюся иных культурных и религиозных традиций Турцию, Евросоюз сможет внести весомый вклад в обеспечение гармонии цивилизаций, а главное, существенно увеличить свой «геополитический вес». Менее чем за месяц до саммита на открытии в Берлине конференции по европейской культурной политике канцлер Германии Г.Шредер высказался о возможных последствиях вступления Турции в ЕС так: «Демократическая Турция, отвечающая представлениям о ценностях Европы, явилась бы ясным доказательством того, что между исламским вероучением и современным просвещенным обществом противоречий нет. Турция стала бы в этом смысле образцом

для других мусульманских стран – соседей Европы. Поэтому со вступлением Турции в ЕС связана надежда на мир и безопасность – в том числе, и далеко за пределами Европы. Стране, выполняющей критерии демократии, правового государства и защиты прав человека, нельзя создавать препятствия для вступления в ЕС»¹¹. Однако оппозиция в лице христианских демократов во главе с А.Меркель и христианских социалистов настаивает на «третьем пути» для Турции – «привилегированном партнерстве», альтернативном как однозначному отказу в членстве, так и присоединению Турции к ЕС на основе тех же требований, что предъявляются другим странам-кандидатам.

С заявлениями в поддержку вступления Турции в ЕС периодически выступают британские дипломаты и политики. Примерно за полгода до саммита германская «Зюддойче цайтунг» опубликовала статью британского премьер-министра Т.Блэра, где тот утверждает, что ЕС не может быть «оазисом стабильности, демократии и процветания, если он окружен регионами, лишенными таких благ», и указывает на Турцию как на страну, которая «привнесет новые аспекты в ЕС». По его словам, «приняв Турцию, мы построим мост в исламский мир, а такие мосты сейчас важны, как никогда»¹².

Типичным примером противоречия, состоящего, с одной стороны, в очевидном стремлении политической элиты поддержать Турцию и, с другой, в ярко выраженном нежелании широких слоев видеть ее включенной в ЕС, является Франция.

Выступая перед французским народом по телеканалу TF-1 за день до открытия саммита, президент Ж.Ширак убеждал соотечественников, что членство Турции скорее отвечает национальным интересам Франции, но при этом подчеркнул, что «переговоры еще не означают членства. Турция должна предпринять определенные усилия, чтобы соответствовать нашим нормам, ценностям, образу жизни как в области прав человека, так и в сфере рыночной экономики».

У Турции, по мнению главы французского государства, активно развивающаяся экономика и лучше, если она будет функционировать на благо Европы, а не против нее. Благодаря этому Турция поможет создать противовес в Европе таким мировым полюсам силы, как США, Китай и Индия. Коснувшись вопроса о «почетном членстве» в ЕС как альтернативном пути для Турции, Ширак заявил: «Турки никогда на это не пойдут. Это гордый народ, который сознательно прилагает колоссальные усилия, двигаясь в нашу сторону»¹³.

Оппозиция справа расценила речь Ж.Ширака как неуместное «нравоучение». Лидер партии «Союз за французскую демократию» Ф.Байру, ссылаясь на другую фразу, оброненную главой французского государства (где, кстати, согласно недавним опросам, примерно половина населения высказывается против турецкой «европерспективы») – «лидеры не руководствуются общественными опросами, – обвинил его в монархизме. Один из наиболее серьезных соперников

последнего на предстоящих президентских выборах 2007 года, министр экономики, финансов и промышленности Франции Н.Саркози предостерег, что поддержка европейскими лидерами Турции прибавит французскому обществу проблем. Только «зеленые» и социалисты поддержали Ж.Ширака, назвав решение брюссельского саммита «шагом на пути к миру» (глава французских социалистов П.Московичи). Правда, «левые» скептически оценили вероятность того, что президенту удастся в скором времени переубедить общественное мнение в отношении Турции, да еще с помощью назиданий¹⁴.

Впрочем, прием в ЕС Турции и каких-либо других стран напрямую зависит от мнения, высказанного среднестатистическим жителем европейского континента. В Евросоюзе давно существует практика проведения общенациональных референдумов по вопросу о приеме новых членов. Что же касается Франции, то 28 января 2005 г. депутаты Национального собрания этой страны конституционно закрепили данную практику. Ими готовится и другая поправка, согласно которой обязательность проведения народного голосования все же не будет распространена на Болгарию и Румынию, вступление которых в ЕС намечено на 2007 г., и на Хорватию, переговоры с которой начнутся в этом году. У Турции, похоже, нет оснований рассчитывать на такие преимущества¹⁵.

Средиземноморские европейские государства – Испания, Италия и Португалия занимают в основном протурецкую позицию, несмотря на серьезную оппозицию католической церкви. Премьер-министр Португалии П.С.Лопес заявил в ходе брюссельского саммита, что членство многонациональной страны с 70-миллионным населением, чем-то напоминающей саму Португалию, обогатит Европу. В Италии общественное мнение в основном благоприятствует Турции, за исключением малочисленной парламентской фракции «Лига Севера», чьи представители объявили 17 декабря 2005 г. «днем траура» для ЕС на основании того, что «шаг навстречу мусульманской Турции превратил христианские ценности в ничто»¹⁶.

Одним из основных противников вступления Турции в ЕС среди европейских стран остается Австрия. Ее канцлер В.Шюссель даже высказался на саммите за проведение в своей стране референдума по вопросу предвступительных переговоров с Турцией. Министр финансов Австрии К.-Х.Грассер 19 декабря 2004 г. публично выступил против вступления Турции в Евросоюз: «Я думаю, что членство Турции в ЕС не будет полезным для нас. Я удивлен, что в ходе дебатов, которые проходят сейчас в рамках Евросоюза, практически никто не обладает смелостью, чтобы об этом заявить открыто». В интервью журналистам перед началом встречи министров финансов Евросоюза Грассер отметил: «Турция не готова к вступлению в ЕС. Проблема в том, что если вы пообещали переговоры о вступлении в ЕС, это означает, что дверь для вступления этой страны в блок открыта, и вступление будет только вопросом времени»¹⁷.

Без сомнения, Турции предстоит еще пройти длинный и трудный путь, прежде чем она станет полноправным членом Европейского союза. Как представляется, ее приготовления к вступлению в ЕС могут, по некоторым оценкам, растянуться по времени как минимум до середины нынешнего столетия. Прогресс в переговорах будет целиком зависеть от способности турецкого военно-политического руководства перевести законодательные реформы, прежде всего в правочеловеческой сфере, в плоскость практических дел, главные из которых – обеспечение прав женщин и национальных меньшинств, в первую очередь курдов, прекращение пыток в турецких тюрьмах, гарантии свободы слова и вероисповедания, а также реальные перемены в судебной и прокурорской системах Турции.

Видимо, до установленной ЕС даты 3 октября 2005 г., турецкому руководству придется выбрать между переговорами с Евросоюзом, которые обязательно увенчаются успехом, и поддержкой прежней линии по Кипру. Думается, что премьер-министр и прагматичные лидеры ПСР не станут рисковать, по их выражению, «проектом века», и приемлемая для всех сторон форма заключения таможенного союза с Кипром будет найдена.

¹ <http://europa.eu.int/comm/enlargement/turkey/trends.htm>, сравнительные данные на 1998–2003 гг.

² Баширова А.Г. Исламский фактор в процессе интеграции Турции в Европейский союз. // Ислам на современном Востоке. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004, с. 306, со ссылкой на www.liberation.fr

³ Кунаков В. Турция и Европейский Союз. // Турция между Европой и Азией. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2001, с. 351.

⁴ Здесь и далее тексты поправок приведены по www.belgenet.com.tr; по 6-му и 7-му законодательным «пакетам» см. также www.hurriyetim.com.tr и www.bigpara.com. Измененный текст Конституции Турецкой Республики – www.tbmm.gov.tr/anayasa/main.htm

⁵ http://news.bbc.co.uk/hi/russian/press/newsid_3718000/3718992.stm

⁶ Текст доклада использован по www.radikal.com.tr/haber.php?haberno=130457

⁷ www.hurriyetim.com.tr от 8.10.2004.

⁸ www.hurriyet.com.tr, 13.12.2004.

⁹ www.hurriyet.com.tr, 17.12.2004.

¹⁰ Текст Декларации, подписанной 17.12.2004 на брюссельском саммите приводится по www.abhaber.com.tr.

¹¹ www.turtsia.ru, 29.11.04.

¹² Там же, 3.05.2004.

¹³ www.liberation.fr, 16.12.2004.

¹⁴ Там же, 17.12.2004.

¹⁵ <http://www.vremva.ru>, 28.01.2005.

¹⁶ www.hurriyet.com.tr, 17.12.2004.

¹⁷ http://www.gazeta.ru/lenta/2004/09/10/news_170322.shtml

ИСЛАМ В АВСТРИИ

Ислам в Австрии является второй по численности официально признанной конфессией (из 8 миллионов населения примерно 500 тыс. исповедуют исламскую религию).

История взаимоотношений этого европейского государства с миром ислама уходит в средние века, однако мы остановимся на временном отрезке с конца XIX века до начала нашего столетия.

После Берлинского конгресса были внесены поправки в Сан-Стефанский договор 1878 г., Австрия оккупировала Боснию-Герцеговину и вплотную столкнулась с территориями, населенными мусульманами. Правительству пришлось принять ряд мер, направленных на интеграцию мусульман в австрийскую жизнь. В 1878 г. в Вене при содействии правительства была построена первая мечеть для солдат-мусульман, призывавшихся на службу в австрийскую армию. В 1883 г. правительством был назначен официальный муфтий на территории Боснии-Герцеговины. Начали издавать книги на немецком языке по исламскому праву, словари и учебники по грамматике арабского языка, в боснийских городах строились исламские учебные заведения. В 1912 г. был принят «Закон об исламе», который разрешал мусульманам независимо от муниципальных властей заниматься решением религиозных вопросов. Мусульманская община получила возможность создавать благотворительные фонды. Более того, при правительстве был создан представительный орган мусульман, который занимался составлением программ по исламским дисциплинам для религиозных учебных заведений, строительством мечетей и обустройством кладбищ. А в 1919 г. был подписан указ о защите прав этнических меньшинств в Австрии, который гарантировал каждому гражданину возможность занимать ответственные посты в государстве, независимо от своей этнической или религиозной принадлежности.

После I-й Мировой войны в Австрию, особенно в Вену, прибывало много беженцев из Турции, Балкан, России. В это же время этнолог Умар фон Эренфельц и Леопольд Вайс создали Исламское культурное общество, которое просуществовало до 1939 г. После двух мировых войн мусульманское население Австрии составляли в основном беженцы, бывшие военнопленные и узники концентрационных лагерей, решившие по разным причинам остаться в стране. Как из-

вестно, в это время в Австрии были размещены войска антигитлеровской коалиции. С территории, контролируемой советскими войсками, вышеперечисленные категории граждан подлежали депортации на родину. В 1951 г. появилась первая мусульманская организация Ассоциация австрийских мусульман, которая при непосредственной поддержке правительства и католической церкви занималась строительством исламских библиотек и молельных домов.

В 60-х годах прошлого столетия Австрия, как и большинство стран Западной Европы, переживала период экономического подъема, остро нуждалась в трудовых ресурсах и поэтому вынуждена была завозить иностранных рабочих, главным образом из Турции и стран Юго-Восточной Европы. Многие из них были мусульманами. Вначале ни у принимающего общества, ни у рабочих-мигрантов вопрос о религиозных и культурных различиях остро не стоял. Предполагалось, что «чужаки» через определенный промежуток времени вернутся домой. Австрия проводила и проводит в отношении мигрантов политику «сегрегации». Гастарбайтеры рассматривались как явление временное, серьезных шагов для их инкорпорации в австрийское общество не предпринималось.

Проблема религии для мигрантов не являлась основной. Они полагали, что пребывание в Австрии временное и ограничивали отправление религиозных обрядов рамками частной жизни. Устройство их быта носило временный характер. Мигрантов главным образом интересовал вопрос трудовой занятости. И к тому же необходимо было выучить язык страны. В 1962 г. группа боснийских мусульман-интеллектуалов создала Исламский Центр социального обслуживания. Эта организация оказывала материальную и социальную помощь неимущим мусульманам. Исламский Центр работал в тесной связи с Комитетом по делам беженцев при ООН. Наряду с этой организацией в Австрии появились Союз студентов-мусульман, Ассоциация турецких рабочих, Ассоциация иранских студентов. В 1968 г. на севере Вены началось строительство самой крупной мечети в Австрии. На церемонии закладки первого камня присутствовали послы 8 исламских государств. Строительство удалось закончить лишь через 9 лет при щедрой финансовой поддержке короля Саудовской Аравии Фейсала. Примечательно, что все работы осуществлял концерн строительного магната Австрии Ричарда Лагнера, который выдвинул свою кандидатуру на пост президента страны¹.

Первая попытка создать некий орган, представляющий интересы всех этнических групп мусульман и работающий в непосредственном контакте с правительством страны, была предпринята Исламским Центром социального обслуживания в 1971 г. Процесс регистрации оказался сложным, но проект нашел поддержку со стороны премьер-министра страны Бруно Крайски, который старался улучшить отношения с нефтедобывающими странами, включая Саудовскую Аравию, и

тем самым пытался повлиять на успешный исход ведущихся переговоров. В 1979 г. Министерство образования и культуры официально утвердило Исполнительный комитет мусульман Австрии. В «Закон об исламе» 1912 г., который предусматривал легитимность исламских течений в рамках ханафитского мазхаба, был внесен ряд поправок с целью объединения всех общин, представляющих различные направления ислама. Таким образом, в Исполнительный комитет вошло около 100 различных мусульманских организаций. Руководитель и члены Исполнительного комитета представляли мусульманскую общину на уровне правительства, через своих экспертов по делам исламской религии оказывали содействие Министерству образования и культуры Австрии, когда возникали вопросы, связанные с назначением школьных преподавателей по мусульманским дисциплинам, а затем осуществляли контроль над ними. В функции Исполнительного Комитета также входит назначение священнослужителей в армию, больницы, строительство молельных домов.

К началу восьмидесятых годов стало ясно, что мусульманское население Австрии растет не только вследствие притока мигрантов, но и за счет появления второго поколения в семьях иммигрантов. Согласно закону о гражданстве, дети, рожденные на территории Австрии, являются полноправными гражданами страны. Получить австрийское гражданство можно также при условии, если лицо постоянно проживает на территории страны 10 лет и обладает элементарными навыками немецкого языка. В 1960 г. в Австрии находилось 3000 мусульман, в 1965 г. только в Вене их было 3000 чел., в 1970 г. в стране – 20 тыс. чел., в 1980 г. – 80 тыс. чел., в 1990 г. – 160 тыс. чел., в настоящее время около 500000 человек². Быстрый рост численности мусульман создал ряд проблем для принимающего общества. В конце 80-х – начале 90-х годов в Австрии был принят ряд законов, ограничивающих приток мигрантов. Некоторые политики начали высказывать свои опасения по поводу того, что мусульмане плохо интегрируются в австрийское общество, отнимают рабочие места у коренных жителей страны, обостряют криминогенную обстановку. В 1990 г. Австрия развернула войска на границе в целях недопущения на свою территорию незаконных иммигрантов. В 1992 г. были предприняты новые шаги по ограничению притока мигрантов. Был принят «Закон о пребывании», который, несмотря на свое название (чтобы не вызвать негативной реакции со стороны правозащитных организаций), *de facto* является антииммигрантским. Его смысл заключается в том, чтобы с помощью введенных квот ограничить число иностранцев, прибывающих в страну. По мере того, как государство нуждается в иностранных рабочих, квота увеличивается или уменьшается (в 1993 г. – 20 тыс. чел., в 1994 г. – 263 тыс. чел.)³. Экономические причины могут стать основными при предоставлении убежища только в случае, если власти страны происхождения ли-

шили претендента возможности легально заработать себе на жизнь. Убежище может быть предоставлено в целях воссоединения семей даже в том случае, если у пары отсутствует брачное свидетельство⁴. В 1998 г. Австрия направила в Европейский Союз меморандум, согласно которому право на убежище необходимо рассматривать не как право каждого человека, а как политический «жест» принимающей стороны, что вызвало негативную реакцию со стороны ЕС⁵.

Рост численности мусульманского населения изменил культурный облик некоторых городов Австрии, особенно в районах с подавляющим исламским большинством. Умело используя лазейки в законодательстве, ограничивающем розничную торговлю в определенные часы, мусульмане стали создавать крупные торговые сети. Австрийские мусульмане основали несколько духовных учебных заведений, в том числе самые крупные в Вене Исламскую Академию в 1998 г. и Институт Аль-Азхар в 2000 г. Было построено мусульманское кладбище. Однако все эти успехи мусульманской общины не могли каким-либо образом воздействовать на некоторые аспекты политической жизни страны, это особенно стало ощущаться, когда участились антимусульманские инциденты, спровоцированные неонацистскими организациями Австрии. В ряде городов Австрии были осквернены могилы мусульман. Вандалы повалили надгробья, сожгли их деревянные части и оставили антиисламские надписи, после чего скрылись. Совокупность социальных и экономических причин, опасение коренных австрийцев, что в скором будущем они станут этническим меньшинством, предопределили значительный успех партий, выступающих за принятие мер по ограничению притока мигрантов-мусульман в страну. Так, например, Йорг Хайдер, лидер Партии свободы Австрии обеспечил себе успех на парламентских выборах 1999 г. именно антииммигрантскими законодательными проектами⁶.

После терактов исламских экстремистов против США многие члены мусульманских общин в Австрии подвергались оскорблениям и угрозам. Антииммигрантские настроения еще больше усилились после начала военной операции США и Великобритании в Афганистане. Государственные и политические деятели Австрии призвали население страны к терпимости по отношению к гражданам, исповедующим ислам, и прекращению насильственных акций на религиозной и другой почве⁷. Мусульмане Австрии устроили акции протеста против планов местных властей присвоить одной из площадей Вены имя основателя сионизма Теодора Херцля. Руководитель миссии Арабской лиги в Австрии Хасан Хоршед сказал в интервью «Би-Би-Си», что такое решение является «неприемлемым» для мусульман Австрии. Он подчеркнул, что площадь, названная в честь такого «деятеля», будет всегда напоминать арабам, многие из которых проживают в австрийской столице, о трагедии палестинцев, изгнанных со своих земель⁸.

Свое несогласие с планами мэра выразили и представители мусульманского сообщества Вены. Лидер сообщества Карна Амина Багдаджи предложила назвать площадь именем Мохаммада Асада – австрийского еврея, принявшего ислам и ставшего одним из выдающихся мусульманских ученых XIX века⁹. В 1999 г. курдская община в знак протеста против ареста Абдулы Оджалана перекрыла несколько федеральных трасс, устроила антиамериканскую демонстрацию около посольства США, часть митингующих на некоторое время захватила комплекс зданий, принадлежащих ООН. Мусульманская община становилась все более заметной на политической арене страны. Некоторые ее представители относятся к числу влиятельных политиков Австрии. Например, Амр Ар-Раби является членом Социалистической партии и видным австрийским парламентарием. Кстати, Социалистическая партия выступает за скорейшую и органичную интеграцию мусульман в австрийское общество и наделение их теми же правами, что и коренных жителей страны, и, следовательно, пользуется значительной поддержкой в мусульманской среде. В ответ на попытки некоторых националистических блоков (Партия Свободы) дискредитировать исламскую религию мусульманская община вместе с влиятельными политиками Австрии через средства массовой информации старается показать открытость, веротерпимость ислама. В 2002 г. Коммунистическая партия устроила банкет по случаю праздника Ифтар (окончания мусульманского поста). На этом мероприятии лидер партии заявил, что мусульмане занимают исключительно важное место в выборном процессе страны. В 2003 г. Народная партия устроила подобное мероприятие для турецкой общины. После событий 11 сентября 2001 г. министр иностранных дел Австрии Бенита Ферреро-Вальднер выступила с обращением, в котором подчеркнула веротерпимость исламской религии, у которой нет ничего общего с терроризмом. Лидер консервативной Народной партии Вольфганг Шуссель в интервью журналу «Профиль» подчеркнул, что в Австрии отсутствуют какие-либо ограничения на ношение религиозной символики, включая и мусульманский платок хиджаб. Австрия является примером терпимости. Мы не должны импортировать из Германии все то, что является предметом дискуссии, – заявил он, имея в виду вопрос о ношении религиозных атрибутов¹⁰.

Тем не менее было бы серьезной ошибкой утверждать, что Исполнительный комитет мусульман Австрии выражает интересы всех этнических мусульманских групп, представленных выходцами из 12 стран. В 1991 г. последний раз проводился официальный подсчет мусульманского населения Австрии. Из 158755 чел. 108 тыс. – турки, большинство из которых проживало в Вене, 25 тыс. – мусульмане из республик бывшей Югославии, 3500 – иранцы, 3000 – египтяне, 1000 – пакистанцы, 1000 – тунисцы, 4000 – иракцы, ливанцы, сирийцы, афганцы и бангладешцы¹¹. Для большинства из них сохранение религиозных традиций и национальной идентичности неразрывно связаны

друг с другом. Лишь небольшая группа мусульман посещает официальные мечети страны. У каждой этнической группы «своя» мечеть или молельный дом, где ее представители регулярно собираются. Мечети и создаются по этническому признаку. Как показывает практика, и мусульманские общины в странах Западной Европы зачастую формируются не столько по религиозному, сколько по этническому принципу. Это признает и профессор политологии Геттингенского университета Бассами Тиби¹²: «Ислам всегда отличался религиозным и культурным многообразием. Мечеть для мусульманина – это молельный дом. Мечеть никогда не была таким институтом, как, например, христианские церкви с их традиционными учениями. Это означало бы построить мусульманскую церковь, которая объединяла бы всех: суннитов, алавитов и шиитов, турок, арабов и боснийских мусульман. Это просто невозможно»¹³. В эмиграции мусульмане представляют собой квазиэтническую группу, социокультурным стержнем которой являются ислам и исламская культура¹⁴.

Так, несмотря на малую численность, у шиитов 3 центра в Вене, у алавитской турецкой общины – 4¹⁵. Мечеть Ибн Таймии имеет явный идеологический фундаменталистский уклон. Турецкая община также неоднородна. Она представлена движением Рисале-е Нур, в основе которого лежит учение Бедиуззамана Сайда Нурси¹⁶. Община включает главным образом интеллектуалов. Пользуется большой популярностью среди второго поколения мусульман движение, которое акцентирует свое внимание на просветительской деятельности среди молодежи. Известной популярностью пользуется националистическое движение «Серые Волки», вопросы религии здесь на втором плане. Самой влиятельной и богатой турецкой организацией в Австрии является «Милли герюш» («Национальный взгляд»). В отличие от многих культурных мусульманских ассоциаций она имеет ярко выраженный религиозный оттенок. Мечети, подконтрольные «Милли герюш», строятся по иерархическому принципу. Во главе имам, после него президент, затем главы комитетов по культуре, финансам и т.д., дальше идут департаменты. Эта структура является зеркальным отображением системы федерального управления Турции. Община боснийских мусульман до 90-х годов не отличалась особой религиозностью. Однако за время войны с Сербией ислам стал играть все более важную роль в их этнической идентификации. Финансовая помощь Саудовской Аравии и Кувейта, используемая на строительство мечетей и молельных домов, выпуск религиозной литературы, подготовку преподавателей по религиозным дисциплинам, стимулировала исламистские тенденции в иммигрантской среде боснийских мусульман. «Новые» боснийские мусульмане в религиозном плане заметно отличаются от своих земляков, которые на протяжении нескольких поколений составляли основу мусульманской иммиграции Австрии. Сирийцы и ливанцы – это в основ-

ном нелегалы, которые, с одной стороны, пытаются найти работу, а с другой, – стараются избежать депортации на родину.

Мусульмане Австрии сталкиваются с рядом специфических проблем. В Австрии, особенно в Вене, существуют строгие законы относительно соблюдения общественного порядка. В результате призыв мусульман на молитву (азан) приравнивается к общественным правонарушениям. Недостаточное количество молельных домов привело к тому, что под давлением государства католическая церковь стала предоставлять принадлежащие ей помещения мусульманам для их молений. Однако это не решает проблему, т.к. мусульмане отказываются молиться в помещениях, где изображено распятие.

Интеграция мусульман в жизнь современной Австрии, безусловно, создает некоторые проблемы для принимающего общества. Несмотря на обилие военно-политических и экономических связей с миром ислама, все же Австрии не удалось избежать проблем, связанных с процессом адаптации мусульман. Проблемы стали возникать вследствие требований, выдвигаемых мусульманами. Ислам явился стойкой религией, с непоколебимым желанием быть признанным в новой обстановке. Но наличие крупной исламской общины – это уже свершившийся факт. Религиозное самочувствие мусульман зависит от социальных и политических условий жизни в стране их проживания. И попытками добиться выполнения своих требований мусульмане не просто затрагивают эти принципы, но и стараются инкорпорировать ислам в существующие правовые основы принявшего их государства. В Австрии иммиграционная проблема явилась своеобразным катализатором кризиса партийной системы и политической идеологии как таковой. Победа Йорга Хайдера, лидера Партии свободы Австрии на парламентских выборах 1999 г., построившего свою предвыборную программу на антииммигрантских лозунгах, привела к дипломатическим санкциям со стороны ЕС. Закрытие границ для мигрантов не является решением проблемы только из-за того, что для нормального развития экономики Австрии нужно 100 тыс. рабочих-мигрантов в год¹⁷. Однако помимо экономических, существуют другие причины, по которым Австрия не сможет наглухо закрыть свои границы для беженцев и разного рода вынужденных переселенцев. Речь идет о правах человека, которые декларированы в таких международных договорах, как Женевская Конвенция и Европейская конвенция по правам человека. Поэтому процесс размывания монолита национальной культуры неизбежен! Придется либо согласовывать свою национально-государственную политику с необходимостью разрабатывать мультикультурные стратегии, либо выбирать между ценностью прав человека, с одной стороны, и внутренним порядком и безопасностью, с другой.

¹ The Mosque in Floridsdorf, <http://www.wien.gv.at/english/statistics/>

² Beshir Abdel-Fattah. Muslims in Austria: the early recognition of religious rights, <http://euro-islam.info/pages/islameuro.html>

³ Angenendt S. Asylum and migration policie in the European Union. Berlin, 1999, с. 78.

⁴ Клинова Е.В. Правовое положение беженцев в странах ЕС. – М., 2000, с. 37.

⁵ Рязанцев СВ. Опыт и проблемы регулирования миграционных потоков в странах ЕС. – М., 2001, с. 48.

⁶ Eva Cahen. Austria's Haider To Stay In Politics After Election Losses. CNSNews.com Crosswalkcom

⁷ <http://forum.grani.ru/war/2001/10/08/837.html>

⁸ <http://www.state.gov/g/drl/rls/irfi/2002/13920.htm>

⁹ Там же.

¹⁰ Muslim Students Flock to Austria Where Headscarves Are No Problem. Deutsche Presse Agentur <http://www.aljazeeraah.info/News>

¹¹ Hunt R. Islam in Austria // The Muslim World, 2002, № 1–2, с. 122.

¹² Бассаами Тиби – профессор политологии Геттингенского университета. Ввел понятие «евроислам» или «европейский ислам» в середине 90-х годов. Оно было призвано обозначить светский ислам, который вполне может уживаться с демократическим государственным устройством и укладом жизни современных стран Запада.

¹³ <http://www.dw-world.de/select>

¹⁴ Левин З.И. Мусульмане-иммигранты на Западе // Мусульмане на Западе. – М., 2002, с. 8.

¹⁵ Основал ученый богослов Абу Шуаиб Мохаммед ибн Нусайр. Отсюда и название – нусайриты. В XIX веке французская администрация ввела в обиход другое название – алавиты, по имени 4-го халифа Али, глубоко почитаемого нусайритами. Содержащееся в тайне учение алавитов, значительно отделившееся от строгих догм ислама, представляет собой смесь исламских, христианских, манихейских элементов, а также элементов древневосточных астральных культов.

¹⁶ Бедиуззаман Сайд Нурси (1873–1960), турецкий ученый, автор сборника комментариев к Корану под названием Рисале-е Нур. В основе его учения лежит рациональное толкование Корана с точки зрения современной науки.

¹⁷ Hunt R. Islam in Austria // The Muslim World, 2002, № 1–2, с. 120.

**ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ И СФЕРЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА ПАКИСТАНА С КИТАЕМ
(90-е – начало 2000-х годов)**

Отношения Пакистана с Китаем на протяжении четырех десятилетий являются стабильными, дружественными, охватывают политическую, военную, торгово-экономическую, культурную и другие сферы.

Традиционно дружественный характер пакистано-китайских отношений определяется широкой взаимной заинтересованностью в этом двух государств. Политическое и военное сотрудничество с Китаем укрепляет внешнеполитические позиции Пакистана, усиливает его международную значимость. Сближение с Китаем, первоначально имевшее четко выраженную антииндийскую направленность, обеспечило Пакистану поддержку китайской стороны во время индийско-пакистанских вооруженных конфликтов 1965 и 1971 гг.; для Пакистана крайне важна была поддержка Китаем его позиции по кашмирской проблеме – главным спорным вопросе в пакистано-индийских отношениях. На протяжении 90-х годов происходило размывание антииндийской направленности пакистано-китайского сотрудничества (в основном из-за сдвигов в китайско-индийских отношениях), вместе с тем сохранилась заинтересованность Исламабада в стабильных политических и военных связях с Пекином.

Сотрудничество с КНР расширяет возможности Пакистана при маневрировании в его сложных отношениях с США. Пакистанские официальные круги намеренно стремятся сохранять отношения с Китаем в рамках, не затрагивающих пакистано-американские отношения. Именно поэтому Вашингтон, обладающий мощными рычагами нажима на Исламабад, на протяжении почти трех десятилетий не имел повода рассматривать сотрудничество Пакистана с Китаем как наносящее ущерб американским интересам в Пакистане и Южной и Западной Азии в целом. (Исключением является резко негативное отношение Вашингтона к пакистано-китайскому сотрудничеству в области ракетно-ядерных технологий). Напротив, в недавнем прошлом не раз возникало сходство интересов США и КНР в Пакистане. (Так, в 80-е годы сложились параллельные интересы Соединенных Штатов, Китая и Пакистана в связи с ситуацией вокруг Афганистана).

В 90-е годы положение Пакистана в его отношениях с США изменилось. Соединенные Штаты потеряли прежний интерес к сотруд-

ничеству с Пакистаном как своим стратегическим союзником и даже ввели против этой страны санкции за разработку ядерного оружия, заморозив военную и экономическую помощь. Негативное отношение Исламабада и Пекина к обозначившейся в первые годы после «холодной войны» перспективе установления нового мирового порядка во главе с США как единственной супердержавой стимулировало активизацию пакистано-китайского стратегического партнерства с начала 90-х годов.

Поддержка Пакистаном антитеррористической операции в Афганистане в начале нового десятилетия внесла существенные изменения в американо-пакистанские отношения: была восстановлена экономическая помощь США (хотя и не в прежнем объеме), возобновились связи по военной линии, в 2004 г. Вашингтон включил Пакистан в число стран, имеющих статус «главного союзника, не являющегося членом НАТО». В то же время сохранилось важное значение сотрудничества с Китаем для укрепления внешнеполитических позиций Пакистана, решения его проблем в экономической, военной и других сферах. Это четко обозначил президент Пакистана П.Мушарраф во время визита в Пекин 20–24 декабря 2001 г., приуроченного к празднованию 50-й годовщины установления дипломатических отношений между двумя государствами. П.Мушарраф убеждал руководство и общественно-политические круги КНР в том, что в новых геополитических условиях тесные дружественные отношения с Китаем, как и раньше, являются краеугольным камнем внешней политики Пакистана¹. Исламабад и впоследствии прилагал усилия к тому, чтобы развеять опасения Пекина, связанные с активизацией пакистано-американских контактов².

Исламабад поддерживает позицию Пекина по чувствительным для него территориальным и внутривнутриполитическим проблемам. Так, отвергая формулу «двух Китаев», в свое время введенную в международную практику западными политиками, руководство Пакистана рассматривает Тайвань как неотъемлемую часть территории КНР.

В свою очередь, Китай заинтересован в поддержке на международной арене со стороны такого крупного азиатского государства, как Пакистан; при этом учитываются его дружественные отношения с большинством государств Западной Азии, где КНР имеет экономические и политические интересы, активная деятельность и определенное влияние Исламабада в ОИК. Главное же, сотрудничество с Пакистаном расширяет возможности Китая по оказанию влияния на геополитическую ситуацию в Южной Азии, что важно для китайской стороны даже в условиях нормализации ее отношений с Индией. Стабильные многоплановые отношения с Пакистаном вписываются в проводимый на современном этапе курс китайского руководства по созданию дружественного окружения вдоль собственных границ в целях обеспечения устойчивого развития экономики Китая³. В этих условиях для Пекина возрастает значение также экономического сотрудниче-

ства с Пакистаном, ранее по существу отодвинутого на второй план иными геополитическими интересами сторон.

Пакистан сопредельен с одним из наиболее взрывоопасных регионов КНР, каким является Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР). Отношения добрососедства и сотрудничества с Пакистаном обеспечивают тесное взаимодействие властей двух стран по пресечению поддержки пакистанскими исламистами сил, выступающих за независимость Синьцзяна.

Реакция китайской стороны на сдвиг в отношениях Пакистана с США отражает прагматизм ее внешней политики: избегая трений с Исламабадом, Пекин в соответствии со своими интересами продолжает сотрудничество в политико-дипломатической, экономической, военной и других сферах. Китай обещает оказать содействие Пакистану при вступлении в «Шанхайскую организацию экономического сотрудничества», членами которой являются наряду с КНР Россия и четыре государства Центральной Азии, и в укреплении контактов со странами АСЕАН, включая участие в экономическом форуме этой региональной организации⁴.

Поскольку в основе дружественных пакистано-китайских отношений лежат долговременные, первостепенной важности интересы сторон, эти отношения имеют устойчивый характер. На них почти не сказывались внутриполитические катаклизмы в обеих странах, смена руководства и т.д., что дает основание государственным деятелям Пакистана и Китая подчеркивать «уникальный», «особый» характер межгосударственных отношений. Важной чертой пакистано-китайских отношений, во многом определяющей их стабильность, является своего рода деидеологизация сотрудничества. Китайское руководство придерживается гибкой и осторожной линии в вопросах, связанных с внутриполитическими проблемами Пакистана. В отличие от своей политики по отношению к некоторым другим странам Азии в Пакистане Китай никогда не поддерживал активно антиправительственные элементы, даже если они и объявляли себя пропекинскими. Исходя из собственных геополитических интересов, китайское руководство неизменно ориентируется на ту группировку имущей верхушки пакистанского общества, которая в данный момент находится у власти, демонстрируя поддержку проводимого ею внешне- и внутриполитического курса.

Пакистанские государственные деятели, со своей стороны, скрупулезно воздерживаются от каких-либо критических оценок внутреннего положения Китая, события, происходящие в этой стране, как правило, освещаются средствами массовой информации Пакистана в соответствии с той интерпретацией, которая дается официальными представителями КНР.

Курс на развитие стабильных дружеских отношений с Китаем пользуется поддержкой широкого спектра политических сил Пакиста-

на (в основном исключение составляют крайне правые религиозно-политические организации и в первую очередь «Джамаат-и ислами»). Позитивное отношение к сотрудничеству с КНР крупных общенациональных политических партий и организаций, военной и бюрократической прослоек пакистанского общества основывается на признании этого государства влиятельной, сильной в военном и политическом плане державой, взаимодействие с которой на международной арене и в особенности в зоне геополитических интересов Пакистана является одним из важных внешних факторов обеспечения его государственного суверенитета и территориальной целостности.

Взаимодействие в обеспечении региональной стабильности

Важная цель, которую Пакистан традиционно ставит в отношениях с Китаем, – обеспечение им поддержки в конфликте с Индией, сохранила свою актуальность. Взаимоотношения двух ведущих государств Южной Азии по-прежнему находятся в фокусе внимания Пекина, при этом его подход к пакистано-индийскому противостоянию претерпел существенные изменения на протяжении 90-х годов. Неурегулированность пакистано-индийских отношений препятствует реализации стратегической задачи внешней политики КНР, заключающейся, как отмечалось выше, в создании пояса добрососедства и сотрудничества по периметру ее границ в целях обеспечения благоприятных внешних условий для развития экономики и укрепления внутренней политической стабильности. Более того, власти Китая осознают, что усиление исламского радикализма в Кашмире по мере затягивания спора между Индией и Пакистаном чревато негативным влиянием на ситуацию в СУАР.

Проводя курс на нормализацию отношений с Индией, китайские руководители воздерживаются от заявлений и действий в поддержку позиции Пакистана, которые могли бы послужить для Дели основанием обвинить Пекин во вмешательстве во внутренние дела Индии. Этот сдвиг в отношении Китая к пакистано-индийским противоречиям особенно заметен, когда дело касается кашмирской проблемы: вместо прежней поддержки Пакистана китайская сторона проявляет стремление избежать оценки сложной политической ситуации в индийском штате Джамму и Кашмир, концентрируя внимание на необходимости урегулирования пакистано-индийских отношений путем переговоров.

Во время неоднократного обострения пакистано-индийских отношений, вплоть до вооруженных столкновений в районе линии контроля в Кашмире, китайское руководство, призывая враждующие стороны к прекращению противостояния, предлагало свое посредничество в урегулировании конфликта. Это имело место, например, в период вооруженного конфликта в Каргиле (май-июль 1999 г.). В разгар во-

енных действий Пекин посетили с краткосрочными визитами министры иностранных дел Пакистана и Индии. Так, 11 июня состоялась встреча главы внешнеполитического ведомства Пакистана с председателем Всекитайского Народного Собрания Ли Пэном, призвавшим пакистанскую сторону проявить сдержанность и решить спор путем переговоров, не допуская осложнения ситуации в регионе. Аналогичные рекомендации были высказаны и министру иностранных дел Индии, прибывшему в Пекин следом за пакистанским коллегой. (Визит состоялся 14–16 июня 1999 г.)⁵

Находясь в Алма-Ате в связи с участием в саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (июнь 2002 г.), председатель КНР Цзянь Цземинь поочередно провел встречи с президентом Пакистана А.Мушаррафом и премьер-министром Индии Л.Б.Ваджапай. Глава КНР призвал пакистанскую и индийскую стороны ослабить напряженность в отношениях, встав на путь урегулирования существующих спорных проблем посредством переговоров в целях обеспечения мира и стабильности в регионе⁶.

Проблема урегулирования пакистано-индийских отношений обсуждалась также во время визита П.Мушаррафа в Пекин в начале ноября 2003 г., в том числе на его переговорах с недавно избранным председателем КНР Ху Цзиньтао.

В начале 90-х годов в пакистано-китайских отношениях возник новый аспект, вызванный усилением влияния ислама на политическую жизнь Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) и некоторых провинций Китая, где мусульмане составляют значительную часть жителей. Учитывая религиозные чувства мусульманского населения и его тяготение к связям с внешним миром на конфессиональной основе, китайское правительство разрешило контакты между представителями населяющих КНР мусульманских народов и их пакистанскими единоверцами. Это позволило наладить обмен делегациями мусульманских священнослужителей; пакистанская сторона стала оказывать содействие в организации паломничества – хаджа в Саудовскую Аравию группам китайских мусульман. Власти двух стран заключили соглашение о том, что в Пакистан будут направляться молодые китайские мусульмане для стажировки в Международном исламском университете (г. Исламабад)⁷.

Оживление хотя и разрешенных китайскими властями контактов по конфессиональной линии между мусульманским населением двух стран все же породило сложности в отношениях Исламабада с Пекином. Китайская сторона направила представление пакистанским властям по поводу того, что «Джамаат-и ислами» вела в СУАР подпольную работу по подогреванию антиправительственных настроений, которые вылились в массовые волнения в 1991 г.; в причастности к этим событиям КНР обвинила также межвойсковую разведку Пакистана. Исламабад категорически отверг эти обвинения⁸. Вопрос о не-

легальных контактах между представителями мусульманской молодежи СУАР и пакистанских партий и организаций фундаменталистского толка находится в поле зрения властей обеих стран⁹.

В условиях активизации на современном этапе деятельности «Аль-Каиды» и других международных экстремистских организаций и группировок Исламабад укрепляет взаимодействие с китайской стороной в борьбе с терроризмом и связанными с ним криминальными явлениями. Эта проблема была предметом обсуждения во время визита П.Мушаррафа в Пекин в ноябре 2003 г.¹⁰ Тогда же Пакистан и Китай подписали двустороннее соглашение о взаимной экстрадиции лиц, связанных с криминальной деятельностью.

В апреле 2004 г. состоялись переговоры руководителей органов внутренних дел двух стран об укреплении взаимодействия в борьбе с терроризмом¹¹. В июле того же года министр внутренних дел Пакистана и его китайский коллега условились о выработке совместной стратегии борьбы против терроризма. Во время переговоров была достигнута также договоренность об укреплении сотрудничества для пресечения незаконного оборота наркотиков, контрабандной торговли, отмывания денег и других трансграничных преступлений¹².

В августе 2004 г. в Синьцзян-Уйгурском автономном районе состоялись пакистано-китайские антитеррористические учения «Дружба-2004», в которых участвовали сухопутные войска и авиация.

В 90-е годы, как и в предшествующее десятилетие, в центре внимания пакистано-китайских официальных кругов находилась также афганская проблема. Позже начало нарастать расхождение интересов сторон по вопросу о путях урегулирования ситуации в Афганистане. Исламабад оказывал поддержку движению «Талибан». Пекин же был серьезно обеспокоен перспективой утверждения у власти в соседнем Афганистане исламских радикалов, тем более, что сложились тесные связи между талибами и Исламским движением Восточного Туркестана, выступающим за отделение Синьцзяна от Китая. Разгром талибов в результате антитеррористической операции в Афганистане в конце 2001 г., содействие которой оказал Исламабад, устранил потенциальную возможность серьезного осложнения китайско-пакистанских отношений. Исламабад и Пекин осуществляют регулярные контакты по вопросам политического урегулирования в Афганистане и восстановления его экономики.

Сотрудничество в военной и ядерной сферах

Связи между двумя странами по военной линии имеют три основных компонента: регулярные контакты между военными деятелями высокого ранга, поставки китайского вооружения и содействие Китая в развитии военной промышленности Пакистана. КНР поставляет технику и другое вооружение практически для всех основных родов войск Пакистана. Роль Китая в укреплении пакистанской армии тесно

увязана с его участием в развитии военной промышленности Пакистана. Так, в структуру созданного при содействии китайской стороны Комплекса тяжелого машиностроения в Таксиле (провинция Панджаб) входит завод по капитальному ремонту танков «Т-59» китайского производства, находящихся на вооружении пакистанской армии. В 1999 г. на заводе началось серийное производство средних танков «Аль-Халид», модель которых разработана совместно китайскими и пакистанскими специалистами на базе «Т-59»¹³. Сотрудничество сторон по модификации танка «Т-59» имело продолжение: в начале нынешнего десятилетия была создана усовершенствованная модель среднего танка, получившая название «Аль-Зарар». Первая партия боевых машин нового образца поступила на вооружение пакистанской армии в начале 2004 г.¹⁴

На предприятиях авиационного комплекса по сборке и ремонту боевых и учебных самолетов в Камре наряду с техническим обслуживанием приобретенных у Китая самолетов осуществляется производство совместного пакистано-китайского тренировочного самолета «Каракорум-8» («К-8»). В 1994 г. военно-воздушные силы Пакистана получили первую партию самолетов этого типа. Впоследствии был налажен также выпуск экспортного варианта самолета «К-8»¹⁵.

В 90-е годы началась реализация совместной пакистано-китайской программы создания истребителя-перехватчика среднего радиуса действия «Джи-Ф-17», получившего название «Гром». Первый испытательный полет нового военного самолета состоялся в августе 2003 г.; серийное производство намечено начать в конце 2006 г.¹⁶ По оценке пакистанских специалистов, эта модель истребителя, оснащенного авионикой и вооружением совместного китайско-пакистанского производства, по некоторым параметрам превосходит имеющиеся у Пакистана американские самолеты «Ф-16»¹⁷.

Сфера военно-технического сотрудничества Пакистана с Китаем охватывает и другие рода войск двух стран, в том числе военно-морские силы. В частности, ведутся переговоры о приобретении Пакистаном трех китайских фрегатов «Ф-22 П». В октябре 2003 г. состоялись совместные учения военно-морских сил двух стран в Восточно-Китайском море вблизи Шанхая. (Позже аналогичные учения провели также военно-морские силы Китая и Индии).

Пакистан активно сотрудничает с Китаем в осуществлении своей ядерной программы. Китайская сторона оказала широкое содействие строительству АЭС в г. Чашме (в 225 км к югу от Исламабада), введенной в эксплуатацию в 1999 г. Во время визита президента Пакистана П.Мушаррафа в КНР в ноябре 2003 г. была достигнута договоренность о сотрудничестве в строительстве в Чашме второго энергоблока АЭС той же мощности (300 МВт), которую имеет первая очередь станции. Соглашение по этому вопросу было подписано позже – весной 2004 г. (Стоимость проекта оценивается в 700 млн. долл.).

Предполагается, что строящийся энергоблок, как и первая очередь АЭС в Чашме, будет открыт для инспекций со стороны МАГАТЭ.

Несмотря на заверения Исламабада и Пекина об исключительно мирных целях сотрудничества в ядерной области, длительное стабильное их взаимодействие в военной сфере и помощь китайской стороны развитию пакистанской ядерной энергетики стали основанием для подозрений в официальных кругах США относительно причастности китайских специалистов к реализации планов Исламабада по созданию собственной ядерной бомбы (в частности, к возобновлению производства обогащенного урана). Сообщения на этот счет появились в западных – главным образом американских – средствах массовой информации. (Особую остроту этой проблеме придало то, что вопрос о создании Пакистаном ядерного оружия является предметом его разногласий с США с середины 70-х годов).

Несмотря на давление на Пекин со стороны Вашингтона, премьер-министр Пакистана Наваз Шариф во время его визита в Китай в марте 1991 г. получил заверение китайской стороны в том, что она выполнит взятые на себя обязательства в отношении строительства станции в Чашме. В августе 1993 г. США ввели торгово-экономические санкции против Пакистана и Китая в связи с подозрениями о продаже китайской стороной Исламабаду компонентов нескольких типов ракет средней дальности, в том числе М-11, которые, как полагают в Вашингтоне, способны нести ядерные боеголовки.

Во второй половине 90-х годов вновь обострились противоречия между Вашингтоном, с одной стороны, и Пекином и Исламабадом, с другой, также в связи с пакистано-китайским сотрудничеством в ядерной области. Американская сторона подозревала Китай в продаже Пакистану 5000 кольцевых магнитов для использования в газовых центрифугах засекреченного завода в Кахуте в целях обогащения урана до уровня ядерного топлива для бомб¹⁸.

Соединенные Штаты пригрозили Китаю новыми серьезными санкциями. (В случае введения они были бы направлены против китайских проектов в области атомной энергетики и, более того, могли затронуть все американские проекты в Китае, стоимость которых превышала 10 млрд. долл.). 11 мая 1996 г. Китай принял на себя обязательство не передавать ядерную технологию Пакистану. Пакистанские официальные лица также категорически отвергли сообщения о поставках китайских кольцевых магнитов. (По версии Исламабада и Пекина, осуществлялись лишь поставки оборудования для строящейся в Чашме атомной электростанции).

Реакция Пекина на осуществленные Индией и затем Пакистаном испытания ядерных устройств в мае 1998 г. была негативной. Вместе с тем, как обоснованно отметил российский исследователь ядерной проблемы В. Сотников, в отношении двух ведущих государств Южной Азии «осуждение Китаем индийских взрывов прозвучало более жест-

ко, чем аналогичное осуждение пакистанских испытаний»¹⁹. Несколько позже, в августе того же 1998 г., во время беседы с председателем Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил Пакистана генералом Джехангиром Караматом, находившимся с визитом в Китае, глава правительства КНР Чжу Жунцзы заявил, что ядерную гонку в Южной Азии начала Индия, Пакистан был вынужден ответить на вызов²⁰.

Несмотря на давление со стороны Вашингтона, обвинявшего Пекин в передаче Исламабаду ракетно-ядерных технологий, Пакистан с помощью Китая осуществил разработку и освоил производство баллистических ракет меньшей и средней дальности серии «Хатф», «Шахин», РСД «Гхори» и др. (Подобные обвинения неоднократно подкреплялись американскими санкциями в отношении китайских и пакистанских компаний, связанных с исследованиями в сфере ракетно-ядерных технологий)²¹.

Торгово-экономические связи

Важной сферой пакистано-китайских отношений являются торговля и экономическое сотрудничество. Товарооборот между двумя странами составил 1,8 млрд. долл. в 2001/02 г. и более 2 млрд. долл. в 2002/03 г.²², при этом значительная часть товарообмена приходится на долю Гонконга. Пакистан имеет устойчивый дефицит, несмотря на то, что китайская сторона периодически повышает объем закупок пакистанского хлопка. Вместе с тем, поскольку Пакистан испытывает серьезные трудности с экспортом товаров в страны Запада, его власти и деловые круги придают большое значение возможности сбыта на китайском рынке такой продукции, как хлопок и хлопчатобумажная пряжа, ткани, кожевенные изделия, мочевины, спортивные товары и др. Для пакистанской стороны исключительно важно и то, что, экспортируя сюда свои товары (продукцию химической промышленности, машины, промышленное сырье, бумагу, лекарства, предметы широкого потребления и др.), Китай предоставляет товарные кредиты на льготных условиях.

Общий объем займов Китая Пакистану к концу 90-х годов составил 650 млн. долл. Наиболее крупный из них – 200 млн. долл. – Пекин предоставил по просьбе пакистанского правительства для пополнения резко сократившихся валютных резервов страны в 1997 г.. В 1998 г. Пакистан получил еще один заем в объеме 150 млн. для уменьшения дефицита платежного баланса²³. В январе 2000 г. стороны заключили соглашение о реструктуризации пакистанского долга Китаю, накопившегося к концу декабря 1999 г.; платежи по займам продлен до 2010–2019 гг. В 2004 г. китайское правительство согласилось открыть Пакистану кредитную линию в объеме 500 млн. долл. в Экспортно-импортном банке КНР в целях расширения торгово-экономических связей между двумя странами²⁴.

Технико-экономическое сотрудничество с Китаем охватывает такие ключевые отрасли пакистанской экономики, как тяжелое машиностроение, горнодобывающая промышленность, производство строительных материалов, энергетика, инфраструктура и некоторые другие. Наряду с крупными объектами при участии китайской стороны построено или строится значительное число средних и малых промышленных предприятий как в государственном, так и в частном секторе. Китай оказывает содействие развитию аграрного сектора, социальной сферы и др. (включая подготовку кадров).

Китайские компании участвуют в разработке месторождений полезных ископаемых в Пакистане. Так, на Саиндакском месторождении меди и серебра в Белуджистане занято около 300 китайских инженерно-технических специалистов и рабочих²⁵. (Проектная мощность предприятия – 20 тыс. т медной руды в год). Китайские компании начали работы по освоению крупных месторождений угля в Синде, на базе которых предполагается построить теплоэлектростанцию.

С целью привлечения инвестиций пакистанские власти создают особые промышленные зоны для китайских предпринимателей. Одна из них находится в Карачи²⁶. По данным на конец 2003 г., в Пакистане действовали 37 китайских компаний, вложивших средства в такие отрасли экономики, как нефтегазовая, добыча полезных ископаемых, энергетика, машиностроение, инфраструктура, телекоммуникации и некоторые другие²⁷. В целом же объем китайских инвестиций в Пакистане пока еще невелик. Например, в 2002/03 г. приток китайских инвестиций составил всего 1 млн. долл. (Общий объем иностранных инвестиций превысил 820 млн. долл.²⁸). В 2003/04 г. наметилась тенденция к усилению интереса китайских государственных и частных компаний к вложению капиталов в экономику Пакистана.

В начале нынешнего десятилетия Китай существенно активизировал свое сотрудничество с Пакистаном в развитии его инфраструктуры. Один из крупных проектов, в реализации которого участвует Китай, – строительство крупного многофункционального портового комплекса в Гвадаре (Макранское побережье Белуджистана). В 2000 г. китайское правительство приняло на себя обязательство выделить для строительства первой очереди глубоководного морского порта в Гвадаре 198 млн. долл. в виде займов и субсидий, что составляет 3/4 предусмотренных проектом расходов; при общей стоимости проекта 248 млн. долл. пакистанское правительство вложит 50 млн. долл.²⁹ Завершение строительства первой очереди порта в Гвадаре намечено на 2005 г. Китайская сторона проявляет интерес также к участию в сооружении автомагистрали, связывающей Карачи с Гвадаром и другими пакистанскими морскими портами на Макранском побережье.

Китай оказывает Пакистану финансовое и технологическое содействие в модернизации его железнодорожной системы. Подписанный в феврале 2003 г. меморандум о взаимопонимании предполагает, что

основная часть затрат в этой сфере (около 90%) будет покрыта за счет кредитов Экспортно-импортного банка КНР. В декабре того же года представители двух стран подписали соглашение об открытии в Экспортно-импортном банке КНР кредитной линии в объеме 400 млн. долл. для финансирования реконструкции железных дорог Пакистана, включая расходы на обновление подвижного состава³⁰.

Контракты, связанные с реализацией указанного проекта, получили китайские компании. Они ведут ремонтно-строительные работы. Из Китая поступает железнодорожное оборудование, включая локомотивы, грузовые и пассажирские вагоны. Китайская сторона оказывает содействие Пакистану в подготовке кадров и т.д.

Технико-экономическое сотрудничество с КНР имеет важное значение не только для гражданских секторов экономики Пакистана. Ряд построенных при содействии китайской стороны крупных промышленных предприятий, выпускающих продукцию преимущественно для гражданских секторов экономики, как и некоторые объекты инфраструктуры, обслуживают также потребности вооруженных сил. Как упомянуто выше, например, на предприятиях Комплекса тяжелого машиностроения в Таксиле выполняются также военные заказы. Введенное в эксплуатацию в 1978 г. Каракорумское шоссе имеет как экономическое (пока еще ограниченное), так и военно-стратегическое значение для Пакистана. Его строительство положило начало пакистано-китайскому сотрудничеству в создании сети автогужевых дорог в глубинных районах так называемых Северных территорий Пакистана, граничащих с Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая. Каракорумское шоссе – основная автомагистраль, обеспечивающая относительно надежную наземную связь частей пакистанской армии, размещенных на Северных территориях, с основной территорией страны. В районе строящегося портового комплекса в Гвадаре намечено создать также базу пакистанских военно-морских сил. В рамках сотрудничества Пакистана и Китая в военно-политической сфере она может представить интерес для китайской стороны, тем более, что прецедент взаимодействия флотов двух стран создан совместными военно-морскими учениями, которые, как отмечено выше, состоялись в 2003 г.

* * *

Курс Пакистана на укрепление дружественных отношений с Китаем имеет долгосрочную перспективу. Это определяется вышеуказанными основными чертами взаимоотношений двух стран – традиционной стабильностью и многоплановостью сфер сотрудничества, готовностью и способностью Китая (в пределах его собственных национальных интересов и возможностей) оказывать политическую поддержку, технико-экономическую и военную помощь в решении актуальных для Пакистана проблем.

Отношения стратегического партнерства с Китаем являются для Пакистана важным внешним фактором усиления его позиций в затяжном процессе перехода от конфронтации с Индией к налаживанию взаимоотношений на принципах добрососедства. Значение китайского вектора внешней политики Пакистана выходит за рамки его интересов в Южной Азии. Стабильное многоплановое сотрудничество с КНР укрепляет положение Пакистана в его сложных, подверженных колебаниям отношениях с США. В соответствии с курсом руководства КНР на обеспечение мощного подъема экономики страны возрастает значение экономического аспекта пакистано-китайских отношений. Расширяя связи с Пакистаном в этой сфере, китайская сторона может также оказать содействие своему южноазиатскому партнеру в реализации его растущих экономических интересов в Юго-Восточной Азии.

¹ Pakistan Observer, 22.12.2003.

² Так, находясь с визитом в Пекине, министр иностранных дел Пакистана Х.М. Касури объяснил предоставление Пакистану статуса «главного союзника США, не являющегося членом НАТО», стремлением Вашингтона облегчить решение вопроса о поставках американского вооружения этой стране (The News International, 11.04.2004).

³ Hu Shisheng. China's South Asia Policy and its Regional Impact – Major Powers and South Asia. Islamabad, 2003, с. 318–319.

⁴ Ibid., 10.04, 25.04.2004. В случае, если в будущем государства-члены ШОС договорятся о расширении организации, в частности, за счет стран Южной Азии, скорее всего будет принято решение об одновременном принятии в организацию Пакистана и Индии, которая также проявляет интерес к ШОС.

⁵ The News International, 12.06, 16.06.1999.

⁶ Dawn, 04.06.2002.

⁷ По имеющимся данным, в 1997 г. в религиозных учебных заведениях Пакистана обучалось около 300 китайских мусульман (Dawn, 27.06.1997).

⁸ Herald, 1993, № 2, с. 32.

⁹ Так, в декабре 1996 г. власти Гилгита арестовали группу молодых мусульман из СУАР, нелегально проникших на пакистанскую территорию, и по требованию китайских властей депортировали их в Китай. Отвечая на вопрос журналистов об их дальнейшей судьбе, министр иностранных дел Пакистана Г.Айюб Хан заявил, что она неизвестна пакистанской стороне, это внутреннее дело властей КНР, «Пакистан строго придерживается невмешательства во внутренние дела других стран». (Dawn, 27.06.1997).

¹⁰ The News International, 04.11.2003.

¹¹ Nation, 17.04.2004.

¹² Ibid., 15.07.2004.

¹³ Ibid., 9.08.1999.

¹⁴ Dawn, 02.03.2004.

¹⁵ Pakistan Observer, 27.02.2004.

- ¹⁶ Daily Mail, 22.09.2003; The News International, 10.04.2004.
- ¹⁷ Nation, 17.04.2004.
- ¹⁸ См. подробнее: Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. – М., 2003, с. 229–232.
- ¹⁹ Сотников В.И. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях. – М., 2003, с. 119.
- ²⁰ Dawn, 27.08.1998.
- ²¹ Dawn, 02.09.2001; The News International, 09.06.2002. Пекин категорически отвергает обвинения американской стороны в содействии Исламабаду в сфере ракетно-ядерных технологий.
- ²² Dawn, 08.04.2004.
- ²³ The News International, 10.07.1997; Dawn, 23.03.1998.
- ²⁴ Nation, 23.07.2004.
- ²⁵ Dawn, 27.12.2003.
- ²⁶ Ibid., 23.04.2004.
- ²⁷ The News International, 04.12.2003.
- ²⁸ Dawn, 20.04.2003.
- ²⁹ Nation, 15.09.2003.
- ³⁰ The News International, 10.02, 21.12.2003.

О БОРЬБЕ С ПРОИЗВОДСТВОМ И ТРАНЗИТОМ НАРКОТИКОВ В ПАКИСТАНЕ

2000 г. был особым годом для Пакистана. Президент страны объявил, что производство наркотиков прекращено и это большая победа. Однако страна по-прежнему осталась перевалочным пунктом для афганских наркотиков и число наркоманов увеличилось. Международные организации также отнесли Пакистан в 2000 г. к странам, не производящим наркотические вещества.

Однако в Ежегодном обзоре за 2001–2002 г., который публикуется к Всемирному дню борьбы против наркомании и незаконной наркоторговли (26 июня), данные оказались далеко не оптимистичными. Так, уже в 2001 и 2002 гг. посевы мака отмечены практически во всех районах, граничащих с Афганистаном. Более того, когда талибы запретили выращивание мака, афганцы стали арендовать у мелких пакистанских помещиков землю и выращивать на ней эту культуру. В 2004 г. решением старейшин племени Мохманд посевы мака в округе Чарсадда были официально ликвидированы, хотя часть посевов осталась, поскольку была спрятана среди посевов пшеницы¹.

Вообще же режим П.Мушаррафа значительно усилил борьбу с контрабандой и захват перевозчиков гашиша и героина на территории страны. Так, в 2001 г. в Белуджистане было схвачено 904 перевозчика, 6191,8 кг героина, 3319,2 – опиума и 26825,4 кг гашиша. В приграничных территориях был 51 случай захвата, конфисковано 2144,4 кг героина, 2384 кг опиума и 8975,3 кг гашиша, что составило 34,6%, 71,8% и 33,5% соответственно от всего количества в Белуджистане.

Несмотря на то, что в Панджабе практически нет посевов мака и конопли, однако она является самой большой провинцией, и здесь показатели оказались более впечатляющими: было арестовано 26 139 человек в 28 786 случаях, связанных с наркотиками, у них конфисковано 1700 кг героина, 1041,3 кг опиума и 26249,1 кг гашиша. В Синде было арестовано 2121 человек и 402,2 кг героина, 34,2 кг опиума и 3641,9 кг гашиша. Усилили свою деятельность наряду с полицией и антинаркотические силы, которые в 151 случае арестовали 182 человека.

Несомненным лидером в захвате и аресте наркоперевозчиков и наркодельцов традиционно является СЗПП (Северо-Западная пограничная провинция), где было захвачено 60,05% и арестовано почти

58% от всего количества наркотиков в Пакистане. Здесь было конфисковано 414,3 кг героина, 748,3 кг опиума и 17651,95 кг гашиша. Более эффективно в СЗПП работали и антинаркотические силы. В указанном 2001 г. наиболее сильные позиции среди иностранной мафии занимали нигерийские наркосиндикаты (185 из 460 арестованных иностранцев из 47 стран) и афганские контрабандисты и наркодельцы – 116². Благодаря усилению работы полиции и антинаркотических сил в стране в 2003 г. удалось захватить 5379 кг опиума, 33 005 кг героина и 871 149 кг гашиша. Особенную активность в последние годы на поприще незаконных операций стали проявлять именно афганские торговцы, купцы и маклеры. Часть афганских богачей успела вывезти немалые ценности, что послужило им первоначальным капиталом, нажитым на наркотиках. В торговле пакистанскими и полученными от наркотрафика из Афганистана наркотиками занят капитал и местной и международной мафии. Доходы пакистанских «мафиози» оцениваются в местной печати в сумму, превышающую 10 млрд. долл., что составляет почти 1/3 от внешней задолженности страны и 1% от ВВП. Наряду с концентрацией богатства у «боссов» происходит обогащение разного рода торговцев, перекупщиков, мелких агентов по сбыту наркотиков, которых, по ряду оценок, насчитывается в Пакистане более 30 тысяч³.

С приходом П.Мушаррафа борьба с производством наркотиков в самом Пакистане усилилась. Так, если в 2003 г. только на территории, включающей различные агентства (территориальные), Приграничные районы (Frontier Regions) полосы племен и 5 главных районов провинции под маком было занято 4615 акров земли (1 акр = 0,4 га) и 1117 акров затем было уничтожено, то к началу 2004 г. мак выращивался на площади в 700 акров. Причем 500 акров в агентстве Хайбер и 200 акров в малодоступных районах СЗПП, где бороться с посевами очень трудно⁴. Часто полиция вступает с крестьянами в вооруженные столкновения, приводящие к гибели людей с обеих сторон. В 2003–2004 г. такие столкновения были в районе Верхнего Дира, Дакки (Пограничный район), Хаттака (владелец – влиятельный чиновник Назим Хаттарского Объединенного Совета), Сваби, в Вазиристане и многих других⁵. Охват посевами мака новых районов, в частности, в Сев. и Юж. Вазиристане, агентстве Куррам и ряде других объясняется, как считает специальная комиссия, изучавшая причины использования новых земель, «давлением наркомафии, бедностью и безработицей»⁶. Зачастую трудности со сбытом ряда культур, в частности, табака толкают их производителей к замене его на мак – менее трудоемкую культуру, но крайне прибыльный источник дохода⁷.

Для наркобизнеса в Пакистане сейчас наступили не лучшие времена, особенно если вспомнить 80-е годы, когда страна являлась на мировом рынке одним из крупнейших производителей и торговцев наркотиками. Это было связано с изменением геополитического по-

ложения на Ближнем и Среднем Востоке в связи с революцией в Иране и войной в Афганистане. Это привело к сбоям в традиционной системе по транспортировке и переработке наркотиков в районах Ирана и Афганистана, где выращивались мак и конопля. Специалисты считают, что в это же время началось широкое сотрудничество пакистанских производителей с международной наркомафией. Прибывшие под видом туристов «специалисты» из Германии и Франции помогли наркодельцам создать в СЗПП и Карачи сеть прекрасно оборудованных лабораторий по производству чистого морфина, число которых достигало ста. Предпринимавшиеся властями попытки уничтожения лабораторий успеха не имели: либо подобные лаборатории воссоздавались в недоступных районах Пакистана, либо перекочевывали на территорию соседнего Афганистана. Ныне практически все они располагаются вдоль границы с СНГ. Выращивание мака давало возможность бедному населению получать реальные деньги, а контроль за посевами со стороны властей был неэффективным. Географическое положение страны позволяло вывозить наркотики на мировые рынки, а прибыли наркоторговцев были колоссальными. Именно поэтому борьба с этим злом была крайне сложной. К середине 80-х годов в стране производилось более 800 тонн опиума в год⁸.

Героиновый бум заставил правящие круги Пакистана, которые в это время начали проводить политику исламизации, принять в 1979 г. Закон (худуд), запрещающий производство, продажу и употребление наркотиков как противоречащих исламским канонам. Однако в стране было распространено мнение, что президент Зия-уль-Хак и его окружение, введя этот закон, больше заботились об укреплении власти, чем о чистоте нравов и здоровье населения. И все-таки принятие закона побудило производителей наркотиков побыстрее избавиться от запасов опиума в стране, что и привело к широкому вывозу его на мировой рынок.

Рост наркомании на Западе заставил обратить внимание международных организаций на необходимость ликвидации этого источника зла и с 1976 г. они начали предоставлять Пакистану помощь для уничтожения посевов мака и его переработки. До 2000 г. страна получила 218 миллионов долларов⁹. Эти средства частично были утаены чиновниками, а частично направлены в сельские районы для замены посевов мака на альтернативные культуры (пшеницу, рапс и др.). Так, в 2000 г. Западом и Японией было выделено для округа Дир 145,3 млн. рупий на замену мака на пшеницу и развитие инфраструктуры.

Пакистан подписал все основные международные документы, касающиеся наркотиков. Так, им была подписана Конвенция ООН по наркотическим веществам от 1961 г. и по психотропным средствам от 1971 г.

Пакистан подписал также Конвенцию против незаконной торговли наркотическими веществами и психотропными средствами в 1988 г.

Власти страны выражали поддержку мировому сообществу в принятии и других мер, касающихся наркотиков. Делегация Пакистана активно участвовала и в принятии «Политической Декларации» на сессии ООН по проблеме наркотиков, состоявшейся 8–10 июня 1988 г.¹⁰

Еще 70 лет назад был подписан международный договор о контроле за наркотиками, а в 1999 г. был создан Международный совет по контролю за наркотиками, который в своем докладе в 1999 г. подчеркивал, что «главные цели всех конвенций ООН состоят в ограничении использования наркотических средств только медицинскими и научными целями... для облегчения болей и страданий, и в этом смысле производство наркотиков возможно»¹¹.

Власти Пакистана всегда принимали активное участие в различных международных организациях по проблеме наркотиков. После получения независимости страна присоединилась (еще в 1954 г.) к международному протоколу по опиуму (1953 г.), который позволял в дозированных количествах выращивать мак и коноплю. За 20 лет (1955–1975 гг.) легальное производство ежегодно составляло 7,19 метрических тонн. В последующие годы в связи с увеличившимся спросом на мировом рынке и в регионе, производство выросло более чем в 100 раз, достигнув в 1979 г. 800 тонн. В последующие годы объемы производства опиума значительно варьировались: со 125 тонн в 1980–81 г. до 40 тонн в 1984–85 г. и 130 тонн в следующем благоприятном году. В 1991–92 г. производство выросло до 181 тонны, а затем упало благодаря усилиям властей до 110 тонн в 1994–95 г. и 28 тонн в 1995–96 г. В конце 90-х годов в стране производилось от 16 до 17 тонн опиума. Размеры посевов и сборы конопли (канабис) все это время были практически стабильными. В 2000–01 г. производство опиума сократилось до 6 метрических тонн¹².

В самой стране была разработана стратегия по контролю за наркотиками, включавшая сокращение площадей под маком, канабисом и др., борьбу с контрабандой, ликвидацию лабораторий, уменьшение числа лиц, употребляющих наркотики. И если площади под наркокультурами сократились, то с контрабандой наркотиков и ростом наркомании справиться не удавалось.

Еще за год до прихода к власти Первеза Мушаррафа в стране был разработан пятилетний «Мастер-план по контролю за злоупотреблением наркотиков (1998–2003 гг.)», который представлял собой главный документ, определяющий размеры площадей под маком, сборы с которых могли не только покрывать местные медицинские потребности, но и официально экспортироваться по лицензиям, принося доход казне, как это делается в Индии и Австралии. Мастер-план предусматривал вложения 2832 млн. рупий со стороны центрального и провинциальных правительств и международных организаций.

Нынешние власти Пакистана активно вступают в контакты с другими странами для общей борьбы с наркотиками и их производством. Ими уже подписаны соглашения о контроле за перевозкой наркотиков

с 9 странами, с семью – меморандумы понимания и с 28 странами – договоры об экстрадиции наркокурьеров. Летом 2004 г. в Исламабаде состоялось заседание пакистано-индийской двусторонней группы по борьбе с контрабандой наркотиков. Стороны обсудили ситуацию на пакистано-индийской границе, меры по борьбе с наркотрафиком, возможность обмена оперативными данными. Начала работу и Совместная комиссия с Афганистаном по борьбе с контрабандой наркотиков из этой страны, где всего за год их производство возросло в 18 раз и достигло в 2002 г. 3400 тонн¹³.

И все-таки пока контрабанда наркотиков из Афганистана (из Индии несравненно меньше!) будет продолжаться, борьба с наркоманией в Пакистане будет малоэффективной. Доступность наркотиков – главная причина роста наркомании. По данным международных организаций, связанных с борьбой с наркотиками, в Пакистане проживает около 8% наркоманов всего мира и ежегодный прирост потребляющих наркотики растёт (по данным Фонда Эдхи, на 110% в год). Точных данных о числе наркоманов нет: они варьируются от 500 тыс. до 4 млн. человек, и это при том, что в 80-е годы их число не превышало 20 тыс.

Учитывая остроту проблемы наркомании, различные организации проводили специальные обследования в различных районах страны, в сельской и городской местности, среди различных слоев и прослоек населения, возрастных групп и пришли к весьма неутешительным выводам: 71,5% из числа потребляющих наркотики – молодые люди до 35 лет, причем их большая часть в возрастной группе 26–30 лет. 60% людей, потребляющих наркотики, грамотные. Такое же количество работает: 14,1% – торговцы, 10,9% – сельские рабочие и 11,4% – студенты.

Обследование, проведенное руководством Антинаркотических сил, показало, что 68,6% наркоманов впервые познакомились с «зелем» через друзей, 15% – через случайных знакомых и торговцев и 9% – в семье. Что касается состава наркотиков, то 51,2% используют героин, 29,5% – гашиш, остальные – транквилизаторы, алкоголь и другие опийные вещества¹⁴.

Власти особенно активно начали вести борьбу с выращиванием наркотиков с 1999 г., добившись (о чем уже упоминалось) положительных результатов в 2000 г. Было запрещено использовать наркотики даже в медицинских целях. Было ликвидировано несколько местных и международных банд, занимавшихся наркотрафиком. Причем, к искоренению производства наркотиков и их потребления было привлечено более 100 неправительственных организаций, усовершенствовано законодательство, суды рассмотрели сотни дел, сурово наказав перевозчиков и торговцев, приговорив многих из них к пожизненному заключению и к смертной казни. Особенно активной борьба была в Панджабе, где число хронических наркоманов превышало 45% от общего количества в стране¹⁵.

Тревогу властей вызывает рост наркомании не только потому, что ею захвачено молодое поколение и женщины, но еще и потому, что ее сопровождает рост преступности, коррупции, расцвет «черного» рынка, число больных СПИДом (их ряды перевалили за 70 тыс.). Власти делают попытки сократить число наркоманов, помещая их в больницы и реабилитационные центры, которых явно не хватает. Ныне они могут обслужить не более 10% общего количества больных.

Очевидно, что рост наркозависимых в Пакистане связан как с дешевизной и доступностью наркотиков, так и прежде всего с экономическими и социальными проблемами, нерешенность которых сейчас и неверие в их ликвидацию в будущем толкают людей к этой своеобразной форме социального протеста, к желанию забыться от тягот повседневной жизни.

Помимо общенациональных мер по борьбе с наркоманией, включающих усиление религиозного давления на наркоманов через проповеди мулл, использование книг, электронных средств информации и учебников, рассказывающих о вреде наркотиков, в стране разработаны 19 схем борьбы, 14 из которых уже действуют и на реализацию которых выделено 7,5 млн. рупий и использовано 75,4% от выделенных средств¹⁶.

Борьба с наркомафией приобрела ощутимые результаты, когда власти заморозили активы на сумму 5215 млн. рупий, принадлежащие лицам, осуществляющим незаконную торговлю наркотиками¹⁷.

Западные страны, понимая все последствия распространения наркотиков, оказывают Пакистану помощь не только в ликвидации посевов мака и производстве наркотических препаратов, но и в борьбе с наркоманией внутри страны. В 2002 г. Пакистан получил грант в размере 73 млн. долл. для анализа масштабов распространения наркомании. Кроме этой суммы 5 вертолетов с приборами ночного видения будут закуплены для страны. Помимо этого, по заявлению министра внутренних дел Пакистана Моинуддина Хайдера, 545 тыс. долларов были выделены Пакистану для создания цепи детоксикационных и реабилитационных центров, 15 тыс. для эпидемиологических лабораторий и 277,8 тыс. долларов на сокращение роста наркомании и предотвращение распространения этой страшной заразы, уносящей тысячи жизней каждый год¹⁸.

Пока что все попытки и местных властей Пакистана и западных стран сократить производство, особенно контрабанду афганских наркотиков и уменьшить или хотя бы воспрепятствовать росту наркомании дают скромные результаты. Кстати, подсчитано, что развивающиеся страны получают лишь 1% от стоимости произведенных наркотиков, а 99% получают наркоторговцы и наркомафия на Западе и в США. И тем не менее производство наркотиков, возникновение «черного» рынка, рост коррупции, расцвет наркомании – все это отрицательно влияет на экономическое развитие страны. Трудно пред-

сказать, сможет ли Пакистан действительно победить столь доходное выращивание, еще более доходную контрабанду как своих, так и особенно афганских наркотиков и решить все более тревожащую проблему наркомании.

¹ Dawn, 06.04.2004.

² Там же.

³ Dawn, 11.12.2003.

⁴ Dawn, 02.01.2004; The Nation, 15.02.2003.

⁵ Dawn, 23.04.2004; The Nation, 08.04.2004; The News, 22.04.2003; 08.04.2003; 04.04.2003.

⁶ The News, 29.04.2003.

⁷ The Nation, 16.09.2003.

⁸ Muslim, 24.07.1994; The News, 25.06.2000.

⁹ Dawn, 26.06.2002; The News, 25.06.2000.

¹⁰ Pakistan Economic Survey, 1999–2000, с. 179.

¹¹ Dawn, 13.04.2000; N.Y. Times, 04.04.1995; The News, 25.06.2000; Daily Mail, 04.03.2004.

¹² The News, 28.06.2002; Dawn, 26.06.2002.

¹³ Dawn, 15.06.2004; The Nation, 16.01.2003; The News, 08.11.2002; Dawn, 26.02.2003.

¹⁴ Dawn, 26.06.2002; 26.02.2003; 25.02.2003.

¹⁵ Dawn, 26.06.2002; 23.06.2002.

¹⁶ The Nation, 11.01.2003; Dawn, 23.06.2002.

¹⁷ Daily Mail, 04.03.2004.

¹⁸ Dawn, 23.06.2002; 13.04.2000.

**ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ РОЛЬ ООН
В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ИЕРУСАЛИМА:
ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Опыт арабо-израильских переговоров показывает, что любую тему, с которой снято «табу» и которая хотя бы раз была включена в повестку дня переговоров, нельзя закрыть окончательно. Рано или поздно она снова станет предметом обсуждения. Без сомнения, это относится и к вопросу Иерусалима. В 2000 г. в Кэмп-Дэвиде израильская делегация во главе с премьер-министром Эхудом Бараком впервые со времен Шестидневной войны согласилась обсуждать с палестинцами возможность передела города, несмотря на то, что статус Иерусалима как «вечной и неделимой» столицы Израиля закреплён в Основном Законе. Переговоры об изменении статус-кво Иерусалима продолжились в январе 2001 г. в Табе (Египет). И хотя после их провала израильское правительство заявило (и это до сих пор остается его официальной позицией), что все сделанные им предложения по территориальным уступкам в Иерусалиме аннулированы, можно с большой долей уверенности сказать, что переговоры об Иерусалиме неизбежно возобновятся по мере возобновления палестино-израильского диалога.

Ход этих переговоров в большой мере будет зависеть от общественного мнения, преобладающего в мире и особенно в странах – коспонсорах ближневосточного урегулирования. Речь идет не только о понимании позиций, аргументов и взаимных опасений противоборствующих сторон, но и об адекватной оценке той роли, которую играли и продолжают играть международные институты – прежде всего ООН – в развитии конфликта вокруг Иерусалима. В этой связи представляется важным критически рассмотреть одну из самых распространенных на Западе и в России идеологем. Она гласит, что ООН прилагала и прилагает максимум усилий для разрешения проблемы, но не может преодолеть антагонизм и взаимную неуступчивость израильской и арабской сторон. Если с тезисом об антагонизме и неуступчивости спорить трудно, то первая часть данного утверждения вызывает большие сомнения.

По сравнению с другими аспектами арабо-израильских территориальных споров проблема Иерусалима значительно более интернационализирована прежде всего в плане вовлеченности в ситуацию

Организации Объединенных Наций. В первую очередь, здесь следует выделить следующие аспекты:

1. Если формально следовать букве Резолюций 181 и 303 Генеральной Ассамблеи ООН, то Иерусалим является территорией, которая должна находиться под управлением институтов ООН. Следовательно, ООН несет (или должна нести) особую ответственность за этот город, – большую ответственность, чем за любую другую территорию, являющуюся предметом арабо-израильских споров.

2. Следуя той же логике, Иерусалим является территорией, отчужденной Израилем именно у ООН (Западный Иерусалим – сразу в ходе первой арабо-израильской войны, а Восточный – после 20-летнего периода, когда он был отчужден у ООН Иорданией). Это обстоятельство, если рассуждать последовательно, делает ООН не просто наблюдателем и медиатором, а непосредственным участником конфликта.

3. За период с 1947 г. по настоящее время ООН приняла множество документов, которые создают вокруг Иерусалима сложное и противоречивое правовое поле, на которое должны ориентироваться составители миротворческих планов и которое – прямо или косвенно – оказывает большое влияние на позицию как Израиля, так и палестинцев.

С учетом сказанного, какова же реальная роль ООН в развитии конфликта вокруг Иерусалима в период с 1947 г. и до настоящего времени: является ли она конструктивной или наоборот? Настоящая статья представляет собой попытку ответить на этот вопрос.

Действия ООН необходимо рассматривать одновременно в двух аспектах. Во-первых, как действия самостоятельной политической организации, имеющей собственное руководство, бюрократический аппарат, корпоративные интересы. Во-вторых, как векторную сумму, возникающую каждый раз заново в результате сложного взаимодействия, борьбы представленных в ООН политических сил. Поэтому в данной статье будут рассмотрены не только решения органов ООН, но и позиции ведущих мировых держав.

Принятая 29 ноября 1947 г. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 181 рекомендовала выделить Иерусалим и его окрестности в особую единицу – *corpus separatum*, находящуюся под управлением институтов ООН. Современные авторы по-разному оценивают подоплеку этого решения. Так, российский политолог Татьяна Носенко склонна видеть здесь политический компромисс: «Иерусалим был вынесен за рамки арабо-еврейского спора из-за Палестины, что снимало с повестки дня вопрос о его принадлежности к одному из будущих государств – арабскому или еврейскому»¹. Израильский исследователь Авива Халамиш делает акцент на религиозной составляющей: «Решение об интернационализации Иерусалима было следствием того, что ООН предпочла принцип святости города для пред-

ставителей трех монотеистических религий принципу самоопределения его жителей»².

В любом случае, говоря об идее *corpus separatum* для Иерусалима, выраженной в резолюции 181 и подтвержденной в 1949 г. резолюцией 303, и о дальнейшей судьбе этой идеи, важно ответить на принципиальный вопрос: в какой мере данное решение ООН основывалось на мировом общественном мнении и чувствах верующих, и в какой – на случайном совпадении векторов интересов великих держав в конкретный исторический момент, т.е. осенью 1947 года.

На протяжении всего периода британского мандата в западном христианском мире было очевидным желание сохранить Иерусалим за собой. Это объяснялось, во-первых, восприятием Иерусалима как религиозно-исторической вотчины христианского мира. Во-вторых, опасением, что в случае перехода Иерусалима под контроль какой-либо из ближневосточных стран верующим христианам будет затруднен доступ к святым местам в городе. (Это опасение оправдалось, когда Старый Город почти на 20 лет попал под контроль Иордании). В Иерусалиме работало множество религиозных миссий и связанных с ними гуманитарных учреждений из западных стран, причем каждое религиозное течение, имевшее свои миссии, выступало проводником интересов той страны, где данное течение было доминирующим. Западные страны стремились сохранить эти учреждения. Выделение Иерусалима в самостоятельную единицу под международным контролем воспринималось как наилучшее решение вопроса после ухода англичан. Кроме того, принцип *corpus separatum* поддерживался Ватиканом, и великие державы, особенно США, были вынуждены считаться с религиозными чувствами своих собственных католиков, а также с позицией католических государств, в которых они хотели сохранить политическое влияние³.

Из всех великих держав политика СССР в отношении Иерусалима в наименьшей степени была обусловлена религиозными соображениями. Такие факторы, как доступ паломников к святым местам, учет руководством страны мнения верующих при выработке внешней политики, продвижение национальных интересов посредством миссионерской деятельности, – по понятным причинам в СССР отсутствовали. Российское палестинское общество после Октябрьской революции не вело никакой культурно-просветительской деятельности за рубежом, а деятельность Русской духовной миссии сводилась к богослужениям в иерусалимских храмах. Оба эти института потеряли почти всю свою собственность в Палестине⁴.

Если говорить о периоде активного формирования позиции ведущих держав по Иерусалиму (приблизительно с 1946 г.), то первое упоминание религиозной темы в советских дипломатических документах относится только к 24 июня 1948 г.: первому заместителю министра иностранных дел А.Вышинскому была направлена копия телеграммы

Патриарха Иерусалимского Тимофея в адрес Патриарха Московского и Всея Руси Алексия, где выражалась озабоченность растущими амбициями Ватикана в Иерусалиме⁵. Реакция последовала через два с половиной месяца. Глава миссии СССР в Израиле П.Ершов предложил назначить и послать в Иерусалим начальника Русской духовной миссии от Московской Патриархии и представителя Русского Палестинского общества⁶. Распоряжение о выезде в Израиль Русской духовной миссии было подписано И.Сталиным 14 октября 1948 г.⁷ Но и после этого религиозно-политическая активность СССР в Иерусалиме была минимальной. Характерно, что во многих документах советского МИД того периода словосочетание «святые места» писалось в кавычках.

Можно сказать, что советская позиция по палестинской проблеме (и по проблеме Иерусалима) формировалась наспех. 6 марта 1947 г. в секретной записке первому заместителю министра иностранных дел СССР А.Вышинскому советник МИД СССР Б.Штейн признавал: «До настоящего времени СССР не формулировал своей позиции по вопросу о Палестине. В связи с предстоящим обсуждением палестинской проблемы объединенными нациями такая формулировка точки зрения СССР является необходимой»⁸.

Советская позиция по Палестине вскоре была выработана. Она заключалась прежде всего в требовании скорейшего ухода англичан и передаче решения судьбы Палестины в руки ООН, что должно было стать началом советской экспансии в регионе. Параллельно Москва пыталась противодействовать стремительному росту американского влияния. Будущее Иерусалима интересовало советское руководство лишь в этом контексте. Вообще среди приоритетов советской политики по палестинскому вопросу в 40-е и 50-е годы Иерусалим почти не упоминался, и ему посвящено очень мало документов. Первым существенным документом является телеграмма А.Вышинского главе МИД В.Молотову из Нью-Йорка 18 ноября 1947 г., в которой излагается позиция СССР в отношении готовящегося решения о выделении Иерусалима в *corpus separatum*. СССР возражал против того, чтобы Иерусалим находился под управлением специальной комиссии, избираемой каждый год Генеральной Ассамблеей ООН. Наиболее подходящим, с позиции советских интересов, вариантом представлялось управление Советом Безопасности ООН, но поскольку это предложение не имело шансов, Москва была готова согласиться на американское предложение передать управление Совету по опеке. Кроме того, СССР возражал, чтобы английский язык был одним из трех официальных языков Иерусалима⁹.

Противодействие Англии долгое время оставалось краеугольным камнем советской политики по Иерусалиму. 1 марта 1948 г. Б.Штейн направил руководству заключение «О проекте статута Иерусалима, выработанного специальным комитетом Совета по опеке». Основной вывод: «В то время, как американцы пытаются усилить полномочия

Совета по опеке (в вопросе об управлении Иерусалимом), англичане всячески добиваются усиления власти губернатора. Очевидно, для нас американская позиция выгоднее, нежели английская»¹⁰.

Следующий интересный документ относится к октябрю 1948 г. В этот период израильтяне вели успешное наступление на юге против Египта, но в Иерусалиме, как казалось, ситуация складывалась в пользу пробританской Трансиордании. Все попытки израильтян овладеть Старым Городом были безуспешны, а новые, еврейские районы Иерусалима подвергались мощному обстрелу иорданской артиллерии. Член советской делегации на 3-й сессии ГА ООН С.Царапкин писал: «Учитывая, что согласно резолюции от 29 ноября управлять Иерусалимом от имени ООН должен губернатор, наделенный всей полнотой власти... и что таким образом через губернатора полный контроль над Иерусалимом фактически окажется в руках США и Англии,... целесообразно поддержать требование евреев о включении Нового Города, где никаких «святых мест» нет, в состав еврейского государства, но не всего Нового Города, как того требуют евреи, а лишь части, населенной евреями. Арабскую часть Нового Города включить в состав арабского государства Палестины. Над Старым Городом... установить в целях охраны «святых мест» специальный международный режим под управлением ООН»¹¹. Вышинский поддерживает это предложение, но время полностью отмежеваться от идеи *corpus separatum* еще не пришло.

Молотов пишет Сталину: «В отличие от предложения Вышинского, предлагаю дать ему следующие указания: настаивать на выполнении резолюции Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1947 г... При этом условии можно согласиться на предложение Бернадота о предоставлении местной автономии для еврейской и арабской части населения Иерусалима. Если в процессе обсуждения этого вопроса наметится решение, приемлемое как для евреев, так и для арабов, считаем возможным в дальнейшем обсудить такое предложение»¹². Хотя в итоге Сталин поддержал позицию Молотова, мы видим, что спустя всего лишь 11 месяцев после принятия резолюции 181, советское руководство всерьез обсуждало возможность фактического отказа от нее. (Не ясна пока роль Молотова в принятии этого решения. Возможно, если бы Вышинский имел возможность обращаться к Сталину напрямую, как это произошло в 1950 году, позиция высшего руководства СССР изменилась бы уже в конце 1948 г. Этот момент заслуживает дополнительного изучения).

Окончательный отказ произошел в 1950 г. 16 марта 1950 г. Вышинский, ставший уже министром иностранных дел, пишет непосредственно Сталину: «Решение Ассамблеи об интернационализации Иерусалима не получило поддержки ни одной из заинтересованных сторон – ни евреев, ни арабов – жителей Иерусалима. По мнению МИД СССР, в настоящее время нецелесообразно придерживаться старой позиции и следует поручить тов. Малику сделать заявление Трюгве Ли

о том, что Советское правительство не считает возможным поддерживать далее указанное постановление Генеральной Ассамблеи...»¹³. К письму прилагался проект указания представителю СССР в ООН Якову Малику. Проект телеграммы Малику, где практически повторялся вышеприведенный текст, был утвержден постановлением ЦК ВКП(б) 7 апреля и направлен от имени Вышинского А.Поскребышеву для оформления¹⁴. 17 апреля 1950 г. СССР информировал Генерального Секретаря ООН, что отзывает свою поддержку резолюции от 9 декабря 1949 г.¹⁵ Впоследствии это заявление было озвучено советским делегатом на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Американский политолог Юджин Бовис комментирует поворот в советской политике следующим образом: «СССР поддерживал план раздела Палестины и создания Израиля как средство удаления британского влияния из этой области Ближнего Востока. Он рассматривал неудачу в создании арабского государства и последующую арабскую военную акцию против Израиля как часть замысла Соединенного Королевства и США по восстановлению британского влияния в Палестине... Когда Генеральная Ассамблея подтвердила свою приверженность территориальной интернационализации и тем самым поставила Израиль (и Иорданию) в состояние полного несогласия с ООН и западными державами, СССР не видел дальнейшей необходимости поддерживать интернационализацию»¹⁶.

По мнению Говарда Сакера, одного из крупнейших американских специалистов по истории Ближнего Востока, на решение СССР повлияло то, что «к этому времени Советы уже достигли своей цели посеять раздор между Иорданией и Великобританией»¹⁷.

На Западе религиозная составляющая в подходах к проблеме Иерусалима была наиболее ярко выражена в позиции католических государств. Исторически сложилось, что католики составляли меньшинство среди христианских жителей Иерусалима. В этой ситуации главным козырем Ватикана было наличие в ООН широкой фракции католических стран. Как отмечает Г.Сакер, «обладая такими дипломатическими возможностями увеличить свое влияние в святом городе, католики понимали, что необходимо всеми силами способствовать расширению роли ООН в определении судьбы Иерусалима». 15 апреля 1949 г. папа Пий XII выпустил энциклику о Палестине, в которой каждому католику предписывалось предпринять все усилия для интернационализации Иерусалима¹⁸. В 1949 году при посещении Израиля представитель Ватикана Томас Мак-Махон заявил, что только полная интернационализация Иерусалима «сделает возможной репатриацию христианского населения (арабов-христиан, покинувших город во время военных действий. – Г.М.), без которой христианские святыни станут всего лишь безжизненными музеями. Только интернационализация позволит Иерусалиму вырасти в универсальный христианский религиозный, культурный и образовательный центр»¹⁹.

Эта позиция оказывала влияние даже на правительства тех стран, где католики не составляли большинства, но являлись значительной частью электората. Так, в преддверии выборов 1949 года в Австралии, где католичество исповедовал 21% избирателей, лейбористское правительство выдвинуло проект резолюции, который подтверждал план территориальной интернационализации Иерусалима, принятый в 1947 г.²⁰ Однако после того, как лейбористы потерпели поражение на выборах, Австралия присоединилась к лагерю сторонников функциональной интернационализации²¹.

В период перед принятием резолюции 181 давлению католического лобби подверглось и американское руководство. Американские католики предупреждали, что «позиция Вашингтона по Иерусалиму может предопределить отношение к США со стороны миллионов католиков всего мира. Католических избирателей в Америке призывали кооперироваться с их духовными лидерами, и действительно, тысячи телеграмм пришли на Капитолийский холм с требованием интернационализации Иерусалима», – указывает израильский исследователь Дон Перец в статье «Америка и Иерусалим»²².

С другой стороны, такая крупная католическая держава, как Франция, поддерживала принцип территориальной интернационализации Иерусалима только до 1949 г., причем развитие христианской общины города (под эгидой ООН) рассматривалось Парижем лишь как средство возвращения своих позиций, утерянных в годы британского мандата²³. Другая причина состояла в том, чтобы не допустить усиления пробританской Иордании. Однако в 1949 году Франция поддержала план Палестинской комиссии по урегулированию (где из трех членов один представлял Францию), который предусматривал разделение Иерусалима на еврейскую и арабскую зоны при условии, что специально назначенный комиссар ООН будет следить за защитой святых мест и предотвращением изменения демографического баланса в городе, ограничивая иммиграцию. Французское правительство объяснило эту перемену тем, что ООН не желает брать на себя ответственность за осуществление плана территориальной интернационализации²⁴.

Позиция Великобритании по вопросу Иерусалима по сравнению с позициями других мировых держав подвергалась наибольшему колебаниям. За 10 лет до принятия резолюции 181, то есть в 1937 г., британская комиссия лорда Пили предложила план раздела Палестины, предусматривавший выделение в особую зону Иерусалима, Вифлеема и узкого коридора от Иерусалима к побережью. Эту территорию предлагалось оставить под постоянным мандаторным управлением Великобритании²⁵. Однако реалистичность этого плана вызывала у британского правительства большие сомнения. Через год после представления выводов другой комиссии – под председательством Дж.Вудхэда Великобритания официально объявила об отказе от плана раздела Палестины²⁶. В 1944 г. английское правительство снова вернулось к идее раздела: на этот раз

Иерусалим предполагалось выделить в отдельное государство под международной опекой. В 1946 г. в соответствии с рекомендациями совместной англо-американской «комиссии Моррисона – Грейди» был предложен новый план раздела Палестины (план кантонизации), согласно которому область Иерусалима должна была находиться под управлением британского Верховного комиссара, отвечающего также за охрану святых мест²⁷. Дон Перец указывает, что американская администрация в отличие от британского кабинета министров негативно отнеслась к этому плану, но параграф, касающийся судьбы Иерусалима, был одобрен как в Лондоне, так и в Вашингтоне²⁸. К 1947 г. позиция Великобритании вновь изменилась. Ставка была сделана на военную силу пробританского короля Иордании Абдаллы, на захват Иорданией Иерусалима. Британская делегация отказалась поддержать резолюцию 181 (хотя, как можно видеть, сама же Англия много лет выдвигала планы раздела Палестины и выделения Иерусалима в особую зону), а в ходе первой арабо-израильской войны английские офицеры оказывали активную помощь арабским армиям и в первую очередь Иордании. (Как известно, впоследствии, после раздела Иерусалима между Израилем и Иорданией Великобритания признала включение земель к западу от реки Иордан в состав единого Иорданского королевства. Кроме Англии, этот шаг признал только Пакистан. При этом признать западный Иерусалим столицей Израиля британское правительство отказалось).

Несмотря на отказ Лондона поддержать резолюцию 181, уже в декабре 1947 г. британский представитель Алан Берне вошел в качестве вице-президента в созданный Советом по опеке Рабочий Комитет, пытавшийся разработать статус Иерусалима²⁹. В 1949 г. Великобритания вместе с США и Францией поддержала идею функциональной интернационализации Иерусалима³⁰, несмотря на то, что Иордания категорически выступала против.

Очевидно, что противоречивость и постоянные колебания в британской позиции по вопросу Иерусалима были обусловлены соображениями политической конъюнктуры, сложной игрой, которую Лондон вел с США, Францией, СССР, арабскими странами. Религиозный фактор не играл здесь практически никакой роли: трудно себе представить, чтобы чувства верующих и их отношение к Иерусалиму менялись так часто в течение столь короткого периода времени. Примечательно, что 31 октября 1949 г. Архиепископ Кентерберийский выдвинул собственный план в отношении Иерусалима: он настаивал на территориальной интернационализации, ограниченной, однако, Старым Городом и несколькими окрестными торговыми улицами. При этом Архиепископ заявил, что выступает от собственного имени, а не от лица Англиканской церкви³¹. Эта инициатива фактически не повлияла на позицию британского правительства.

На американскую политику в отношении Иерусалима оказывали влияние два вектора, зачастую противоположно направленных. Пер-

вый – отношение верующих, которое в США действительно было важным фактором. Если американские католики, как уже говорилось, придерживались линии Ватикана, то у протестантов всегда существовали разные мнения. Тем не менее многим американцам было (и отчасти остается) свойственно единое восприятие места Иерусалима в мире. Как указывает Дон Перец, «чаще всего в представлении американцев это не реальный город, населенный реальными людьми, а образ, извлеченный из Ветхого и Нового Завета, из собственной культуры и опыта и наложенный на Ближний Восток». Такому мышлению, конечно, близка идея выделения Иерусалима в *corpus separatum*. «Американская политика по поводу Иерусалима отражает напряженность между этим культурно-религиозным влиянием, почерпнутым из евангелистского протестантского восприятия... с одной стороны, и долгосрочным контекстом широких интересов и ответственности США на Ближнем Востоке, с другой стороны», – пишет далее Дон Перец. Эти «широкие интересы» представляют собой второй вектор³².

Своего рода «мостом» между двумя названными векторами являлась деятельность многочисленных американских миссионерских, гуманитарных, образовательных учреждений в Иерусалиме – не только христианских, но и еврейских. Среди таких организаций, существовавших в 40-е годы, можно назвать созданную еще в XIX веке пресвитерианцами Американскую Колонию, действующие при ней приюты и школы, а также YMCA, Американскую школу восточных исследований, Музей Рокфеллера и медицинский центр «Хадасса». Американский еврей Иехуда Магнес стал первым президентом Еврейского Университета. Разумеется, эти организации в той или иной степени были проводниками американского политического влияния.

Прагматические политические интересы США в Иерусалиме к концу 40-х годов складывались из следующих соображений:

1. Желание сохранить Иерусалим в качестве обособленной единицы, находящейся под контролем ООН. Поскольку США были в ООН влиятельнейшей силой, это позволяло бы усиливать американские позиции в городе.

2. Постепенное осознание того, что сохранение Иерусалима под контролем ООН потребует вмешательства военных миротворческих сил и серьезных финансовых вливаний. При этом у США не было желания брать на себя ответственность ни за первое, ни за второе³³.

3. Стремление не допустить советского влияния в Иерусалиме.

Понимание этих ключевых установок позволяет проследить логику действий США в рассматриваемый период. Как уже говорилось, в 1946 г. администрация Г.Трумэна поддержала тот пункт «плана Моррисона – Грейди», который предполагал выделение Иерусалима в особую территорию под управлением британского Верховного комиссара. 29 ноября 1947 г. США проголосовали за резолюцию 181. Соединенным Штатам и их союзникам удалось отвергнуть советское предложение

ние, чтобы Специальная Комиссия ООН по Палестине (UNSCOP) формировалась из членов Совета Безопасности ООН. Вместо этого в Комиссию вошли делегаты 11 стран, «не имевших особых интересов в Иерусалиме». Из советского блока в UNSCOP вошла только Чехословакия. В декабре 1947 г. американский представитель Бенджамин Гериг возглавил Рабочий комитет Совета по опеке, который пытался разработать систему управления для Иерусалима, но действовал нерешительно и, в конечном счете, безрезультатно.

Весной 1948 г. США попытались осуществить через институты ООН некоторую модификацию той части резолюции 181, которая касалась Иерусалима. Речь шла о расширении полномочий губернатора (или Комиссара) Иерусалима. Этим планам сопротивлялись как арабские страны, так и советский блок. При этом Соединенные Штаты не проявляли особой настойчивости, завязнув в бюрократических комбинациях внутри ООН, которые были оторваны от реально происходивших в Иерусалиме событий. В декабре 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН постановила учредить Палестинскую комиссию по примирению, одной из задач которой была разработка постоянной системы международного управления в Иерусалиме. Из трех членов комиссии один – Марк Этридж – представлял США. Говард Сакер пишет, что члены комиссии «действовали с осторожностью, похожей на летаргический сон» причем, американский представитель полностью поддерживал официальную политику Лиги арабских стран в отношении Иерусалима и требовал от Израиля далеко идущих уступок³⁴. Юджин Бовис обращает внимание на антисоветскую направленность в работе комиссии: «Сознавая факт, что постоянное членство СССР в Совете по опеке позволит Советам в значительной мере осуществлять влияние в Иерусалиме, если власть ООН в Иерусалиме будет в ведении Совета по опеке, как предусмотрено резолюцией о разделе {Палестины} 1947 года, Палестинская комиссия по примирению выдвинула в своем проекте условие, что комиссар ООН будет назначен и будет нести ответственность перед Генеральной Ассамблеей, а не перед Советом по опеке»³⁵. Можно видеть, что даже в разгар боевых действий в Иерусалиме американские представители в ООН были больше озабочены защитой собственных геополитических интересов, нежели защитой города и реализацией принципа *corpus separatum*.

Еще через несколько месяцев стало ясно, что интернационализация Иерусалима вообще перестала входить в число американских приоритетов.

«В 1949 г. американская политика начала меняться от поддержки *corpus separatum* в сторону какой-либо формы функциональной интернационализации, – указывает Дон Перец. – Но стало ясно, что как Израиль, так и Иордания решительно возражают против отказа от своей гегемонии над теми частями города, которые они считали своими. В то время как США не выражали явного неудовольствия посте-

пенной интеграцией Иерусалима в повседневную жизнь израильтян и иорданцев, они (США) вместе с тем отказывались прямо признать аннексию. Новая политика рассматривала Иерусалим как «отдельный, нераздельный и интернациональный город, детали управления которым еще предстоит разработать». Госдепартамент утверждал консулов в Иерусалиме «на основе де-факто и без официального введения в звание консула», чтобы избежать любого признания израильского или иорданского суверенитета {над Иерусалимом}³⁶.

*Как видим, хотя лоббистская деятельность отдельных религиозных групп (прежде всего католиков) оказывала определенное влияние на позицию мировых держав и, соответственно, на позицию ООН, данный фактор не был решающим ни при принятии резолюции 181, ни при дальнейших попытках реализации принципа *corpus separatum* для Иерусалима. Другой вывод состоит в том, что поддержка плана интернационализации Иерусалима великими державами оказалась недолговечной.*

*Это позволяет утверждать, что включенный в резолюцию 181 принцип *corpus separatum* не был выражением устойчивого общественного мнения, а стал результатом кратковременного, случайно возникшего баланса (даже не совпадения интересов) наиболее влиятельных сил послевоенного мира.*

Члены ООН, принявшие идею территориальной интернационализации (*corpus separatum*), практически не пытались осуществить ее. Еще 16 февраля 1948 г. Комиссия ООН по Палестине сообщила Совету Безопасности, что не сможет выполнить свои обязанности после окончания британского мандата без помощи военной силы³⁷. Если следовать букве резолюции 181, то следует признать, что ООН несла всю полноту ответственности за предотвращение военных действий в Иерусалиме, коль скоро она провозгласила над ним свою опеку. Однако ни до, ни после упомянутого заявления ООН не приняла сколько-нибудь серьезных мер по защите города. В апреле 1948 г. Генеральная Ассамблея собралась на специальную сессию, где одним из главных обсуждаемых вопросов были меры по защите Иерусалима (к этому моменту еврейская часть города уже, как минимум, три месяца подвергалась атакам и осаде). Единственное, что смогла решить специальная сессия, – переадресовать проблему Совету по опеке. В рамках работы этого органа США, Франция, Австралия выдвигали крайне робкие и трудновыполнимые предложения. Например, Франция предложила немедленно направить в Иерусалим специального представителя ООН, наделив его правом сформировать международную полицию численностью в 1 тыс. человек. Но даже эти инициативы блокировались арабской стороной³⁸. Наконец, по предложению Совета по опеке, Генеральная Ассамблея рекомендовала, чтобы Великобритания назначила в Иерусалим муниципального комиссара, приемлемого как для евреев, так и для арабов. Кроме арабских стран,

против данного решения выступал советский блок: СССР полагал (и не без оснований), что подобный режим превратит Иерусалим в англо-американскую колонию. Буквально за день до окончания срока мандата таким комиссаром был назначен квакер из Филадельфии Гарольд Эванс. Дон Перец пишет по этому поводу: «Из-за своих квакерских взглядов Эванс отказался въехать в Иерусалим с военным эскортом. Поэтому он прождал в Каире до конца июня, когда ушел в отставку и вернулся в США, а пост специального муниципального комиссара остался незанятым»³⁹. Кроме того, из-за искусственных проволочек, организованных противниками назначения комиссара, ООН не успела одобрить тот режим (или статус) Иерусалима, за соблюдение которого должен был отвечать назначенный комиссар. Таким образом, Иерусалим остался без статуса и без губернатора.

ООН самоустранилась от решения вопроса о реализации принципа *corpus separatum*, о защите населения Иерусалима и святых мест. Как указывает Т.Носенко, «защита святых мест больше не входила в число политических приоритетов сильнейших держав мира на Ближнем Востоке... Иерусалимская проблема как часть арабо-израильского конфликта превращалась отныне в один из элементов противоборства Восток – Запад»⁴⁰. Главной задачей, на которой сосредоточилась ООН, стало не осуществление территориальной интернационализации, а создание документа, позволяющего увязать заведомо несовместимые вещи: уже нерелевантный принцип *corpus separatum* и новую реальность, заключавшуюся в разделении города между Израилем и Иорданией. (Даже трагически закончившаяся деятельность прибывшего в Иерусалим в разгар боевых действий посредника ООН графа Ф.Бернадота состояла не столько в попытках немедленно положить конец насилию, сколько в выдвижении новых, нереалистичных планов, отвергнутых враждующими сторонами).

Альтернативой территориальной интернационализации Иерусалима могла бы стать идея функциональной интернационализации. Этот подход заключался в том, чтобы под международным управлением находились расположенные в Иерусалиме святыни, а не сам город. К этому была близка другая идея: распространить контроль мирового сообщества на ту небольшую часть Иерусалима, где компактно расположено большинство святынь (Старый Город). (См. выше предложение Архиепископа Кентерберийского). Учитывая, что Израиль и Иордания фактически поделили между собой Иерусалим, причем линия перемирия была признана ООН, эти два подхода выглядели гораздо более реалистичными, чем догматическое следование принципу *corpus separatum* для всего Иерусалима.

В 1949 г. Израиль предложил Генеральному секретарю ООН заключить соглашение, гарантирующее защиту святых мест в Западном Иерусалиме. Представитель Генсека ООН, согласно этому плану, должен был постоянно находиться в Иерусалиме и наблюдать за вы-

полнением соглашения. При этом Израиль не выдвигал в качестве условия, чтобы аналогичное соглашение было параллельно заключено с Иорданией⁴¹.

Проект резолюции о функциональной интернационализации был внесен также Голландией и Швецией. При этом, сравнивая территориальный и функциональный подходы, голландский представитель заявил от имени своего правительства, что лучше принять даже неполное, но работоспособное решение, нежели держаться за идеальное решение, которое не может быть реализовано на практике⁴². Эта инициатива получила поддержку Канады, Чили, Исландии, Норвегии и, отчасти, США и Великобритании. Израиль выразил желание работать над данным предложением. Однако голландско-шведская инициатива была отвергнута ООН.

Проект резолюции, предусматривающей функциональную интернационализацию, выдвинула также Боливия. Она предложила создать комиссию по выработке соответствующего юридического статуса для священных мест с тем, чтобы этот статус был подтвержден соглашением между ООН, Израилем и Иорданией. Как указывает Юджин Бовис, это предложение вызвало настолько слабый интерес, что представитель Боливии в конечном итоге сам же отозвал его⁴³.

В феврале 1950 г. израильский представитель Абба Эбан вновь заявил Совету по опеке, что Израиль поддерживает и функциональную интернационализацию, и передачу под международный контроль той небольшой части Иерусалима, где расположено большинство священных мест. Он подчеркнул, что эта территория занимает площадь меньше половины кв. мили (согласно карте № 229, составленной самой же ООН в ноябре 1949 г.), в то время как план территориальной интернационализации распространяется на площадь приблизительно в 100 кв. миль. Эти цифры произвели впечатление на представителя Бельгии, который сразу же предложил сузить территорию, подлежащую интернационализации. Однако другие члены Совета по опеке заявили, что этот орган является сугубо исполнительным и должен проводить в жизнь уже принятые решения ООН. Поэтому предложение Бельгии также было отвергнуто⁴⁴.

Возможно, одним из самых многообещающих был план, выдвинутый в конце 1949 – начале 1950 гг. председателем Совета по опеке Роже Гарро (Франция). Гарро предложил разделить Иерусалим на три зоны: израильскую, иорданскую и международную. В международную зону должны были, в частности, войти Армянский, Христианский и Еврейский кварталы Старого Города, в то время как Мусульманский квартал и Храмовая гора оставались в иорданской зоне. Гарро подчеркивал, что его план исходит из того, «что можно исключить из международной зоны, а не из того, что нужно в нее включить». Если другие планы функционалистов затрагивали в основном интересы Иордании (поскольку Старый Город находился под ее кон-

тролем), то согласно плану Гарро, в международную зону должны были примерно в равных пропорциях войти части территорий, контролируемых, соответственно, Израилем и Иорданией. Это обстоятельство, а также статус самого Гарро, казалось бы, должны были придать данной инициативе особый вес. Но Совет по опеке 10 февраля 1950 г. отклонил предложение своего председателя, одоблив инициативу Китая, который настаивал на полной территориальной интернационализации Иерусалима⁴⁵.

В 1950 г. Швеция повторно выдвинула предложение о функциональной интернационализации, которое на этот раз было поддержано не только США и Англией, но также Данией и Австралией (где выборы уже прошли, и новому правительству не нужно было заигрывать с избирателями-католиками). После того, как по предложению американцев, британцев и Уругвая в проект резолюции были внесены некоторые поправки, даже представитель Иордании назвал это предложение приемлемым, но при голосовании в Специальном политическом Комитете⁴⁶ была одобрена другая резолюция, которая снова базировалась на принципе территориальной интернационализации⁴⁷.

Большинство исследователей указывает, что функционалисты не добились успеха из-за противодействия мощного альянса, в который входили страны советского блока, католические государства во главе с Ватиканом и арабские страны (кроме Иордании)⁴⁸.

Действительно, именно эти страны в 1949 г. настояли на принятии резолюции № 303. Однако среди католических государств не было единства: Боливия, Чили, Уругвай поддержали функционалистов, Бельгия предлагала сократить территорию, подлежащую интернационализации. СССР, как уже говорилось, весной 1950 г. перестал поддерживать резолюцию № 303. Юджин Бовис пишет, что выход Советского Союза из этого альянса ослабил «лагерь территориалистов», но не привел к усилению функционалистов⁴⁹. Возникает вопрос, почему же функционалисты оказались столь слабы, если их идеи в значительной степени разделяли США, Великобритания, Франция. Очевидно, здесь сыграли роль три фактора.

Первый состоит в том, что за идеей функциональной интернационализации не стояли по-настоящему серьезные интересы и лоббистские группы. Установление международного контроля только над святыми местами не давало значимых политических дивидендов ни Соединенным Штатам, ни другим державам.

Второй фактор – нежелание Запада обострять отношения с «нефтяным» арабским миром.

Третий фактор связан с бюрократизацией самой ООН. Сложная система комитетов и комиссий, созданных для решения проблемы Иерусалима, оказалась недостаточно гибкой, чтобы принимать новые решения, и механически штамповала старые, несмотря на их очевидную нереалистичность. Так, шведско-голландский проект вообще не

был поставлен на голосование, поскольку альтернативная (предложенная Австралией) резолюция, в соответствии с регламентом голосовалась первой и была принята. План Гарро также был отвергнут благодаря процедурным механизмам.

Фактически деятельность ООН в рассматриваемый период оказалась скорее негативной, чем созидательной:

– приняв, а затем неоднократно формально подтвердив принцип территориальной интернационализации Иерусалима, ООН ничего не сделала для реализации собственного решения, отвергнув при этом другие, более реалистичные инициативы;

– взяв на себя ответственность за судьбу города, ООН не сделала никаких реальных шагов для предотвращения войны или облегчения положения жителей Иерусалима после начала военных действий.

В результате возникло болезненное противоречие между реальным положением дел в Иерусалиме и его международно-правовым статусом. Не была достигнута и первоначально декларируемая цель – защита иерусалимских святынь и обеспечение всем верующим свободного доступа к ним. Как будет показано ниже, Иордания нарушала данный принцип, а ООН на это практически не реагировала.

Несмотря на наличие резолюций № 181 и № 303, следуя духу которых, ООН должна была нести определенную ответственность за судьбу Иерусалима, ее фактические действия в городе после окончания первой арабо-израильской войны в основном не выходили за рамки того, что было записано в иордано-израильском соглашении о перемирии⁵⁰. Роль ООН в подготовке этого соглашения была двусмысленной. С одной стороны, договор готовился тайно, в двустороннем порядке, и когда делегации обеих стран прибыли на греческий остров Родос (где были официально заключены соглашения о перемирии между Израилем и каждой из соседних с ним арабских стран), они имели на руках готовый текст. Конференцию, на которой Израиль и Иордания под патронажем ООН официально подписали договор (3 апреля 1949 г.), израильский историк Рафаэль Исраэли называет «в основном церемониальной»⁵¹. С другой стороны, в тексте соглашения были не только формальные ссылки на некоторые документы ООН, но и статья, предусматривавшая непосредственное участие ООН в наблюдении за выполнением соглашения. Речь шла о создании Смешанной комиссии по перемирию в составе 5 человек: двое с израильской стороны, двое – с иорданской, и председатель, представляющий ООН. Председателем должен был быть либо руководитель персонала Организации ООН по соблюдению перемирия (UNTSO)⁵², либо старший офицер из персонала наблюдателей ООН.

Понятно, что эти пункты не могли быть включены в договор без согласования с ООН, которая, следовательно, все же имела возмож-

ность влиять на содержание соглашения. В частности, она могла бы повлиять на содержание статьи VIII. Эта статья была чрезвычайно важной, поскольку гарантировала свободный доступ к святым местам. Статья VIII устанавливала, что за соблюдением этого будет следить Специальный комитет, составленный из представителей Израиля и Иордании. Участие в работе комитета третьей стороны не предусматривалось, и это превращало его в «мертворожденную», по выражению Р.Израэли, структуру⁵³. Не совсем понятно, почему Израиль, который был больше, чем Иордания, заинтересован в выполнении статьи VIII (ведь еврейские святыни, включая Стену Плача и кладбище на Масличной горе, находились в иорданском секторе Иерусалима), согласился создать Специальный комитет в таком составе. Возможно, он не смог добиться от Иордании большего. Возможно, сыграло роль вполне объяснимое недоверие Израиля к ООН и желание добиваться мира с арабскими соседями напрямую. Могло сказаться и существовавшее в то время в Израиле мнение, что заключение перемирия вскоре приведет к полноценному миру и вмешательство третьей стороны не потребуется. Однако если полагать, что забота ООН о святых местах и паломниках была искренней, и если это по-прежнему оставалось для мирового сообщества приоритетом, то можно было бы ожидать, что ООН попытается внести поправки в текст соглашения. Этого не произошло. Более того, ООН согласилась с тем, что Смешанная комиссия по перемирию не может вмешиваться в вопросы, относящиеся к исключительной компетенции Специального комитета. Помимо органов, предусмотренных иордано-израильским соглашением, в Иерусалиме находились военные наблюдатели UNTSO, но и они не проявляли интереса к выполнению статьи VIII. На практике это означало еще один шаг в самоустранении ООН от решения вопроса о святых местах.

Последствия были легко предсказуемы: Иордания закрыла доступ евреям к святым местам иудаизма, многие синагоги в Восточном Иерусалиме были разрушены, кладбище на Масличной горе осквернено. Даже арабы, живущие в Израиле, были лишены свободного доступа к мусульманским и христианским святыням в иорданском секторе города. Т.Носенко указывает, что несмотря на уважение Иордании к сохранности святых мест христианства, в 1953 г. ее правительством были приняты законы, «ужесточившие правительственный контроль за деятельностью христианских учреждений и налагавшие ограничения на приобретение ими недвижимости. В Восточном Иерусалиме усилились бюрократические притеснения и дискриминационные меры в отношении христиан, приводившие к оттоку христианского населения из города: с середины 50-х годов до 1967 г. его численность сократилась с 17 до 12 тысяч человек»⁵⁴. Согласно данным американского исследователя Саула Коэна, в 1967 г. в Восточном Иерусалиме осталось 10795 христиан, и за период с 1946 г. удельный

вес христианской общины среди нееврейского населения Иерусалима сократился с 45% до 17%⁵⁵.

Даже это обстоятельство не заставило ООН вмешаться, хотя, согласно статье XI, Смешанная комиссия по перемирию могла «время от времени» давать Израилю и Иордании рекомендации по соблюдению соглашения.

Что касается контроля над прекращением огня и соблюдением временной границы, то и в этом вопросе представители ООН действовали неудовлетворительно. Инциденты происходили постоянно, иногда продолжались несколько дней и зачастую приводили к гибели людей, причем даже независимые исследователи признают, что в большинстве случаев вина лежала на иорданской стороне. Ситуация особенно обострилась, когда с территории Иордании начались рейды боевиков ООП. Представители ООН не только смотрели сквозь пальцы на эти нарушения, но и сами порой вольно или невольно провоцировали их. Р.Исраэли, который сам был членом Смешанной комиссии по перемирию, приводит пример, когда причиной конфликта стало наличие у противоборствующих сторон двух противоречащих друг другу карт местности, подписанных одним и тем же представителем ООН⁵⁶.

«Постепенно руководители персонала UNTSO пришли к выводу, что они мало что могут сделать, и получили совет сохранять статус-кво и воздерживаться от хлопот, нацеленных на разрешение трудных, фундаментальных вопросов», – пишет Исраэли⁵⁷.

Если суммировать различные замечания Р.Исраэли, безусловно, одного из самых авторитетных исследователей эпохи иордано-израильского перемирия в Иерусалиме, то можно назвать следующие причины неэффективных действий ООН в этот период:

1. ООН не имела опыта проведения миротворческих операций и не знала, как действовать в тех регионах, где уклад жизни отличался от европейского⁵⁸.

2. Начиная с середины 50-х годов руководство ООН стало вести себя менее энергично, все чаще проявляя слабость. Между тем именно в это время напряженность в городе стала расти⁵⁹.

3. ООН применяла ошибочную практику назначения руководителей персонала UNTSO из нейтральных стран, «которые – так же, как и сам Генеральный секретарь, – интерпретировали нейтралитет как беспечность»⁶⁰.

4. Официальные лица ООН воспринимали перемирие не как порядок, который нужно неукоснительно соблюдать, а как некое временное и неопределенное положение дел, отношение к которому можно легко менять в зависимости от политического давления различных сил⁶¹.

5. Руководство ООН все чаще уступало давлению арабских и мусульманских стран, в результате чего представители ООН в Иерусалиме утрачивали объективность и беспристрастность⁶².

6. Члены многочисленных структур ООН, созданных для поддержания перемирия, опасались, что если перемирие перерастет в настоящий мир, их структуры будут распущены, а они лично потеряют престижные должности⁶³.

Несомненно, заслуживает внимания еще один аспект. Если евреи в Западном Иерусалиме ощущали себя израильянами и не мыслили себе иного будущего, кроме жизни в своем государстве, то отношение арабов Восточного Иерусалима к иорданскому правлению было не столь однозначным. Между лидерами иерусалимских арабов и правительством в Аммане существовали серьезные трения, в городе неоднократно вспыхивали антииорданские выступления⁶⁴. В 50-е годы палестинское национальное самосознание, в том числе в Иерусалиме, стало расти. Этот процесс остался для ООН незамеченным. Вопрос о палестинцах, оказавшихся под управлением Иордании, и их праве на самоопределение ни разу не был поднят в ООН, не говоря уже о принятии каких-либо документов на этот счет. Разумеется, такая политика вела к дальнейшему усложнению проблемы Иерусалима.

Присутствие представителей ООН в Иерусалиме в годы перемирия, с одной стороны, помогало предотвращать некоторые инциденты и не допускать их расширения. Вместе с тем ООН:

- сделала гораздо меньше, чем была должна, для предотвращения вспышек насилия;*

- не пыталась способствовать перерастанию перемирия в нечто более прочное или хотя бы сближению позиций сторон;*

- не реагировала на ущемление прав верующих со стороны Иордании;*

- не проявила никакого внимания к росту национальных требований палестинцев в Восточном Иерусалиме.*

Переход Восточного Иерусалима под контроль Израиля в ходе Шестидневной войны 1967 г., а также немедленное принятие Израилем законов, означавших аннексию этой части города и ее включение в состав своей столицы, создали принципиально новую ситуацию.

С юридической точки зрения, в первые пять месяцев после окончания войны еще не существовало международно-правовых документов, обязывающих Израиль уйти с оккупированных территорий. Кроме того, было непонятно, кому конкретно Израиль должен (если должен) вернуть Восточный Иерусалим. Прежний владелец – Иордания – являлся таким незаконно, если считать, что резолюции о «corpus separatum» не утратили силу. Палестинские арабы не были представлены какой-либо официальной организацией, которая могла бы претендовать, в частности, на Восточный Иерусалим. Сама по себе ООН – формальный опекун города – не была готова взять Восточный Иерусалим под свое управление и была далека от постановки вопроса об этом.

С точки зрения практической политики (и этот аспект летом-осенью 1967 г., конечно, имел гораздо большее значение, чем юридические кол-

лизии), ведущие мировые державы находились только в начале поиска компромиссной оценки итогов войны и видения перспектив ситуации в регионе. Такой компромисс оформился лишь 22 ноября в виде резолюции Совета Безопасности № 242.

Поэтому первые резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (№№ 2253 и 2254) несли весьма необычную смысловую нагрузку: в них говорилось только о том, чего Израиль *не должен* делать, – изменять статус города. Но ничего не было сказано о том, в чем заключается этот статус и какие шаги Израиль *должен* предпринимать. Резолюции 181 и 303, принцип «*corpus separatum*» в этих документах вообще не упоминались.

Единственная резолюция предписывающего, а не только запрети-тельного характера – резолюция Совета Безопасности № 237 от 14 июня 1967 г. – требовала от Израиля защищать права мирного населения, беженцев и военнопленных в соответствии с 4-й Женевской конвенцией. Поскольку в Конвенции содержится запрет на аннексию оккупированной территории и на перемещение населения (в данном случае израильского населения) на эту территорию, то позднее данная резолюция стала интерпретироваться как запрет на строительство новых районов в Восточном Иерусалиме, изменение демографической структуры и ландшафта города. (Такая трактовка содержится, например, в постановлении ГА ООН от 28 октября 1977 г.). Однако в резолюции 237, во-первых, говорилось только о защите мирного населения и о военнопленных, во-вторых, там не упоминался Иерусалим⁶⁵.

Ясность по поводу предъявляемых к Израилю требований, касающихся Иерусалима, могло внести только всеобъемлющее решение, предписывающее враждующим сторонам действия, необходимые для установления мира. Сегодня таким документом принято считать упомянутую выше резолюцию Совета Безопасности № 242.

Эта резолюция готовилась в условиях жесткой борьбы между СССР и США за влияние на Ближнем Востоке. Между СССР и его главными арабскими союзниками – Египтом и Сирией – существовали разногласия по поводу арабского тезиса о необходимости уничтожения Израиля. СССР пытался убедить Г.Насера отказаться от такого подхода. Серьезные трения происходили также внутри лагеря арабских стран. В кулуарах ООН обсуждалось несколько проектов резолюции, в том числе советский, но осенью стало ясно, что только проект Великобритании, в разработке которого участвовал также американский представитель в ООН Артур Голдберг, имеет шансы получить необходимое большинство голосов. В английском проекте содержалось требование к Израилю вывести войска с оккупированных территорий. Советский Союз и арабские страны пытались усилить данное требование, чтобы оно звучало «со всех оккупированных территорий». В конечном счете, арабские страны и СССР были вынуждены согласиться с английским вариантом. Решающую роль здесь сыграли два соображения. Во-первых, арабы опасались, что если их поправка

будет отклонена на голосовании, это подорвет их позиции и усилит позиции Израиля. Во-вторых, СССР опасался (и убеждал в этом арабов), что отклонение английского проекта приведет к тому, что вообще не будет принято никакой резолюции.

Сегодня ряд авторов, в частности Дори Голд, указывает, что отсутствие слова «всех» {оккупированных территорий} было связано с вопросом об Иерусалиме: «Голдберг писал спустя годы в обозрении прошлого: «Является фактом, что я никогда не описывал Иерусалим как оккупированную территорию». Он {Голдберг} указывал, что «резолюция 242 никоим образом не относится к Иерусалиму, и этот пропуск был преднамеренным»⁶⁶.

Кроме приведенных слов Голдберга, нет ясных свидетельств, что в 1967 г. США рассуждали именно таким образом. Неясно также, делился ли Голдберг своим пониманием иерусалимского вопроса с главным составителем резолюции лордом Карадонем. Прямые свидетельства, что СССР воспринимал спор вокруг слова «всех» как спор по поводу Иерусалима, также отсутствуют. Вместе с тем некоторые документы косвенно указывают, что такое понимание все-таки имело место. Так, 22 июня 1967 г. глава делегации ОАР на чрезвычайной специальной сессии ГА ООН М.Фавзи в беседе с главой советского МИД А.Громыко подчеркивал, что «главным вопросом для ОАР является вывод израильских войск... Имеется в виду повсеместный вывод войск Израиля, *включая и Иерусалим*»⁶⁷. (Курсив мой). 19 октября 1967 г. советский посол в США А.Добрынин телеграфировал в МИД: «Представители США избегают пока четко формулировать свою позицию о границах. Однако у нас складывается впечатление, что и в этой позиции также происходит... эволюция в сторону ужесточения, а именно готовится попытка поставить под сомнение *не только статус Иерусалима*, но одновременно и Газы и оккупированной части Иордании»⁶⁸. (Курсив мой).

Судя по этим и некоторым другим эпизодам, участники переговоров все же понимали: если в тексте резолюции будет «лазейка», разрешающая Израилю не выводить войска с какой-то части оккупированных территорий, то в первую очередь Израиль использует это для обоснования своих прав именно на Иерусалим.

21 июля президент Ливана Шарль Хелу в беседе с советским послом П.Дедушкиным выразил уверенность, что «Израиль никогда, даже если ему будут предоставлены все юридические права, в том числе и признание этой страны арабами, не откажется от аннексии арабской части города Иерусалима»⁶⁹. 18 октября такое же мнение высказал министр иностранных дел ОАР Риад. «Если Израиль согласится уйти со всех оккупированных им территорий, то можно будет решить и вопрос об открытии Суэцкого канала. Но всем совершенно ясно, что Израиль не уйдет из Иерусалима, и в этих условиях не возникнет вопроса о практическом осуществлении принципа свободы судоходства», – сказал он в беседе с замминистра иностранных дел СССР В.Кузнецовым⁷⁰.

Как видим, арабские лидеры усматривали для себя даже определенную выгоду в том, что Восточный Иерусалим временно останется в руках Израиля. В той же беседе с советским послом Ш.Хелу заявил: «Если Израиль не возвратит Иерусалим, то возникает возможность восстановить против этого искусственного государства один миллиард верующих мусульман и христиан, святые места которых захвачены Израилем. К сожалению, в настоящее время проблема Иерусалима утонула среди многих других проблем, и пока не представляется возможным начать широкую пропагандистскую кампанию в этом направлении. Однако проблема Иерусалима является сильным запасным козырем, и она должна быть использована в подходящее время». Аналогичную мысль высказал в разговоре с А.Громыко М.Фавзи. Примечательно, что в этой беседе Громыко неодобрительно высказался о подготовленном несколькими латиноамериканскими странами проекте особой резолюции по Иерусалиму: это, по мнению Громыко, осложнило бы положение и лишило бы проект резолюции о выводе войск срочности и остроты. «Лучше, если латиноамериканский проект будет представлен позже», – заявил глава советского МИД⁷¹.

Юджин Бовис пишет, что арабские страны и СССР со своими восточноевропейскими союзниками (кроме Румынии) требовали возвращения Восточного Иерусалима именно Иордании⁷². Это утверждение выглядит, с одной стороны, логично, если учесть, что СССР за 17 лет до Шестидневной войны отозвал свою поддержку резолюции 303. Но в советском проекте резолюции, который озвучил на V чрезвычайной сессии ГА ООН (летом 1967 г.) А.Косыгин, этого прямо не говорилось⁷³. В архивных документах советского МИД, вошедших в цитируемый здесь сборник «Ближневосточный конфликт», тоже нет указаний, что СССР выступал за возврат Восточного Иерусалима именно под иорданский контроль. Нет в этих документах и требований такого рода со стороны Г.Насера и его министров. Возможно, советские представители высказались более определенно в личных беседах во время визита в Москву короля Хуссейна осенью 1967 г. Учитывая, что Иордания не была в числе друзей Советского Союза и что арабские страны прежде были недовольны нахождением иерусалимских святынь под контролем короля Хусейна, а также понимая, что Израиль из Восточного Иерусалима не уйдет, скорее всего СССР предпочел не акцентировать свою позицию в данном вопросе.

Проведенный анализ позволяет сделать два вывода.

1. Даже если участники переговоров не были абсолютно уверены, что отсутствие слова «всех» в английском проекте резолюции было связано с вопросом Иерусалима, то они, во всяком случае, осознавали высокую вероятность именно такой трактовки.

2. Участники переговоров сознательно, каждый из своих конъюнктурных соображений избегали ясности по поводу Иерусалима в готовившейся резолюции.

В результате резолюция 242 только усилила правовую неразбериху в вопросе об Иерусалиме.

Впоследствии эта неопределенность стала, в свою очередь, порождать еще большую неопределенность.

В 1968 г. Совет Безопасности ООН принял две резолюции против проведения израильского военного парада в Иерусалиме. В этих резолюциях ничего не говорилось о статусе и юридической принадлежности города, а негативное отношение к параду аргументировалось только нежелательностью дальнейшего усиления напряженности в регионе. В таком же духе был выдержан еще ряд резолюций, принятых в 1969 и 1971 гг.

В 1977 г., в резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 28 октября была включена фраза «арабские территории, оккупированные с 1967 года, включая Иерусалим». Понятно, что определение Иерусалима как арабской территории противоречило принципу «*corpus separatum*».

В 1980 г. и Генеральная Ассамблея, и Совет Безопасности принимают резолюции, где после многолетнего перерыва упоминается «специфический статус» Иерусалима и делается ссылка на резолюцию 181 (1947 г.). По всей видимости, столь неожиданная реанимация тезиса об «особом статусе» была связана с принятием в Израиле Основного закона об Иерусалиме, который ООН осудила и провозгласила недействительным.

При этом 30 июня 1980 г. Совет Безопасности вновь характеризует Иерусалим как *арабскую* территорию, оккупированную в 1967 г., а Генеральная Ассамблея 15 декабря вводит новую формулировку: «*палестинские и другие арабские* территории, оккупированные с 1967 г., включая Иерусалим».

Наконец, в резолюции Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1981 г. путаница достигает предела: в разделе «D» сделана ссылка на *резолюцию 181*; в этом же разделе Иерусалим вновь определен как часть «*палестинских и других арабских территорий*»; и наконец, в разделе «F» употреблена формулировка «*палестинские территории*, оккупированные Израилем с 1967 года, включая Иерусалим».

Эти нюансы, возможно, не имели практического значения до тех пор, пока Израиль категорически отказывался обсуждать вопрос об Иерусалиме. Но после того, как в соответствии с соглашениями Осло Израиль и палестинцы в принципе договорились включить эту тему в повестку дня будущих переговоров, созданная ООН правовая неразбериха превратилась в серьезный фактор. За период с конца 40-х годов по середину 70-х образ действий ООН по поводу Иерусалима и арабо-израильского конфликта в целом сильно изменился. В этой эволюции прослеживаются три стадии.

Вначале ООН действовала и как самостоятельный субъект политики, и как специфическое место, где различные страны и блоки отстаивали свои интересы. На следующем этапе сохранилась только

вторая из этих функций. С этой точки зрения интересно сравнить образ действий графа Ф.Бернадота в 1948 г. и доктора Э.Тальманна (Швейцария), которого Генеральный Секретарь ООН У-Тан направил в качестве своего посланника в Иерусалим после Шестидневной войны. Ф.Бернадот прибыл в Иерусалим в разгар боевых действий, пытался способствовать перемирию и не только направил в ООН свои наблюдения, но и выдвинул собственный – пусть неудачный – план урегулирования. Э.Тальманн был направлен в Иерусалим только через два месяца после окончания войны и ограничился докладом об обстановке без каких-либо конкретных рекомендаций⁷⁴. При подготовке резолюции 242 и Генеральный Секретарь ООН, и его посланник играли минимальную роль, все решали прямые контакты между ведущими державами. Е.Пырлин описывает ситуацию, в которой была принята эта резолюция, как «мимолетное сближение позиций Советского Союза и США»⁷⁵. Наконец, на третьем этапе большая часть миротворческих инициатив вообще стала осуществляться в обход ООН. Переговоры проходили либо по инициативе обеих сверхдержав (Женевская конференция в декабре 1973 г.), либо – и гораздо более успешно – при посредничестве США (египетско-израильское мирное соглашение, а через 13 лет Мадридская конференция), либо напрямую между враждующими сторонами (тайные переговоры в Осло в 1993 г.).

Роль ООН в 70-е и 80-е годы свелась к ежегодному штампованию практически одинаковых антиизраильских резолюций, когда можно было заранее предсказать не только содержание документа, но и позицию каждой страны («за», «против», «воздержался»). Как правило, эти резолюции содержали:

- описание Иерусалима как арабской (или палестинской) территории, оккупированной Израилем в 1967 г.;
- требование к Израилю отойти к довоенной границе 1967 г.;
- признание незаконными всех действий Израиля, «направленных на изменение статуса Иерусалима», – от принятия Основного закона о провозглашении Иерусалима столицей страны до строительства новых кварталов и даже проведения археологических раскопок в городе;
- призыв к государствам, имеющим дипломатические миссии в Иерусалиме, вывести их оттуда.

Казалось бы, приняв столь безжизненную и консервативную линию, ООН не могла больше оказывать никакого влияния на ситуацию – ни положительного, ни отрицательного. Но в действительности влияние было негативным. Во-первых, как мы уже видели, год за годом, благодаря принимавшимся резолюциям, усугублялась юридическая запутанность международно-правовой ситуации вокруг Иерусалима. Во-вторых, отсутствие попыток сблизить позиции сторон способствовало еще большему закреплению взаимной враждебности. Единственное, что можно в этот период записать в «актив» ООН, –

это то, что она, по крайней мере, не мешала тем усилиям, которые привели к дипломатическому прорыву в начале 90-х годов. Впрочем, в условиях ослабления СССР и усиления роли Соединенных Штатов ООН и не смогла бы, и не захотела бы сопротивляться американской дипломатической гегемонии в регионе. Как бы то ни было, следует признать, что «процесс Осло» начался *не благодаря, а вопреки* той атмосфере, которую создавали документы ООН 70–80-х годов.

В соглашениях Осло Израиль и ООП впервые договорились включить проблему Иерусалима в повестку дня переговоров, правда, лишь на заключительных этапах.

В то время в обстановке всеобщей эйфории мало кто вспоминал, что резолюция 181 формально не признает прав на Иерусалим ни за палестинцами, ни за израильянами.

Эта мина замедленного действия взорвалась 1 марта 1999 г., когда в ответ на призыв израильских властей к европейским дипломатам воздержаться от посещения палестинского политического брифинга в «Ориент-Хаус» (в Восточном Иерусалиме) посол Германии заявил: «ЕС подтверждает свою известную позицию, касающуюся особого статуса Иерусалима как *corpus separatum*». Поскольку Германия в тот период являлась страной-председателем ЕС, данное заявление было воспринято как позиция всего Европейского Союза. Никаких попыток отмежеваться от этой позиции со стороны какой-либо страны, входящей в ЕС, не последовало. «Заявление ЕС только радикализует палестинскую позицию, — указывает Дори Голд. — 14 марта {1999 г.} Абу-Ала констатирует в «Аль-Айят»: «Письмо ЕС подтверждает, что Иерусалим в обеих его частях — западной и восточной — является оккупированной землей». Через несколько дней с аналогичными по своей сути заявлениями выступили Ясер Арафат и наблюдатель ООП в ООН⁷⁶.

Дипломаты и политические исследователи заговорили о серьезных расхождениях в подходе к проблеме Иерусалима между Европой и США. «Новая позиция ЕС состоит в том, чтобы усиливать значение резолюции о разделе Палестины по сравнению с тем, что было принято в Осло в качестве правового руководства {легитимации} мирного процесса», — писал израильский политолог Йотам Фелднер (Middle East Media and Research Institute — MEMRI). По его мнению, ЕС стремится вывести мирный процесс за двусторонние рамки⁷⁷.

Д.Голд указывает, что администрация Клинтона сопротивлялась таким попыткам. «Выступая на ежегодной политической конференции AIPAC⁷⁸, вице-президент Эл Гор решительно отверг попытки ООП переопределить основу переговоров Израиля и ООП с резолюции ООН 242 на резолюцию 181». Это «ясно поставило США в позицию, отличную от Европейского Союза»⁷⁹.

Еще сильнее негативное влияние юридической неразберихи по поводу Иерусалима проявилось во время переговоров в Кэмп-Дэвиде в 2000 г. На этом саммите Б.Клинтон выдвинул план раздела Иеруса-

лима на основе сегодняшних демографических реалий: районы, населенные арабами, предлагалось передать под палестинское управление, а еврейские районы, в том числе в Восточном Иерусалиме, включить в состав Израиля. Израильская делегация во главе с премьером Эхудом Бараком сделала беспрецедентную уступку, согласившись на эти предложения. Палестинская делегация их отвергла. Это предопределило провал саммита и, как стало ясно спустя несколько месяцев, всего «процесса Осло».

Мнения о том, почему администрация Арафата не воспользовалась в Кэмп-Дэвиде таким шансом, разделились. Одну точку зрения представляют, в частности, участники кэмп-дэвидских переговоров Хусейн Ага и Роберт Малли. Они указывают, что предложения Клинтона поставили палестинцев перед сложной проблемой. Согласиться – означало отойти от буквы резолюций ООН, а палестинцы считают эти резолюции своим важнейшим политическим капиталом⁸⁰. Отказаться – значило фактически сорвать переговоры. В тех конкретных условиях, которые сложились перед саммитом и во время его проведения, палестинцы не решились принять план Клинтона. Хотя эта проблема, по мнению авторов, была не единственной, тем не менее негативное воздействие многолетней практики ООН по принятию взаимоисключающих резолюций в срыве кэмп-дэвидских переговоров очевидно.

Другая точка зрения состоит в том, что палестинцы изначально были неискренни в своих заявлениях о стремлении к миру; что на самом деле администрация Арафата по-прежнему мечтает о захвате всего Иерусалима; что террористическая сущность ООП не изменилась, а ее участие в «процессе Осло» было широкомасштабным обходным маневром. Если принять эту точку зрения, то нужно признать и другое: неоправданные амбиции палестинской стороны во многом подпитывала именно многолетняя, начавшаяся еще в период иордано-израильского перемирия проарабская линия ООН. Если, как мы видели, ООН, с одной стороны, отказывалась юридически признать права Израиля даже на Западный Иерусалим, и в то же самое время называла Восточный Иерусалим «палестинской территорией, оккупированной Израилем», то такая позиция неизбежно поощряла экстремистские настроения в палестинском лагере.

Таким образом, как первая, так вторая точка зрения на причины провала кэмп-дэвидских переговоров заставляет сделать вывод, что ООН несет значительную долю вины за этот крах.

После прекращения «процесса Осло» положение в Иерусалиме резко обострилось, усилился террор против израильского гражданского населения со стороны палестинских экстремистов, в «интифаде» впервые приняли участие арабы, живущие в Восточном Иерусалиме. В этой ситуации ООН вернулась к той линии, которую она проводила до 90-х годов. Резолюция Совета Безопасности № 1322 от 7 октября 2000 г. была выдержана в откровенно проарабском духе⁸¹.

Визит А. Шарона на Храмовую гору (28 сентября) был охарактеризован как провокация и фактически назван причиной вспышки насилия в городе. Причинно-следственная связь между начавшимися беспорядками и провалом кэмп-дэвидских переговоров игнорировалась. В тексте резолюции говорилось об убитых палестинцах и «других жертвах», о «чрезмерном использовании силы против палестинцев», но не было ни слова о терроре против израильтян. Резолюция Генеральной Ассамблеи № 56/36 от 3 декабря была несколько менее резкой, но тоже обходила стороной тему палестинского терроризма. К сожалению, в этой резолюции продолжилась практика запутывания юридического статуса Иерусалима. В документе содержались сразу четыре противоречащих друг другу пункта: ссылка на резолюцию № 181, описание Иерусалима как «оккупированной палестинской территории», формулировка «оккупированный Восточный Иерусалим и оккупированная палестинская территория», а также ссылка на соглашения Осло, которые, как известно, предусматривают решение проблемы Иерусалима в двустороннем порядке палестинцами и Израилем⁸².

Некоторые изменения в риторике ООН, в частности осуждение палестинского терроризма, произошли только в 2002 г. Начался период, когда ООН выступает в принципиально новой для себя роли – одного из коспонсоров ближневосточного урегулирования наряду с двумя государствами (США и Россией) и одним межгосударственным образованием (Европейский Союз).

До сих пор «квартет» принял лишь один документ, где затрагивается проблема Иерусалима – план «Дорожная карта»⁸³. В тексте говорится, что на третьем этапе, который называется «Достижение соглашения об окончательном урегулировании и завершение палестино-израильского конфликта», будет созвана Вторая международная конференция. Ее цели – «утверждение договоренности о создании палестинского государства во временных границах и официальное начало процесса при активной, последовательной и оперативной поддержке «квартета», что приведет к достижению в 2005 г. соглашения об окончательном урегулировании, включая вопросы о границах, Иерусалиме, беженцах и поселениях, а также скорейшее достижение всеобъемлющего урегулирования с Сирией и Ливаном». Такая формулировка выглядит очень расплывчатой. С одной стороны, как следует из названия третьего этапа, решение вопроса об Иерусалиме рассматривается как элемент урегулирования двустороннего палестино-израильского конфликта. С другой стороны, вопрос об Иерусалиме увязывается с международной конференцией и даже с достижением израильско-сирийского и израильско-ливанского урегулирования. Конечно, сейчас уже очевидно, что ничего подобного в 2005 г. не произойдет, но «Дорожная карта» по-прежнему формально рассматривается «квартетом», включая ООН, как главный на сегодняшний день план урегулирования, пусть даже с изменившимися сроками.

Является ли содержащаяся в «Дорожной карте» формулировка новым усложнением международно-правовой базы, касающейся Иерусалима, или это, наоборот, первая, хотя и неудачная, попытка найти выход из юридического тупика? Какова будет дальнейшая роль ООН в решении проблемы Иерусалима; в частности, какую позицию она займет, если возобновится спор между США и Евросоюзом о релевантности резолюции № 181? На эти и многие другие вопросы, связанные с эволюцией позиции ООН, пока нет ответа. Но в любом случае, как представляется, ООН и другие посредники должны выступать – в «Дорожной карте» и других, будущих инициативах – не просто в роли советчиков, а нести – по крайней мере, в глазах мирового общественного мнения – ответственность за свои решения и предложения. Отсутствие такой ответственности на протяжении последних почти 60 лет привело к тому, что роль ООН в разрешении проблемы Иерусалима зачастую оказывалась деструктивной.

¹ Носенко Т. Иерусалим. Три религии – три мира. – Москва: Олма-пресс, 2003, с. 350.

² Авива Халамиш. Иерусалим в период британского мандата. – Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1998, с. 173.

³ См. в частности, материалы симпозиума CCAS (1996): Don Peretz, America and Jerusalem. Опубликовано на сайте www.ccasonline.org/symposium/peretz.htm

⁴ Воробьева И.А. Русские миссии в Святой земле в 1847–1917 годах. – М.: Институт востоковедения РАН, 2001, с. 148–149.

⁵ Советско-израильские отношения: сборник документов. Т. 1: 1941–1953, в 2 кн. Кн. 1: 1941 – май 1949. – М.: Международные отношения. С. 331–332. Документ 136, «Письмо председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР Г.Г. Карпова первому заместителю Министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому».

⁶ Там же. С. 361. Документ 157. «Письмо заместителя министра иностранных дел СССР В.А. Зорина председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР Г.Г. Карпову».

⁷ Там же. С. 405. Документ 182. «Распоряжение Совета министров СССР о выезде в Израиль Русской духовной миссии».

⁸ Там же. С. 187–190. Документ 74. «Записка советника МИД СССР Б.Е. Штейна первому заместителю Министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому».

⁹ Там же. С. 266. Документ 103. «Телеграмма заместителя Министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского Министру иностранных дел СССР В.М. Молотову, из Нью-Йорка».

¹⁰ Ближневосточный конфликт: Из документов Архива внешней политики Российской Федерации. 1947–1967. В 2 тт. Том 1. 1947–1956 / Отв. Редактор В. Наумкин. – М.: Фонд «Демократия», 2003. С. 27–28. Документ 8. «Заключение советника МИД СССР Б.Е. Штейна «О проекте статута Иерусалима, выработанного Специальным комитетом Совета по опеке».

¹¹ Там же. С. 70–72. Документ 35. Записка «предварительные выводы о позиции евреев в палестинском вопросе.

¹² Советско-израильские отношения. Т. 1: 1941–1953. С. 407–408. Документ 184. «Записка Министра иностранных дел СССР В.М. Молотова Генеральному Секретарю ЦК ВКП(б), Председателю Совета министров СССР И.В. Сталину».

¹³ Ближневосточный конфликт. Т. 1. 1947–1956. С. 116. Документ 62. «Записка Министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского Генеральному Секретарю ЦК ВКП(б), Председателю Совета министров СССР И.В. Сталину».

¹⁴ Там же. С. 119. Документ 66. «Проект постановления ЦК ВКП(б) об утверждении указания постоянному представителю СССР при ООН Я.А. Малику по вопросу об Иерусалиме».

¹⁵ См. в частности, Н. Eugene Bovis. The Jerusalem Question, 1917–1968. – Stanford: Hoover Institutions Press, Stanford University, 1971. С. 89.

¹⁶ Там же, с. 90.

¹⁷ Сакер Г. История Израйля. Том 3. От Войны за Независимость до Шестидневной войны. – Иерусалим: «Библиотека – Алия», 1995, с. 116.

¹⁸ Там же, с. 115.

¹⁹ Н. Eugene Bovis. The Jerusalem Question, с. 72.

²⁰ Там же, с. 74.

²¹ Там же, с. 90.

²² Don Peretz. America and Jerusalem. Опубликовано на сайте www.ccasonline.org/symposium/peretz.htm

²³ Н. Eugene Bovis. The Jerusalem Question, с. 48.

²⁴ Там же, с. 76.

²⁵ Авира Халамиш. Иерусалим в период британского мандата, с. 149.

²⁶ Там же, с. 157.

²⁷ Там же, с. 163.

²⁸ Don Peretz. America and Jerusalem.

²⁹ Н. Eugene Bovis. The Jerusalem Question, с. 48.

³⁰ Там же, с. 76.

³¹ Там же, с. 74.

³² Don Peretz, America and Jerusalem.

³³ См., в частности: Зайцева О. Проблема Иерусалима в палестино-израильском конфликте и в международных отношениях // Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии / Под редакцией А.Д.Эпштейна. – М.: Институт изучения Израйля и Ближнего Востока, 2004.

³⁴ Говард Сакер. История Израйля. Т. 3, с. 110.

³⁵ Н. Eugene Bovis. The Jerusalem Question, с. 72.

³⁶ Don Peretz. America and Jerusalem.

³⁷ Н. Eugene Bovis. The Jerusalem Question, с. 52.

³⁸ Там же, с. 53–54.

³⁹ Don Peretz. America and Jerusalem.

- ⁴⁰ Носенко Т. Иерусалим. Три религии – три мира, с. 364.
- ⁴¹ H. Eugene Bovis. The Jerusalem Question, с. 75.
- ⁴² Там же, с. 77.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же, с. 86.
- ⁴⁵ Там же, с. 83–84.
- ⁴⁶ Специальный комитет по палестинскому вопросу (Ad Hoc Committee on the Palestinian Question) был учрежден Генеральной Ассамблеей ООН 23 сентября 1947 г.
- ⁴⁷ H. Eugene Bovis. The Jerusalem Question, с. 90–91.
- ⁴⁸ Арабские страны отвергли резолюцию № 181, но после поражения в первой войне с Израилем изменили свою позицию и стали настаивать на полной территориальной интернационализации Иерусалима. Это объяснялось не только их антиизраильской политикой, но и недовольством по поводу усиления Иордании, которая овладела мусульманскими святынями в Иерусалиме. Но Иордания в любом случае не могла бы входить в арабский блок в ООН, потому что в рассматриваемый период еще не была членом ООН.
- ⁴⁹ H. Eugene Bovis. The Jerusalem Question, с. 90.
- ⁵⁰ Полный текст иордано-израильского соглашения о перемирии дан в приложении к книге: Raphael Israeli. Jerusalem divided. The Armistice Regime 1947–1967. – London: Frank Cass, 2002, с. 110.
- ⁵¹ Там же, с. 26.
- ⁵² UN Truce Supervision Organization (UNTSO) была создана на основании резолюции Совета Безопасности ООН от 29 мая 1948 г. и представляла собой корпус военных наблюдателей.
- ⁵³ Raphael Israeli. Jerusalem divided, с. 41.
- ⁵⁴ Носенко Т. Иерусалим. Три религии – три мира, с. 369.
- ⁵⁵ Saul Cohen. Jerusalem. Bridging the four Walls. A Geopolitical Perspective. – New York: Herzl Press, 1977. С. 70.
- ⁵⁶ Raphael Israeli. Jerusalem divided, с. 155.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же, с. 153.
- ⁵⁹ Там же, с. 154.
- ⁶⁰ Там же, с. 155.
- ⁶¹ Там же, с. 157.
- ⁶² Там же, с. 158.
- ⁶³ Там же, с. 162.
- ⁶⁴ См., в частности: Носенко Т. Иерусалим. Три религии – три мира, с. 371.
- ⁶⁵ Здесь и далее: тексты резолюций – см. на официальном сайте ООН <http://domino.un.org/>
- ⁶⁶ Dore Gold. Jerusalem in history and International diplomacy // Jewish Political Studies Review, Spring 2001 Vol. 13, № 1–2, с. 140.
- ⁶⁷ Ближневосточный конфликт. Т. 2. 1957–1967. С. 589. Документ 271. «Запись беседы Министра иностранных дел СССР А.А.Громыко с главой делегации ОАР на чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассам-

блеи ООН, специальным помощником президента ОАР по вопросам внешней политики М.Фавзи».

⁶⁸ Там же, с. 632–635. Документ 295. «Телеграмма посла СССР в США А.Д. Добрынина в МИД СССР».

⁶⁹ Там же, с. 618–620. Документ 288. «Запись беседы посла СССР в Ливане П.С.Дедушкина с президентом Ливанской Республики Ш.Хелу».

⁷⁰ Там же, с. 630–631. Документ 294. «Телеграмма первого заместителя Министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова из Нью-Йорка в МИД СССР».

⁷¹ Там же, с. 593. Документ 273. «Запись беседы Министра иностранных дел СССР А.А.Громыко с главой делегации ОАР на чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, специальным помощником президента ОАР по вопросам внешней политики М. Фавзи».

⁷² H. Eugene Bovis. The Jerusalem Question, с. 102.

⁷³ Основные положения советского проекта резолюции – см., в частности, в книге: Пырлин Е. Трудный и долгий путь к миру: Взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2002, с. 76.

⁷⁴ См.: Report to the Secretary-General on Jerusalem (the Thalmann Report), A/6793, 12 September 1967.

Опубликован на сайте <http://www.bu.edu/mzank/HOLYCITY/tx/Thalmann1967.htm>

⁷⁵ Пырлин Е. Трудный и долгий путь к миру, с. 420.

⁷⁶ Dore Gold. Jerusalem in history and International diplomacy, с. 133.

⁷⁷ Yotam Feldner. Changes in the EU's Positions on Jerusalem and the Palestinian State // MEMRI Inquiry and Analysis, № 17, April 12, 1999. Опубликовано на сайте http://www.freeman.org/m_online/may99/feldner.htm. Йотам Фелднер – директор медиа-анализа института MEMRI (Middle East Media and Research Institute).

⁷⁸ AIPAC – American Israel Public Affairs Committee.

⁷⁹ Dore Gold, Jerusalem in history and International diplomacy, с. 145.

⁸⁰ Hussein Agha and Robert Malley. Camp David: The Tragedy of Errors // The New-York Review of Books, vol. 48, № 13, August 9, 2001.

⁸¹ Резолюция СБ ООН № 1322 цитируется по книге: Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кэмп-Дэвиде и Табе. Сборник статей и документов под редакцией А.Д.Эпштейна – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004, с. 75–76.

⁸² Резолюция Генеральной Ассамблеи № 56/36 цитируется там же, с. 76–78.

⁸³ Текст «Дорожной карты» см. там же, с. 64–72.

**ВЛАСТЬ И ИСЛАМИСТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ
В ТУНИСЕ В 70–90-х ГОДАХ XX ВЕКА**

Исламское фундаменталистское движение возникло в Тунисе в конце 60-х годов и стало реакцией определенных слоев населения на рост социального неравенства, социально-экономические трудности, навязывание обществу с вековыми традициями западной культуры, западного образа жизни и моделей развития. В 1971 г. группа тунисских фундаменталистов присоединилась к официально зарегистрированной в 1970 г. Ассоциации сохранения Корана (АСК). Видную роль среди них играли преподаватель философии Р.Ганнуши и адвокат А.Муру. Вскоре после вступления в АСК их деятельность стала выходить за пределы исламского фундаментализма, приобретая политическую окраску. А.Муру, разъясняя в начале 1972 г. курс АСК, подчеркнул, что доктрина ее сторонников заключается «в неприятии всего ныне существующего, начиная с общества, которое они считают безбожным, даже если люди идут на молитву, соблюдают пост и совершают хадж, и кончая правящей партией, само членство в которой означает вероотступничество»¹. Группа исламистов, как отмечает тунисский исследователь М.Хирмаси, была исключена из АСК после сообщения французской газеты «Монд» о том, что исламисты установили контроль над этой организацией и используют ее против правящей Социалистической дустуровской партии (СДП).

До 1978 г. фундаменталистское движение в Тунисе ограничивалось в основном обсуждением общественных и моральных проблем. Кризис в отношениях между правительством и профсоюзами в январе 1978 г. и события 26 января (жестокое подавление войсками беспорядков в столице, в результате чего, по неофициальным источникам, погибли сотни людей) вызвали заметную политизацию фундаменталистского движения. Его активисты осознали необходимость уделять большое внимание политическим и экономическим проблемам. Если в фундаменталистском журнале «Аль-Маарифа», основанном в 1972 г. и главным редактором которого был преподаватель Р.Ганнуши, в течение нескольких лет рассматривались лишь религиозные и этические проблемы, то в конце 70-х годов, как констатирует тунисский исследователь М.Хирмаси, отмечается падение интереса к ним и усиление внимания к политическим и «интеллектуально-культурным» вопросам. В 1978 г. в журнале появились статьи, направленные про-

тив марксистской идеологии и ее носителей. Сравнительный анализ содержания уроков по исламу, которые давал Р.Ганнуши в июне-июле 1980 г. и в марте-апреле 1981 г., также иллюстрирует тенденцию к политизации фундаменталистского движения. Число тем, в которых подвергалась критике политика правительства, возросло с 7 (17% от общего количества) до 23 (60,5%)².

Политизации ислама способствовали также исламская революция в Иране в 1978–1979 гг. и «хлебный бунт» в Тунисе в январе 1984 г. В 1979 г. Р.Ганнуши высоко оценил значение этой революции: «Пример Ирана показывает нам, что час пробуждения наступил. Боритесь против безнравственности и идите на жертвы. Чтобы исправить других и совершить нашу собственную революцию, мы должны сами исправиться и поклоняться Аллаху»³.

Укреплению позиций исламистов в Тунисском университете способствовал приход в него в 1979 г. первой волны учащихся, получивших фундаменталистское воспитание в средних учебных заведениях, подвергшихся арабизации, где параллельно с этим процессом происходила индоктринация фундаменталистских идей*. Эти идеи содержались в некоторых учебниках и пропагандировались многими фундаменталистски настроенными преподавателями. Процесс арабизации средней школы осуществлял министр образования М.Мзали, сам в определенной мере «разделявший фундаменталистские взгляды в области культуры»⁴. В университетах участились столкновения между политизированными фундаменталистами и левыми. Исламисты получили поддержку со стороны властей, которые хотели покончить с доминированием левых в Тунисском университете. Фундаменталисты укрепили свои структуры, заимствуя способы и формы организации у тех же левых. Продолжая деятельность в мечетях, превратившихся в ряде случаев в центры пропаганды исламизма и вовлечения в ряды исламистского движения новых членов, исламисты распространили свое влияние и на Тунисский университет.

В октябре 1979 г. Р.Ганнуши и А.Муру создали после учредительного съезда подпольную организацию «Аль-Джамаа аль-исламия фи Тунис» (Исламское общество в Тунисе), «эмиром» которого был избран Р.Ганнуши. В апреле 1981 г. «Аль-Джамаа», принимая во внимание провозглашенный СДП курс на создание многопартийной системы, решило преобразоваться в партию «Харакат аль-джамаа аль-исламия» (Движение исламской направленности) (ДИН)⁵. По другим данным (С.Шаабан, видный общественно-политический деятель Туниса), предшественником ДИН было «Аль-Джамаа аль-исламия» (Исламское общество), учредительная конференция которого состоялась

* К исламистам относятся те фундаменталисты, которые участвуют в политической жизни страны, стремятся мирными или насильственными методами построить на основе своей идеологии общество и государство.

в апреле 1972 г.⁶ На пресс-конференции 5 июля руководители ДИН определили свою программу: возрождение тунисской исламской идентичности; возрождение исламской мысли для борьбы против вековой отсталости; обретение широкими массами свобод и прав; перестройка экономики на принципах социальной справедливости. Его возглавили Р.Ганнуши (председатель) и А.Муру (генеральный секретарь). В ДИН существовали два крыла – радикальное и умеренное. Сходясь в стратегической цели – построении исламского государства, они расходились в тактике. Умеренные элементы надеялись достигнуть этой цели путем постепенной исламизации общества и были готовы идти на уступки и вступать в диалог с властью. Радикальные исламисты были против каких-либо переговоров с правящей вестернизированной элитой и прибегали к насилию. Отечественные востоковеды Н.Ворончанина и С.Бабкин называют Р.Ганнуши и А.Муру лидерами соответственно радикального и умеренного течений ДИН (с 1989 г. «Ан-Нахда» – Возрождение). В статьях в журнале «Жен Африк» Р.Ганнуши наряду с А.Муру представлен как лидер умеренного крыла⁷. С нашей точки зрения, ответ на вопрос, к какому направлению принадлежал Р.Ганнуши, неоднозначен. До прихода к власти Бен Али в 1987 г. Р.Ганнуши в практической деятельности занимал радикальную позицию, призывал бороться против светского вестернизированного бургибистского режима. В теории он придерживался умеренных взглядов, поддерживал принципы демократии и многопартийности, которые, однако, по его мнению, нельзя было реализовать, не устранив диктаторский правящий режим. Когда Бен Али сместил Х.Бургибу, выразил намерение перейти к политике либерализации и демократизации, к политическому плюрализму и сделал некоторые шаги в этом направлении, Р.Ганнуши заявил о готовности ДИН («Ан-Нахды») уважать законы страны.

Другие исламистские радикалы, в том числе в «Ан-Нахде», по-прежнему отвергали какой-либо компромисс с правительством. После 7 июня 1989 г. (отказ в легализации «Ан-Нахды») Р.Ганнуши перешел на радикальные позиции. В марте 1991 г. он, находясь в Лондоне, призвал тунисцев к всеобщему восстанию против режима Бен Али.

В исламистском движении активно и постоянно участвует прежде всего молодежь, лицеисты и студенты. Удельный вес исламистов среди студентов составлял около 30%⁸. М.Хирмаси, проведя социологическое обследование в начале 70-х годов, обратил внимание на то, что в этот период среди тунисских «интегристов» преобладали уроженцы более развитых областей Сахилия-Сфакса (38%), г. Туниса (29%), а не относительно отсталых в экономическом отношении южных и центральных (23%) и северо-западных областей (7%)⁹. Парадоксально, но Н.Ворончанина в своей работе по Тунису, игнорируя или не замечая этот вывод М.Хирмаси, пишет следующее: «Социологическое обследование позволило М.Хирмаси сделать также вывод о

том, что среди фундаменталистов преобладают выходцы из экономически отсталых и отдаленных центральных и южных районов. По его данным, они составляют 66% членов движения (66, с.52)». В оригинале, откуда Н.Ворончанина взяла цифру 66%, говорится следующее: «Если учитывать только нашу группу, 71% членов присоединились к ДИН в 1976–1980 гг. Среди этих молодых людей, 88% были выходцами из сахильского региона и 66% из южных и центральных районов»¹⁰. Во французском журнале, как видно из текста, сделана опечатка, и непонятно, почему Н.Ворончанина выбрала цифру 66% и проигнорировала цифру 88%. Доказывая свой тезис, она вновь ссылается на данные, приведенные М.Хирмаси в своей работе: среди арестованных в 1981 г. исламистских активистов 33% были родом из Туниса, 21% – из Сахилия-Сфакса, 44% – из южных и центральных районов и 2% – из северо-восточных районов страны¹¹. Однако Н.Ворончанина игнорирует комментарий М.Хирмаси к этим цифрам. Относительное преобладание среди арестованных выходцев из южных и центральных районов М.Хирмаси объясняет тем, что эти районы были связаны с юсефистами (Салах бен Юсеф был руководителем консервативного течения в партии Новый Дустур) и их население всегда подозревалося в приверженности панарабизму. Поэтому им уделялось особое внимание со стороны правоохранительных органов¹². Вместе с тем М.Хирмаси признает, что исламистское движение не было исключительно городским движением, что оно имело значительную социальную базу в сельской местности северных и южных районов¹³.

М.Хирмаси на основе обследования группы исламистов делает вывод, что почти все они происходили из бедных слоев, в лучшем случае из семей служащих со скромным жалованьем. В большинстве случаев родители одобряли участие их детей в исламистском движении. Лишь те родители, которые были служащими, решительно возражали, опасаясь репрессий со стороны властей. Наиболее широко исламисты были представлены на факультете естественных наук, медицинском факультете и в Национальной инженерной школе. Однако руководящую роль чаще играли уже дипломированные специалисты: врачи, экономисты, инженеры, адвокаты, выпускники Зейтунского университета, школьные учителя, проработавшие ряд лет по своим специальностям. Например, в середине 80-х годов Р.Ганнуши и А.Муру было соответственно 55 и 40 лет. Среди группы арестованных в 1981 г. исламистских руководителей 75% составляли преподаватели средней школы и студенты, 25% – мелкие служащие и технические специалисты¹⁴. Социальную базу исламистов составляли также мелкая буржуазия, финансировавшая исламистское движение, ремесленники. Отмечая значительное число девушек в исламистском движении, М.Хирмаси считает его вдвойне парадоксальным, если принять во внимание пассивность женщин в профсоюзах и «антифемин-

нистскую» направленность исламистской идеологии¹⁵. Наблюдатели обращают внимание даже на такую внешнюю деталь, как одежда: если на факультете гуманитарных наук девушки часто носили джинсы, то на факультете естественных наук – нередко хиджаб и длинное платье. Однако большинство женщин опасались прихода к власти исламистов, которые могли бы ограничить их права. Еще в августе 1956 г. был принят кодекс законов о браке и семье, отменивших дискриминацию женщин. Они получили политические права и с 1957 г. участвовали в выборах. Поэтому Бен Али мог рассчитывать на их поддержку в борьбе против исламистов. Права женщин были еще больше расширены при Бен Али с принятием в августе 1992 г. закона, в соответствии с которым, в частности, женщины получили возможность самостоятельно получать паспорт, а нарушение прав женщин каралось законом. Они в период правления Бен Али все более активно участвовали в общественно-политической жизни. Если в голосовании на парламентских выборах 1989 г. участвовало 260 тыс. женщин, в 1994 г. – уже один миллион. Четверть всех туниССких судей в конце первой половины 90-х годов составляли женщины¹⁶. В 2002 году женщинам принадлежали 11,5% мест в парламенте и 20,5% в муниципальных советах¹⁷.

Как уже отмечалось, исламисты активнее действовали на факультетах естественных наук и медицинском и в Национальной инженерной школе. По-видимому, объяснение следует искать в том, что на факультете гуманитарных наук студенты больше испытывают влияние западной культуры. Кроме того, на факультете естественных наук, медицинском факультете и в Национальной инженерной школе большинство студентов, как отметил премьер-министр М.Мзали, составляли выходцы из семей с небольшими доходами¹⁸.

Исламисты имели некоторую опору в армии и силах безопасности. В начале 80-х годов внутри армии действовала Партия исламского освобождения. Она была раскрыта, и ее члены были репрессированы в январе 1983 г. Многие туниССы утверждали, что быстро усиливавшаяся организация ДИН представляла «самую серьезную опасность режиму Х.Бургиба со времени его прихода к власти в 1956 г.»¹⁹. В мае 1991 г. в ходе кампании по борьбе с исламистами были арестованы более 100 членов сил безопасности²⁰.

Главными идеологами туниССкого исламистского движения были Р.Ганнуши и А.Муру²¹. В сентябре 1980 г. была опубликована работа Р.Ганнуши «Вестернизация и жестокая диктатура»²². В ней подчеркивается, что большая часть политических систем арабского и всего исламского мира берет за образец западную модель развития, капиталистическую или социалистическую. Модернизации такого типа обречены на неудачу. Правящая элита не имеет культурных корней, обладает поверхностными представлениями о Западе, она рассматривает его как военный и политический фактор и не учитывает цивили-

лизационного аспекта. Элита полагает, что ислам находится в упадке, что он не способен предложить адекватную модель развития. Массы утратили энтузиазм, свойственный им в годы борьбы за независимость. Они впадают в апатию или отчаяние и готовы пойти за тем, кто призывает к восстанию. Что остается делать, спрашивает Р.Ганнуши, правящей вестернизированной элите, которая отвергла свою национальную культуру и остается изолированной? Эта элита, оторванная от широких масс, их культуры и интересов, полагается лишь на репрессии. Она отменяет политические свободы, создает репрессивный режим, формирует новый класс, пользующийся привилегиями, укрепляет связи с международными финансовыми организациями и западными державами ради самосохранения.

Однако из этого анализа Р.Ганнуши делает неожиданный, парадоксальный призыв не к революции и не к созданию исламского государства, а к демократии: единственное требование – эта демократия должна соответствовать понятиям и специфическим интересам данного общества. Идеи свободы и равенства появились в Европе. «Как можно говорить о свободе и равенстве в исламском мире без тщательного изучения нашей культуры, стержнем которой является ислам, и без определения его ценностей в этой культуре? Обсуждение проблемы свободы и равенства – это больше не набор лозунгов, а поиск новой цивилизационной модели, которая возникает на основе одновременно нашей мусульманской религии и достижений нашего века. Я имею в виду под исламом не ислам периода упадка, а ислам как глобальную революцию против деспотизма, эксплуатации и зависимости всех форм, как настойчивый призыв к материальному и моральному прогрессу». Идеальное исламское общество – это общество не столько «золотого века» мусульманской цивилизации, прошлого, сколько будущего.

В упомянутой работе содержится критика Запада, но Запад все же считается пионером свободы и равенства. Р.Ганнуши, выступая на конференции в исламском центре Лос-Анджелеса в начале января 1989 г., призвал мусульман США усваивать достижения этой страны, воспринимать культуру американской нации, ее язык, историю, внести свой вклад в исламскую «умму», чтобы реформировать исламскую мысль. Он подчеркивал, что исламисты должны согласиться с правлением демократической коалиции, которая могла бы осуществить хотя бы часть их программы, и что исламские и западные ценности могут быть совместимыми. «Как только исламистам представится возможность понять ценности современного западного общества, такие как демократия и права человека, они найдут в исламе нишу для этих ценностей²³. Сущность двойственного отношения Р.Ганнуши к Западу становится понятной из его следующего высказывания: он хотел бы «освободиться от гегемонии западной культуры и от западного образа жизни, построить современное исламское общество, которое могло бы

черпать до дна из западной культуры, не теряясь в ней»²⁴. В серии статей Р.Ганнуши, собранных в трехтомник (издан в Кувейте в 1987 г.), их создатель, по мнению одного из авторов книги «Демократия, война и мир на Среднем Востоке», последовательно поддерживает демократический процесс, который, весьма вероятно, привел бы его движение к власти, если бы этот процесс продолжался бы без ограничений. Ничто в статьях Р.Ганнуши не указывает на то, что он защищает демократию лишь как средство достижения власти²⁵.

В 1980–1981 гг. в ответ на проявление исламистами солидарности с исламской революцией в Иране, их призывы последовать примеру иранского народа и на создание партии ДИН, чреватого активизацией исламистов, власти произвели их аресты. На судебном процессе в сентябре 1981 г. Р.Ганнуши и А.Муру были обвинены в принадлежности к незаконной экстремистской организации и приговорены к длительным тюремным срокам. Исламисты приняли участие в народных волнениях в январе 1984 г., вызванных двукратным увеличением цен на хлеб и мучные изделия. Участники беспорядков выступили не только с политическими и экономическими, но и религиозными лозунгами. В подавлении волнений приняла участие армия. Были убиты десятки людей. Для многих тунисцев репрессии властей оказались настоящим шоком. Они, глубоко разочаровавшиеся в бургибистском режиме, усомнились в правильности дустуровской интерпретации ислама и стали поддерживать «ихвания» («Братьев-мусульман»), как в народе часто называли исламистов.

После «хлебного бунта» в условиях обострившейся социально-экономической и политической ситуации в стране правительство М.Мзали впервые в эпоху президентства Х.Бургибы смягчило политику в отношении исламистов. Исламисты, приговоренные в 1981 г. к тюремному заключению, были освобождены, в том числе Р.Ганнуши. Осенью 1984 г. имели место контакты между ДИН и правительством. Был отменен закон о запрете ношения мусульманской одежды в школах. В этот период полуплегального существования ДИН установило отношения с другими политическими организациями, в том числе с Тунисской коммунистической партией. В 1985 г. ДИН беспрепятственно организовало исламистский Всеобщий тунисский союз студентов (ВСТС), чтобы вытеснить из высших учебных заведений Всеобщий союз тунисских студентов, придерживавшийся левой ориентации. Иногда оба студенческих союза совместно выступали против режима Х.Бургибы. ВСТС был легализован в конце 1988 г.

Некоторое ослабление напряженности между ДИН и правительством М.Мзали в середине 80-х годов, мнение Р.Ганнуши о возможности для исламистов действовать в рамках многопартийной системы, даже сосуществования в ней с коммунистами вызвали разногласия внутри ДИН. Некоторые наиболее экстремистски настроенные исламисты выходили из ДИН, образовывали другие организации или

присоединялись к уже существовавшим. Помимо ДИН в Тунисе в 80-х – начале 90-х годов действовали, например, «Хизб ат-тахарир аль-исламия» (Партия исламского освобождения – ПИО), «Аль-Джихад аль-исламия» (Исламский джихад), «Хизб аш-шура» (Партия шуры), «Хизб ат-талаа аль-ислами» (Партия исламского авангарда). Деятельность тунисской ветви ПИО началась в стране в начале 80-х годов. ПИО – международная экстремистская организация, созданная в Иордании в 1952 г. шейхом Т.Набханом, и организовавшая свои отделения по всему арабскому миру. Она действует в подполье. ПИО стремится к восстановлению халифата. В Тунисе ей удалось внедриться в вооруженные силы, но ее сеть там была раскрыта в 1983 г. В коммюнике тунисской ПИО, обнародованном в связи с конфликтом в Персидском заливе в начале 90-х годов, подчеркивается, что призывы к Ираку вывести свои войска из Кувейта следует рассматривать как измену. «Шариат предписывает, чтобы Ирак продолжал объединять исламский мир, присоединяя другие государства Залива, Иорданию, Сирию и Ливан»²⁶.

В течение 1986–1987 гг. выступления исламистов против бургибистского режима усилились, особенно после смещения М.Мзали с поста премьер-министра, который, как отмечали некоторые наблюдатели, умел находить общий язык с исламистами. Президент Туниса, обеспокоенный резкой активизацией исламистов, заявил, что посвятит последние годы своей жизни «борьбе против исламистов»²⁷. Х.Бургиба учредил Высший исламский совет, ввел должность директора по делам культа, подчиненного президентской администрации (согласно другим источникам, министерству внутренних дел), издал декрет об усилении контроля над мечетями. Арест Р.Ганнуши в марте 1987 г. вызвал демонстрации исламистов и их столкновения с полицией. 3 августа 1987 г. были проведены террористические акции в отелях Суса и Монастира, где проживали иностранцы. Власти приписали ответственность за эти акции ДИН. В конце сентября были вынесены судебные приговоры нескольким десяткам исламистов, в том числе А.Муру и Р.Ганнуши. Х.Бургиба в обстановке конфликта между правительством и профсоюзами, противоречий между правящим режимом и оппозицией, обострения экономического положения, к тому же стремясь устранить с политической сцены потенциальных преемников, сделал ставку на силовые структуры, а конкретно на генерала Бен Али.

7 ноября 1987 г. Х.Бургиба был смещен со своего поста, и к власти пришел Бен Али. Новый президент заявил, что сохранит преемственность курса в области внешней политики и экономики, но объявил о планах пересмотра конституции и расширения свобод. Бен Али начал проводить политику национального примирения. Были разрешены публикации оппозиционной прессы, но электронные СМИ, оказывающие наибольшее влияние на население, остались под кон-

тролем государства. В декабре 1987 г. освободили 2487 политических и неполитических заключенных, в том числе 608 членов ДИН, в январе 1988 г. – 405 политических заключенных, в марте – 2044 политических и неполитических заключенных²⁸. Представитель ДИН в Париже назвал приход к власти Бен Али позитивным событием, имеющим историческое значение.

В отношениях между режимом Бен Али и ДИН («Ан-Нахдой») можно выделить два этапа. На первом этапе (ноябрь 1987 г. – апрель 1989 г.) напряженность в этих отношениях существенно снизилась. Обе стороны пытались наладить мирное сосуществование. Бен Али надеялся выиграть время для укрепления своего положения, ослабить активность радикального течения ДИН, расколоть исламистское движение. Исламисты, со своей стороны, рассчитывали на легализацию своей партии, на предоставление права принимать участие в выборном процессе. Р.Ганнуши стремился продемонстрировать уважение исламистов к законам страны, показать, что ДИН не свойственен экстремизм. В августе 1988 г. он заявил, что ДИН поддерживает закон о политических партиях, опубликованный 3 мая 1988 г., в соответствии с которым запрещалось создание партий на религиозной основе и партии должны были осудить насилие и экстремизм. Лидер ДИН заявил, что его организация уважает конституцию страны, Кодекс гражданского состояния, защищающего права женщин. После освобождения осенью 1988 г. многих исламистов Р.Ганнуши заявил, что с эрой несправедливости в Тунисе покончено.

В январе 1989 г. ДИН, для того чтобы получить возможность участвовать в парламентских выборах, изменило свое название на «Ан-Нахда», устранив слово «исламский» из названия партии. Тем не менее эта партия не получила легальный статус. На парламентских выборах 2 апреля 1989 г. «Ан-Нахда» выдвинула своих депутатов как «независимых» («независимые кандидаты в подавляющем большинстве состояли из исламистов»). Несмотря на то, что «Ан-Нахда» не была легализована, она по списку «независимых» набрала около 14% голосов по всей стране и до 25% в крупных городах. Напротив, все легальные оппозиционные партии вместе собрали лишь 3,76% голосов. Исламистское движение стало второй силой в стране после пропрезидентского Демократического конституционного объединения (ДКО) (бывшая Социалистическая дустуровская партия)²⁹. Правительство, осознав сильный политический потенциал «Ан-Нахды», стало ужесточать свою политику в отношении исламистов.

7 июня 1989 г. после многих месяцев неопределенности правительство официально отклонило просьбу о легализации, с которой руководство «Ан-Нахды» обращалось до и после апрельских парламентских выборов 1989 г. С этого момента «перемирие» между правящим режимом и исламистами перестало соблюдаться – наступил второй этап отношений между «Ан-Нахдой» (ДИН) и Бен Али. Обе стороны

обменялись упреками в лицемерии. Исламисты 8 июня обратили внимание на то, что правительство отказалось легализовать «Ан-Нахду», несмотря на данные Бен Али «заверения и обещания». Правительство же подчеркнуло двойственность позиции исламистов: одни исламисты заявляют о необходимости уважения норм правового государства, другие требуют свержения общественных устоев³⁰. Парадоксально, но после отказа в легализации некоторые исламисты, принадлежавшие к радикальному течению «Ан-Нахды», не скрывали своего удовлетворения. Они не были склонны к уступкам и компромиссу и хотели оттеснить на задний план «умеренное течение с его лидерами А.Муру и Р.Ганнуши»³¹. Возможность «мирного сосуществования» исламистской организации и правящего светского режима не была реализована.

8 ноября 1989 г. Бен Али вновь отказался удовлетворить просьбу «Ан-Нахды» о легализации. За лидерами исламистского движения было установлено наблюдение полиции, а их близкие подвергались допросам. В декабре исламисты в ответ на ужесточение политики правительства провели демонстрации, произошли столкновения с полицией. После победы в Алжире в июне 1990 г. Исламского фронта спасения на местных выборах тунисское правительство усилило преследование местных исламистов. В июне 1990 г. был запрещен «Аль-Фаджр», печатный орган «Ан-Нахды». В ноябре 1990 г. правительство объявило о раскрытии террористической группы, якобы связанной с «Ан-Нахдой». Были арестованы сотни исламистов и сочувствовавших им. Генеральный секретарь «Ан-Нахды» А.Муру категорически отверг обвинение его партии в терроризме, хотя и не исключил, что кто-то из группы и принадлежал к его партии. Кроме того, надо учитывать, что помимо «Ан-Нахды» в Тунисе действовали еще несколько исламистских организаций, хотя и значительно более слабых. В феврале 1991 г. группа исламистов, принадлежавших, как утверждала полиция, к «Ан-Нахде», напала на одно из отделений ДКО в столице. Последовали многочисленные аресты членов «Ан-Нахды». Р.Ганнуши, находившийся за рубежом, в марте 1991 г. призвал тунисцев к всеобщему восстанию против Бен Али. А.Муру и еще два члена исполкома «Ан-Нахды», оставшиеся в Тунисе, осудили нападение исламистов на отделение ДКО и «заморозили» свою деятельность в «Ан-Нахде». Возможно, по мнению издаваемого в Лондоне ежегодника «Средний Восток и Северная Африка», они поступили так под давлением властей. Бен Али якобы даже пытался убедить А.Муру и его сторонников сформировать «умеренную» исламскую партию, но потерпел неудачу³². Испанский исследователь Х.А.Сайнс де ла Пенья предлагает свою версию: сам А.Муру пытался создать новую исламистскую политическую партию, соблюдающую тунисские законы, но столкнулся с недоверием правительства и угрозами исламистских радикалов. Однако основная трудность для него состояла в отсутствии поддержки со стороны слоев, представлявших собой социальную базу исламистского движения³³.

В конечном счете, в 1990 г. и особенно в 1991–1992 гг. по «Ан-Нахде» был нанесен сокрушительный удар, практически покончивший с ней на территории Туниса. С одной стороны, как было уже сказано, в 1988 г. – первой половине 1989 г. была упущена возможность включения исламистов на легальной основе в общественно-политическую жизнь страны, учитывая, что в этот период руководство «Ан-Нахды» всячески демонстрировало готовность уважать тунисское законодательство и намерение не допускать насилия. С другой стороны, если бы не разрушение структур «Ан-Нахды», то в свете событий в Алжире в 1990–1991 гг. – усиления агрессивности сторонников Исламского фронта спасения после их победы на выборах в местные органы власти, их победы в первом туре парламентских выборов 26 декабря 1991 г., чрезвычайной уязвимости такого небольшого государства, как Тунис, от внешнего фактора – неизвестно, как могла бы сложиться ситуация в Тунисе. Несомненно, произошло бы усиление влияния и активизация радикального течения «Ан-Нахды» и других радикальных организаций, что создало бы условия для координации действий и сотрудничества между алжирскими и тунисскими исламскими экстремистами. Это способствовало бы дестабилизации политической ситуации в Тунисе.

Важную роль в подавлении исламистского движения, раскрытии подпольной сети исламистов в вооруженных силах и органах безопасности сыграла эффективная деятельность спецслужб и органов правопорядка. Сам Бен Али имел богатый опыт работы в органах государственной безопасности (с 1964 г.). В 1964–1974 гг. он возглавлял службу безопасности вооруженных сил, в 1977–1980 гг. – службу национальной безопасности, которой вновь стал руководить с 1984 г. Его дважды повышали и в конце 1984 г. Бен Али стал государственным секретарем по вопросам национальной безопасности, а в октябре 1985 г. – министром национальной безопасности. В апреле 1986 г. Х.Бургиба назначил его также министром внутренних дел, сопроводив это назначение следующим комментарием: «У него крепкая хватка, и он сумеет удержать страну в руках»³⁴.

Однако Бен Али понимал, что войну против терроризма, радикального исламизма нельзя выиграть лишь репрессиями. Ее можно выиграть, устранив условия, способствующие развитию исламизма – в сфере экономики, образования и религии. Везде, по его мнению, существует связь между экстремизмом и бедностью. Его взгляд разделяют многие исследователи. В частности, Ф.Хэллiday (Лондонская школа экономики) подчеркнул в 1990 г., что ситуация в Тунисе во многом зависит от того, сможет ли с иностранной помощью Бен Али оживить тунисскую экономику. В противном случае трудно будет противостоять оппозиции³⁵. Успешное развитие тунисской экономики с 1989 г. в значительной мере способствовало ослаблению социальной напряженности и исламистского влияния. В 90-х годах правящий режим проводил политику, направленную на экономический подъем менее развитых в

экономическом развитии регионов. Бен Али в сформированном 11 апреля 1989 г. правительстве предоставил выходцам из более отсталого южного региона почти треть министерских постов³⁶. Эта политика ослабляла оппозиционные настроения среди региональных элит.

Другим важным средством борьбы с исламизмом явились меры правительства в области школьного образования. По мнению президента, школьные программы, школы и университеты должны были быть очищены от религиозного фанатизма и «фундаменталистских преподавателей». Известно, что специально подобранные фундаменталистами тексты должны были «воспитать подрастающее поколение в духе неприятия иных культур и ненависти к ним... Педагоги-фундаменталисты... требовали презирать тех, кто придерживается обычаев других религий»³⁷.

В начале 90-х годов занятия в университетах вошли в нормальную колею. Испанский исследователь Хосе Антонио Сайнс де ла Пенья отмечает большую роль в деисламизации системы образования министра образования М.Шарфи, бывшего председателя Лиги по правам человека. М.Шарфи заявил, что «исламы занимают позиции, полностью противоречащие философии прав человека». А.Муру от имени «Ан-Нахды» потребовал отставки М.Шарфи, которого назвал атеистом, а его реформу антиисламской³⁸. Тревога исламистов была вполне объяснимой: в случае успеха реформы, иссяк бы основной источник пополнения рядов «Ан-Нахды».

В определенной степени стабилизации внутриполитической ситуации в Тунисе, изоляции исламистов способствовало возобновление диалога светских оппозиционных политических партий с правящим режимом в январе 1992 г. До этого они бойкотировали муниципальные выборы в июне 1990 г. и дополнительные выборы в парламент в 1991 г., так как Бен Али игнорировал их требование о проведении широкой реформы избирательной системы. Оппозиционные партии пошли на сближение с президентом лишь после того, как в декабре 1991 г. Бен Али обещал, что после консультаций с ними будут внесены изменения в закон о выборах в 1992 г.

Важную роль в борьбе правящего режима против исламистов сыграло подчеркивание им своей приверженности исламским ценностям, общественной и просветительской роли ислама, его роли в воспитании молодежи, причем с первых месяцев правления Бен Али. На предвыборных плакатах президент был одет в белую одежду хаджи: 8–11 марта 1988 г. он совершил «умра» – малый хадж в Мекку. Правительственные сообщения стали начинаться с обращения к Аллаху и заканчиваться цитированием Корана. Тунисские электронные СМИ с ноября 1987 г. регулярно передавали призывы к молитве. В прессе публиковались статьи о значении поста Рамадан. Возросло значение мечети Аз-Зейтуны, Высшего исламского совета, был воссоздан Зей-тунский университет. Поощряется изучение Корана. Как отметил Бен Али, приня-

тые меры в области религии помогли многим мусульманам вернуться в лоно истинного ислама, порвать с исламизмом. Журналисту газеты «Монд», спросившему, не «льет ли на мельницу исламистов реабилитация исламистских ценностей», он ответил: «Следовало бы говорить не о реабилитации исламистских ценностей, а исламских или религиозных. ... То, что вы называете реабилитацией исламистских ценностей, – лишь совокупность мер по выводу страны из трудной ситуации... Данные меры свидетельствуют об истинном уважении к исламу и признании его большой роли в истории нашей страны. Они позволили помешать многим мусульманам все более скатываться на экстремистские позиции. Тунисцы в целом – не фанатики»³⁹.

Однако в 90-х годах в стране бросались в глаза и внешние признаки вестернизации. Пятница была практически рабочим днем. В некоторых магазинах можно было свободно приобрести спиртные напитки. Государственное телевидение предоставило канал для французских программ, где нередко демонстрируется обнаженное женское тело. Киноафиши рекламировали боевики и триллеры. Рекламировались сигареты «Мальборо».

После мощных ударов по структурам «Ан-Нахды» в начале 90-х годов она ушла в подполье. Время от времени полиция производит аресты сторонников исламизма. Центральное руководство находится за рубежом. Р.Ганнуши, которому Великобритания предоставила политическое убежище в августе 1993 г., в ноябре 1995 г. вместе с некоторыми тунисскими оппозиционными лидерами в эмиграции опубликовал в издаваемой в Лондоне арабоязычной газете «Аль-Хаят» призыв к возвращению демократии в Тунисе. В декабре 1996 г. Бен Али вновь подтвердил отказ легализовать «Ан-Нахду». Руководители «Ан-Нахды» отрицают связь с «Аль-Каидой», о чем утверждает тунисское правительство. В частности, Беннани, председатель Консультативного комитета «Ан-Нахды», заявил об этом по поводу ареста в середине января 2002 г. в Бельгии Т.Мааруфи, тунисца с бельгийским гражданством, по подозрению в принадлежности к «Аль-Каиде»⁴⁰.

Приход исламизма к власти в Тунисе маловероятен, если учитывать только внутренние факторы. Они возрастают в случае воздействия внешних факторов – политического (победа исламизма в соседних арабских странах) или экономического (потрясения в мировой экономике).

¹ Шаабан С. Тунис: путь к политическому плюрализму. Курс президента Зина аль-Абидина бен Али. – М., 1996, с. 52.

² Maghreb-Machrek. P., janvier-mars 1984, № 103, с. 50.

³ Washington Post. 6 October 1981, с. A23.

⁴ El Maghreb: concertación, cooperación y desafíos. Madrid, 1993, с. 360.

⁵ El Maghreb: concertación, cooperación y desafíos. Madrid, 1993, с. 359.

⁶ Шаабан С. Тунис: путь к политическому плюрализму. Курс президента Зина аль-Абидина бен Али. – М., 1996, с. 53.

- ⁷ Например: Jeune Afrique. P., 10 août 1988, № 1440, с. 25; 21 juin 1989, № 1485, с. 14.
- ⁸ Middle East International. L., 1 August 1980, № 130, с. 10.
- ⁹ Maghreb-Machrek. P. Janvier-mars 1984, № 103, с. 43.
- ¹⁰ Там же, с. 52.
- ¹¹ Там же, с. 43.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же, с. 42.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Шаабан С. Тунис: путь к политическому плюрализму. Курс президента Зина аль-Абидина бен Али. – М., 1996, с. 148, 113.
- ¹⁷ Компас. М., 10.07.2003, № 28, с. 7.
- ¹⁸ Ворончанина Н.И. Ислам в общественно-политической жизни Туниса. – М., 1986, с. 114.
- ¹⁹ New York Times, 27.09.1987, с. 6.
- ²⁰ The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 1069.
- ²¹ Об идеологических взглядах А.Муру см.: Ворончанина Н.И. Ислам в общественно-политической жизни Туниса. – М., 1986, с. 126–127.
- ²² Основные положения этой работы Р.Ганнуши изложены по: Maghreb-Machrek. P., janvier-mars 1984, № 103, с. 53–54.
- ²³ Цит. по: The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 7.
- ²⁴ Цит. по: Гучетль Г.И. Демократизация в арабском мире: опыт Туниса и Сирии. – М., 1999, с. 71.
- ²⁵ Democracy, War and Peace in the Middle East. Bloomington and Indianapolis, 1995, с. 127.
- ²⁶ Цит. по: Le Monde. P., 1 février 1991, с. 8.
- ²⁷ El Maghreb: concertación, cooperación y desafíos. Madrid, 1993, с. 363.
- ²⁸ The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 1067.
- ²⁹ Maghreb-Machrek. P., octobre-décembre 1999, № 166, с. 33.
- ³⁰ Jeune Afrique. P., 12 juillet 1989, № 148.8, с. 34–45.
- ³¹ Jeune Afrique. P., 21 juin 1989, № 1485, с. 14.
- ³² The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 1069.
- ³³ El Maghreb: concertación, cooperación y desafíos. Madrid, 1993, с. 373.
- ³⁴ Цит. по: Современные африканские лидеры. Политические портреты. – М., 2001, с. 59.
- ³⁵ Middle East Report. Wash., March-April 1990, с. 27.
- ³⁶ Гучетль Г.И. Демократизация в арабском мире: опыт Туниса и Сирии. – М., 1999, с. 74.
- ³⁷ Шаабан С. Тунис: путь к политическому плюрализму. Курс президента Зина аль-Абидина бен Али. – М., 1996, с. 100–101.
- ³⁸ El Maghreb: concertación, cooperación y desafíos. Madrid, 1993, с. 366.
- ³⁹ Le Monde. P., 10 septembre 1988, с. 2.
- ⁴⁰ The Middle East and North Africa 2004. L., 2003, с. 1080.

ВЛАСТЬ И ИСЛАМИСТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В МАРОККО

Радикальные исламистские организации возникли в Марокко в начале 70-х годов. Наиболее известной среди них была «Джамиат аш-шабиба аль-исламия» (Движение исламской молодежи). Она была основана в 1972 г. А.Мутиа и К.Ибрахимом. А.Мутиа являлся инспектором министерства образования, а К.Ибрахим – преподавателем института. Поэтому вначале эта организация развернула свою деятельность в лицеях и университетах. Первоначальной целью движения были защита ислама и борьба против марксистов. Власти не только терпимо относились к деятельности «Джамиат аш-шабиба аль-исламия» и других исламистских групп, но даже покровительствовали им, рассматривая их как союзников в борьбе против влияния левых. Однако постепенно некоторые исламистские организации стали радикальными и превратились в противников правящего режима, особенно в конце 70-х-начале 80-х годов, когда обострилась социально-экономическая ситуация в стране и в Иране победила исламская революция. Одна из фракций «Джамиат аш-шабиба аль-исламия» во главе с А.Мутиа начала издавать в 1981 г. в Бельгии и тайно распространять в Марокко журнал «Аль-Муджахид». Редакционная статья в первом номере была озаглавлена: «Включайся в борьбу, революционная исламская молодежь!». В ней, в частности, подчеркивалось, что «наше настоящее и будущее находятся между молотом американского империализма и наковальней его агентов, представленных коррумпированным монархическим режимом и теми, кто его поддерживает»¹. Риторика исламистов сходна с риторикой левых, и это не случайно: некоторые исламисты в прошлом были членами левых группировок. В прошлом сам А.Мутиа был членом Национального союза народных сил и Марокканского союза труда.

Испанский исследователь Хосе Антонио Сайнс де ла Пенья обращает внимание на двойственность идеологии «Джамиат аш-шабиба аль-исламия». «С одной стороны, она основана на учении исламских идеологов, например, Кутба, которые пытаются найти ключ к решению марокканских проблем в шариате и отвергают западные ценности. С другой стороны, ведя борьбу против марксистов, они восприняли часть социальной и революционной идеологии левых»². Из номера в номер повторялось осуждение господства Запада и социальной несправедливости в другом исламистском журнале «Аль-Джамаа»,

который с перерывами издавал в Марракеше известный исламистский идеолог А.Ясин с 1979 по 1983 гг. В 1974 г. он вместе со своими двумя друзьями написал открытое письмо Хасану II, насчитывавшее 144 страницы (соответствовавшие 144 сурам Корана). В письме отмечалось, что в Марокко царит полицейский террор, а король сидит на вулкане, извержение которого вот-вот начнется. Касаясь религиозности Хасана II, авторы утверждали, что король просто камуфлирует свои западные либеральные идеи исламом³. После этого А.Ясин был помещен на три года в психиатрическую больницу, а затем отбыл еще три года тюремного заключения.

В 1979 г. было арестовано несколько тысяч исламистов. Начались первые столкновения исламистов с силами правопорядка. Летом 1980 г. власти подавили антиправительственные демонстрации исламистов в Фесе. Правительство обвинило исламистов в провоцировании массовых волнений в 1981 и 1984 гг. Хасан II заявил, что «не позволит фундаменталистам исказить лицо ислама»⁴.

Король использовал в борьбе против исламистов структуры официального духовенства. Он решил придать им больший динамизм и гибкость. 1 февраля 1980 г. с целью координации деятельности духовенства Хасан II учредил региональные советы улама и Высший совет улама, который сам возглавил. Региональным советам надлежало укреплять связи с губернаторами и службой безопасности, бороться с фундаменталистской идеологией, поддерживать политику властей, обосновывать ее с религиозной точки зрения. Правительство разрешило региональным советам иметь собственные бюджеты, приглашать улама из других стран, студенты-богословы стали получать стипендии для обучения в университетах других арабских стран. Вместе с тем правительство ужесточило контроль над духовенством. В 1984 г. оно приняло решение о том, что проповеди могут произносить только имамы мечетей и проповедники, находящиеся на государственной службе, и о том, что МВД будет утверждать назначение имамов в мечетях, знакомиться с текстами проповедей.

Основную часть исламистов в 70–80-х годах составляли учащиеся средних школ и студенты высших учебных заведений. Большая часть их по происхождению принадлежала к глубоко религиозным семьям из традиционного среднего класса (лавочники, ремесленники, низшие чиновники и зажиточные крестьяне). Приводимые ниже данные взяты из статьи Г.Мансона, доцента антропологии Мэнского университета в Оронто (США), – «Социальная база исламских активистов в Марокко», опубликованной в вашингтонском журнале «Миддл ист джорнел». Г.Мансон избегает называть объект своего исследования фундаменталистами или исламистами, он заявляет, что предпочитает термин «исламские активисты» («Islamic militants»). Из опросов, интервью или бесед, проведенных в 1976, 1982 и 1985 гг., следовало, что относительное число студентов-исламистов колебалось от 3% до 15%⁵.

М.Тузи, профессор политических наук Университета Хасана II в своей докторской диссертации, которую он защитил в одном из французских университетов, опубликовал данные проведенного в 1984 г. опроса 400 студентов в Марокко – 100 на медицинском факультете и 100 на юридическом факультете Касабланкского университета, 100 в Национальном институте статистики и 100 в Институте информатики. 38% опрошенных поддержали тезис о том, что единственный путь к «освобождению марокканцев» – это возвращение к исламским ценностям золотого века исламской цивилизации, и 39% отвергли его. 54% ответили положительно и 30% отрицательно на вопрос, является ли отсталость марокканского общества результатом отказа от заповедей истинного ислама. 32% высказались за восстановление шариата как единственной правовой системы в государстве и 49% против. 43% полагали, что религия должна играть роль в политике, и 45% отнеслись к этому негативно. На вопрос о том, должны ли марокканцы отвергнуть западную культуру, потому что она несовместима с их истинными культурными ценностями, 58% студентов ответили отрицательно и 28% положительно. М.Тузи утверждает, что 10% опрошенных студентов были исламистами и, по крайней мере, 75% – склонны придерживаться исламских норм (однако это не означает, что они являлись сторонниками исламизма). Г.Мансон из всего этого делает следующий вывод: менее 15% опрошенных активно вовлечены в исламистское движение, но гораздо больше студентов положительно относятся ко многому из того, что говорят исламисты⁶.

В исламистских движениях нередко принимали участие представители «нового среднего класса», то есть, как разъясняет Г.Мансон, класса, к которому относятся не слишком богатые и не слишком бедные, подвергшиеся влиянию западной культуры, обычно в светских государственных школах. Школьные преподаватели и служащие министерства образования играли заметную роль в исламистском движении. В марокканской администрации можно было встретить людей, сочувствовавших исламистам. Однако число служащих, активно участвовавших в исламистском движении, как отмечает Г.Мансон, крайне незначительно. Хотя большинство исламистов относительно вестернизированы, получили светское образование, другие, более традиционно настроенные и обычно менее образованные марокканцы также одобряли идею исламского государства.

По мнению Г.Мансона, следовало бы ожидать широкой поддержки исламистского движения со стороны более традиционных и менее привилегированных слоев, то есть рабочих, городской бедноты и крестьянства. Однако если такая поддержка и была, то она не выражалась в открытых политических действиях. Например, со времени ареста А.Ясина и его заключения в тюрьму (до 1980 г.) против этого протестовали в основном студенты и представители образованного среднего класса. Хотя А.Ясин являлся лидером крупной исламист-

ской организации «Аль-Адль валь-ихсан» (Справедливость и благочестие) и виднейшим идеологом исламистского движения в Марокко, его арест не вызвал волнений и демонстраций в народных кварталах городов, не говоря уже о деревне. Большинство людей в народных кварталах и сельской местности никогда даже не слышали о А.Ясине.

Говоря о своем журнале «Аль-Джамаа», А.Ясин признал, что журнал никогда не имел большого тиража, так как большинство марокканцев не могли читать его и позволить себе заплатить за один номер 5 дирхамов (1,28 долл. в 1980 г.). Тираж составлял 3 тыс. экземпляров, а это был самый читаемый исламистский журнал в Марокко. Однако небольшой тираж нельзя объяснить высоким уровнем неграмотности в стране. Проправительственная газета «Ле Матэн дю Саара» в 1983 г. имела тираж 70 тыс. экземпляров, газета партии «Истикляль» (Независимость) «Аль-Амаль» – 50 тыс., газета Социалистического союза народных сил (ССНС) «Аль-Мухаррир» – 17 тыс.⁷ Небольшой тираж «Аль-Джамаа» показывает, что лишь небольшое число марокканцев, большинство которых составляли студенты, были вовлечены в исламистское движение.

Переломными моментами в активизации исламистов, росте их численности стали события в Алжире в 1989 г. и конфликт в Персидском заливе в августе 1990 г. – феврале 1991 г. В 1990–1991 гг. исламисты укрепили свои позиции в университетах, а в 1994 г. установили контроль над Национальным союзом марокканских студентов. В декабре 1990 г. не без участия исламистов произошли «хлебные бунты» в Фесе и Танжере. 3 февраля 1991 г. до 300 тыс. человек приняли участие в официально разрешенной демонстрации в Рабате; манифестанты протестовали против войны с Ираком и требовали вывода марокканского контингента из состава многонациональных сил⁸. Правительство позволило провести ее, чтобы не обострять и без того сложную обстановку в стране. В демонстрации приняли участие около 10 тыс. исламистов, которые явно выделялись своей одеждой, лозунгами и дисциплиной⁹. 1 мая 1991 г. состоялась массовая манифестация, также с участием исламистов, на этот раз полиция применила силу и разогнала демонстрантов.

Ввиду возросшей активности марокканских исламистов и развернувшегося в Алжире кровавого конфликта между правящим режимом и исламистами марокканское правительство, стремясь избежать нарастания напряженности в стране, проводило политику терпимости по отношению к умеренным исламистам, изоляции радикальных исламистов. Репрессивные меры принимались в случае нарушения общественного порядка или призывов к насилию. В сентябре 1992 г. на референдуме были одобрены поправки к конституции. В частности, был снят запрет на формирование партий на религиозной и этнической основе. Тем не менее правительство отказывалось легализовать организации, в названиях которых содержалось слово «исламский». В референдуме 13 сентября

1996 г., принявшем новую конституцию страны, смогли участвовать умеренные исламисты. Они получили эту возможность благодаря объединению 2 июня 1996 г. исламистской организации «Аль-Ислах ват-таджид» (Реформа и обновление) с немногочисленной партией Народное демократическое и конституционное движение (НДКД). Формально этот блок назывался НДКД. Его образование произошло с молчаливого согласия правительства. Накануне парламентских выборов 1997 г. «Аль-Ислах ват-таджид» объединилась с небольшой исламистской организацией «Аль-Мустакбаль» (Будущее), и новая организация получила название «Аль-Ислах ват-таухид» (Реформа и объединение). Правительство впервые допустило исламистов, представленных «Аль-Ислах ват-таухид», входившей в НДКД, к парламентским выборам 14 ноября 1997 г., где они получили 9 мест. Позже число мандатов НДКД (то есть и «Аль-Ислах ват-таухид») возросло в силу разных причин до 14.

Следует отметить, что во время студенческих волнений в 1996–1997 гг. полиция вела себя более сдержанно, чем раньше. Как подчеркнул М.Тузи, полиция «наказывала студентов, но не вступала в конфронтацию с ними»¹⁰.

Представитель «Аль-Ислах ват-таджид» М.Ятим, со своей стороны, в заявлении в марте 1992 г. подтвердил умеренный характер своей организации и легитимность марокканского правящего режима, обнародовал ее новый курс – на исламизацию снизу: «Задача нынешнего момента состоит в подтверждении мирного и легального характера движения... Раньше ошибочно полагали, что проблема заключается в изменении государства сверху. Речь не идет о создании исламского государства. Оно существует на конституционном и теоретическом уровне. Проблема...состоит в том, что эта религиозная легитимность, признанная в политическом и социальном отношении, должна получить средства своего реального воплощения»¹¹. Лидер этой исламистской организации А.Бенкиран выразил свое удовлетворение состоянием отношений с властью и еще раз подчеркнул в сентябре 1996 г. умеренный характер организации: «Мы отказались от революционного выбора и хотели бы оставаться в рамках монархических институтов. Мы действуем в соответствии с принципами ислама, конституционной монархии и ненасилия»¹². В июле 1998 г. бельгийская газета «Суар» сообщила, что в Западной Европе укрепляются структуры нового исламистского движения, оппозиционного марокканскому режиму – Воюющей исламской группы (ВИГ), созданной в 1997 г. Представитель «Аль-Адль валь-ихсан», ранее занимавшей более радикальные позиции, запрещенной, но получившей возможность действовать полулегально, в интервью одной французской радиостанции назвал эту информацию «маловероятной». Он сказал, что за такими публикациями может стоять «зарубежная сторона», которая хотела бы втянуть марокканских исламистов в деятельность, участвовать в которой они «категорически отказываются»¹³. Таким образом, организация «Аль-Адль валь-ихсан»

хотела продемонстрировать, что она намерена использовать мирные средства борьбы, и стремилась избежать репрессий. Еще в 1995 г. ее лидеры заявили об отказе от насилия. Это подтверждается обращением «Аль-Адль валь-ихсан» в начале января 1998 г. к политическим партиям Марокко. В нем это течение исламистского движения призвало их начать национальный диалог, чтобы в королевстве «не случилось того, что происходит в Алжире»¹⁴. По-видимому, на изменение курса «Аль-Адль валь-ихсан» повлияли то ожесточение, которое приобрела гражданская война в Алжире, успехи, достигнутые алжирской армией в борьбе с исламистами, решительные действия марокканских властей против экстремистов, раздробленность исламистского движения в целом и разногласия внутри его течений.

О значительном влиянии исламистской идеологии в Марокко свидетельствует большой успех умеренных исламистов на парламентских выборах 27 сентября 2002 г. Если они в 1997 г. под эгидой НДКД получили 14 мест в Палате представителей, то в 2002 г. фактически исламистская «Аль-Адль ват-танмия» (Справедливость и развитие), сформированная в 1998 г. вместо НДКД, – 42 места. Больше получили лишь ССНС – 50 и «Истикляль» – 48. Партия «Истикляль», где сильны про-исламистские позиции, также добилась успеха – в прежнем составе Палаты представителей она имела 32 депутатских мандата¹⁵.

Захват власти в Марокко радикальными исламистами маловероятен. Это объясняется, в частности, относительной слабостью исламизма в Марокко. Одна из причин этой слабости – отсутствие опоры в сельской местности. Другая причина заключается в существенном отличии политизированного ислама от ислама, который исповедует большинство марокканских мусульман. Еще одна причина – это умелое использование Хасаном II политики «кнута и пряника» по отношению к радикальным исламистам. С одной стороны, им противостоял мощный, отлаженный репрессивный аппарат, который в случае необходимости крайне жестко реагирует на их действия. Постоянно осуществляется тщательный мониторинг исламистского движения. С другой стороны, властям удается отколоть от радикального исламистского движения часть исламистов, субсидируя издание газет и журналов, в которых пропагандируется идея возвращения к исламу Пророка и «праведных халифов», но не ставится под сомнение политический статус-кво в Марокко. Наконец, в 90-х годах современный марокканский средний класс, подавляющее большинство буржуазии и политической элиты, с учетом алжирской трагедии и некоторого продвижения по пути либерализации и демократизации, не хотели жить в условиях тоталитарной исламистской системы. Позиция «Аль-Адль валь-ихсан» стала менее радикальной, и она официально отказалась от насильственных методов борьбы (однако и в начале первого десятилетия XXI века она и ее публикации находились под запретом). Умеренная исламистская партия «Аль-Адль ват-танмия» демонстри-

рует лояльность по отношению к монархии. Как подчеркивает М. Рутвен, автор статьи об исламистских движениях в ежегоднике «Миддл Ист энд Норт Африка», «марокканские исламисты ... отличаются относительной умеренностью, не идя на прямую конфронтацию с государством и не бросая прямой вызов власти короля»¹⁶. Лояльны также суфийские ордена, светские политические партии. Основная масса марокканцев, напуганная кровопролитным конфликтом в Алжире, не желает прихода радикального исламизма к власти. Присягу монарху вот уже много лет не нарушают армейские офицеры.

Молодой король Мухаммад VI, пришедший к власти в июне 1999 г., продолжал проводить толерантную политику по отношению к умеренным исламистам, но жестко действовать против радикальных исламистов, пытающихся дестабилизировать ситуацию в Марокко. По случаю национального праздника 20 августа он подчеркнул, что «в новом политическом пейзаже страны нет места тем, кто пытается уничтожить демократию»¹⁷. В июне 2002 г. была раскрыта подпольная ячейка террористической организации «Аль-Каида». В начале августа подверглись аресту несколько десятков человек по подозрению в принадлежности к экстремистской группировке «Ас-Салафия аль-джихадия». В июле 2003 г. состоялся судебный процесс над членами этой организации: 10 из 30 арестованных исламистов еще до террористических актов в Касабланке 16 мая 2003 г., когда погибли 43 человека, были приговорены к смертной казни¹⁸. Правительство усилило контроль над деятельностью имамов (составление перечня обязанностей имама, нарушение которого наказывалось увольнением с работы или тюремным заключением), приняло новый закон по борьбе с терроризмом, ужесточивший наказание. В конце июля 2003 г. в связи с годовщиной своего восшествия на трон Мухаммад VI подчеркнул необходимость быстрого принятия закона о запрещении создания политических партий на религиозной, языковой или региональной основе. МВД держит под наблюдением деятельность исламистских организаций (их насчитывается по крайней мере около тридцати). Периодически обнаруживаются тайные склады оружия, в некоторых случаях исламистам выносятся смертные приговоры. Марокканские спецслужбы сотрудничают со своими американскими коллегами в отслеживании террористов марокканского происхождения, обосновавшихся в Западной Европе. П.Вольфовиц, заместитель министра обороны США, заявил, что Марокко является одним из мусульманских государств, проявляющих весьма большую активность в войне против «терроризма» и «религиозного обскурантизма»¹⁹.

Важным фактором, объединяющим марокканцев вокруг трона, является проблема Западной Сахары. Продолжает действовать, как и в далеком прошлом, харизма короля как духовного руководителя марокканцев и как представителя шерифской династии, хотя в городе она проявляется заметно слабее, чем в сельской местности. Один из про-

поведников Танжера шейх аз-Зимзини, которого уважали многие жители этого города, в 70–80-х годах не раз осуждал политику правительства и Хасана II. Он якобы называл короля «амир аль-хаи'нин» (повелителем изменников) по аналогии с «амир аль-му'минин» (повелителем правоверных). Во время «хлебных бунтов» в январе 1984 г. их участники скандировали антикоролевские лозунги и писали соответствующие «граффити»: «Долой Хасана II!», «Мухаммад V был нашим отцом, а кто ты?». В частных беседах рабочие, школьники и студенты называли небылицами традиционные представления о священной личности монарха. Тем не менее в июле 1999 г. около двух миллионов марокканцев заполнили улицы Рабата, чтобы отдать последнюю дань уважения Хасану II. Печаль была всеобщей. Местная пресса разного политического спектра называла Марокко «осиротевшим ребенком», называла покойного короля «великим мировым лидером» и «символом национального единства». Европейская печать, в особенности испанская и французская, была озадачена столь неожиданной поразительной популярностью короля, которого она считала ответственным за авторитаризм, многочисленные нарушения прав человека и прогрессирующую бедность населения. Марокканский исследователь А.М.Маграуи задает вопрос о том, почему подавляющая часть марокканцев выражала скорбь по поводу кончины Хасана II. Он приходит к выводу, что марокканцы все более склонны видеть в монархе светского правителя, а не носителя божественной наследственной святости и священного королевского сана. Марокканцы могут считать Хасана II нечестным и несправедливым, но подавляющее большинство их рассматривают монархию как символ национального единства и законную форму правления. «Похороны явились подтверждением народом институциональной монархической власти, а не личной королевской власти»²⁰.

Испанский магрибист А.Парехо Фернандес проинтервьюировал 62 парламентария и опросил с помощью анкет 66 депутатов, избранных в Палату представителей на парламентских выборах 25 июня 1993 г. На вопрос о том, возможен ли приход радикальных исламистов к власти в Марокко, 61,15% депутатов ответили, что это невозможно. 10,61% депутатов ответили, что это зависит от обстоятельств. 9,09% полагали, что угроза радикального исламизма реальна. Причину отсутствия, с их точки зрения, исламистской опасности 44% усматривали в том, что король является «повелителем правоверных», то есть духовным руководителем марокканских мусульман. 26% объясняли невозможность прихода исламистов к власти специфичностью ислама и общества в Марокко. Исторически ислам был элементом, скрепляющим единство страны. Марокканский ислам маликитского толка характеризуется терпимостью. Марокканское общество в целом отличается открытостью и терпимостью и не склонно к проявлению фанатизма. 12% депутатов считали демократию и многопартийность щитом от исламизма. 12%

полагали, что ситуация в Марокко отличалась от ситуации в Алжире, Тунисе и других арабских странах, в которых исламисты имели большое влияние. 6% парламентариев считали, что исламистское движение в Марокко характеризовалось слабостью²¹.

Правящий режим Марокко постоянно акцентирует внимание на исламе, его значении в образовании, культуре, духовной жизни, подчеркивает свою роль в сохранении исламских ценностей. Один набожный марокканец сказал по поводу исламистов: «Почему эти люди требуют установления исламского государства? В Марокко оно уже существует»²². Хасан II активно участвовал в работе международных исламских организаций. Он был председателем Комитета по освобождению Иерусалима, организовал Исламскую конференцию министров иностранных дел, щедро финансировал строительство мечетей, из которых выделяется самая дорогостоящая мечеть в мире и вторая по величине в арабском мире после мечети в Мекке – Мечеть Хасана II в Касабланке. Она была открыта в 1993 г. и вмещает около 100 тыс. верующих. Ее минарет высотой в 175 метров можно увидеть в радиусе 60 километров. Зал, где молятся, освещен 30 люстрами диаметром от трех до шести метров²³. Однако если для одних марокканцев эта мечеть – символ марокканского ислама и законности монархического режима, для других, как ни парадоксально, – символ нелегитимности монархии. Г.Мансон не раз слышал, как марокканцы из разных слоев общества жаловались на то, что их заставляли «жертвовать» часть своих доходов на сооружение Мечети Хасана II, которую король мог бы построить, продав один или два из своих нескольких дворцов. Многие марокканцы говорили, что миллионы долларов, потраченные на сооружение этой мечети, следовало бы использовать для обеспечения работой безработных²⁴.

10 октября 2003 г. Мухаммад VI заявил на открытии парламента о намерении реформировать «Мудавана», или семейный кодекс, оставшийся почти без изменений после достижения независимости. Эта реформа укрепила бы позиции монархии в противостоянии исламистам. С ее проведением Марокко стало бы наряду с Тунисом первой из арабских стран, «либерализовавшей» статус женщины в обществе. Инициатива короля получила высокую оценку как внутри страны, так и за рубежом. Реформа удовлетворяет большинство требований марокканских феминисток, они получают даже больше того, на что надеялись, в особенности в области развода и ограничения полигамии. Первые две женщины были избраны в Палату представителей в 1993 г., а первые женщины вошли в состав «альтернативного правительства» в качестве «министров-делегатов» в 1998 г. Из 28 женщин в Палате представителей лишь семь были избраны по обычным партийным спискам, а остальные прошли по «национальному списку»²⁵. Многие члены умеренной исламистской партии «Аль-Адль ват-танмия» настороженно восприняли намерение короля осуществить реформу: они

поддерживают реформу, способствующую модернизации страны, но не противоречащую нормам ислама. Сам лидер исламистской парии А.Бенкиран, однако, в принципе поддержал реформу, заявив: «В целом новый кодекс семьи имеет позитивное значение, были приняты все меры предосторожности, чтобы он вписался в рамки ислама»²⁶.

При сохранении нынешней тенденции к усилению влияния умеренного исламизма возможен его приход к власти через парламентские выборы. Эту тенденцию можно ослабить или остановить приданием нынешней прозападной политике Марокко более сбалансированного характера, успешными экономическими реформами, которые, однако, должны непременно сопровождаться мерами по улучшению положения широких масс. В настоящее время по-прежнему остро стоит проблема бедности и безработицы. Если удельный вес бедных сократился с 21 до 13% за 1984–1992 гг., то к 2000 г. он увеличился до 19%. До 27% населения являются безработными²⁷.

¹ Цит. по: The Middle East Journal. Wash., v. 40, spring 1986, № 2, с. 268.

² El Maghreb: concertación, cooperación y desafíos. Madrid, 1993, с. 280.

³ Jeune Afrique. P., 17–23 avril 1991, № 1581, с. 39.

⁴ The Middle East. L., February 1993, № 220, с. 21.

⁵ The Middle East Journal. Wash., v. 40, spring 1986, № 2, с. 271.

⁶ Там же, с. 274–275.

⁷ Там же, с. 280.

⁸ The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 877.

⁹ El Maghreb: concertación, cooperación y desafíos. Madrid, 1993, с. 285.

¹⁰ Maghreb-Machrek. P., avril-juin 1999, № 164, с. 67.

¹¹ Там же, с. 79–80.

¹² The Middle East Journal. Wash., v. 51, summer 1997, № 3, с. 399.

¹³ Цит. по: Компас. М., 09.07.1998, № 27, с. 83.

¹⁴ Бабкин С.Э. Движения политического ислама в Северной Африке. – М., 2000, с. 190.

¹⁵ Middle East International. L., 11 October 2002, № 685, с. 18–19.

¹⁶ The Middle East and North Africa 2004. L., 2003, с. 111.

¹⁷ Пульс планеты. М., 03.09.2002, с. «СВ»-6.

¹⁸ Пульс планеты. М., 11.07.2003, с. «СВ»-8.

¹⁹ The Middle East and North Africa 2004. L., 2003, с. 111.

²⁰ Journal of Democracy. Wash., v. 12, January 2001, № 1, с. 74.

²¹ Parejo Fernandes A. Las elites políticas marroquies: les parlementaires (1977–1993). Madrid, 1999, с. 319, 322.

²² Munson H. Religion and Power in Morocco. New Haven, L., 1993, с. 176.

²³ Современные африканские лидеры. – М., 2001, с. 33.

²⁴ Munson H. Religion and Power in Morocco. New Haven, L., 1993, с. 193.

²⁵ Monde Arabe. Maghreb-Machrek. P., printemps 2004, № 179, с. 79.

²⁶ Monde Arabe. Maghreb-Machrek. P., printemps 2004, № 179, с. 98.

²⁷ Ближний Восток и современность. Сборник статей. Вып. 22. – М., 2004, с. 139.

**ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
И РЕЛИГИОЗНАЯ ИНДОКТРИНАЦИЯ
ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
И ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ИРАНА**

Главной задачей любой политической силы, находящейся у власти, является организация поддержки существующего режима со стороны населения. По причине того, что в основу построения Исламской Республики Иран положена теократическая модель государственной системы, формирование ценностных ориентаций, установок и взглядов людей неизбежно происходит при доминирующем влиянии исламских канонов или, другими словами, религиозной идеологии.

Функцию организатора деятельности, направленной на формирование понятной всем идеологии, воспитание верующего в исламские духовные идеалы и истины народа, а также обеспечение строгого и неукоснительного соблюдения норм религии в Иране выполняет обладающий огромной разветвленной сетью различных институтов идеологический аппарат. К проведению мероприятий в рамках идеологической обработки населения привлечены, в частности, Корпус стражей исламской революции (КСИР), Силы сопротивления «басидж», партия «Ансаре Хезболла», Ассоциация мусульманских студентов, Координационный совет исламской пропаганды, государственное радио и телевидение, газеты «Кейхан», «Коде», «Джомхури-е Эслами».

Реализация задачи по поддержанию авторитета существующей системы осуществляется путем использования различных форм и методов, выдержанных в духе господствующих в иранском обществе установок.

В ИРИ осуществляется всеобъемлющий духовно-политический контроль над жизнедеятельностью каждого индивида по направлениям:

- религиозно-правовая регламентация на всех уровнях общественных отношений, что выражается в использовании следующих инструментов;

- право свободы вероисповедания ограничено, поскольку законодательно установлен перечень религий, которые граждане могут исповедовать наравне с мусульманством – христианство, иудаизм и зороастризм;

- интересы господствующего (мусульманского) вероучения обеспечиваются религиозным цензом на занятие многих высших государ-

ственных должностей, например, правом быть главой государства или членом парламента обладают лишь представители доминирующей религии;

- взгляды и ориентации, не связанные с господствующим вероучением, неприемлемы и пресекаются.

Также имеет место идеологизация всех сфер социальной жизни:

- все интересы и ценности общества концентрируются в религии;
- требование соблюдения строгих правил культового порядка;
- программы социальной деятельности и функции государственной власти определяются не столько условиями социально-экономической и политической жизни общества, сколько необходимостью реализации религиозно-правовых предписаний.

Для Ирана характерен жесткий государственный контроль в сфере распространения информации:

- запрещено создание частных телевидения и радио;
- запрещено спутниковое телевидение;
- деятельность печатных СМИ происходит при тщательном контроле со стороны наблюдательных комитетов и судов по делам печати;
- существует цензура, запрещающая пропаганду любых неисламских и тем более антиисламских взглядов.

Огромное внимание руководство страны уделяет религиозно-идеологической обработке личного состава вооруженных сил.

Основными направлениями такой обработки личного состава ВС сегодня являются:

- воспитание иранских солдат в духе высокой религиозности, преданности представителям высшей государственной власти;
- пропаганда исламского вероучения, образа жизни и правления;
- распространение идей панисламизма, «защиты суверенитета», территориальной целостности и «священной религии» от «неверных»;
- пропаганда «джихада» и «шахадата» (готовности к самопожертвованию во имя ислама);
- антиамериканская пропаганда.

Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами ИРИ является духовный лидер нации, глава шиитской общины, он же политический руководитель страны, который обладает практически неограниченными полномочиями во всех военных и военнополитических вопросах. В настоящее время – это аятолла Али Хаме-неи. Во всех органах военного управления у него есть личные представители, которые при помощи своих аппаратов контролируют деятельность соответствующих командующих и штабов. Без их санкции ни одно решение или приказ не могут быть проведены в жизнь. В военном законодательстве ИРИ сформулированы пять основных принципов, которыми должны руководствоваться ее вооруженные силы:

- принадлежность к исламу, предусматривающая «ответственность за осуществление пророческой миссии на пути к Аллаху»;

- «Велаят-е факих», то есть абсолютное верховенство шиитских вероучителей в решении судебных и управленческих дел государством и его армией;
- полное и нерушимое единоначалие;
- внепартийность (личному составу вооруженных сил категорически запрещено членство в любых партиях и политических организациях);
- дисциплина, требующая полного и безусловного выполнения всех приказов и распоряжений под страхом суровых наказаний.

Наиболее влиятельным органом религиозно-политического руководства страны, играющим особую роль в проведении религиозно-идеологической обработки среди населения и военнослужащих, является сформированный в первые месяцы после победы исламской революции 1979 года «Сепак-э пасдаран-э энкелаб-э золами» – Корпус стражей исламской революции (КСИР). Согласно Конституции Исламской Республики Иран, «Корпус стражей исламской революции сохраняется для осуществления своей роли по охране революции и ее достижений. Функции и сфера ответственности КСИР в рамках других структур вооруженных сил ИРИ определяется законом с особым акцентом на их братское сотрудничество и взаимодействие».

Законом, принятым в мае 1982 г., предусматривается, что целью КСИР является защита исламской революции Ирана, ее завоеваний, священная война на пути Божьем (джихад), распространение господства закона божьего в мире в соответствии с законами Исламской Республики Иран и всемерное укрепление оборонной основы Исламской Республики посредством взаимодействия с другими вооруженными формированиями, военного обучения народных масс и руководства ими.

Высшим государственным и военным руководством Ирана на КСИР кроме задач армейской специфики возложены и религиозно-исламские задачи, а именно:

- предотвращение проникновения в страну «западной идеологии и культуры»;
- контроль за строгим соблюдением всеми гражданами исламских норм жизни и морали;
- претворение в жизнь концепции «экспорта исламской революции».

Поэтому с целью превращения КСИР в надежную опору исламского режима осуществляется интенсивная религиозно-идеологическая обработка его личного состава. Руководство Ирана считает, что так как КСИР – это военно-идеологический, политический орган, то все его члены должны хорошо знать каноны ислама и иметь соответствующую идейно-политическую подготовку. По словам А.Хаменеи, если в корпусе не будет усиленного изучения идейно-политических проблем, то его нельзя считать действенным органом исламской революции.

С целью выполнения задачи по организации и проведению этой работы в составе КСИР функционируют два управления – идейно-политическое, пропаганды и печати.

Работой этих управлений руководит представитель руководителя страны в корпусе. Он лично назначает из числа духовенства начальников этих управлений, утверждает тематику, программы идейно-политической подготовки, а также направление и содержание пропаганды и печати.

Воспитательная работа среди личного состава ведется в двух главных направлениях – идейно-политическом и религиозном.

Характерно, что эти два направления тесно переплетены между собой. Так, в основу содержания идейно-политического воспитания личного состава КСИР положены: догмы ислама шиитского направления и положения шариата, а религиозные аспекты все теснее переплетаются с конъюнктурой политической жизни в стране и за рубежом.

Занятия в основном посвящены следующей тематике:

- пропаганда исламской революции. Продолжает подчеркиваться ее всемирный характер и необходимость экспорта в другие страны. Это положение было в свое время выдвинуто аятоллой Хомейни. «Мы, – заявлял он, – распространяем нашу революцию по всему миру, поскольку наша революция исламская. Пока во всем мире не победит ислам, борьба будет продолжаться»;

- пропаганда джихада (священной войны с неверными), который используется правящим духовенством для поддержания у пасдаранов (стражей) высокого боевого духа и веры в справедливость идей экспорта исламской революции. Аятолла Хомейни проповедовал, что кровь, пролитая во имя джихада, делает ислам еще более блестящим и дает душу потомкам;

- призывы следовать шахадату (самопожертвование в борьбе за веру). Всем стражам внушается, что самопожертвование является богоугодным делом для правоверного мусульманина, а шахидам (погибшим за веру) обещается прощение всех их грехов и прямой путь в рай. В этой связи аятолла Хомейни учил: «Красная смерть во много раз лучше черной жизни. Мы сегодня нуждаемся в шахадате с тем, чтобы завтра наши дети с гордостью противостояли миру безбожия».

Практика показала, что подобная пропаганда очень действенна и ведет к тому, что, например, в ходе боевых действий на ирано-иракском фронте были неоднократные случаи, когда впереди атакующих войск посылались 14–15-летние подростки. Как отмечалось в зарубежной печати, они шли по минным полям и ценой собственных жизней открывали проходы идущим за ними войскам. Эти юноши искренне верили, что после смерти их ожидает прямой путь в рай.

Основными формами и методами, которые используются в идейно-политическом и религиозном воспитании личного состава корпуса в духе верности исламским канонам и правящему режиму, являются устная и печатная пропаганда, наглядная агитация.

К мероприятиям устной пропаганды можно отнести следующие:

- беседы и лекции на религиозные темы;

- ежедневные намазы (молитвы) в составе подразделения;
- еженедельно по выходным дням в пятницу в масштабе частей организуются намазы, на которых выступают высокопоставленные религиозные и политические деятели, командиры. Во время этих выступлений наряду с чисто религиозными затрагиваются вопросы повседневной жизни, дается трактовка актуальных внутренних и международных проблем;

- существует несколько радио и телепрограмм для КСИР. Действует широкоэмиттерная радиостанция «Радио сепаш» («Радио корпуса»), которая ведет передачи не только на личный состав КСИР и население Ирана, но и на зарубежные страны.

К мероприятиям печатной пропаганды относятся:

- издание более десяти газет и журналов, среди которых большинство многотиражных, в том числе «Масдар-э эслам» («Страж ислама»), «Пейам-э энкелаб» («Вестник революции») и другие;

- выпуск большого количества пропагандистских брошюр религиозного и политического содержания. Часть материалов издается на иностранных языках (английском, арабском) для зарубежного читателя.

Использование наглядной агитации – боевая техника расписана изречениями из Корана, танки и бронетранспортеры украшаются флагами – зелеными (цвет ислама) и красными (цвет самопожертвования).

Непосредственно на уровне части ответственность за организацию и проведение мероприятий по идейно-политическому и религиозному воспитанию военнослужащих возложена на командиров частей и «попечителей», или войсковых мулл, находящихся во всех звеньях до взвода включительно. Подготовка последних в целях их решающего влияния на военнослужащих уделяется особое внимание. Она осуществляется в специальных учебных центрах, созданных при всех действующих в стране теологических школах (Кум, Мешхед, Исфаган и др.), всего около 20. Программа обучения для организаторов религиозной работы в крупных войсковых соединениях рассчитана на двухнедельный срок. Для проведения занятий привлекаются духовные лица низшего и среднего ранга, а также студенты-теологи. Основной упор в обучении делается на следующие предметы:

- методика преподавания Корана;
- исламская нравственность;
- политический анализ;
- история ислама;
- вопросы шариата;
- формы и методы пропагандистского, идеологического воздействия;
- военная подготовка.

Для непосредственной работы в подразделениях организованы курсы подготовки религиозных деятелей на уровне бригады. По завершении подготовки в бригаде муллы направляются в подразделения и части КСИР для работы. Некоторое число выпускников занима-

ет командные должности. Присутствие представителей духовенства в военных структурах исламских стран, по мнению их руководства, призвано способствовать решению следующих задач:

- обеспечение понимания военными служащими значимости их принадлежности к Вооруженным силам и целей, стоящих перед ними;

- повышение у личного состава боевого духа и воодушевление его на самоотверженную службу;

- ведение религиозной пропаганды, а также осуществление контрпропагандистской деятельности, направленной на нейтрализацию антигосударственного и антиисламистского влияния на офицеров и солдат;

- приобретение духовными лицами необходимого пропагандистского и боевого опыта.

Еще одно мощное идеологическое оружие в руках исламского руководства ИРИ представляют собой Силы сопротивления «басидж» (ССБ).

Военно-политическое руководство Исламской Республики Иран в рамках осуществления программы модернизации вооруженных сил страны значительное внимание уделяет вопросам развития и совершенствования резервных компонентов ВС. В Конституции ИРИ сказано, что «правительство обязано подготовить для всех граждан план и условия военной подготовки в соответствии с исламскими нормами, чтобы все обладали навыками вооруженной защиты страны и исламского республиканского строя». Во исполнение данного конституционного положения на базе доктринальной концепции «Исламской армии 20 миллионов» (т.е. каждый третий иранец должен был овладеть «навыками вооруженной защиты страны и исламского республиканского строя»), разработанной основателем Исламской Республики Иран покойным аятоллой Хомейни, уже в первые месяцы существования ИРИ в 1980 г. была создана «Организация мобилизации обездоленных иранского народа» (Саземане басидже мостазефине мардуме Иран) или кратко – «басидж» (мобилизация – фарси).

Авторитет военнослужащих «басидж» в Иране непререкаем. В целом ССБ – это хорошо организованная военно-идеологическая организация.

Руководство ИРИ понимает степень воздействия на население проводимых с помощью системы «басидж» мероприятий по индоктринации. Поскольку с мобилизационной точки зрения Силы сопротивления «басидж» являются наиболее многочисленным резервным компонентом, то, охватывая своей подготовкой население, руководство ССБ тем самым обеспечивает проникновение в широкие массы государственной идеологии. По утверждению командующего ССБ бригадного генерала Мохаммада Хеджази, в настоящее время силы «басидж» насчитывают 10 млн. «религиозных, готовых к выполнению своих функций на всех фронтах» членов. Таким образом, если в Иране сейчас проживает порядка 45 млн. человек старше 15 лет, то через систему обучения и подготовки «басидж» прошел каждый четвертый житель страны.

Кроме своих обязанностей по обеспечению внутренней безопасности в стране, подготовке резерва из числа приписного состава на чрезвычайный период и в ходе военных действий на Силы сопротивления «басидж» возложены задачи по проведению идеологической обработки и морально-психологической обработки военнообязанных ИРИ. Таким образом, ССБ делится на две структуры – военная и идеологическая.

Идеологическая структура Сил сопротивления «басидж» представлена органами религиозно-идеологического воздействия и воспитания всего личного состава ССБ. Руководит работой идеологических органов управление пропаганды, входящее в Центральный штаб ССБ, через который командующий этими силами осуществляет руководство войсками «басидж». Во главе управления стоит личный представитель Верховного лидера Исламской республики Иран. На этот важный пост выдвигается высокопоставленный представитель шиитского духовенства. В своей повседневной работе представитель Верховного лидера ИРИ опирается на заместителей и канцелярию. Ему подчинены духовные наставники (муллы) всех учреждений, частей и подразделений ССБ. Политико-идеологический аппарат «басиджа» решает следующие задачи:

- планирование и организация процесса религиозного, политико-идеологического воспитания личного состава «басидж» на основе строжайшего соблюдения законов ислама и положений Корана;
- планирование и проведение мероприятий по морально-психологической подготовке личного состава ССБ;
- организация постоянного наблюдения и целенаправленного контроля за политико-идеологическим и морально-психологическим состоянием ополченцев и резервистов и их лояльностью режиму;
- планирование и проведение широких пропагандистских кампаний в периоды мусульманских праздников, в «недели «басидж», дни поминовения погибших за веру членов ССБ и КСИР (организация демонстраций, маршей, шествий, митингов, распространение наглядной агитации и т.д.);
- взаимодействие с финансовыми и тыловыми органами ССБ и КСИР в вопросах обеспечения финансовыми, материально-техническими средствами религиозной и политико-идеологической работы, строительства и оснащения культовых сооружений;
- организация и проведение постоянных широких агитационно-пропагандистских кампаний среди всех слоев населения с целью привлечения в ряды «басидж» как можно большего числа людей;
- осуществление контроля за уровнем компетентности преподавательского состава и духовных наставников, проверка их лояльности существующему режиму.

Процесс обучения в системе ССБ подразделяется на три этапа: первоначальный, дополнительный и этап совершенствования полученных навыков.

Первичная подготовка гражданских лиц осуществляется по месту жительства без отрыва от производства и в учебных центрах Сил сопротивления «басидж» и гарнизонах КСИР, а там, где они отсутствуют, – при местных мечетях. Инструкторами в них назначаются кадровые сотрудники КСИР или бывшие военнослужащие. Особое внимание начальной военной подготовке уделяется в высших и средних учебных заведениях.

В программе военной подготовки предусматривается (кроме обучения обращению со стрелковым оружием, простейшей тактике ведения боевых действий, правилам оказания первой медицинской помощи, физической подготовки) значительное время для политико-идеологической обработки (изучение истории ислама, Корана). Продолжительность первоначального обучения составляет от двух-трех недель до одного-трех месяцев. Разработка программ для первоначального обучения осуществляется командованием ССБ в тесном взаимодействии с министерством высшего образования ИРИ, министерством исламской ориентации и культуры, что позволяет внедрить начальную военную и идеологическую подготовку в учебную программу практически всех учебных заведений страны.

Основная масса личного состава подразделений ССБ занята работой в гражданском секторе. Поэтому чтобы заинтересовать людей в службе в ССБ, правительство страны в структуре ССБ создало экономическое отделение, через которое лица, проходящие службу в подобных подразделениях, пользуются льготами материального характера. В целях экономической поддержки ССБ, согласно военно-стратегической концепции «опоры на собственные силы», в Иране введен скрытый налог: один процент от доходов ведущих государственных и частных компаний расходуется на нужды ССБ. Кроме того, территориальные и муниципальные власти за счет изыскания средств из местных бюджетов должны освободить от налога на недвижимость здания и объекты, закрепленные за ССБ.

Сами мероприятия, которые разрабатывает и осуществляет политико-идеологический аппарат «басидж», проводятся регулярно. Основным поводом для проведения различных форумов в последнее время стала оккупация Ирака американскими войсками. На этих собраниях военнослужащим ССБ разъясняется современная политическая ситуация, даются конкретные поведенческие установки. Так, например, в конце июля 2003 г. в Тегеране прошло первое всеиранское совещание командного состава ССБ, на открытии которого присутствовал командующий КСИР дивизионный генерал Рахим Сафави. Генерал заявил, что «Америка под предлогом борьбы с терроризмом, ликвидации оружия массового уничтожения и укрепления демократии и свободы осуществила нападение на Афганистан и Ирак и оккупировала эти страны, что привело к гибели ни в чем неповинных людей». Р.Сафави обвинил американцев в стремлении создать новую импе-

рию, захватить территорию Ближнего и Среднего Востока, использовать энергетические ресурсы региона и переkreить его географическую карту, прицелиться в самое сердце исламского мира.

В связи с этим Р.Сафави призвал «превратить оборону своих рубежей в оборону территории». По мысли командующего КСИР, это означает, что «иранский народ не позволит врагам находиться ни в одной точке национальной территории». Таким образом, официальный Тегеран пытается добиться от личного состава ССБ веры в то, что руководство возлагает большие надежды на Силы сопротивления «басидж», а также понимания того, что именно «басидж» «своими активными повсеместными действиями должны сделать невозможным присутствие врагов на иранской земле». Так, генерал Р.Сафави отметил в своем выступлении, что «солдаты «басидж» – это воплощение разума и мудрости, проявление мужества и любви». По словам командующего КСИР, «они – пример служения обществу и иранскому народу, готовности защищать само существование Ислама».

В течение последнего десятилетия отмечался ряд случаев, когда члены «басидж» выполняли чисто полицейско-жандармские функции: умирляли демонстрантов, «смутьянов», выступающих как с экономическими, так и политическими требованиями. При этом полиция и КСИР были в стороне. Этим власти как бы демонстрировали, что сам народ («басидж») оказывает сопротивление антинародным элементам – «смутьянам». Часто членов «басидж» использовали местные исламские радикалы против сторонников реформ. Подобное отмечалось и во времена студенческих волнений, охвативших страну несколько лет назад, так и ныне. По поступившим в июне 2003 г. сведениям из Тегерана, против студентов, выступивших за эффективность политико-экономических реформ против ортодоксов-консерваторов, были брошены члены «басидж», вооруженные дубинками и камнями.

Таким образом, иранскому военно-политическому руководству на основе Сил сопротивления «басидж» удалось создать в стране достаточно отлаженную систему централизованного обучения гражданского населения основам военной, идеологической и морально-психологической подготовки.

Одна из самых главных опор и союзников теократического государства в проведении идеологической обработки населения – это религия. Их тесное взаимодействие относится к существенным свойствам таких государств. На данное обстоятельство обращается внимание практически во всех исследованиях истории государства и права как западных, так и восточных цивилизаций. Единство целей теократического государства и клира обуславливают их совместную деятельность по реализации групповых интересов, характеризующих данные институты как определенные коллективы. Духовные потребности индивида, лежащие в основе создания религиозных объединений, отходят на второй план. Целью государственно-церковных отно-

шений в теократии является главным образом не обеспечение личности свободы совести и вероисповедания, а укрепление политико-идеологического единства в обществе.

Это достигается с помощью различных мероприятий религиозного толка, к которым можно отнести:

- групповые молебны и проповеди. Особенно крупные идеологические мероприятия проводятся в дни религиозных и государственных праздников. Для воинских подразделений характерно проведение молитвы для всего личного состава, который собирают в мечети или на специально отведенной площади, где после торжественной читки Корана и проповеди происходят ритуальные объятия между рядом стоящими военнослужащими как символ демократизма и всеобщего равенства в мусульманской армии;

- беседы на религиозные темы, лекции по религиозно-политической тематике (на них, в частности, в иранской армии отведено 8 часов в неделю);

- пропаганда идей «джихада» (священной борьбы за веру) и «шахадата» (самопожертвования в войне за веру) – военнослужащих воспитывают на примерах «шахидов» (мужественных борцов, павших во имя торжества ислама). В шиитском исламе мученик-шахид – это прежде всего воин, который идет сражаться даже против во много раз превосходящей его силы. Самый почитаемый шиитский мученик, имам Хусейн, вышел против четырехтысячного войска халифа Язида с отрядом всего лишь в 70 человек. Имам Хомейни делал особый акцент на воинском начале в практике шахадата. Таким образом, в Иране сложилась уникальная тысячелетняя традиция мученичества, определяющая менталитет одной из самых древних наций на земле.

Особое место в системе морально-политического воспитания занимают массовые «пятничные намазы». Часто пятничные намазы проводят представители высокопоставленного духовенства. Эти намазы из чисто культовых обрядов давно уже по своему существу превращены в политические мероприятия, так как основное время на них отводится разъяснению внутренней и внешней политики Исламской Республики Иран. Пятничная молитва, являясь одним из самых важных религиозных ритуалов постреволюционной Исламской Республики Иран, по всей стране собирает миллионы людей. Она представляет собой еженедельное собрание мусульман в последний день каждой недели. Этот день рекомендуется «Священным Кораном». Все участники молитвы внимательно слушают проповедь, которую проводит самый образованный клерикал своего района, называемый «имам джом-е».

Проповедник сначала призывает людей к справедливости и добродетельным делам, а затем касается общих социально-экономических и политических проблем недели. В завершении ритуала во главе с имамом все верующие встают в ровные ряды и произносят молитву, разделяя общее чувство радости, солидарности, понимания и ощу-

щения взаимосвязи со своими братьями мусульманами. Основатель исламской революции аятолла аль-узма А.Хомейни считал этот религиозный ритуал в первые решающие годы исламской революции необходимым для руководства политическим сознанием населения.

Звание «аятоллы аль-узма» – «величайший аятолла» имеют немногие богословы Ирана. Сам титул «аятоллы» значит «знамение Аллаха». Первая его часть – «аят» – слово, которое обозначает и «стих» Корана. Таким образом, то, что исходит из уст аятоллы, приравнено к кораническому откровению. Глава шиитского духовенства Ирана называется по-персидски «мердже-и таклид» – «образец для подражания». Он считается наместником «сокрытого имама», то есть непосредственным выразителем воли Аллаха. Этот титул введен в Конституцию Исламской Республики Иран, его носил покойный имам Хомейни.

В целом успех и популярность пятничного намаза определяется во многом шиитскими традициями иранцев. Для шиита мечеть – это не только и не просто молевой дом. Это своего рода клуб, в котором после молитвы он может провести не один час, пить чай, вести мирские беседы, даже деловые переговоры. Поэтому, естественно, что в моменты обострения политической ситуации мечети в Иране превращаются в центры идеологической борьбы, политической агитации и пропаганды.

Для организации пятничных молитв существует институт пятничных имамов. Определением общей политики деятельности пятничных имамов и координации их действий по всей стране занимается Совет по определению политики пятничных имамов. Председателем этого Совета в настоящее время является ходжат оль-эслам Сейед Реза Такави. Непосредственно ему подчинены работающие в 465 городах исламской республики штабы по проведению пятничных намазов, в которых в общей сложности занято около 9 тыс. человек. Прямая обязанность пятничных имамов и членов названных штабов – постоянно заниматься религиозной и пропагандистской деятельностью. Ежегодно проводится конференция лидеров пятничных молитв.

Особенное значение также придается религиозным праздникам и памятным дням. Подобные праздники используются правящей теократией в качестве предлога для проведения мероприятий информационно-пропагандистского характера.

Так, например, по случаю окончания мусульманского месяца Рамадан 26 ноября 2003 года Верховный лидер провел пятничную молитву в мавзолее имама Хомейни. Обращаясь к сотням тысяч собравшихся мужчин и женщин, духовный лидер заявил, что «международный День Иерусалима (в Иране в день окончания священного месяца Рамадан отмечается День Иерусалима) знаменует решимость мусульман в противодействии Соединенным Штатам и Израилю. Великий и единый народ Ирана продемонстрировал свою мощь и глубокую ненависть к сионистам и их американским союзникам, чтобы защитить невинный

народ Палестины, а также укрепил статус Исламской республики во всем мире». В своей проповеди Верховный лидер призывал иранский народ быть уверенным в своих силах, демонстрировать свое единство и сплоченность, вселял в умы собравшихся мысль о том, что «даже если администрация США в 10 раз увеличит свой военный бюджет, она не сможет сделать своими заложниками народы Ближнего Востока, так как иранский народ уже дал образец поведения другим народам региона». Речь имама представляла собой лекцию о политической ситуации в ближневосточном регионе, в ней отражены все вопросы, на которые принято обращать внимание при политическом информировании народных масс. В своей речи имам определил основные региональные угрозы (США и Израиль) и вытекающие из существующего расклада сил проблемы иранского государства.

Кроме этого, в своей речи имам, пытаясь консолидировать население на антиамериканских настроениях, определил слабые места политики своих региональных соперников на Ближнем Востоке, среди которых основными выделены провал политики по урегулированию палестинского вопроса и операции в Ираке. В частности, он сказал: «Нынешняя ситуация на оккупированных территориях показывает полное бессилие сионистов и США перед лицом сопротивления палестинских людей, и новое поколение Палестины знает из своей глубокой веры, что нет никакого способа справиться с врагом кроме сопротивления и самопожертвования». Относительно ситуации в Ираке А.Хаменеи называл лозунги США о демократии лживыми и отметил, что «несмотря на лозунги США по установлению демократии, свободы, соблюдения прав человека в Ираке, американские агрессоры диктуют свою волю иракскому народу, не оставляя ему иного пути, кроме как сопротивление агрессору. Народ Ирака будет сопротивляться любой навязанной ему конституции или другим законам». Таким образом, это выступление явилось психологической акцией, разработанной с целью выработать у иранского населения необходимое, строго регламентированное восприятие действительности.

Немаловажная роль в деле повышения эффективности религиозно-правового регулирования принадлежит в теократии воспитательным и образовательным учреждениям. Религиозное воспитание наряду с религиозно-правовой регламентацией общественных отношений и политическим лидерством духовенства выступает одним из определяющих свойств теократического государства. Функция воспитания и обучения является в теократическом государстве одной из самых приоритетных. На формирование знаний, ценностных ориентаций и социальных установок участников теократического взаимодействия направлена деятельность целой сети образовательных учреждений – храмов, монастырей, богословских школ и т.д., где религиозно-правовое воспитание и обучение начинаются с раннего детства и могут заканчиваться поздней старостью. Преподавание рели-

гиозных дисциплин является обязательным во всех учебных заведениях Ирана.

Обучение в иранской школе начинается с шести лет. И уже в этом возрасте дети начинают привыкать соблюдать в повседневной жизни исламские нормы взаимоотношений, определенные поведенческие установки. В Иране мальчики и девочки обучаются раздельно на протяжении всего школьного периода. Девочек примерно в 12-летнем возрасте одевают в хиджаб. Однако уже с первого класса они носят школьную форму, которая также является мусульманской одеждой и похожа на хиджаб. Таким образом, они привыкают к одежде женщины в мусульманском обществе. С самого раннего возраста дети изучают в школе курс основ религии, который, кроме всего прочего, психологически подготавливает девочек к мысли о том, что мусульманскую одежду носить удобно и естественно. На школьном уровне это воспринимается как учебное предписание.

Примерно с 14-летнего возраста проявляется существенная разница в учебных программах. Это различие не касается обучения наукам, но девочек интенсивно обучают премудростям той работы, которую выполняет женщина в доме: учат кройке и шитью, приготовлению пищи, умению присматривать за детьми и стариками. Мальчики же начинают постигать основы техники, электроники и т.д. В средней школе мальчики один день в неделю работают на производстве. Руководство школы, к примеру, направляет их на определенный завод, с которым заключается соглашение, и в конце года руководитель предприятия ставит ребенку оценку за работу. Денег за эту работу подростки не получают. Цель такой практики состоит в том, чтобы юноша до окончания школы овладел хотя бы одной специальностью, получил навыки практической деятельности и был готов к самостоятельному существованию в обществе.

Подобная целенаправленная воспитательная деятельность в Иране (как и в любом теократическом государстве) направлена на формирование адекватного религиозно-правовым образцам поведения членов политического боговластия и служит, в конечном итоге, гарантом их успешной религиозно-правовой социализации.

Руководство Исламской Республики Иран, пытаясь воспитать адекватно реагирующего на существующую действительность гражданина, ведет активную борьбу с любыми проявлениями так называемой западной идеологии, различного рода подрывными действиями в области общественного сознания. В этом смысле пропаганда и контрпропаганда в СМИ являются частью идеологической работы в среде гражданского населения и среде военнослужащих, которая направлена на активное противодействие информационной деятельности Запада. Контрпропаганда осуществляется различными способами: перекрытием каналов распространения враждебной информации, аргументированной критикой тех или иных положений, прямым

разоблачением, противопоставлением истины западным инсинуациям, распространением правды о тех или иных событиях, проявлением бдительности к любым акциям западной пропаганды и психологической войны.

С целью поддержания единообразия мнений и интересов членов общества государственная власть жестко регулирует информационные потоки, распространяет информационные материалы через подконтрольные печать, телевидение и другие средства массовой пропаганды, служащие рупором исламистских идей в обществе, не допуская малейшего распространения идей, противоречащих религиозным канонам. В распоряжении государства находится достаточное количество средств массовой информации. После исламской революции государство решило взять все СМИ под свой контроль, чтобы избежать пропаганды чуждых иранцам «американо-израильских» ценностей. В Иране правом просмотра западных телепередач обладают лишь чиновники идеологических ведомств, а видеотеки формируются министерством исламской ориентации.

Все телеканалы и радиостанции Ирана объединены в одну организацию – «Голос Исламской Республики Иран». Сейчас в Иране шесть каналов, и передачи транслируются не только на фарси, но и на азербайджанском и других языках национальных меньшинств. «Первый канал» можно назвать главным и национальным, «Второй канал» – общественным, «Третий канал» – спортивный. Иранцы очень любят смотреть спортивные передачи. Это наиболее популярный вид развлечений. Особой симпатией пользуется футбол. Когда по «Третьему каналу» транслируются международные футбольные турниры, иранские семьи в полном составе собираются у телеэкранов, а в деревнях жители приходят посмотреть телевизор к односельчанам, у которых он есть. Единственное отличие спортивных телепередач Ирана от российских и европейских аналогов – там практически не показывают состязания в женских видах спорта и уж совершенно невозможно увидеть по тамошнему телевидению женское плавание.

Передачи «Четвертого канала» носят преимущественно научно-просветительский и культурный характер. «Пятый канал» – развлекательный. Его иногда называют «столичным», потому что передачи в большей степени повествуют о столичной жизни. Новостной «Шестой канал» выходит с информационными выпусками о жизни в стране и за рубежом каждые полчаса.

Важнейшими программами власти считают передачи о Коране (пропагандирующие шиитский ислам), о «духовных ценностях Запада» (рассматривающие характер и образ жизни западного человека, «причины разочарования» в этом образе жизни, корни социальных конфликтов и кризисов), о лидере исламской революции аятолле Хомейни (его изображают образцовым человеком, как в свое время Ленина в СССР). Отдельные программы посвящаются конфликтам и мерам без-

опасности на Кавказе и в Средней Азии, сионизму, а также движению неприсоединения, талибам (которых в Иране резко осуждают). Из политических, куда относят новостные, аналитические передачи и обзоры, наиболее популярен «Обзор газет» по «Пятому каналу», где интересно и подробно излагается содержание важнейших публикаций.

Примечательно, что около трети иранских телепрограмм – музыкальные. В них демонстрируются достижения различных музыкальных стилей – от классики до джаза и поп-музыки. Жесткие нормы исламской морали в отношении женщин оказываются здесь не столь непрекереаемыми. Из 18 тысяч сотрудников иранского Гостелерадио половину составляют женщины, а среди телеведущих – большинство. Особенностью одежды иранских дикторов и ведущих, кроме, естественно, отсутствия декольте у женщин, является и отсутствие галстуков у мужчин. В Иране вообще не принято носить галстуки, которые считают признаком чуждой европейской цивилизации. Почти 90% иранских телепрограмм производятся в самом Иране и только 10% имеют зарубежное происхождение. Киноиндустрия вообще специализируется на производстве фильмов документальной, религиозной и исторической тематик.

Разработкой и утверждением содержания программ телевидения и радиовещания занимается специальный комитет, так называемый контролирующий совет, который на основании Конституции ИРИ формируется из представителей президента, главы судебной власти и парламента, каждый из которых назначает двух своих представителей. Кроме того, этот совет контролирует работу председателя телевидения и радио Ирана, которого назначает лично Верховный лидер. В настоящее время этот пост занимает А.Лариджани. Совет на своих заседаниях разбирает качество работы телерадиовещания страны и соответствие содержания программ текущему моменту. Так, например, в качестве реакции на забастовку в иранском парламенте в январе 2004 г. Совет по контролю за программами телерадиокомпаний ИРИ (ИРИБ) на своем очередном заседании обвинил руководство компании в «предвзятости» при освещении парламентских событий и вынес предупреждение ее главе А.Лариджани.

Анализ иранских СМИ однозначно свидетельствует, что руководство ИРИ рассматривает доведение информации по каналам СМИ как один из способов проведения тотальной теоретической подготовки для ведения психологической войны.

Проводится целенаправленная контрпропагандистская деятельность, целью которой является выработка иммунитета против духовного влияния Запада.

Контрпропаганда – важная часть идеологической работы иранского руководства. Например, только информационное агентство Исламской Республики Иран (ИРНА) имеет 46 корпунктов внутри страны и 34 – за рубежом. Такая разветвленная корреспондентская служба

позволяет собирать информацию из всех иранских провинций, а также в наиболее важных для Ирана зарубежных государствах. В последние годы новые пункты открыты в Москве, Баку, Ашхабаде, Душанбе, Ереване, Ташкенте. В некоторых странах функционирует несколько корпунктов. Так, в Турции они аккредитованы в Анкаре и Стамбуле, в США – при ООН, в Нью-Йорке, Вашингтоне, Лос-Анджелесе. Агентство ИРНА имеет соглашение с 70 информационными агентствами различных стран и поставляет информацию на английском, арабском и персидском языках. ИРНА занимается широкой издательской деятельностью. Оно издает ежедневную многополосную газету «Иран» с цветными иллюстрациями и распространяет ее по всей стране. Английский вариант – «Иран дейли» – поступает в англоязычные страны. На арабском языке издается «Ирам аль-Вафаг» («Единство»). Выпускается также еженедельник «Иране варзеи» («Спортивный Иран»), «Иране джаван» («Молодой иранец»), «Зан» («Женщина»).

Анализ содержания материалов показывает, что на современном этапе в рамках работы по обеспечению информационно-психологической безопасности населения и военнослужащих решаются следующие задачи:

- разъяснение понятия «американская демократия», основных методов, способов, приемов и форм информационно-психологического воздействия Запада;
- информирование гражданского населения и военнослужащих о причинах, характере и истинных целях США и Израиля;
- формирование ясного представления о каналах распространения пропаганды противника;
- выработка навыков критического осмысления и оценки зарубежной информации.

В этом смысле внутренняя контрпропаганда выполняет разоблачающую функцию, способствует выработке устойчивого, твердого, принципиально непримиримого отношения иранского гражданского населения и военнослужащих к западным слухам, домыслам, фальсификации.

Для подтверждения этих тезисов следует разобрать порядок подачи информации в иранских СМИ. Стремясь оптимизировать социальные установки аудитории, руководство предпринимает следующие шаги:

- создается благоприятное информационно-психологическое поле;
- организуются позитивные мотивации, направленные на устойчивость благоприятных коллективных настроений.

С целью позитивного воздействия на коллективную психику социума и достижения читательского внимания содержание выстраивается в соответствии со спецификой человеческого мышления и восприятия действительности. Вот только некоторые заголовки материалов, помещенных в газете «Иран» после начала войны в Ираке в

марте 2003 года: «Американцы стремятся к глобальной диктатуре», «США открыто поддерживают террористическую организацию». Содержание материалов из заметки в заметку, из номера в номер пронизано, с одной стороны, чувством трепетного отношения к исламской системе управления, к исламской религии в целом, а с другой – у читателей поддерживается восприятие США и Израиля в качестве главных врагов стабильности в стране и регионе. Так, например, газета «Иран» опубликовала выступление главкома КСИР генерал-майора Рахима Сафави, который утверждал, что «защитники свободы во всем мире знают, что вопросы войны с террором и ОМП были фальшивым предлогом для атаки Ирака», и далее следует целая череда обвинений в адрес политики США: «...Военная операция США в Ираке берет свое начало в этой стране новой стратегии глобальной диктатуры... Америка не удовлетворится Ираком и ищет применения своему новому глобальному порядку силовым путем. ...Американские нефтяные компании и производители оружия являются главными сторонниками новой стратегии США... Америка хочет вложить миллиарды долларов в свою военную индустрию путем вооружения будущей иракской армии американским оружием».

Далее, после землетрясения в Баме в декабре 2003 г. в ответ на предложение об оказании помощи со стороны США Верховный лидер А.Хаменеи сказал по телевидению, что «нет никаких признаков смягчения американских должностных лиц по отношению к исламскому государству и народу, потому что они (американцы) бесцеремонно угрожают нашему народу и государству».

Иранский читатель воспринимает информацию подобного рода, как раз соотнося ее с уже приобретенным социальным, информационным опытом, поскольку, как описывалось ранее, любой гражданин Ирана не предоставлен сам себе в информационном плане, его гражданскую позицию формируют молитвы, всеобщие праздники, воспитательный аспект образования и т.д.

Однако мнение «улицы» нередко несколько отличается от официальной позиции. После начала войны в Ираке на одном из иранских сайтов в Интернете девятнадцатилетний иранец по имени Мансур выразил свое собственное мнение и мнение молодого поколения, которое можно определить следующими словами: «Нас не касается, по какой причине западные страны начали эту войну. Важно то, что молодые иракцы, как и афганцы, после свержения С.Хуссейна получают свободу и будут жить так, как захотят». «Свобода, чтобы жить» – таков своего рода лозунг большинства молодежи Ирана. В отличие от своих отцов и вопреки официальной пропаганде средств массовой информации, которыми располагают власти Ирана, молодые люди смотрят на события в мире и внутри страны, а также на ход войны в Ираке, исходя именно из этого лозунга. В то время, когда телерадиокомпания Исламской Республики Иран сообщала о человеческих жертвах и разрушениях,

которые несет война, а также о протесте, который выражают во всем мире в связи с вооруженным нападением на Ирак, Мансур, который сам сообщил о гибели своего старшего брата во время восьмилетней войны, развязанной Ираком против Ирана, написал в своем смелом послании: «Это горе принес в наши города Саддам и его армия. Почему я должен печалиться по поводу свержения диктаторского и кровавого режима? То, что не сумели сделать мы, сейчас делают американцы. Они мстят за моего брата, и я рад этому».

Необходимо отметить, что, несмотря на ростки демократизации в иранском обществе, основная масса населения ИРИ продолжает демонстрировать лояльность действующему руководству страны.

По всей видимости, иранским пропагандистам удалось достичь того пика ведения психологической войны, когда определяющим успехом пропаганды является не контроль всех каналов информации, потому что все каналы просто невозможно проконтролировать, а сама идея, провозглашенная покойным имамом А.Хомейни, которая звучит так: «Ни Восток, ни Запад, а Исламская Республика». Именно утверждение такой идеи определяет конечный успех пропагандистского воздействия иранских властей.

Помимо этого, необходимо отметить высокую организованность и результативность предпринимаемых властями отдельных пропагандистских акций, например действий по предотвращению массовых демонстраций, которые все чаще происходят в Иране под демократическими лозунгами. Руководству удается мобилизовать население «продemonстрировать сплоченность перед лицом вражеских инсинуаций». В критические моменты (как правило, это происходит после участия в пятничных намазах) граждане Ирана собираются около посольства Великобритании (являющегося местом для проведения массовых выступлений протеста по самым различным поводам) и скандируют антизападные лозунги, например, «Смерть Америке!» и «Смерть Израилу!».

Так, например, во время выступлений студентов Тегеранского университета в июне 2003 г. Корпус стражей исламской революции, Ассоциация мусульманских студентов, Координационный совет исламской пропаганды выступили с заявлениями, осуждающими последние массовые беспорядки в иранской столице, и призвали «к сплочению рядов иранского народа перед теми, кто заинтересован в продолжении трагических событий минувших дней», а также к незамедлительному прекращению силового противостояния демонстрантов, в рядах которых с двух сторон выступает иранская молодежь. Духовный лидер Ирана аятолла А.Хаменеи, выступая по национальному радио, призвал молодежное крыло партии «Ансаре Хезболла» вмешаться в студенческие акции и встать преградой на пути беспорядков, проложенном студентами-предателями. В это время в центре Тегерана члены организации «Ансаре Хезболла» проверяли на блокпостах автомобили, оказав-

шиеся на улицах близ университета. Вооруженные члены Сил правопорядка «басидж» разгоняли студентов, устанавливали блокпосты на основных магистралях города, досматривали автомобили, обыскивали пассажиров, силой проникали в студенческие общежития и проводили там обыски. Государственные радио и телевидение тем временем транслировали речи духовного лидера Ирана аятоллы А.Хаменеи, который обвинил в создании напряженности «внешних врагов» Ирана, в первую очередь США.

Таким образом, руководство Ирана, осознавая неизбежность проникновения идей Запада и проявляя обеспокоенность по поводу растущего влияния западной пропаганды, проводит активную деятельность, препятствующую усилиям в области индоктринации идеологических противников.

Для обеспечения высокой пропагандистской отдачи своей работы с населением и военнослужащими руководство ИРИ добилось формирования высокоэффективного информационно-пропагандистского аппарата, деятельность которого затрагивает буквально все области человеческого бытия. Основываясь на теократическом построении государства, идеологический аппарат государства выполняет функции, которые по объему и степени важности ничуть не отличаются от государственных. В целом они сводятся к обеспечению строгого и неукоснительного соблюдения всеми индивидами и их организациями норм религии.

Литература

1. Салыгин Е.Н. Теократическое государство. – М.: Московский общественный научный фонд, 1999.
2. Конституция ИРИ, глава 9.3, статья 150.
3. Times.ru, 09.10.2003.
4. Конституция ИРИ, глава 9.3, статья 151.
5. Iran Daily, 31.11.2003.
6. Mellat, 12.01.2004.
7. Iran Daily, 28.07.2003.
8. Mehr News Agency, 26.11.2003.
10. Конституция ИРИ, глава 12, статья 175.
11. Сарасов Е.А. Роль газетных технологий в формировании социальных настроений. XXI век начинается: Актуальные проблемы журналистики.
12. IRAN, 22.04.2003.
13. IRAN, 21.05.2003.
14. IRAN, 22.04.2003.
15. IRIBnews.com, 09.01.2004.
16. Iran Press Service, 01.04.2003.
17. IRIBnews, 18.06.2003.
18. Centran.ru, 18.06.2003.
19. BBC, 13.06.2003.

РЕЛИГИОЗНЫЕ И СЕКТАНТСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ПАКИСТАНЕ

Проведенный на религиозной основе раздел колониальной Индии не привел к ликвидации конфессиональных меньшинств в новых независимых государствах. В Индии мусульмане на первых порах составляли 10–11%, а в Пакистане индусы – 14%, причем почти все они проживали в восточной провинции, где их доля приближалась к четверти населения. С течением времени, однако, в Пакистане происходило усиление религиозной однородности, индусы покидали страну, и к 1961 г. их удельный вес в Восточном Пакистане сократился до 18%. Отъезд восточнобенгальских индусов объяснялся неудачей попыток сохранить свои экономические позиции и избежать дискриминации на религиозной основе. При этом противоречия между мусульманами и индусами в Восточном Пакистане редко приобретали формы открытого, связанного с насилием конфликта.

Иначе обстояло дело в западной части страны. Численность немусульман в ней после обмена населением в 1946–47 гг. сократилась до 2–3%. Почти все сикхи и кастовые индусы покинули пакистанские территории. Остались низкокастовые индусы, сосредоточенные главным образом в Верхнем Синде и пограничных с ним районах Белуджистана и Панджаба, а также христиане, по преимуществу католики, из числа обращенных миссионерами представителей социально приниженных слоев. Особняком среди масс немусульман стояли парсы-зороастрийцы, входившие в верхи общества (дельцы и предприниматели, лица свободных профессий).

На фоне почти полной религиозной однородности существенными оказались различия среди мусульман по принадлежности к сектам, суфийским орденам, школам богословия и т.п. На передний план в начальные годы вышел вопрос вокруг ахмадийцев, приверженцев учения Мирзы Ахмада Кадияни¹. Центр активности возникшей в конце XIX в. секты сторонников этого религиозного проповедника после 1947 г. переместился из панджабского местечка Кадиян в Индии в район Рабвах близ Лахора. Определенные черты ахмадийского учения сделали его последователей убежденными сторонниками европейского образования и просвещения. Лидеры секты сохраняли лояльность колониальной администрации, а с обретением независимости стали приверженцами проанглийской ориентации во внешней по-

литике страны (к ним принадлежал первый министр иностранных дел Пакистана Чаудхури Зафрулла Хан). Члены секты занимали видное место в среде интеллигенции, в частности, среди ученых и профессуры. Из их среды вышел единственный пакистанец-лауреат Нобелевской премии, физик Абдус Салам. Синкретизм и модернизм ахмадийского учения и его прозападные установки резко контрастировали с преобладающими настроениями в остальной части массового, да и элитного религиозно-политического спектра.

Антиахмадийские выступления, охватившие Панджаб в конце 1952 – начале 1953 г., стали первым крупным межсектантским конфликтом. Богатая ахмадийская община использовала свои ресурсы для пропаганды своей доктрины и прозелитизма, а определенные группы политиков Панджаба потворствовали развитию неблагоприятных тенденций, закрывая глаза на рост воинственности противников ахмадийцев. Инициаторами погромов были общественная организация и политическая партия *Джамаат-и ислами* (ДИ, Исламское общество) и организация *ахраров* (*Маджлис-и ахрар-и ислам*, Общество свободных мусульман). В марте 1953 г. власти решили вмешаться и ввели в Лахоре, превращенном в главную арену кровавых разборок и грабежей, военное положение.

Первый случай использования армии для наведения внутреннего порядка принес ожидаемый успех. Волнения прекратились, а инициаторы антиахмадийских акций предстали перед судом. Среди них был духовный и организационный лидер ДИ маулана (ученый богослов) Абул Ала Маудуди². Приговоренный судом к смерти, он был вскоре помилован.

Антиахмадийский межсектантский конфликт имел в дальнейшем свое продолжение. Но и в середине 50-х годов он способствовал важным сдвигам – поляризации политической борьбы вокруг двух проектов, светского и религиозного. Именно на этом идеологическом основании базировался раскол, произошедший в рядах правящей Мусульманской лиги, от которой в 1956 г. отпочковалась большая часть ее лидеров, образовавших Республиканскую партию (РП). Перешедшая в оппозицию к правительству Лига возглавила объединение религиозных партий *Ислам махаз* (Исламский фронт) – первое из последующего ряда других подобных коалиций. В него помимо Мусульманской лиги вошли ДИ, а также *Джамиат-уль-улама-и ислам* (ДУИ, Сообщество исламских богословов), *Низам-и ислам* (Исламский порядок) и др.³

Правые идейные направления в пакистанской и международной политике, в том числе исламский идеологический проект, в конце 50-х и в 60-е годы в целом уступали либеральным и левым тенденциям. В годы военного правления в Пакистане с 1958 по 1962 и режима президентской республики, построенной на непрямом (через коллегия выборщиков) избрании президента и парламента (до 1969 г.),

исламская составляющая в официальной политике не играла ведущей роли. Однако она сохранялась как серьезная оппозиционная сила. Именно под ее давлением стране, которая по конституции 1962 г. стала называться Республика Пакистан, уже в следующем году было возвращено прежнее название Исламской республики. Происламские силы активно действовали как в Западном, так и в Восточном Пакистане. В восточной провинции они пытались противостоять росту бенгальского национализма, но безуспешно.

Кризис режима непрямой демократии во главе с фельдмаршалом М.Айюб Ханом вынудил его принять решение об отставке и передать власть главнокомандующему армией А.М.Яхья Хану. Ввиду того, что при этом нарушались конституционные положения, предусматривающие переход президентских полномочий к спикеру парламента, правомерно говорить о втором по счету военном перевороте в марте 1969 г. В целях легитимизации своего правления военные пошли на два популярных шага. Во-первых, отменили решение о создании единой провинции Западный Пакистан и воссоздали четыре прежние провинции в несколько измененных границах, а во-вторых, провели на вполне демократической основе всеобщие выборы в центральный парламент и законодательные собрания провинций.

Переход в начале 70-х годов от косвенной демократии к прямой, а также ряд других сопряженных по времени акций привели к заметному нарушению общественной стабильности. Драматическими оказались последствия всеобщих выборов осени 1970 г. и внутривнутриполитического кризиса, закончившегося провозглашением Народной Республики Бангладеш, а также военных действий ноября-декабря 1971 г. Образовался Пакистан в новых границах, который по населению более чем вдвое уступал прежнему. В то же время он состоял не из двух территориально разорванных частей, а из одной, охватывающей к тому же естественный ареал бассейна реки Инд (Индскую низменность, Панджабскую равнину и прилегающие к ним с запада и северо-запада нагорья и горные системы).

Первый период развития нового Пакистана был отмечен взрывом участия масс в политике. З.А.Бхутто, выдвинутый военно-бюрократической верхушкой на пост президента и главного администратора военного положения, был одновременно государственным и политическим деятелем. Выйдя в отставку в 1966 г. с поста министра иностранных дел, Бхутто перешел в оппозицию и возглавил Пакистанскую народную партию. Она добилась наибольшего успеха на выборах в западной части страны, получив около 60% мест. Свойства политика харизматического типа (народного трибуна) облегчили З.А.Бхутто задачу укрепления своей власти в первые месяцы пребывания на посту президента. Проправительственные митинги, организованные в тот период, отличала атмосфера энтузиазма и ожиданий перемен к лучшему. Идя навстречу распространенным тогда левым

настроениям, Бхутто провел национализацию более трех десятков крупных частных компаний, укрепив и расширив государственный сектор в экономике. Он также демократично не препятствовал созданию в Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистане, где на выборах 1970 г. его партия проиграла, кабинетов министров из членов оппозиционных партий и назначил из их числа губернаторов этих провинций.

В августе 1973 г. парламент принял новую, третью по счету конституцию страны, действующую до сих пор. В соответствии с этой конституцией парламентского (вестминстерского) типа Бхутто занял пост премьер-министра. Однако романтический период его правления к тому времени уже, по-существу, завершился. В начале 1973 г. были разогнаны оппозиционные центру администрации двух вышеупомянутых провинций, подавлены несанкционированные выступления рабочих и служащих, восстановлен режим контроля за функционированием всех элементов административной машины (иначе говоря, укреплена «вертикаль власти»).

З.А.Бхутто, подавив возможные очаги сопротивления своему личному господству среди тогдашних руководителей вооруженных сил, а также среди политиков, в том числе из своей партии, установил, по сути, режим личного доминирования. Такое положение дел позволило ему переменить в конъюнктурных целях акценты в идеологическом обосновании политического курса с исламосоциалистического на исламофундаменталистский. Первый из них отражал внешнеполитическую ориентацию Пакистана на КНР, а в определенной степени и СССР, второй – соответствовал новым реалиям начала 70-х годов, а именно, росту в мире экономического и политического значения Саудовской Аравии, Ирана и государств Залива.

Подъем центров финансовой мощи в прилегающем к Пакистану с запада мусульманском регионе оказал значительное воздействие на характер и формы протекания внутренних конфликтов в стране. Возросшее саудовское влияние сказалось на усилении позиций ряда исламских партий и организаций, прежде всего ДИ во главе с А.А.Маудуди. Его труды к тому времени получили немалое признание в арабском мире среди представителей умеренных исламистов (сторонников реформирования государства с целью придания ему черт исламского). ДИ выступило в авангарде движения по борьбе с ересью, в которой была вновь обвинена секта ахмадийцев. Сопротивление последней в изменившихся исторических условиях было скорее формальным. В 1974 г. по инициативе правящей партии парламент принял постановление, относящее секту ахмадия к разряду неисламских (в соответствии с конституцией ее представители отныне не могли занимать посты президента и премьер-министра).

«Доказанная» ересь (*такфир*) одной из сект, члены которой считали себя мусульманами, сняла психологические барьеры на пути

попыток признания неисламскими других направлений и сект, тем более что в исламе, как известно, нет ортодоксии, и секты с одинаковым правом претендуют на звание правоверных. Внутриисламские различия, ранее почти незаметные в общественной жизни, по мере нарастания процессов исламизации стали проявляться осязательнее.

Правительство З.А.Бхутто не могло не считаться с увеличением богатства и внешнеполитических возможностей исламских нефтедобывающих режимов Ближнего и Среднего Востока. Однако флаг исламизма в Пакистане оказался в руках оппозиции, которая сумела использовать его в период подготовки и проведения вторых всеобщих выборов в марте 1977 г., а также на этапе глубокого кризиса, пораившего страну после объявления их итогов. Обвинения в подтасовке, выдвинутые против правительства и уверенно победившей Пакистанской народной партии, привели к массовым манифестациям в поддержку оппозиционного Пакистанского национального альянса (блока из девяти партий, где наиболее активную роль играли исламисты), акциям гражданского неповиновения, *харталам* (закрытию торговых точек). Стремясь разрядить обстановку и выбить козырь из рук оппозиции, Бхутто объявил о мерах по исламизации – запрете азартных игр, закрытии винных магазинов и ночных клубов⁴. Однако было уже поздно. Оппозиция восприняла эти шаги как признание вины. Совершив бескровный переворот в июле 1977 г., военные во главе с генералом М.Зия уль-Хаком пригласили затем к широкой исламизации как средству оправдания, придания черт легитимности своему правлению.

Исламизация позволила военным постепенно отойти от фасадно демократических форм правления в пользу окрашенных в исламские тона авторитарных. Казнь З.А.Бхутто в апреле 1979 г. напугала и обезоружила оппозицию. Осенью того года в условиях международной изоляции режима генерал Зия уль-Хак, провозгласивший себя президентом, объявляет о приостановке действия конституции, отмене выборов, которые до того неоднократно откладывались, запрете партий и политической деятельности. С 1980 г. одновременно с развернувшейся в соседнем Афганистане вооруженной антиправительственной борьбой под флагом священной войны мусульман (*джихада*) в Пакистане проводят разнообразные меры по исламизации общественной, политической и экономической жизни.

В первой из названных сфер новыми постановлениями была серьезно затронута система образования, от начального до высшего, а также сфера повседневной религиозной практики, культурного досуга и развлечений⁵.

Во второй, политической, сфере вместо парламента учреждается исламский консультативный совет при президенте (*маджлис-и шура*), указами президента, помимо военных судов, организуется сеть религиозных, *шариатских* судебных органов (прежде всего для рассмотрения законов и указов на предмет их соответствия предписани-

ям Корана) и объявляется о введении исламских наказаний. Массовые нарушения прав человека в ходе борьбы с оппозицией учащаются после захвата самолета Пакистанских международных авиалиний в марте 1981 г. организацией *Аль-Зульфикар*. Ее возглавлял сын казненного З.А.Бхутто Муртаза.

В экономической области Зия действует в соответствии с фундаменталистскими догмами возврата к прежним временам. Это проявилось главным образом в стремлении изменить финансовую систему путем запрета *риба* (лихвы, ростовщического процента) и введения обязательных для состоятельных мусульман благотворительных налогов – *закята* (2,5% измеряемого особым образом личного богатства) и *ушра* (5% с произведенного сельскохозяйственного продукта)⁶.

Меры по исламизации, создав определенную формальную основу для власти военных, произвели существенный негативный эффект. Помимо «брутализации», ожесточения политической борьбы и атрофии общественной жизни, эти меры самым непосредственным образом сказались на остроте межсектантских противоречий. Прежде всего обострилась проблема шиитов. Представители шиитского меньшинства (20–25% пакистанских мусульман) бурно протестовали против решений властей о введении исламских налогов на том основании, что они не соответствуют их юридическим канонам (*фикх-е джафария*). На волне протестов появилась партия шиитов «*Техрик-е нифаз-е фикх-е джафария*» (Движение за шиитские юридические установления). Массовые выступления шиитов заставили Исламабад пойти им на уступки, освободив от действия универсальной государственной системы сбора и распределения налоговых сумм. Однако победа шиитов вызвала недовольство радикально настроенных суннитов, приверженцев школы Деобанда. В Южном Панджабе, в первую очередь в округе Джанг, где шииты исторически владеют крупными земельными поместьями, в начале 80-х годов прокатилась волна убийств шиитских лидеров и нападений на их молельные дома (*имамбара*). Они были организованы деобандским обществом *Сипах-и сахаба Пакистан* (ССП, Пакистанские воины-сподвижники Пророка). Шииты в ответ создали свои боевые организации, в частности, *Сипах-и Мухаммад* (Воины Пророка), и началась длинная череда актов взаимного террора и мести. В начале 90-х годов от SSP откололась и стала активно действовать против шиитов военизированная группа *Лашкар-е Джангви* (названа в честь убитого лидера SSP Х.Н.Джангви).

Суннито-шиитские кровавые столкновения стали главным стержнем внутриисламских разборок, явившись по большей части следствием нововведений Зия уль-Хака. Определенную роль сыграли и внешние факторы. Совершенная в Иране в 1978–79 гг. революция, во главе которой стоял имам Хомейни, сделала его имя и идеи весьма популярными среди пакистанских шиитов (тем более, что род имама генетически связан с Кашмиром). На Пакистан, кроме того, оказалась

спроецированной борьба Ирана и Саудовской Аравии за контроль над радикально настроенными силами во всем обширном регионе от восточного Средиземноморья до внутренней Евразии. Она была особенно острой в период ирано-иракской войны (1980–1988) и афганского джихада (1979–1992).

Под прямым воздействием исламизации, насаждавшейся Зия уль-Хаком, обострились отношения между двумя направлениями в суннизме, деобанди и барелви. Военные власти и лично генерал-президент были весьма близки к первым, а большинство населения, особенно сельского, традиционно находилось под влиянием мулл и улемов школы барелви. Последние одобряли очень важную для набожных и неграмотных деревенских жителей практику поклонения гробницам и могилам местных святых, ежегодные празднества в их честь (*урсы*). Улемы-барелви признавали обычаи и обряды суфиев, а суфийские ордена (*чиштия*, *накибандия*, *сухравардия*, *кадирия* и др.) имели много последователей в сельской местности, особенно в провинции Синд. Из-за позиции властей, явно благосклонных к одному из направлений, обострились столкновения интересов между деобанди и барелви. Это вызвало спорадические разборки между ними, сведение счетов, напряженную борьбу за контроль над мечетями (называемыми *масджид*) и учебными заведениями, медресе (*дин-и-мадарис*)⁷.

Значительную роль в усилении сектантских конфликтов сыграла прямая и глубокая вовлеченность Пакистана в афганский джихад. Как прифронтовое государство в самой крупной после Вьетнама «войне по доверенности» (т.е. конфликте глобальных держав, действующих через посредников) Пакистан получал большое количество военных, финансовых и технических ресурсов. Близкие к правительству религиозные организации, в первую очередь *Дэюмаат-и ислами* и *Джамият-уль-улама-и ислам* (о них см. выше) были косвенно включены в программы и механизмы распределения средств среди участников джихада, имея среди афганских исламистских партий своих союзников и подопечных. Немалые средства из тех, что предназначались афганцам, оседали в карманах пакистанских кураторов. Почти все боевые организации пакистанского исламорадикализма на более поздних этапах борьбы с правительством в Кабуле и поддерживающей его прямо или косвенно Москвой обзавелись тренировочными лагерями и базами подготовки бойцов-диверсантов либо на территории Афганистана, либо Пакистана, главным образом в полосе проживания горных пуштунских племен.

Участие Пакистана в афганской войне привело к усилению роли фундаменталистских партий и организаций, большинство из которых примыкают к деобандской школе богословия. В числе последних оказалась и ваххабитская организация *Джамият-и ахл-е хадис* (ДАХ, Сообщество людей предания). То, что по происхождению эта организация не связана напрямую с центрами ваххабизма в Саудовской Аравии (ее

корни уходят в существовавшее в колониальной Индии движение *Тарика-и мухаммадия*, т.е. Путь Мухаммада), не помешало ей получать с начала 80-х годов существенную моральную и материальную помощь из этой страны. «Люди предания» разделяют с радикалами-деобанди критическое отношение к шиитам, а возникшая в рамках их направления боевая организация *Лашкар-и тоиба* (Армия чистых) активно проявила себя уже в 90-е годы участием как во внутриафганских разборках, так и особенно в кашмирском джихаде (священной войне мусульман-сепаратистов в индийском штате Джамму и Кашмир)⁸.

Гибель диктатора Зия уль-Хака в авиакатастрофе в августе 1988 г. привела к демократизации режима власти, проведению выборов в парламент и победе на них оппозиции в лице Пакистанской народной партии. Правительство возглавила дочь З.А.Бхутто Беназир. Однако поражение военных было не окончательным и далеко не полным. Правительство Б.Бхутто смогло стать лишь одним из трех центров силы и влияния. Двумя другими оставались армия и бюрократия, причем от лица последней действовал президент, наделенный в соответствии с 8-й поправкой к конституции значительными полномочиями. Такая сложная конструкция оказалась весьма непрочной. Трижды, в 1990, 1993 и 1997 гг. в Пакистане проходили внеочередные выборы, которые каждый раз заканчивались поражением прежнего правительства и приходом к власти нового. Дважды кабинет министров возглавляла Б.Бхутто (1988–1990, 1993–1996) и дважды лидер Пакистанской мусульманской лиги Наваз Шариф (1990–1993, 1997–1999).

Существование такой дефектной, или по определению О.В.Плешова, номинальной демократии⁹ сопровождалось сохранением условий для серьезных конфликтов на религиозной и сектантской почве. Ситуация, естественно, принципиально не изменилась и после нового прихода к власти военных в октябре 1999 г., а также и на этапе, последовавшем за проведением в октябре 2002 г. восьмых парламентских выборов и еще одного преобразования военного режима в военном-гражданский, номинально демократический.

Коснемся межрелигиозных конфликтов на современном отрезке истории Пакистана. Власти при Зия уль-Хаке предприняли шаги, серьезно осложнившие положение меньшинств, к числу которых, помимо индусов, христиан, парсов и др., в 70-х годах присоединились и ахмадийцы (о них см. выше). Принятые в 1983 и 1990 гг. поправки в Закон о святотатстве или богохульстве (*Blasphemy Law*) предписывают смертную казнь или пожизненное заключение за публичные действия, которые могут быть расценены как оскорбление Святого Пророка. Ахмадийцы, считающие себя мусульманами, были среди первых жертв применения Закона¹⁰.

Другой группой риска оказались христиане. Некоторые из них попадали в тюрьму по обвинению в богохульстве. Особое внимание общественности как в Пакистане, так и за его пределами привлек процесс над

двумя панджабскими христианами Рехматом Масихом и Саламатом Масихом. Последнего, неграмотного 14-летнего подростка, суд в начале 1995 г. приговорил к смертной казни. После долгих проволочек приговор был отменен. В период судебных процессов над христианами на улице был застрелен родственник одного из обвиняемых – Манзур Масих¹¹.

В 90-е годы и позднее экстремисты не раз проводили операции запугивания против лидеров христианских общин. Новым гонениям христиане подверглись в период проведения антитеррористической кампании после 11 сентября 2001 г. Исламские экстремисты разгромили и подожгли несколько храмов в небольших городах восточной части Панджаба, выступали с провокационными заявлениями против местных христиан как пособников антиталибских сил¹². Антихристианские акты продолжались и в дальнейшем. В январе 2004 г. в Карачи прогремел мощный взрыв близ Пакистанского библейского общества¹³. Не останавливаясь на положении других религиозных меньшинств, стоит лишь отметить, что в обстановке нетерпимости, сложившейся в период правления Зия уль-Хака и после него, им (за исключением парсов) приходится довольствоваться положением граждан второго сорта. Не имея по конституции права занимать высшие государственные посты, они подвергаются дискриминации при приеме на работу в официальные учреждения. Зия уль-Хак восстановил практику резервирования за религиозными меньшинствами мест в парламенте. Все немусульмане получили 10 из 237 мест¹⁴.

Наиболее непримиримо среди суннитов к иноверцам относятся улемы-барелви. Созданная в 1948 г. их партия, *Джамиат-уль-улама-и-Пакистан* (ДУП, Сообщество пакистанских богословов) долгое время была одной из самых популярных среди мухаджиров именно благодаря ревностному отношению к религии, во имя которой эти жители Индии покинули родные места и переселились в Пакистан. В то время как для улемов-деобанди основной является борьба с ересью за чистоту ислама, для барелви главным представляется прозелитская деятельность. В 90-е годы спорадически возникали противоречия между двумя главными школами в пакистанском суннизме. Однако наиболее кровавыми и жестокими по-прежнему были столкновения между суннитами-деобанди и шиитами.

Стычки и акты терроризма происходили главным образом в пяти очагах – пуштунском, в полосе племен (агентство Куррам Федерально управляемой территории племен), где шиитским является племя тури и часть племени оракзаев, панджабском (Джанг, Фейсалабад), северо-белуджистанском, где проживают шииты-хазарейцы (представители той же народности, что населяет центральные районы Афганистана), а также в Лахоре и Карачи, где находятся главные шиитские мечети и медресе и проживает основная часть элиты шиитской общины.

Яркая вспышка суннито-шиитской борьбы пришлось на 1994–95 гг. Считается, что она не случайно совпала с острым противостоянием

между правительством Б.Бхутто и оппозицией во главе с бывшим премьером Н.Шарифом, так как определенные силы пытались с ее помощью в еще большей степени дестабилизировать обстановку¹⁵. Очередное обострение пришлось на кризисную в экономическом и политическом отношении зиму 1997–98 гг. Наиболее драматическим эпизодом было нападение на шиитское кладбище в Лахоре в январе 1998 г. В результате расстрела собравшихся там людей на месте погибло 22 человека и более 50 (в том числе женщины и дети) серьезно пострадали¹⁶. После этого на несколько дней центральные улицы Лахора перешли под контроль протестующей, разгневанной беспомощностью властей толпы. В ряде мест страны шииты в ответ совершили акты возмездия и сами стали жертвами новых нападений и погромов. По сведениям пакистанской печати, в одной только провинции Панджаб за 1990–1998 гг. в сектантских, главным образом суннито-шиитских конфликтах погибло 350 человек, причем 200 человек в одном 1997 году¹⁷.

С приходом военных к власти осенью 1999 г. страсти несколько улеглись. Но летом 2003 г. в Кветте, главном городе провинции Белуджистан, неизвестные расстреляли 12 молодых шиитов-хазарейцев, проходивших подготовку для службы в местной полиции. И это был не единственный случай выпадов против хазарейцев¹⁸. А в апреле 2004 г. в результате теракта, совершенного близ наиболее крупного деобандского центра обучения в Карачи и мечети Джамиа Бинори, погибло 10 и было ранено 40 человек. Последовавшие вслед за тем беспорядки в городе привели к гибели более 60 человек¹⁹. Стоит заметить, что группой риска в связи с суннито-шиитским конфликтом оказались иранцы. Еще в 1990 г. в Лахоре произошло убийство генерального консула Ирана. В начале 1997 г. в другом панджабском городе Мултане убивают консула из этой страны и еще пятерых сотрудников консульства. Это вызвало острую реакцию протеста со стороны Тегерана, совпавшую по времени с усилением борьбы за влияние между двумя государствами в Афганистане. В 1998 и 1999 гг. одновременно с расправами талибов над афганскими шиитами участились нападения на иранцев в Пакистане.

Весь период обострения межсектантских отношений, особенно текущий этап, с конца 90-х годов, отмечен чередой убийств видных суннитских и шиитских религиозно-политических деятелей. В 1998 г. в Карачи был убит один из наиболее влиятельных представителей улемов-деобанди, наставник многих видных пакистанских и афганских радикалов (в том числе лидеров движения Талибан) маулана Юсуф Бинори. Вслед за этим последовали убийства богословов из числа шиитов и улемов-барелви.

Среди других расправ над политическими деятелями выделяются произошедшие уже после подключения Пакистана к международной антитеррористической кампании гибель одиозного руководителя *Лашкар-и Джангви* Риаза Басра (май 2002 г.), смерть другого крупного сун-

нито-деобандского радикала лидера *Сипах-и сахаба* Азама Тарика, успевшего, кстати, стать сенатором (октябрь 2003 г.), убийство лидера организации суннитов-барелви *Сунни техрик* (Суннитское движение) Салима аль-Кадри (ноябрь 2003 г.), гибель деобандского духовного лидера, *шейх-уль-хадис* (знатока священного предания) мечети Джамиа Бинория в Карачи Муфти Шамзаи (май 2004 г.) и др.

В заключение нужно подчеркнуть, что в настоящей статье рассмотрены далеко не все внутрипакистанские конфликты на религиозной и сектантской почве. Страну характеризует многообразие, которое с большим трудом складывается в единство. Виной тому, по-видимому, перепады и противоречия в социальной и экономической сферах, а также особенности политической культуры и политической системы.

После 11 сентября 2001 г. долгое время остававшаяся критической ситуация в Пакистане стала улучшаться. Опираясь на внешнюю поддержку и одобрение большинства граждан страны, военные власти укрепили правопорядок, проведя серию акций, направленных против религиозных экстремистов и членов различных террористических формирований. Был в значительной степени восстановлен демократический фасад политического режима, улучшились основные макроэкономические показатели.

Однако какие-либо серьезные структурные реформы властями не проводятся. Пакистанский государственный «корабль» держится на прежних якорях внешней помощи. Его отличает неизменность правящей элиты, состоящей в основном из землевладельческой по происхождению аристократии. Связанный с этим и другими факторами консерватизм политического класса часто вызывает к жизни демонов конфликтов, которые, видимо, продолжают терзать страну.

¹ Гордон-Полонская Л.Р. Мусульманские течения в общественно-политической мысли Индии и Пакистана. – М., 1963, с. 154–160.

² А.А.Маудуди – знаковая фигура для пакистанского и мирового фундаментализма, сопоставимая с египтянами Х.аль-Банной и С.Кутбом. О нем см: Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. – М., 2003, с. 40–44.

³ Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана. – М., 1963, с. 324.

⁴ Talbot I. Pakistan. A Modern History. N.Y., 1998, с. 242.

⁵ Kurin R. Islamization in Pakistan : The Sayiid and the Dancer – Russia's Muslim Frontiers. Bloomington, 1993, с. 175–189.

⁶ Жмуйда И.В. Пакистан. Внутренние и внешние факторы экономического развития. – М., 1988, с. 71–86.

⁷ Белокреницкий В.Я. Пакистанский исламорадикализм – эволюция и связь с региональным терроризмом // Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке. – М., 2001, с. 37–39.

- ⁸ Баранов С.А.. Сепаратизм в Индии. – М., 2003, с. 28–36.
- ⁹ См. Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. – М., 2003.
- ¹⁰ Talbot I. Pakistan. A Modern History, с. 282–283, 288.
- ¹¹ Ibid., с. 341; Malik I.H. The state and civil society in Pakistan // Asian Survey, vol. XXXVI, № 7, July 1996, с. 685.
- ¹² Ahmad K. Jihad and the price it extracts// <http://www.thefridaytimes.com/news10.htm> – 19.06.02.
- ¹³ Khanzada A.H. & K.Mansoor. 16 hurt in Karachi bomb blasts // <http://www.jang.com.pk/thenews/jan2004-daily/16-01-2004/main/main1.htm>
- ¹⁴ Talbot I. Pakistan. A Modern History, с. 282; те же 10 мест зарезервированы за религиозными меньшинствами и по действующему законодательству, которое увеличило общее число мест в парламенте до 342.
- ¹⁵ Malik I.H. The state and civil society in Pakistan, с. 684.
- ¹⁶ Pakistan Political Perspective, Islamabad, February 1998, с. 20–21.
- ¹⁷ Ibid, April 1998, с. 2.
- ¹⁸ Khan M.E. Thousands attend 12 police recruits' funeral // <http://www.jang.cpm.pk/thenews/jun2003-daily/10-06-2003/main/main3/htm>.
- ¹⁹ Mansoor H. and I.Ali. 10 dead, 40 hurt in Karachi blasts // <http://www.dailytimes.com/pk> – 26.04.2004;

ПРИВАТИЗАЦИЯ В ПАКИСТАНЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В Пакистане идет очередной этап приватизации. И представляется, что пакистанский опыт с его удачами и трудностями интересен для российского читателя.

Конечно, масштабы приватизации в Пакистане не идут ни в какое сравнение с российскими. В то время как в России это тысячи предприятий, в Пакистане – сотни. Однако причины, вызвавшие этот процесс, во многом схожи: это сложная экономическая ситуация, связанная с ростом инфляции, увеличением внешней задолженности и т.д. И в России и в Пакистане приватизация является составной частью комплекса мер по реализации кардинальных реформ экономики. Близки и общие направления приватизации: это достижение финансовой стабильности, сокращение бюджетного дефицита, либерализация цен, борьба с бедностью и т.д. К сожалению, общим является и создание мощного, во многом коррумпированного бюрократического аппарата, пытающегося затянуть или использовать в своих интересах процесс приватизации.

Предлагаемая к приватизации госсобственность была создана главным образом двумя актами, принятыми в период нахождения у власти Зульфикара Али Бхутто: законом о национализации промышленности в 1973 г. и законом о национализации банковской системы в 1974 г. Вопрос о приватизации госсобственности начал обсуждаться еще при президенте Зия-уль-Хаке, занявшая после него пост премьера Беназир Бхутто объявила о начале приватизации, но за 20 месяцев пребывания у власти лишь небольшая толика ее плана была реализована: в частный сектор была передана только часть акций государственной авиационной корпорации (Пи-Ай-Эй).

Находившийся у власти после Б.Бхутто Наваз Шариф – представитель крупнейшего бизнеса и член одного из богатейших семейств страны – продолжил приватизацию и постарался придать этому процессу правовое обоснование. Хотя критики его политики считают, что в законах Зульфикара Али Бхутто были положения о возможности денационализации, тем не менее Наваз Шариф не только сделал программу приватизации ключевой в комплексе реформ, но и внес ряд законодательных поправок. Для ее проведения была создана в январе 1991 г. Приватизационная комиссия во главе с генералом в отставке Саедом Кадиром. Эта комиссия находилась под прямым контролем министерства финансов, а

по мнению некоторых специалистов, она была не что иное, как отдел этого министерства по проведению политики правительства. Комиссия состояла из нескольких рабочих групп, каждая из которых вырабатывала определенные требования и рекомендации. Ею было выбрано для приватизации первоначально 160 предприятий и корпораций, среди которых 7 автомобильных компаний, 14 цементных, 11 химических и керамических, 10 машиностроительных, 5 по производству удобрений, 22 маслобойных, 18 пекарен, 8 рисорушек. Среди прочих текстильные, сахарные и т.д.¹ С декабря 1992 г. в печати начали публиковаться уже конкретные приглашения для местных и иностранных участников на торги по обозначенным предприятиям.

Предлагавшиеся к приватизации предприятия составляли лишь небольшую часть госсобственности, доля которой в промышленности в начале 90-х годов составляла 18–20%. Государству принадлежали все крупные национальные банки. Следует подчеркнуть, что Пакистан еще до начала приватизации имел некоторый опыт разгосударствления предприятий. Им стала передача построенных крупными государственными корпорациями предприятий в частный сектор. Однако нынешняя приватизация имеет дело не только с новыми, не только с крупными и прибыльными, часто, наоборот, далеко не с современными, мелкими, устаревшими заводами, пришедшими в упадок из-за неэффективного управления, с раздутыми штатами, отсутствием квалифицированного менеджмента и т.д.

* * *

Приватизационная комиссия в 1992 г. разработала Условия приватизации, которые продолжают действовать и в настоящее время и включают следующие положения:

1. Приватизация происходит в форме продажи как акций, так и ценных бумаг. Участвующие в торгах подтверждают наличие «честных» денег, либо предоставляя банковские счета, либо переводят требуемую сумму денег на счет Приватизационной комиссии.

2. Выигравший торги должен в течение 14 дней уплатить 26% от стоимости купленного предприятия за вычетом суммы, внесенной до торгов. Еще 14% должно быть уплачено при подписании соглашения в течение 30 дней после первого взноса.

3. Оставшиеся 60% стоимости должны быть погашены тремя равными годовыми взносами или шестью равными полугодовыми взносами вместе с 14% годовых, под которые банк гарантирует деньги Приватизационной комиссии.

4. При оплате в акциях или ценных бумагах за приватизируемый объект победивший на торгах должен также предоставить твердые гарантии на выплату займа, если таковой брался, соответствующей государственной корпорации, в ведении которой находился данный объект, или правительству. Принятие банком гарантий по погашению

основного кредита и процента происходит согласно пункту 3 Условий. Первый взнос производится через 6 месяцев после даты передачи объекта новым владельцам. Весь срок выплаты является предметом переговоров.

5. При нарушении условий выплаты или банковских гарантий выплаченная сумма конфискуется.

6. Купивший предприятие обязан сохранить весь персонал и пользоваться его услугами согласно действующему в Пакистане законодательству. В течение 12 месяцев все рабочие и служащие продолжают работать на прежних рабочих местах.

Условия приватизации предполагают, что комиссия имеет право отвергнуть любое или все предложения без объявления причин².

Таким образом, по условиям приватизации коллектив предприятий имеет преимущественное право на его владение. Однако на деле это положение столкнулось с рядом трудностей уже с первых шагов. Так, в конце декабря 1990 г. правительство объявило о распродаже акций «Муслим коммершиэл Бэнк», который имел 1270 отделений и годовой доход в более чем 10 млн. долл. Несмотря на активное сопротивление почти 18 тысяч служащих, правительство в лице его комиссии объявило о продаже банка финансовой группе «Сапфир-Мунша». Началось активное сопротивление коллектива, судебное разбирательство, и было принято решение о передаче банка другой группе – «Таваккал», предлагавшей более высокую цену и потому имевшей право на покупку³.

На страницах печати неоднократно сам премьер Наваз Шариф и его окружение обвинялись в фаворитизме своим близким, родственникам, друзьям, влиятельным лицам при приватизации. Особенно критиковалось явное предпочтение, оказанное Н.Шарифом крупному промышленнику Миану М.Мунша, который «приобрел МКБ («Муслим Коммершиал Бэнк») путем самой скандальной из всех приватизационных сделок, ныне является монополистом в цементной промышленности и вскоре завладеет большей частью акций компании «Суй Ноферн Гэс Лтд». Все имущество, оказавшееся в руках Мунши, получено с большими нарушениями правил приватизации»⁴.

Не менее скандальной явилась и передача «Синд Инжиниринг Лтд» в руки Ашрафа Д.Балоча, который уже приватизировал ряд предприятий также с большими нарушениями процедуры приватизации. Такими примерами пестрят пакистанские газеты, а арбитражные суды полны спорных дел, касающихся приватизации. Многие экономисты считают, что идет наглое разбазаривание госсобственности в интересах обогащения определенной группы людей, а глава Приватизационной комиссии Саед Кадир установил «специальные связи» со многими высшими управленческими чинами на рентабельных предприятиях госсектора и использует эти связи для последующей передачи госсобственности нужным лицам по своему усмотрению.

Явно прослеживается стремление близких к правительственным кругам людей сконцентрировать «за дешево» богатство в своих руках⁵.

Правила приватизации предусматривают, что рабочим должно передаваться до 30% акционерного капитала, пока же им отдавалось не более 15%, что вызывало их недовольство вплоть до забастовок. Предполагалось, что по крайней мере в течение года рабочие не подлежат увольнению. Это требование практически не выполнялось. Массовые увольнения, несомненно, создавали проблемы для правительства. С другой стороны, необходимость сокращения была очевидна, ибо оно должно было способствовать более эффективной работе предприятий. Рабочие бастовали, сопротивлялись увольнениям. Правительство зачастую обещало сохранить весь штат приватизируемых предприятий, но после самого акта приватизации теряло контроль над ними⁶.

Не менее трудной для Приватизационной комиссии являлась и задача в определении принципов продажи госимущества: кому и по какой цене. Приведенные выше примеры показывают, что часто вопрос с крупными и рентабельными предприятиями и банками решался просто: они отдавались «кому надо». Власти, оправдывая свою политику, заявляли, что при допуске на аукцион мелких и средних предпринимателей процесс приватизации может растянуться на годы. Многие ратовали за возвращение предприятий прежним владельцам по доступным ценам. В определенной мере длительность процесса приватизации зависит от методов ее проведения. В мировой практике их много: это и аукционная продажа на открытых торгах, продажа акций на бирже, аренда и т.д. В Пакистане преимущественно происходит продажа объектов на торгах с последующим акционированием на бирже части акций. С конкретной формой приватизации тесно связан и вопрос о ее экономической рентабельности⁷.

Оценивая ход приватизации до прихода к власти в октябре 1993 г. Беназир Бхутто, можно сказать, что процесс этот проходил с трудностями и ошибками. На начало февраля 1993 г., т.е. за весь период приватизации, из 160 предприятий было приватизировано 70, из которых 56 были переданы в руки новых владельцев, 4 – прежним, 4 – рабочим предприятий и 6 – иностранцам. За эти предприятия казна получила более 9 млрд. рупий и еще должна была получить 15 млрд.⁸

Одним из первых шагов правительства Б.Бхутто была смена главы Приватизационной комиссии и назначение на этот пост члена фракции ПНП в Национальной Ассамблее Саеда Н.Камара. Комиссия еще до объявления политики в сфере приватизации провела ряд семинаров для специалистов по выработке новой концепции.

В феврале 1994 г. был обнародован список из 31 госпредприятия, которые были намечены к приватизации, но только в апреле была предложена новая концепция приватизации. Отныне приватизации

подлежали все госпредприятия, будь то промышленные, банковские, энергетические и коммуникационные объекты.

Серьезной критике была подвергнута политика приватизации прежнего режима за «слабое и поспешное планирование и наивное предположение, что сложную процедуру (приватизации. – *И.Ж.*) можно свести до уровня обычного аукциона». Как заявлял глава комиссии, правительство Наваза Шарифа «скрывало от народа реальные результаты приватизации, которые представлялись как выполнимые»⁹. Из обещанного к приватизации в 1994 г. 51 объекта фактически был отобран 41, но 26 из них оказались или «больными» или просто стоящими на грани банкротства. Такие предприятия, как «Шадакот текстайл», имели убыток в 656 млн. рупий, «Дир Форест Индастриз» – 249 млн., «Кохинур Ойл Миллз» – 254 млн., «Бела Инжиниринг» – 108 млн. и т.д.¹⁰

Согласно новой политике, все предприятия, которые не находили покупателей на торгах, должны быть ликвидированы. Подлежали продаже оборудование и земля, на которой был расположен объект. Предполагалось, что Комиссия должна была проявлять осторожность, вынося вердикт о ликвидации предприятия, тщательно рассматривать каждый случай в отдельности.

Из предложенного к приватизации в 1994–1995 гг. 31 промышленного предприятия 51% акций должен был быть передан частному сектору, 39% – распродано на бирже для всех желающих и 10% – предоставлено трудовым коллективам по сниженным ценам¹¹. Правительство было намерено приватизировать три банка – «Хабиб кредит & Иксченч бэнк», «Юнайтед бэнк» и «Хабиб бэнк».

Поскольку новая приватизационная политика предполагала полную ликвидацию государственного сектора, в число дезинвестируемых объектов попадали «гиганты пакистанской экономики»: сооруженный с помощью СССР Карачинский металлургический комбинат мощностью 1 млн. т металлопродукции в год, Агентство по водному и энергетическому развитию (ВАПДА), которое занимается производством, передачей и распределением электричества по всему Пакистану (кроме Карачи) и в котором работает более 160 тыс. человек, Пакистанская Телекоммуникационная корпорация – единственный владелец и организатор внутреннего и международного телефонного обслуживания, все нефтяные и газовые месторождения и ряд других важнейших объектов пакистанского госсектора. Сроки и условия приватизации этих «гигантов» будут определяться на основе рекомендаций «советника по дезинвестициям» – нового лица в структуре правительства.

Большие средства, которые рассчитывало получить от приватизации правительство Б.Бхутто, оно намеревалось расходовать не на покрытие бюджетного дефицита, а на госрасходы, социальные нужды и инфраструктуру.

Надо сказать, что новая политика приватизации, особенно в части дезинвестиций «гигантов» и природных энергетических ресурсов, вызвала серьезную критику в стране.

Нынешний век становится свидетелем приватизации именно «гигантов» пакистанской промышленности и банков, находящихся в руках государства. Министр приватизации и инвестиций Хафиз Шейх, являющийся одновременно и председателем Приватизационной комиссии, заявил в марте 2004 г., что по программе приватизации в ближайшее время будет передано в частные руки 38 государственных объектов, среди которых Пакистанская телекоммуникационная корпорация, Пакистанская государственная нефтяная корпорация, Национальный инвестиционный трест, Кара-чинская энергетическая корпорация и др. В списке приватизируемых – как прибыльные, так и убыточные предприятия. Проводимая ныне программа предполагает, что, во-первых, она будет проводиться без спешки, по выгодным ценам и, во-вторых, будет направлена «на создание дополнительных рабочих мест и в интересах простого народа»¹². До конца 2003 г. правительство получило 17 млрд. рупий за счет продажи различных объектов. Еще 2,7 млрд. рупий оно намеревалось получить за счет продажи на рынке государственных акций в таких компаниях, как «Атток рифайнери ли-митд», «Пакистан ойл филдс лимитд», «ДГ Хан Семент»¹³ и др. Своей программой правительство намеревается реконструировать и вдохнуть новую жизнь в приватизируемые объекты и ликвидировать таким образом убыточные и «больные». Правительство Первеза Мушаррафа называет программу «краеугольным камнем» экономической жизни и важным элементом процесса экономических реформ. При этом признается, что приватизация является сложным и необходимым элементом реформ, и каждая ее стадия требует максимальной прозрачности и высокого уровня управленческой, финансовой и технической экспертизы. На стоимость продажи объектов влияет ряд факторов, включая геополитическую обстановку и рыночные условия, а также кому продаются объекты и каковы планы новых владельцев¹⁴.

Плановая комиссия нашла, как считают пакистанские экономисты, верный путь передачи госпредприятий в частные руки. Вместо того, чтобы продавать «гиганты», такие, например, как Национальный банк и Корпорация по развитию нефти и газа, одному «стратегическому» покупателю, она продала их акции открыто через фондовую биржу. Ответом было превышение спроса в 4 раза. Тем самым укрепляется сама биржа и создаются условия для получения прибыли всем, имеющим акции. Но есть и исключения.

«Хабиб бэнк», например, – крупнейший в Пакистане. Он имеет 1425 отделений в стране и 48 в 26 странах, включая Канаду, Англию, США, Саудовскую Аравию, Францию, Германию, ОАЭ, Гонконг и другие, и пользуется хорошей репутацией в мире. Он владеет 18% всех активов банков страны, 19% – депозитов и проводит 1/5 всех операций. В банке и его филиалах занято 19 тыс. работников. Нынешняя политическая об-

становка в стране и регионе не способствует передаче банка иностранным покупателям по выгодной цене. Их вмешательство не всегда идет на пользу приватизируемым объектам. Примером тому является давление на сроки приватизации банка со стороны МВФ, требовавшего закончить ее к январю 2004 г., иначе ставился вопрос о прекращении выдачи займа в 476 млн. долл. до июня 2004 г. по Программе ликвидации бедности. После приватизации вся прибыль до выплаты налога может быть переведена в страну покупателя, а составляет она 1 млрд. долларов¹⁵.

Приватизационная комиссия выбрала трех покупателей «Хабиб бэнка» из 19 предложений. Это Фонд развития Ага Хана, Центральная страховая компания и Государственный совет Катара по экономическим делам и инвестициям, причем последний предлагает наибольшую цену и является государственным объектом. Пакистанские власти опасаются, правда, не является ли эта организация выразителем взглядов Индии или Израиля. Центральная страховая компания принадлежит промышленному магнату Хусаину Дауду. Пакистанская сторона не возражает и против Фонда Ага Хана, который делает значительные инвестиции в экономику и социальный сектор. Однако наличные средства для покупки банка есть только у Катара¹⁶.

Идеальным же вариантом считается объединение «Хабиб бэнка» с Национальным банком и создание Пакистанского банка, присоединив к нему банк из Саудовской Аравии, который будет пользоваться мировой известностью. И все-таки приватизация «Хабиб бэнка», как считают специалисты, идет вразрез с национальными интересами. Приватизационная комиссия должна следовать такой политике в отношении «Хабиб бэнка», которую она успешно проводила в отношении Корпорации по нефти и газу – одной из самых успешных и прибыльных компаний. В июле 2002 г. Приватизационная комиссия предложила приватизировать 52% ее акций, остальная часть должна остаться в руках государства. Первоначально планировалось приватизировать компанию по частям. Решение Комиссии по сохранению части акций в руках государства признано успешным¹⁷.

Процесс приватизации в Пакистане идет далеко не плавно. Передача части объектов в частные руки сопровождается скандалами. Так, «Эллайд Бэнк Лимитд» не смог быть приватизирован и вновь возвращен в руки государства, но планы по его «отчуждению» не оставлены. В то же время «Муслим Коммершиэл Бэнк» уже функционирует в частном секторе. Еще два объекта – «Зил Пакистан Семент» и «Метрополитан Стил» практически разорились после приватизации. Последняя компания уже несколько раз перепродавалась, в результате чего она, прежде успешно работавшая, ныне стала убыточной. Зачастую частные средства, которые могли бы направляться на новые инвестиции, расходуются на покупку уже существующих объектов, что негативно влияет на процесс индустриализации¹⁸.

На процесс приватизации и его сроки влияет и геополитическая обстановка. Например, продажа 26% акций Пакистанской телекоммуникационной компании была приостановлена из-за мирового кризиса в сфере телекоммуникационного производства, в связи с чем иностранные и пакистанские инвесторы утратили интерес к компании, хотя первоначально на покупку было 11 претендентов. Начало приватизации было в 1994 г., когда правительство продало 3% акций на местном рынке, а позже еще 9% на международном в форме мировых депозитарных документов¹⁹, т.е. «гигант» телекоммуникационной компании, которая владеет 3,2 млн. телефонных линий, местным Интернетом и сетью мобильных телефонов, уже 10 лет находится в стадии приватизации²⁰.

Процесс приватизации ряда объектов тормозится активным сопротивлением местных властей, например СЗПП, по передаче в частные руки Агентства по водному и энергетическому развитию (ВАПДА)²¹.

Опыт Пакистана в деле приватизации показывает, что надежды властей на ожидаемые доходы, рост занятости, улучшение менеджмента, качество выпускаемой продукции пока не оправдываются. Часто сделки совершаются безосновательно быстро, без учета специфики производств и банковских особенностей и по ценам, зачастую выгодным для покупателя. В этом процессе процветает подкуп, кумовство, «нечестная игра». Недаром приватизацию называют «брайберизацией» (брайб – взятка). Практически в каждой стране, где идет приватизация (Россия, Индия, Чили и многие другие), можно найти примеры проведения ее не в национальных, а частных интересах²².

¹ The News, 28.01.1993; Pakistan and Gulf Economist, 2.02.1991.

² The Nation, 5.12.1992; Dawn, 17.08.1991.

³ Dawn, 1.02.1992; Asiaweek, 15.02.1991; Pakistan Times, 15.09.1995.

⁴ Pakistan and Gulf Economist, 19.01.1991; Asiaweek, 15.02.1991.

⁵ The Herald, February, 1992; The Nation, 1.12.1991; Dawn, 17.08.1991.

⁶ Far Eastern Economic Review, 20.04.1991; Pakistan Observer, 24.04.1997.

⁷ Asiaweek, Hangkong, 15.02.1991; The Muslim, 24.04.1995.

⁸ Dawn, 1.02.1993, 29.04.1998 ; The News, 25.12.1994.

⁹ Pakistan & Gulf Economist, 16–22.04.1994.

¹⁰ Там же, 26.03.1994, 16–22.04.1994.

¹¹ Pakistan Times, 11.04.1994.

¹² Dawn, 15.03.2004; The News, 12.12.2003.

¹³ The Nation, 16.02.2003.

¹⁴ Dawn, 15.03.2004.

¹⁵ Dawn, 28.12.2003; The News, 31.12.2003.

¹⁶ Dawn, 28.12.2003; The News, 29.12.2003.

¹⁷ Dawn, 11–17.10.2002; The Nation, 16.2003.

¹⁸ Dawn, 2.06.2002; The News, 10.10.2003.

¹⁹ The News, 20.09.2002.

²⁰ Там же, 20.09.2002; 2.01. 2004.

²¹ The News, 19.12.2003; Dawn, 9.06.1997.

²² Dawn, 28.12.2003.

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ СТРАТЕГИЯ ИСЛАМАБАДА

Изменения, произошедшие в мировой политике с началом 90-х годов, внесли серьезные коррективы в геополитическое положение Пакистана и самым непосредственным образом подтолкнули пакистанское руководство к поиску новых партнеров во внешней политике страны. Серьезные противоречия в отношениях с прежним стратегическим союзником Соединенными Штатами Америки (включая разногласия по ядерной программе Пакистана, ситуацию с правами человека в этой стране, низким уровнем мер по борьбе с наркотрафиком в Пакистане), а также окончание афганской кампании и соответственно снижение на мировой арене значения Пакистана как «прифронтового государства» – все это обусловило особый интерес Исламабада к укреплению отношений с появившимися на карте бывшего Советского Союза новыми независимыми государствами, прежде всего Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном, Туркменистаном и Таджикистаном, которые сразу же превратились в зону повышенного внимания со стороны таких крупных мировых держав, как США, Китай, Россия, а также Турция, Иран и Саудовская Аравия.

Как справедливо отмечают некоторые пакистанские исследователи¹, на волне эйфории от распада Советского Союза и обретения центральноазиатскими республиками независимости, а также в контексте общей экономической и политической слабости России пакистанское руководство на начальном этапе становления отношений с новыми странами не смогло адекватно оценить роль российского фактора в центральноазиатской политике и сделало чрезмерную ставку на скорее идеологический (с упором на ислам как цементирующий элемент в отношениях между братскими мусульманскими государствами), чем на прагматический подход (основывающийся на реальных политико-экономических интересах сторон). Более того, акцентируя внимание на том, что большинство населения центральноазиатских республик составляют мусульмане-сунниты, и всячески подчеркивая общность исторических судеб со странами Центральной Азии, Исламабад практически исключил в своих расчетах возможность расширения влияния Ирана на этот регион. Так, министр экономики Пакистана Сардар Ассеф Ахмад Али, возглавлявший пакистанскую делегацию в ходе турне по странам Центральной Азии в ноябре-декабре 1991 г., заявил: «Они [республики Центральной Азии]

сталкиваются с проблемами в отношениях с Ираном. Помимо горького наследия прошлого сказываются и тюркские корни народов, населяющих Центральную Азию. К тому же 95% населения – мусульмане-сунниты накшибандийского течения. Именно эти факторы обуславливают напряженность в отношениях с Ираном»².

В первые годы после обретения независимости бывшими советскими республиками Центральной Азии пакистанское руководство и ряд религиозных группировок, принимающих активное участие в формулировании внутреннего и внешнего политического курса Пакистана, крайне высоко оценивали роль ислама в политической жизни новых независимых государств и стремились усилить свое влияние в этом регионе, в том числе и путем внесения пожертвований на строительство и восстановление мечетей, с помощью налаживания тесных контактов с представителями местной политической элиты, направления священнослужителей в центральноазиатские республики. Видение Исламабадом своей роли в отношениях с государствами Центральной Азии на первоначальном этапе наиболее полно отражает следующее заявление сенатора от «Джамаат-и Ислами» кази Хуссейна Ахмеда: «Они [республики Центральной Азии] видят в Пакистане пример для подражания, поскольку он основан на религиозных принципах. Кроме того, благодаря его роли в осуществлении джихада в Афганистане эти государства также рассматривают Пакистан в качестве своего благодетеля и возлагают на него большие надежды»³.

Одновременное появление на карте мира новых государств в непосредственной близости от границ Исламской Республики Пакистан было воспринято как благоприятная возможность для дальнейшей реализации доктрины т.н. «стратегической глубины», создания укрепленного тыла в противостоянии со своим главным противником – Индией, а также завоевания лидирующих позиций в мусульманском мире путем включения стран Центральной Азии и Афганистана в сферу влияния Исламабада. Особо привлекательным для пакистанского руководства был также тот факт, что многие постсоветские республики обладают значительными запасами углеводородного сырья и вместе с тем не имеют выхода на мировые рынки, кроме как через Россию. В таких условиях центральноазиатские государства (в частности, Туркменистан) были особенно заинтересованы в расширении сотрудничества со своими соседями, которые могли обеспечить транзит энергоносителей через свою территорию.

Первые месяцы после провозглашения суверенитета центральноазиатскими республиками характеризуются во внешнеполитической деятельности Пакистана резкой активизацией двусторонних связей с государствами этого региона. Уже в октябре 1991 г. премьер-министр Пакистана Наваз Шариф пригласил руководителей новых независимых государств Центральной Азии посетить Пакистан. Несколько ранее, в ноябре-декабре 1991 г. в целях установления более тесных

контактов и закрепления за Пакистаном статуса привилегированного партнера в отношениях с центральноазиатскими республиками все государства региона посетила делегация во главе с государственным министром по делам экономики С.А.Ахмад Али. В ходе визита обсуждались вопросы сотрудничества в сферах экономики, финансов, торговли, техники и коммуникаций. Несмотря на серьезные экономические трудности в самом Пакистане, пакистанское руководство сочло возможным заявить о своей готовности предоставить долгосрочные кредиты для закупки пакистанских товаров. Так, Казахстану были предложены кредиты в объеме 200–300 млн. долларов⁴. Одновременно были достигнуты договоренности о предоставлении Пакистаном коммерческих кредитов в размере по 10 млн. долларов всем центральноазиатским республикам (за исключением Узбекистана, которому было предоставлено 30 млн. долларов)⁵. Уже к апрелю 1992 г. Пакистан работал над внушительным числом проектов с Узбекистаном, Таджикистаном, Киргизией и Казахстаном.

Однако уже спустя несколько месяцев после провозглашения национального суверенитета бывших советских республик Средней Азии и Казахстана пакистанские правящие круги постепенно приходят к осознанию того, что относительная политическая и экономическая слабость Пакистана не позволяет ему превратиться в ключевого партнера для центральноазиатских стран. Более того, Исламабад не в состоянии выдержать жесткой конкуренции со стороны прежде всего ближайших соседей республик Центральной Азии – России, Китая, Ирана и Турции. Кроме того, уже первые шаги руководства новых независимых государств на мировой арене свидетельствуют о том, что они не намерены строить свою внешнеполитическую стратегию исключительно на идеях исламской солидарности и склонны развивать именно экономическую составляющую своих отношений с новыми партнерами. Особую озабоченность у руководства центральноазиатских республик вызвал рост религиозного экстремизма и терроризма в непосредственной близости от их границ и даже в ряде случаев на территории этих государств. При этом угроза исламского экстремизма, по мнению руководителей новых независимых государств, в значительной степени исходила с территории Пакистана.

В подобной ситуации произошла некоторая корректировка внешнеполитического курса Исламабада в отношении своих новых партнеров в регионе. Акценты постепенно сместились на экономическое сотрудничество и развитие транспортной инфраструктуры между странами, религиозный фактор уходит на второй план. Наиболее перспективным механизмом реализации интересов Исламабада в сложившихся условиях становится Организация экономического сотрудничества (ЭКО), получившая новый импульс к развитию в связи с присоединением к ней Азербайджана, Казахстана, Киргизстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, а также Афганистана в

ноябре 1992 г. В рамках вышеуказанного международного форума Пакистан не только получил возможность развивать сотрудничество по широкому кругу вопросов с центральноазиатскими государствами (включая развитие торговли, сотрудничество в области промышленности путем создания совместных предприятий, осуществление кооперации в банковском секторе, создание единой транспортной инфраструктуры и др.), но также осуществить ряд крупных проектов, в частности, использование транспортной сети на пакистанской территории для транзитных перевозок из стран Центральной Азии и прокладку трубопроводов через Пакистан, что сулило значительную выгоду всем заинтересованным сторонам. Через данную организацию Исламабад стремился не только усилить свое влияние на новые государства, но и по возможности сдерживать своих конкурентов в Центральной Азии, членов ЭКО – Турцию и Иран. Кроме того, первое время пакистанское правительство имело целью использовать ЭКО в качестве международной трибуны для озвучивания своей позиции по ряду ключевых вопросов мировой политики и рассчитывало на адекватный ответ со стороны новых членов организации (прежде всего на поддержку позиции Исламабада по кашмирскому вопросу). Однако руководство центральноазиатских республик старалось дистанцироваться от резких заявлений пакистанского МИД и избегать шагов, которые ассоциировались бы с вмешательством в пакистано-индийский конфликт⁶.

Приоритетные направления развития Организации экономического сотрудничества были определены в принятых в 1993 г. в Кветте (Пакистан) «Плане действий до 2000 года» и в Алма-Ате (Казахстан) «Основном плане развития транспортного сектора в регионе ОЭС». В этих документах была обозначена ключевая задача ЭКО на ближайшие несколько лет – создание единой системы автомобильных, железнодорожных, морских и воздушных путей, а также сети нефте- и газопроводов для обеспечения государств-членов надежной инфраструктурой. О приоритетном развитии транспортной составляющей говорит и тот факт, что на четвертом заседании Совета министров ЭКО десятилетие с 1994 г. по 2004 г. в рамках Организации было официально названо «Десятилетием транспорта и связи для стран региона ЭКО»⁷. Такая расстановка приоритетов в рамках организации объяснялась тем, что обеспечение надежной транспортной инфраструктуры для большинства членов ЭКО является задачей №1 на пути развития экономического сотрудничества и интеграции в мировое хозяйство, поскольку они не имеют прямого выхода к морю и таким образом наиболее благоприятного пути к основным мировым рынкам.

Вместе с тем, несмотря на явную активизацию деятельности Организации экономического сотрудничества в 90-е годы, принятие ряда важных документов и разработку стратегии действий, направленных на более тесное взаимодействие экономик стран региона и повышение уровня экономического развития региона в целом, собственно интегра-

ция в рамках этого объединения идет крайне медленно, и сегодня было бы преждевременно говорить о значительном прогрессе на этом направлении. Уровень внутрирегиональной торговли остается низким. В 2000 г. он не превысил 7%⁸. На Иран, Пакистан и Турцию приходится значительная доля экспорта ЭКО – 78,1% всего экспорта стран ЭКО в 2001 г. (и только на одну Турцию – 38,1%)⁹. При этом на государства-члены ЭКО в общем объеме экспорта стран-основательниц, Пакистана, Турции и Ирана, приходится соответственно 3,2%, 3,1% и 3,8% (на 2000 г.)¹⁰. Что касается нефтегазовой политики, то здесь страны ЭКО осуществляют отдельные совместные проекты, но преимущественно на двусторонней основе. Пожалуй, единственным успешно реализованным проектом стал ввод в эксплуатацию в рамках плана по созданию Трансасиатской железнодорожной магистрали «Великий шелковый путь» 700-километрового участка железной дороги Бафк-Бендер-Аббас в 1995 г. и железнодорожного участка Мешхед-Серакс-Теджен в 1996 г.

Что касается Пакистана, то наибольший интерес Исламабада в многостороннем сотрудничестве со странами Центральной Азии вызывает строительство нефте- и газопроводов через его территорию, а также развитие своей транспортной инфраструктуры в целях повышения объемов транзитной торговли. В августе 1993 г. в Исламабаде было подписано трехстороннее соглашение между Пакистаном, Туркменистаном и Афганистаном о строительстве новых дорог. Соглашение предусматривало строительство железной дороги протяженностью 600 км через Ашхабад до Герата, Кандагара и далее через пакистанский город Кветта до порта Карачи. Проект остался нереализованным.

На четвертом саммите ЭКО 14 мая 1996 г. в Ашхабаде, где делегацию Пакистана возглавлял Фарук Ахмад-хан Легхари, была подписана Ашхабадская декларация ЭКО, в которой среди приоритетов организации назывались использование Каракорумского шоссе для осуществления обменов между государствами-членами ЭКО; необходимость скорейшего строительства шоссейных и железных дорог, обеспечивающих доступ из Центральной Азии в порты Карачи и Гвадар, а также железной дороги Кушка-Герат-Кандагар-Чаман; строительство нефте- и газопроводов из Туркменистана в Пакистан через Афганистан и из Туркменистана в Пакистан через Иран¹¹. В ходе саммита были также подписаны четырехсторонний меморандум между Пакистаном, Туркменистаном, Афганистаном и Узбекистаном о сооружении газопровода и трехсторонний меморандум между Пакистаном, Туркменистаном и Афганистаном относительно строительства нефтепровода из Чарджоу в Гвадар.

Строительство газопровода из Туркменистана через Афганистан в Пакистан было постоянным предметом обсуждения между представителями трех сторон в течение всех 90-х годов. Заинтересованность Туркменистана в реализации «трансфганского проекта» предопределила особые отношения, установившиеся у Ашхабада с режимом

талибов. По некоторым данным, правительство Туркменистана подписало соглашение с обеими воюющими в Афганистане сторонами – Северным альянсом и Движением талибов – об обеспечении безопасности трансафганского газопровода, согласно которому обе стороны конфликта в обмен на гарантии безопасности получали 10% прибыли от реализации туркменского газа¹². Интерес же Исламабада заключался не только в экономических прибылях от реализации проекта. Подключая к строительству газопровода талибов, пакистанское руководство пыталось содействовать признанию талибского режима на мировой арене и таким образом изменить расстановку сил в регионе в свою пользу.

Несмотря на непрекращающиеся в 90-е годы бои на территории Афганистана, заинтересованные стороны не отказывались от планов прокладки трансафганского газопровода из Туркменистана. В 1995 г. американская компания UNOCAL вместе с саудовской компанией Delta Oil получила от туркменского правительства эксклюзивное право на строительство газопровода от Даулатабадского газового месторождения в Туркменистане до Кветты на побережье Аравийского моря. В октябре 1997 г. был сформирован международный консорциум «CENTGAS» (Central Asian Gas Pipeline) по реализации проекта строительства трансафганского газопровода. Согласно принятому плану, строительство должно было начаться уже в декабре 1998 г. и завершиться в 2001 г. Однако в августе 1998 г. американская компания в связи с террористическими актами против американских посольств в Кении и Танзании и последовавшим за ними обстрелом лагерей боевиков Усамы бен Ладена в Афганистане сначала приостановила свою деятельность в этой стране, а в декабре того же года объявила о ее полном прекращении¹³. Несмотря на столь сильный удар по финансированию проекта, в апреле 1999 г. на встрече в Исламабаде министры энергетики Туркменистана, Пакистана и Афганистана подтвердили свое стремление осуществить трансафганский проект¹⁴. Тем не менее продолжающиеся военные действия на территории Афганистана, отсутствие политической стабильности и невозможность обеспечения необходимого для реализации проекта уровня безопасности явились основной причиной провала всех сроков начала строительства трансафганского газопровода.

Проведение антитеррористической операции в Афганистане в октябре 2001 г., учреждение временной администрации, а затем проведение общенациональных выборов и формирование правительства страны дало основания странам-участницам трансафганского проекта надеяться на стабилизацию ситуации в Афганистане; переговорный процесс вокруг проекта активизировался с новой силой. 30 мая 2002 г. на встрече в Исламабаде президент Туркменистана Сапармурат Ниязов, президент Афганистана Хамид Карзай и президент Пакистана Первез Мушарраф подписали меморандум о проведении изыскатель-

ских работ, касающихся перспектив строительства газопровода через территорию Афганистана. 17 сентября 2002 г. представитель Азиатского банка развития Ситапати Чандер заявил, что «реализация проекта строительства газопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан начнется вскоре после июня 2003 г.»¹⁵. 27 декабря 2002 г. Пакистан, Туркменистан и Афганистан подписали Рамочное соглашение о строительстве трансафганского газопровода. В декабре 2003 года был подписан протокол к соглашению о строительстве газопровода от Даулатабадского месторождения на юго-востоке Туркменистана через Афганистан в Пакистан с пропускной способностью 30 млрд. м³ в год. Стоимость всего проекта оценивалась в 3,5 млрд. долларов¹⁶. Как заявил по итогам встречи министр природных ресурсов Пакистана Нураз Шакур Хан, была сформирована специальная рабочая группа, призванная работать совместно с Азиатским банком развития над реализацией проекта¹⁷.

Следует, однако, отметить, что сохраняются серьезные трудности в осуществлении проекта строительства газопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан. До сих пор нельзя с полной уверенностью говорить о необходимом для этого уровне безопасности и стабильности на территории Афганистана, что ставит под вопрос реализацию как подготовительных работ, так и всего строительства трубопровода. По мнению ряда экспертов, помимо угрозы террористических актов на территории Афганистана проект может столкнуться с недостаточным спросом газа в Пакистане: страна, потребляющая сегодня 20 млрд. м³ газа, может и не «переварить» дополнительные 30 млрд. кубометров¹⁸.

Одновременно у ряда специалистов вызывает особую озабоченность тот факт, что напряженность в индийско-пакистанских отношениях может негативно повлиять на реализацию туркменского газа на азиатском рынке (планируется направить туркменский газ через Пакистан и в Индию). В данном контексте особый интерес представляет заявление министра иностранных дел Индии, сделанное в январе 2004 г. на бизнес-форуме, который состоялся в Исламабаде в рамках проходившего там саммита Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК). Глава индийского МИД Яшвант Синха подчеркнул, что «Пакистан может стать важным связующим звеном между Центральной Азией, Персидским заливом и Индией, испытывающей нехватку энергетических ресурсов. Если Пакистан найдет в себе силы, чтобы изменить нынешний подход к Индии, то перед ним откроются огромные перспективы в качестве страны, через которую транзитом пойдут энергоресурсы и товары»¹⁹.

В целом можно говорить о том, что на настоящий момент сотрудничество в нефтегазовой отрасли с Туркменистаном и Афганистаном представляет собой приоритетное направление во внешнеполитической стратегии Исламабада в Центральной Азии. Это, однако, не означает, что сотрудничество с другими странами региона оказы-

вается на периферии политики пакистанского руководства. Пакистанские представители активно действуют как на двусторонней основе, так и в рамках международных форумов, прежде всего Организации экономического сотрудничества, для укрепления позиций своей страны в центральноазиатском регионе. Как отметил в феврале 2004 г. министр финансов Пакистана Шаукат Азиз на первой конференции министров финансов и экономики стран, входящих в ЭКО, «уровень задействования потенциала Организации пока не отвечает современным требованиям, и задача состоит в том, чтобы извлечь максимальную выгоду от сотрудничества в рамках организации»²⁰.

Так, продолжаются попытки реализации Соглашения о транзитных перевозках, подписанного в 1995 г. Китаем, Казахстаном, Киргизстаном и Пакистаном. 13 апреля 2004 г. в Урумчи, в административном центре Синьцзян-Уйгурского автономного района состоялись экстренные консультации Китая, Казахстана, Киргизстана и Пакистана. По сообщению агентства «Синьхуа», в ходе консультаций четыре стороны достигли соглашения об официальном открытии транзитных перевозок с 15 мая 2004 г.²¹

Одновременно ведутся изыскательские работы для строительства второй ветки железной дороги от Термеза через Аму-Дарью до афганского города Мазари-Шарифа (соглашение о строительстве этой железной дороги было подписано Афганистаном и Узбекистаном в ноябре 2003 г.), которая протянется от пакистанского города Чаман (провинция Белуджистан) до Кандагара в Афганистане.

В мае 2004 г. премьер-министр Пакистана Мир Зафарулла Хан и президент Таджикистана Эмомали Рахмонов подписали восемь соглашений в области облегчения визового режима, избежания двойного налогообложения, в сфере образования, туризма и т.д. Были также созданы две рабочие группы, призванные заниматься проблемами региональной стабильности и противостояния терроризму.

Примечательно, что по сравнению с серединой 90-х годов, когда в центре внимания были вопросы экономического сотрудничества, в конце 20 века проблематика безопасности становится одним из ключевых направлений в отношениях Пакистана со странами Центральной Азии. Сегодня, включившись в качестве одного из основных игроков в антитеррористическую борьбу, Пакистан старается набрать очки в своих отношениях со странами центральноазиатского региона, которые не раз обвиняли пакистанские власти в потворствовании террористическим организациям, действующим в регионе. Так, еще в феврале 1998 г. МИД Узбекистана заявило официальный протест Исламабаду и потребовало от него принять решительные меры по пресечению подготовки боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ) на территории Пакистана. Тогда министр иностранных дел Узбекистана Абдулазиз Камиллов официально заявил, что религиозные организации Пакистана ведут целенаправленную деятельность по

подготовке исламских боевиков для осуществления террористических актов в Узбекистане²² и угроза исламского экстремизма для всей Центральной Азии исходит с территории Пакистана²³. Более того, говоря о серии терактов, произошедших в Узбекистане в марте-апреле и в конце июля 2004 г., президент страны Ислам Каримов подчеркнул, что организаторы и идеологи этих террористических актов находятся в Пакистане, на территории Южного Вазиристана²⁴.

Оказавшись заложником своей прежней политики поддержки Движения талибов в соседнем Афганистане, после событий 11 сентября 2001 г. пакистанское руководство стремится избавиться от сложившегося образа сторонника радикального исламизма и спонсора религиозных экстремистов в центральноазиатском регионе. Крупномасштабные антитеррористические операции пакистанских вооруженных сил на границе с Афганистаном призваны продемонстрировать намерение Исламабада бороться с террористической угрозой. Одновременно Пакистан активно участвует в деятельности многосторонних форумов, занимающихся вопросами безопасности, в частности Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Более того, пакистанское внешнеполитическое ведомство поддержало идею создания т.н. «пояса безопасности» вокруг Афганистана в целях усиления борьбы с наркоугрозой и пресечения нелегальных путей доставки наркотиков (соответствующее соглашение подписали министр иностранных дел Афганистана Абдулла Абдулла и представители правительств Китая, Ирана, Пакистана, Туркменистана, Таджикистана и Узбекистана на международной конференции в Берлине в апреле 2004 г.). Вопросы сотрудничества в области обеспечения региональной безопасности, обороны, экономики, транспорта и коммуникаций были также в центре внимания на переговорах в декабре 2003 г. между президентом Пакистана Первезом Мушаррафом и прибывшим в Пакистан с двухдневным официальным визитом президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым.

Несмотря на то, что Пакистан никогда не оставлял попыток закрепить в центральноазиатском регионе, на протяжении последних десяти лет Исламабад не смог сформулировать четкой сбалансированной внешнеполитической стратегии в отношении стран Центральной Азии. Изначальная ставка на ислам как общий знаменатель для центральноазиатских республик и Пакистана не оправдала себя. Фактически политика, а не экономика предопределяла отношения со странами региона, интенсивность контактов и выбор основных внешнеполитических партнеров Пакистаном в Центральной Азии. Вместе с тем, оставаясь в значительной степени зависимым от ситуации в Афганистане, Исламабад оказался не в состоянии реализовывать крупномасштабные проекты сотрудничества с бывшими советскими республиками. К тому же история взаимоотношений пакистанского руководства с Движением талибов, сепаратистским движением в Кашмире и открытая политика

исламизации, затронувшая в той или иной степени все сферы жизни пакистанского общества, оказывают негативное воздействие на представление о Пакистане центральноазиатских государств.

Современная позиция пакистанского правительства и прежде всего президента страны Первеза Мушаррафа свидетельствует о том, что Исламабад, проецируя себя активным участником антитеррористической коалиции, стремится извлечь максимальную выгоду из реанимации военно-экономического сотрудничества с Вашингтоном и в том, что касается Центральной Азии, воспользоваться влиянием Соединенных Штатов для реализации собственных экономических интересов в регионе. Кроме того, в контексте выдвижения на первый план в повестке дня мировой политики вопросов обеспечения безопасности, пакистанские представители активно участвуют в деятельности многосторонних форумов, международных конференций, в семинарах, касающихся вопросов борьбы с терроризмом, противодействия наркоторговле, торговле оружием, обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии. В целом на сегодняшний день пакистанское руководство проводит умеренно сдержанную политику в отношении центральноазиатских государств, излишне не форсирует темпы расширения двустороннего сотрудничества в различных сферах, стремясь таким образом сохранить за собой возможность дальнейшего влияния на ход событий в регионе.

¹ См., например: Dr. S.Rifaat Hussain. Political Economy of Pak-CAR Relations. – Central Asia. Internal and External Dynamics, ed. KMAsaaf, Abdul Barakat, Institute of Regional Studies. Islamabad, 1997, с. 238–266.

² The News Islamabad, 9.01.1991.

³ Qazi welcomes independence of Soviet Muslim states // The News Islamabad, 3.09.1991.

⁴ Энциклопедия Пакистана. – М., 1998, с. 316.

⁵ Dr. Maqbool Ahmad Bhatti. Internal and External Dynamics: Pakistan's Perspective. Central Asia. Internal and External Dynamics, ed. KMAsaaf, Abdul Barakat, Institute of Regional Studies. Islamabad, 1997, с. 129.

⁶ Так, например, во время визита премьер-министра Пакистана Беназир Бхутто в Узбекистан 11 ноября 1995 года в ответ на попытку пакистанского лидера обсудить проблему Кашмира Ислам Каримов заявил, что Кашмир является внутренней проблемой Индии. (P.L.Dash. Central Asia: Different Times, Different Relations. Dialogue April – June, 2002, Volume 3 № 4, http://www.asthabharati.org/Dia_Apr02/central%20asia.htm)

⁷ <http://www.ecoseretariat.org/>

⁸ Дунаева Е.В. Иран и страны ОЭС: десять лет сотрудничества в расширенном составе // Ближний Восток и современность. Вып. 17. – М., 2003, с. 234.

⁹ Macro-Economic Performance of the ECO Region in Year 2001. (<http://www.ecoseretariat.org/>)

¹⁰ Ebidem.

¹¹ К вопросу о региональной политике Пакистана и некоторых перспективах «трансфганского» коммуникационного проекта // Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне Великого Шелкового пути. Публикуется по электронной версии, предоставленной издателем Князевым А. (Бишкек)

(http://siteistok.host.net.kg/bibl/DC-2/416_knjazev.htm)

¹² Dr. Azmat Hayat Khan. Pipeline, Diplomacy in Central Asian Region: Costs and Benefits. – International Seminar on Confidence Building Measures Between Pakistan, Russia and Central Asia, 8–9 November, 2000 at the Area Study Centre, University of Peshawar, с. 34.

¹³ Dr. Babar Shah. Revival of Trans Afghanistan Gas Pipeline Project.

(http://www.issi.org.pk/strategic_studies.htm/2003/no_1/article/7a.htm)

¹⁴ Dr. Azmat Hayat Khan. Pipeline, Diplomacy in Central Asian Region: Costs and Benefits. – International Seminar on Confidence Building Measures Between Pakistan, Russia and Central Asia, 8–9 November, 2000 at the Area Study Centre, University of Peshawar, с. 48.

¹⁵ К вопросу о региональной политике Пакистана и некоторых перспективах «трансфганского» коммуникационного проекта // Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне Великого Шелкового пути. Публикуется по электронной версии, предоставленной издателем Князевым А. (Бишкек)

(http://siteistok.host.net.kg/bibl/DC-2/416_knjazev.htm)

¹⁶ Turkmen Gas to Run through Kandahar (Based on reports by «Platts», «Xinhua», «Agence France Presse» and «PPI» news agencies;

<http://eng.turkmenistan.ru/article.php?id=1189>)

¹⁷ Ebidem.

¹⁸ Рыбакова Т. Туркмения строит газопровод через Афганистан. (<http://www.finiz.ru/business/article.4709>)

¹⁹ Сообщение ИТАР-ТАСС от 04 января 2004.

²⁰ Сообщение ИТАР-ТАСС, ИНОТАСС от 2 февраля 2004 года.

²¹ <http://www.kabar.kg/04/Apr/14/26.htm>

²² Лунев С.И. Вызовы безопасности южных границ России, (гл. Средний Восток – <http://www.auditorium.ru/books/134/Lunev-glava5a.htm>)

²³ http://www.assamblea.kg/em2_1.htm

²⁴ Сообщение Интерфакс, дипломатическая панорама от 26 августа 2004 года.

**ОБ ЭВОЛЮЦИИ АМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИИ
СДЕРЖИВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ИРАКА**

Новые глобальные вызовы международной безопасности и ответы на них постепенно приводят к пересмотру политических концепций прошлого, попытке формирования подходов и теорий, адекватных новой среде. Такой процесс создает ряд критических гипотез, трансформирующих ключевые элементы прежней структуры. Это прежде всего связано со смещением угрозы глобальной безопасности с биполярного уровня на многополярный, причем особое внимание уделяется региону Ближнего Востока, что в определенной степени обусловлено так называемым «постсентябрьским синдромом» в американской политике. Отныне американская политическая наука все больше ассоциирует терроризм с «государствами-изгоями». Стоит, однако, отметить, что такая ситуация является в определенной степени результатом американской политики в регионе Ближнего и Среднего Востока в 90-е годы XX столетия.

Из кувейтского кризиса американская военно-политическая элита вынесла два вывода по поводу нового миропорядка. Представители госдепартамента настаивали на усилении роли ООН при сохранении лидирующей роли США в этой организации. В то же время в Пентагоне открыто говорили о том, что лишь лидирующая роль США обеспечила эффективность ООН в ходе кувейтского кризиса. Таким образом, Соединенные Штаты как единственная сверхдержава в мире обязаны взять на себя поддержание безопасности без консультаций ООН¹. Руководству же США в регионе Ближнего Востока нужна была такая политика, которая бы стала компромиссом между этими двумя точками зрения.

В качестве основы своей политики в регионе Персидского залива администрация Б. Клинтона приняла так называемую доктрину «двойного сдерживания» («dual containment») двух наиболее опасных государств – Ирана и Ирака. В рамках этой доктрины предлагалось использовать механизм экономических санкций и политического бойкота с целью свержения существующих режимов и демократизации внутривнутриполитической системы указанных государств. Непосредственно военные методы предполагалось использовать только в случае острой необходимости, например, когда «жизненно важным» интересам США либо суверенитету их региональных союзников угрожает реальная опасность со стороны объектов сдерживания².

В отношении Ирака особая роль отводилась ЮНСКОМ (UNSCOM) – Спецкомиссии ООН по разоружению Ирака, ликвидации его оружия массового уничтожения (ОМУ) и ядерных программ. Над иракской территорией на севере и юге сохранялись зоны, созданные США без одобрения Совета Безопасности ООН. Эти зоны патрулировались авиацией союзников, в то время как иракской авиации было запрещено в них находиться. В случае сопротивления Багдада резолюциям ООН Вашингтон сохранял за собой право военного давления на Ирак.

В рамках указанной концепции Пентагон получил право кроме 5-го флота США, традиционным местом базирования которого является Бахрейн, оставить в районе залива большой контингент пехоты (около 20 тыс. личного состава). Признавалось необходимым всестороннее развитие военных связей с монархиями этого региона. В течение первой половины 90-х годов к уже существующим базам США в Омане и Бахрейне прибавились с согласия кувейтского, саудовского и катарского правительств на территории этих стран гарнизоны с некоторым количеством американских военнослужащих. События 1990–91 гг. послужили основой для новой военной доктрины США, согласно которой обычные вооруженные силы должны быть на таком уровне готовности, который позволяет параллельное проведение двух операций, аналогичных «Буре в пустыне». В регионе залива участие США в обеспечении мира и стабильности от посягательств «все еще агрессивного Ирака и революционного Ирана» осуществлялось путем заключения двухсторонних соглашений о совместной обороне со странами ССАГПЗ, «помощи в военных вопросах безопасности», прямом военном присутствии, совместных учениях. Американское военное командование особо отмечало, что «эти действия в регионе жизненно важны для США и глобальной безопасности»³.

Как концепция «двойного сдерживания», так и эта доктрина Пентагона отвечали новому теоретическому осмыслению системы международных отношений, предложенному американским руководством. Согласно этой позиции, в существенной степени унаследованной от предыдущей администрации, в новом мире основная опасность для глобальной стабильности исходит от так называемых «государств-изгоев» («rogue states»), режимы которых обвиняются в нарушении прав человека, проведении агрессивной политики, поддержке международного терроризма и стремлении к овладению ОМУ⁴. Большинство государств из числа «угрожающих» безопасности в основном концентрируются в регионе Ближнего и Среднего Востока – Ирак, Иран, Ливия, Сирия.

Военные аспекты «двойного сдерживания» сперва играли второстепенную роль, будучи ограничены лишь концентрацией войск на Аравийском полуострове и эпизодическими обстрелами гражданских и военных объектов в Ираке. Не имея серьезного военного значения,

эти действия привели к существенным стратегическим результатам в ином смысле, они послужили катализатором для экстремистских и исламистских движений на территории аравийских монархий. В 1995–96 г. в Саудовской Аравии было совершено два масштабных теракта на американских военных базах, вследствие чего 25 солдат погибли, а более пятисот получили ранения.

В 1997–1999 гг. в период «иракских кризисов» роль военного присутствия США в регионе становится весьма весомой. Политика «игры на нервах», которую проводил С.Хусейн, предусматривала периодическую эскалацию напряженности в регионе Персидского залива, отказ выполнять какие-либо требования ООН или США до ликвидации режима санкций, резкие заявления в адрес американского руководства. В ответ Вашингтон немедленно начинал увеличивать военное присутствие в регионе. Багдад отступал, соглашаясь на компромиссное решение через посредников (чаще всего французских или российских дипломатов). При помощи таких действий правительство Ирака шаг за шагом отвоевывало международное признание. Администрация Клинтона удерживалась от принятия несогласованных с ООН радикальных решений по иракскому вопросу, поскольку Совет Безопасности заблокировал бы силовое решение проблемы. Лишь один раз США осмелились реализовать нечто вроде военной операции – ракетно-бомбовые удары по Ираку (операция «Лиса в пустыне» 16–20 декабря 1998 г.). Они были связаны с внутренними сложностями Б.Клинтона (возможность импичмента) и не несли стратегического значения для ближневосточной политики США. В то же время последствия этой операции стали саморазрушительными для политики «двойного сдерживания», окончательно дискредитировав ее в глазах мировой общественности.

В связи с очевидной стратегической неудачей операции «Лиса в пустыне» среди американского истеблишмента, особенно республиканцев, все чаще стали звучать голоса за пересмотр концепции сдерживания. Лидер республиканского большинства в Сенате Т.Лотт заявил, что новая доктрина «должна быть оттеснением («rollback»), а не сдерживанием». П.Вулфовиц, нынешний заместитель министра обороны отмечал: «Свержение Саддама – единственный результат, который может отвечать жизненно важным интересам США в стабильном и безопасном регионе Залива»⁵. Для этого необходимо осуществлять всестороннюю поддержку оппозиционно настроенным иракцам, прежде всего оппозиции в изгнании.

Администрация Б.Клинтона после неудачи 1998 г. была вынуждена откорректировать свою политику в отношении Ирака, определив ее как «сохранение внимания к Ираку наряду с работой во имя смены его режима»⁶. Политика «сдерживания плюс смена режима» на практике означала совмещение принципов «двойного сдерживания» с усиленной поддержкой иракской оппозиции (Конгресс дополнительно

ассигновал на это около 100 млн. долл.), что стало некоторым компромиссом между «сдерживанием» и «оттеснением». Однако ставка на то, что внутренней оппозиции и оппозиции «в изгнании» совместными усилиями удастся свергнуть баасистский режим, опираясь на финансовую поддержку США, оказалась совершенно неоправданной. Похоже, однако, что и сам президент Клинтон не очень верил в успех подобной инициативы и предложил ее лишь для того, чтобы уменьшить критику со стороны неоконсерваторов, сторонников силовой политики в отношении Ирака.

В конце 90-х годов проблема так называемых «государств-изгоев» вновь обостряется. Это в значительной степени связано с докладом Комиссии по проблеме ракетного оружия под председательством Д.Рамсфельда в 1998 г. о растущем количестве ракетных угроз для Соединенных Штатов. В частности, на первое место выдвигалась аргументация о быстром распространении ракетных технологий, вследствие чего они стали доступны для так называемых «стран-изгоев», то есть режимов третьих стран (Северная Корея, Ирак, Иран, Ливия), агрессивно настроенных по отношению к США. Поводом для обострения проблемы стали испытания Северной Кореей баллистической ракеты «Тэподонг»⁷. И хотя Северная Корея и не принадлежит к региону Персидского залива, ее причастность к числу «государств-изгоев» обусловила пристальное внимание к этим государствам, среди которых угрозой № 1 всегда представлялся Ирак.

Очередным этапом эволюции американской военно-политической стратегии сдерживания в отношении Ближнего Востока стали события 11 сентября 2001 г., когда за крупнейшими в истории США терактами стояли исламские экстремисты. Именно в этот период Соединенные Штаты все чаще заявляют о неэффективности военной стратегии сдерживания, которая была основной военной доктриной Вашингтона после второй мировой войны. Сдерживание действовало как на глобальном (двухсторонние отношения с СССР), так и на региональном уровне. Подобно тому, как в рамках общей стратегии сдерживания (containment) функционировала его военная составляющая, а именно ядерное сдерживание (nuclear deterrence), аналогичная ситуация в региональном контексте действовала и в отношении Ирана и Ирака. До последнего времени ядерное сдерживание считалось универсальным средством предотвращения агрессии, однако после 11 сентября многие оборонные доктрины были пересмотрены на высочайшем уровне. Впервые об этом было объявлено американской администрацией в знаменитой речи Дж. Буша в Вест-Пойнте в мае 2002 г. «Сдерживание невозможно, поскольку нерациональные диктаторы, которые владеют оружием массового уничтожения, способны предоставить это оружие или ракеты террористическим союзникам». Возможность связи между «государствами-изгоями» и известными террористическими организациями приводит к тому, что администрация Буша-младшего начинает харак-

теризовать эту группу государств как «террористические»⁸. И вновь взгляды Вашингтона обращаются на Ирак, который в течение 90-х годов был основным объектом военно-политического давления американцев. В этот раз Ирак был объявлен источником мировой террористической угрозы.

Структура действий против подобной угрозы наиболее четко и исчерпывающе была продемонстрирована в Стратегии национальной безопасности за 2002 г. Этот документ одновременно стал ярчайшим подтверждением трансформации классической американской военной политики. Согласно его положениям, «маловероятно, что сдерживание, основанное лишь на угрозе возмездия, сработает против более склонных к риску лидеров «государств-изгоев», которые способны поставить на карту жизни своих соотечественников и благополучие народов», а потому, исходя из положения «о неминуемой угрозе», США в случае необходимости прибегнут к упреждающим действиям»⁹. Таким образом, Стратегия национальной безопасности 2002 теоретически обосновывает переход США от сдерживания агрессора имеющимся военным потенциалом государства к активному использованию этого потенциала.

Этот принцип стал идейной основой военной операции США против Ирака в 2003 г., когда Вашингтон фактически воплотил его положения в жизнь. В то же время последствия американской военной операции имеют куда больший резонанс, нежели результаты обычной региональной военной операции. А именно: впервые за всю историю существования США как глобальной сверхдержавы американское руководство на официальном уровне подвергло критике фундаментальную доктрину, которая была основным лейтмотивом внешней политики государства с 1947 г. Для этого Вашингтон выдвинул ряд аргументов, предварительно рассмотренных американскими стратегическими аналитиками. Все эти аргументы касаются именно «государств-изгоев», прежде всего Ирака, и лежат в области понимания и восприятия сдерживания как угрозы возмездия. Теоретическая основа этого положения берет начало еще в давней научной дискуссии о рациональности сдерживания. Основной аргумент состоит в том, что метод анализа теории игр, на котором основана концепция сдерживания, берет начало еще в западноевропейской философской традиции и может противоречить стереотипам мышления представителей иных культур, таких, например, как исламская¹⁰. В данном контексте существует несколько параметров, на которых основано сдерживание и которые, по мнению многих ученых, могут быть неадекватно интерпретированы представителями исламской культуры:

1) соотношение преимуществ от нападения и рисков от его последствий (в европейской и американской науке неприемлемым считается риск потери больше 50% населения (в американской 25%) и 50% инфраструктуры).

Согласно мнению С.Сагана, которое совпадает с общей идейной тенденцией целого направления американской внешнеполитической мысли, влияние сдерживания на лидеров стран третьего мира является довольно нестандартным. В отличие от европейского лидера, который руководствуется в своем поведении идеей национального интереса, глава ближневосточного государства может действовать лишь в интересах небольшой этнической группы или национальности, к которой принадлежит. Таким образом, оценка рисков для своей страны у него будет значительно ниже, чем у европейского лидера, предполагает ученый¹¹. Кроме того, представители школы неореализма, такие как Уолтц и Фельдман, утверждают, что с появлением ядерного оружия даже правители государств «третьего мира» будут вовлечены в процессы «социализации» и под влиянием реалий взаимного сдерживания станут действовать рационально, поскольку ядерное оружие избавляет любого лидера от неточности в подсчете сил, имея тенденцию уравнивать силы даже между коалициями с разнокалиберными ресурсами, что таким образом нивелирует уменьшение или расширение коалиций¹².

2) убедительность возмездия. Для того, чтобы сдерживание было убедительным, сдерживающее государство должно проводить так называемые «красные линии», дабы дать противнику возможность понять свои предполагаемые реакции на любой вызов. Такая ситуация представляется довольно сложной для стран Ближнего Востока, поскольку во многих арабских и исламских государствах внутренняя политика характеризуется высоким уровнем риторического преувеличения, что усложняет дифференциацию между внутренней и внешней риторикой. Так, в апреле 1990 г. прозвучало заявление Саддама Хусейна о готовности Ирака ударить по Израилю «всеми нашими бомбами, ракетами и всеми нашими ресурсами». Это спровоцировало со стороны Израиля довольно беспокойные заявления. Например, тогдашний премьер-министр Израиля И.Шамир идентифицировал С.Хусейна как «сумасшедшего, который мыслит категориями самоубийства»¹³. Однако, на наш взгляд, это довольно радикальное выступление иракского президента представляло собою именно так называемую «красную линию», которую проводил С.Хусейн для Израиля, опасаясь повторения ситуации 1981 г., когда Израиль разбомбил ядерный реактор в Озиреке. Под подобные действия Тель-Авивом была подведена так называемая «доктрина Бегина», которая провозглашала готовность Израиля не допускать получения ядерного оружия какой-либо арабской страной.

Известно, что идее Хусейна о возможности применения военной силы против Израиля предшествовали слова: «Если Израиль атакует какой-либо сектор иракской металлургической промышленности...»¹⁴. Кроме того, еще за десять дней до своего не в меру радикального высказывания, которое, скорее всего, было лишь риторическим приемом,

С.Хусейн в своем заявлении касаясь разработки Ираком химического оружия сказал: «Каждый должен знать свои рамки. Спасибо Господу, мы знаем свои и не атакуем никого»¹⁵. Соответственно, мы видим, что невзирая на противоречивость вербальных заявлений иракского лидера, они следуют определенной логике сдерживания. Разумеется, в данной ситуации необходимо учитывать особенности восточной политической культуры, которая отличается отсутствием прозрачности решений и наличием риторических преувеличений. Так, публичные выступления иракского президента могли запутать не только израильское руководство, но и международную политическую и научную элиту по поводу возможностей С.Хусейна подвергаться процессу сдерживания.

3) рациональность мышления лидеров исламских государств, что является необходимой составляющей сдерживания, поскольку сдерживание представляет собой результат оценки соотношения преимуществ и потерь от нападения.

В этой области можно выделить две составляющие, которые касаются как непосредственно иракского направления, так и в целом поднимают проблему сдерживания в общецивилизационном аспекте. Первый момент является субъективным и относится к персоне С.Хусейна как наиболее непредсказуемого и противоречивого арабского лидера. Об этом достаточно убедительно говорит приведенный пример радикальной речи иракского президента. Однако несмотря на подобные высказывания, периодически С.Хусейн довольно четко продемонстрировал отличное понимание основных принципов сдерживания. Так, в одной из своих речей во время встречи с группой американских сенаторов в апреле 1990 г. он заявлял: «Справедливый мир возможен лишь при условии, что и Израиль и арабы будут иметь по ядерной бомбе – тогда ни один из них не отважится использовать ее»¹⁶. Это подтверждает понимание иракским лидером основ сдерживания как психолого-стратегического феномена. М.Эйзенштадт говорит: «Саддам Хусейн, возможно, склонен к риску, однако он не сумасшедший»¹⁷. В подтверждение этого ученый приводит примеры.

Так, в период военной операции «Буря в пустыне», когда иракские войска начали отступать, Саддам понял возможные последствия поражения для Ирака и немедленно прибег к советскому посредничеству. Когда его армия была вытеснена из Кувейта войсками коалиции, Хусейн согласился на прекращение огня вместо того, чтобы продолжать напрасную борьбу. Все это, по мнению ученого подтверждает реалистичность мышления иракского президента. «Если бы Саддам Хусейн имел комплекс смертника, он бы погиб много лет назад»¹⁸. Кроме того, многие исследователи отмечают высокую мотивацию С.Хусейна к сохранению своего режима, что заставляло его не прибегать к акциям, которые угрожали бы существованию этого режима. Отмечается, что Хусейн не осмелился применить химическое оружие против войск коалиции в период «Бури в пустыне». Что же касается

возможностей продажи Хусейном ядерного оружия террористическим организациям, то здесь стоит прислушаться к мнению одного из известнейших представителей неореализма, Дж. Мершеймера. Он также утверждает, что С. Хусейн не мог поддерживать связей с «Аль-Каидой», поскольку радикальный фундаменталист бен Ладен является представителем направления, с которым иракский лидер всегда боролся. Таким образом, для Хусейна ядерный терроризм представлял бы собой не меньшую угрозу, нежели для Соединенных Штатов, полагает ученый¹⁹.

Другой аспект проблемы – цивилизационный. Действительно ли сдерживание действует лишь в контексте христианской культуры, которая в силу своего рационализма способствует функционированию этой стратегии? В этом случае можно провести параллель между исламом и классическими ветвями христианства, католицизмом и, особенно, православием. Например, православная ветвь христианства, которая сформировала культуру народов большей части Российской империи, стала базисом для политической и стратегической культуры советского государства. Не даром ведь на заре появления концепции ядерного сдерживания множество американских политических аналитиков сомневались в возможностях СССР воспринимать основные постулаты этой теории по причине принципиально иных культурно-стратегических ориентиров, а также тоталитарного характера власти, допускающего секретность принятия решений и возможность жертвовать колоссальными людскими ресурсами ради самосохранения²⁰.

Однако то, что Советский Союз не только воспринимал правила сдерживания, но и играл по ним, сегодня не вызывает никакого сомнения, документально же это было подтверждено лишь в начале 70-х годов.

Кроме того, сегодня мы видим, что тезис о принципиальном культурном невосприятии сдерживания странами исламской цивилизации демонстративно опровергается международной практикой. Первыми яркими примерами восприятия ядерного сдерживания нехристианскими цивилизациями стали Индия и Пакистан, которые принадлежат, соответственно, к индуистской и исламской культурам. Ядерные стратегии обоих государств целиком основаны на этой концепции в ее идеальном – минимальном варианте.

Таким образом, данные соображения приводят нас к следующим выводам. В 90-е годы происходит трансформация американской военно-политической стратегии, в особенности это касается так называемых «государств-изгоев». В отношении Ирана и Ирака эта стратегия проходит несколько этапов – от двойного сдерживания путем экономических санкций, политического бойкота, а также имеющимся военным потенциалом США до комбинирования сдерживания с политикой «оттеснения», которая обуславливает физическое уничтожение враждебных режимов путем стимулирования внутренней оппозиции и, наконец, до признания сдерживания недостаточно эффективной стра-

тегией. Последнее было зафиксировано в Стратегии национальной безопасности за 2002 г., которая впервые за всю послевоенную американскую историю декларировала отступление США от классического сдерживания, основанного лишь на угрозе возмездия. Это положение, зиждившееся на уверенности большинства американского политического истеблишмента в невозможности восприятия сдерживания нехристианскими культурами и харизматическими лидерами «третьего мира», было проанализировано в рамках данной статьи. В результате мы пришли к опровержению тезиса, выдвинутого современными американскими идеологами – количество и характер аргументов не являются достаточными для того, чтобы утверждать, что сдерживание не работает на уровне восприятия его религиозно-этническими формациями, отличными от европейской или американской. Кроме того, любой диктатор (что подтверждено примером Хусейна), который имеет достаточно разума, чтобы добиться власти и достаточно осмыслительности, чтобы ее удерживать на протяжении долгого периода времени, способен к пониманию сдерживания как процесса, который действует на уровне базового инстинкта самосохранения. Разумеется, система, которая допускает функционирование сдерживания в целом, не исключает фактов его неэффективности, что подтверждают исторические прецеденты. Однако если говорить о ядерном сдерживании, прямом, а не расширенном сдерживании, которое касается экзистенциальных основ как политического, так и физического характера, то сорок лет «холодной войны» подтвердили если не универсализм, то, во всяком случае, определенную проверенность схем его действия. И если влияние сдерживания на террористические группы, рассеянные по всему миру и не имеющие четких территорий и, соответственно, уязвимых мест, представляется довольно проблематичным, то брать под сомнение его воздействие на лидеров отдельных государств, на наш взгляд, является неправомерным, поскольку им всегда есть что терять.

Пример С.Хусейна подтверждает, что он не только воспринимал процесс сдерживания, но и пытался использовать его, во всяком случае, на психологическом, вербальном уровне. Другое дело, что сдерживанию Хусейна не хватало основной составляющей – способности, подкрепленной реальными ресурсами и возможностями. Однако поведение бывшего иракского лидера четко подтверждает возможность незападной культуры пользоваться принципами сдерживания, что, вероятно, в дальнейшем подтвердится постепенной нуклеаризацией «государств-изгоев».

Кроме этого ситуативного вывода, существует еще и глобальный аспект проблемы. Готовность США использовать военную силу против государства, которое реально не обладало ядерным оружием (Ирак), на фоне довольно сдержанных действий в отношении Северной Кореи, имеющей определенный ядерный потенциал, и дальше

будет стимулировать государства «третьего мира» к приобретению ядерного оружия в качестве основного инструмента своей ядерной политики. Ядерный статус сегодня является едва ли не единственной гарантией сдерживания Вашингтона от радикальных действий относительно того или иного государства. Таким образом, стратегия ядерного сдерживания, которая на протяжении сорока лет «холодной войны» была залогом стратегической стабильности в отношениях двух сверхдержав, сегодня в условиях отсутствия международного равновесия демонстрирует новую функцию, в частности, смену конфигурации с биполярной на многополярную, что обусловлено регионализацией распространения ядерного оружия. Именно возможность сдерживания глобальных амбиций единственной сверхдержавы превращают эту стратегию в руках государств «третьего мира» в катализатор процесса распространения ядерного оружия и технологий.

Примечательно, что дополнительным стимулом такой нуклеаризации выступают действия Соединенных Штатов, которые вместо поиска оптимальных путей использования новой конфигурации и функций сдерживания выбрали куда менее дальновидную политику использования военной силы.

¹ Bolton J.R. The Making of Foreign Policy in the Bush Administration // The Bush Presidency: Ten Intimate Perspectives of George Bush / Ed. by K.W. Thompson. – Lanham etc.: University Press of America, 1997, с. 117.

² USCENTCOM. Strategic Environment. 1994 // <http://www.milnetxom/milnet/pentagon/centcom/chapl/strategic/htm>. – С. 2

³ National Military Strategy. February 1995 // <http://www.fas.org/man/docs/nms-feb95.htm>. – С. 16, 24.

⁴ A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. February 1996 // <http://www.fas.org/spp/military/docops/national/1996stra.htm>

⁵ Byman D., Pollack K., Rose G. The Rollback Fantasy // Foreign Affairs. January/February 1999, Vol. 78, № 1, с. 25.

⁶ A National Security Strategy for a New Century. December 1999 // <http://www.fas.org/man/docs/1999-nss.htm>. – С. 4.

⁷ Сирийские Д. Угроза баллистических ракет // Ядерное распространение. 2000. Вып. 36, с. 19–22.

⁸ Kristensen M.H. Preemptive posturing // The Bulletin of the Atomic Scientists. – September/October 2002. Vol. 58, № 5, с. 54–56.

⁹ National Security Strategy of the United States. September 2002 // <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.htm>

¹⁰ Howlett D. New Concepts of Deterrence <http://www.cns.miis.edu/pubs/opapers/op5/op5.pdf>

¹¹ Steinberg G. Parameters of Stable Deterrence in a Proliferated Middle East: Lessons From the 1991 Gulf War // The Nonproliferation Review. – Fall-Winter 2000, с. 43–54.

¹² Mearsheimer J.J. Disorder Restored. Rethinking America's security: beyond Cold War to New World Order. – /ed. by Graham Ellison and Gregory F. Traverton/ – NY.: WW Norton & Company, 1992, c. 279.

¹³ Steinberg G. Op.cit.

¹⁴ Baram A. An Analysis of Iraqi WMD Strategy //The Nonproliferation Review. – Summer 2001, c. 24–29.

¹⁵ Wirtz JJ. & Russell A.A. US Policy on Preventive War and Preemption // The Nonproliferation Review. – Spring 2003, c. 112–122.

¹⁶ Baram A. Op.cit.

¹⁷ Eisenstadt M. Can The United States Influence WMD Strategy of Iraq and Iran? // The Nonproliferation Review. – Summer 2000, c. 63–76.

¹⁸ Steinberg G. Op. Cit.

¹⁹ Mearsheimer J., Walt S. An Unnecessary War // Foreign Policy. – January/February 2003, c. 51–59.

²⁰ Payne K. Nuclear deterrence in US-Soviet Relations. – Boulder: Westview Press, 1982, c. 112.

КТО ЕСТЬ КТО НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ АФГАНИСТАНА

Первые в истории Афганистана всеобщие выборы главы государства, победой какого бы кандидата они ни завершились, позволили выявить новую картину расстановки политических сил после 23 лет гражданской войны. Поскольку эти силы и в дальнейшем будут играть значительную роль в общественно-политической жизни страны (предстоящие выборы в парламент, возможное приглашение участвовать в органах власти), было бы полезно ознакомиться с их основными представителями, ныне претендующими на верховную власть в стране. Заметим, что по неподтвержденным данным, недостатка в желающих побороться за пост президента не было, и число кандидатов перевалило за полсотню.

Ограничимся лишь перечнем основных кандидатов, чьи имена и программные установки чаще всего были в центре внимания афганских СМИ. К сожалению, не обо всех претендентах на пост президента имеются достаточно полные биографические сведения, не все претенденты обнародовали в прессе свои предвыборные платформы. Почти нет никаких сведений о лицах, которых тот или иной претендент предлагает на посты своих заместителей.

Всех претендентов на роль главы государства можно подразделить на две группы: так называемые независимые кандидаты и кандидаты, выступающие от политических партий, как вновь образованных, так и созданных в годы войны муджахедами или другими эмигрантскими силами.

В качестве партийных кандидатов в первую очередь следует назвать следующие политические фигуры.

1 – Абдул Латиф Педрам – лидер партии «Национальный конгресс Афганистана». 41-летний А.Л.Педрам высшее образование получил в Сорбонне (Франция). В настоящее время готовит докторскую диссертацию по исламоведению. В период правления муджахедов издавал газету, закрытую за критику властей. Основные положения его предвыборной программы сводились к следующему: равные права всем этносам, проживающим в Афганистане; разделение светской и духовной властей; федеративное устройство страны на принципах подлинной демократии, справедливости и свободы. В области внешней политики Педрам, единственный из всех претендентов на выс-

шую власть, выдвигал условием нормализации отношений с Пакистаном решение проблемы «линии Дюранда», государственной границы, рассекавшей этническую территорию пуштунов, в результате чего значительная их часть оказалась в пределах Пакистана.

В качестве вице-президентов вместе с ним баллотировались Хаджи Ахмад Ниру и Мухаммад Касим Маасуми, которых сам Педрам охарактеризовал как «национальных борцов и участников джихада». Некоторые афганские обозреватели считали Педрама фигурой, призванной не допустить избрания Юнуса Кануни.

2 – Сайид Исхак Гилани от партии «Движение за национальное единство Афганистана». 49-летний С.И.Гилани – родственник пира суфийского ордена «Кадирия» Сайида Ахмада Гилани. В прессе С.И.Гилани характеризуется как «мусульманский суфий» и участник «движения сопротивления» в 80-е годы. Основные пункты предвыборной платформы: за социальную справедливость, равные права всех этнических групп; за передачу части полномочий от центра в провинции; за пересмотр существующего административного устройства страны; борьба с безработицей, коррупцией и другими пороками общества.

И.Гилани выступал за участие женщин в социально-политической жизни страны; за соблюдение всех норм международного права и укрепление отношений со всеми странами, в первую очередь с соседними.

В качестве кандидатов на должности вице-президентов С.И.Гилани предложил Мухаммада Исмаила Касемьяра, выступающего с лозунгом: «Посвящение себя Богу, народу и родине» и Барьялая Насрати – молодого лидера партии «За права человека и развитие Афганистана».

3 – Мухаммад Юнус Кануни от партии «Национальное движение Афганистана». 47-летний М.Ю.Кануни считался одним из основных и серьезных соперников Х.Карзая. М.Ю.Кануни вошел как представитель «Северного Альянса» в переходное правительство Х.Карзая вначале в качестве министра внутренних дел, затем министра просвещения и советника по безопасности. М.Ю.Кануни пользуется активной поддержкой «Панджширской группировки».

На пост вице-президентов вместе с ним шли Тадж Мухаммад Вардак и Сайид Хусейн Алами.

4 – Сайид Абдул Хади Дабир от партии «Исламское общество». 42-летний Сайид А.Х.Дабир – новое лицо на афганской политической сцене. О нем известно лишь то, что после прихода к власти Народно-Демократической партии был арестован и находился в заключении. Владеет пушту, дари и узбекским языками.

5 – Гулям Фарук Наджраби от партии «Независимость Афганистана». 50-летний Г.Ф.Наджраби – по специальности детский хирург. Работал в Индии в госпитале им. Индиры Ганди. В 1983 г. вернулся в Кабул и стал преподавать на медицинском факультете Кабульского Университета. Владеет пушту, арабским и английским языками.

Кандидатами в вице-президенты при нем были зарегистрированы Абдул Фаттах и Абдул Ханан.

В качестве «независимых» кандидатов на пост президента страны претендовали следующие политические деятели.

1 – Абдуллах Дустум. Хотя 50-летний А.Дустум шел на выборы как «независимый» кандидат, фактически он выступает как представитель созданной им партии «Национальное исламское движение Афганистана». Биография А.Дустума достаточно хорошо известна. Согласно официальной версии, опубликованной в газете «Джомхурият», А.Р.Дустум вместе с муджахедами поддержал «восстание» народа против правившего режима (НДПА – Р.С.). От правительства муджахедов при президенте С.Моджаддиди удостоился почетного звания «великий муджахед» и чина генерала армии (стыр дженрал), при президенте Б.Раббани был назначен зам. министра обороны, был одним из организаторов сопротивления талибам.

Основные положения предвыборной программы А.Дустума сводились к следующему: демилитаризация страны; создание национальной армии, борьба с наркобизнесом; равное участие всех этнических групп в управлении страной; выборность всех должностных лиц: от президента до руководителей уездов; предоставление равных с мужчинами прав женщинам и т.п.

В области внешней политики: соблюдение всех международных законов, устава ООН; «поддержка усилий ООН и мирового сообщества во главе с США в борьбе против терроризма»; «поддержка усилий иностранного миротворческого контингента и сил НАТО по установлению мира и безопасности в Афганистане».

А.Р.Дустум на должность первого вице-президента предложил женщину Шафику Хабиби – известную в Афганистане журналистку и телеведущую, правозащитницу, отстаивающую права женщин. Ш.Хабиби в свое время даже выдвигалась на Нобелевскую премию. На пост второго вице-президента А.Р.Дустум пригласил Вазира Мухаммада, богатого торговца коврами и сенатора от провинции Фарьяб.

2 – Хумайун Шах Асефи – выступает как «независимый» кандидат, хотя является членом промонархической партии «Национальное единство». При Мухаммаде Захир Шахе Х.Ш.Асефи был его советником. 64-летний Асефи высшее образование в области юриспруденции и политических наук получил во Франции, в университете Дижона. Х.Ш.Асефи владеет дари, пушту, французским и английским языками.

Предвыборный лозунг Асефи: «Бог, родина, благополучие». По утверждению Асефи, он является выразителем настроений «молчаливого большинства». В случае своего избрания он обещал сделать все, чтобы будущее поколение страны было воспитано в духе предклонения перед Богом и любви к Родине.

В качестве вице-президентов вместе с ним баллотировались инженер Абдулла Рахмати и Нилаб Мобарез.

3 – Масуда Джалал. 41-летняя врач по профессии, единственная женщина, выставившая свою кандидатуру на президентские выборы. В ходе всеафганской Лойа Джирги 2002 г., на которой была принята действующая ныне Конституция, М.Джалал по количеству голосов, отданных ей при избрании лидера переходного правительства, оказалась на втором месте после Х.Карзая. По опросам общественного мнения, проводимого кабульскими печатными изданиями, М.Джалал пользуется широкой поддержкой, особенно среди женского населения.

Приоритетными направлениями своей программы М. Джалал называет борьбу с коррупцией и гарантии свободного и доступного всем образования.

В качестве вице-президентов М.Джалал назвала Мир Хабиба Со-хайли и Сайида Мухаммада Алама Амини.

4 – Хаджи Мухаммад Мухаккек. 49-летний Х.М.Мухаккек – шиит-хазарец, пользуется поддержкой хазарейской общины, участник джихада. В переходном правительстве Х.Карзая занимал посты заместителя главы правительства и министра планирования, однако затем ушел в отставку. В свое время подвергался критике со стороны сторонников погибшего лидера шиитско-хазарейской партии «Исламское единство» Абдул Али Мазари за проиранскую ориентацию.

Хаджи Мухаммад Мухаккек в качестве вице-президентов предложил кандидатуры Насира Ахмада Инсафа и Абдул Файза Мехр Айна.

5 – Мир Махфуз Недаи. 65-летний М.М.Недаи в переходном правительстве Х.Карзая занимал пост министра горных дел и промышленности. Подал в отставку в связи с выдвижением своей кандидатуры на президентские выборы. М.М.Недаи – бывший преподаватель Кабульского университета, степень магистра в области менеджмента получил в Швейцарии, защитил докторскую диссертацию по специальности геохимия в Московском государственном университете. М.М.Недаи – автор нескольких книг по политическим и экономическим вопросам.

На пост своих заместителей выдвинул кандидатуры Сайида Мухаммада Арефа Ибрагимхеля и Мухаммада Хакима Карима.

6 – Абдул Саттар Сират. 67-летний А.С.Сират был главным соперником Х.Карзая на Боннской конференции, где он претендовал на роль главы переходного правительства. По сведениям афганской прессы, он даже набрал на 8 голосов больше, чем Х.Карзай, однако затем решил поддержать Х.Карзая. А.С.Сират – лицо, приближенное к бывшему королю М.Захир Шаху. Находясь в эмиграции, был его специальным представителем. А.С.Сират получил духовное образование. В годы правления М.Захир Шаха занимал должности генерального прокурора, министра без портфеля, министра юстиции. В эмиграции возглавлял так называемый Боннский центр (ФРГ), объединявший афганских эмигрантов – сторонников монархии. А.С.Сират получил религиозное образование на шариатском факультете Кабульского

университета. Совершенствовался в богословии в США и Египте (Аль-Азхар), профессор богословия Университета «Умм аль-Курра» в Мекке. Владеет дари, арабским, английским языками.

Вице-президентами назвал Кази Мухаммада Амина Вакада и Абдула Кадира Амани.

7 – Абдул Хафиз Мансур. 41-летний А.Х.Мансур – выходец из Панджшира, претендует на роль представителя всех последователей и сторонников покойного лидера «Северного Альянса» Ахмад Шаха Масуда. А.Х.Мансур – выпускник факультета журналистики Кабульского университета, в 2001 г. основал еженедельный журнал «Кабул». В переходном правительстве одно время занимал должность и.о. министра информации и культуры, а также председателя радио и телевидения Афганистана.

На роль вице-президентов им были названы Сайид Мухаммад Икбал Муниб и Мухаммад Аюб Касеми.

8 – Ахмад-шах Ахмадзай. 61-летний Ахмад Шах, пуштун из племени ахмадзаев. После получения среднего образования в Кабуле был направлен по программе «сколаршип» на учебу в США, где получил степень магистра в области гидротехники по специальности «сооружение плотин». Позже переехал в Саудовскую Аравию, где работал на инженерном факультете Университета им. Фейсала. По возвращении в Афганистан присоединился к муджахедам и стал заместителем Абдул-Рауфа Саяфа – лидера фундаменталистской группировки «Исламский Союз освобождения Афганистана». В годы правления талибов находился в эмиграции вначале в Турции, а затем в Великобритании.

Своими кандидатами в заместители избрал Аминуллу Шафаджу и Абдулманана Урузгани.

9 – Абдул Хасиб Арьян. 43-летний А.Х.Арьян более 20 лет проработал в полиции, имеет звание полковника. Подал в отставку, чтобы принять участие в президентских выборах. В качестве приоритетных направлений своей предвыборной платформы считал реализацию равных с мужчинами прав женщин, выступал против использования в предвыборной агитации этнической темы.

Своими заместителями объявил Дель Ака Шакиба и Сайида Арьян.

10 – Вакиль Мангал. 50-летний пуштун из племени мангал, уроженец г. Хоста. После окончания учебы в Кабульском университете, где он специализировался в области зоологии, В.Мангал выехал на учебу в Советский Союз, имеет степень магистра. В.Мангал – автор нескольких книг, владеет пушту, арабским и английским языками.

Вместе с Мангалом на посты его заместителей баллотировались Мухаммад Юнус Могол и Дина Гуль.

11 – Абдул Хади Халильзаль. 72-летний Халильзаль окончил шариатский факультет Кабульского университета, где изучал мусульманское право. Работал учителем, директором школы. Позже перешел на юридическую работу, занимал должность прокурора.

Вице-президентами предлагал Хидаят Нура Мандохеля и Ходада Ирфани.

12 – Мухаммад Ибрагим Рашид. 49-летний М.И.Рашид высшее образование получил в ФРГ, куда эмигрировал после прихода в 1978 г. к власти в Афганистане Народно-Демократической партии. В качестве сотрудника афгано-германской гуманитарной организации работал в лагерях для афганских беженцев в Пакистане.

М.И.Рашид владеет пушту, урду, дари, английским, французским и немецким языками.

Наконец, последним, наиболее реальным кандидатом в президенты был глава переходного правительства Хамид Карзай. 46-летний Карзай из кандагарских пуштунов. Отец его Абдул Ахад Карзай был вождем племени попользай, погиб в результате террористического акта в Пакистане (г. Кветта). Х.Карзай окончил лицей «Хабибия» в Кабуле, продолжил образование в Индии. В период войны был секретарем С.Моджаддида – лидера группировки «Национальный фронт спасения Афганистана» (НФСА). С приходом к власти муджахедов в 1992 г. вошел в состав правительства Б.Раббани от НФСА в качестве зам. министра иностранных дел. В 1994 г. вернулся в Пакистан, где работал с С.Моджаддида. Одно время (1996 г.) сотрудничал с талибами, был их представителем в ООН, затем отошел от них. Был в числе 18 приглашенных экс-королем в Рим для обсуждения планов вывода Афганистана из кризиса. В 2001 г. на Боннской конференции был избран главой переходного правительства. Карзай владеет пушту, дари, английским языками. Кандидатуру Х.Карзая поддерживала администрация Дж.Буша. В самом Афганистане в поддержку Х.Карзая выступила вновь созданная партия «Национальная сила» (Иктидаре милли), лидером которой является Сайид Мустафа Каземи – министр торговли в переходном правительстве. Руководство «Иктидаре милли», явно претендуя на роль «партии власти», обратилось с призывом к Х.Карзаю возглавить ее. Однако Х.Карзай, в принципе одоблив и приветствовав стремление создать такую политическую партию, заявил, что независимо от того, будет ли он избран или нет, он примет участие в создании партии, но только после выборов. «Сейчас, если я приду в ваши ряды, – заявил он, – это расценят как мою поддержку вашей партии»¹.

В качестве вице-президентов Х.Карзай предложил Ахмада Зия Масуда – брата погибшего лидера «Северного альянса» А.Ш.Масуда и бывшего посла в РФ, и Карима Халили – лидера одной из фракций шиитско-хазарейской партии «Исламское единство Афганистана» («Вахдат»).

Из предвыборной платформы Х.Карзая особый интерес представляют некоторые ее положения, которые, возможно, и будут реализованы после его победы на выборах. В области внутренней политики Х.Карзай обещает увеличить доход на душу населения с нынеш-

них 200 долларов до 500 долларов к сроку окончания его президентских полномочий. В сфере образования приоритет отдается развитию религиозных школ (медресе) и поднятию уровня религиозного образования в целом. В области внешней политики Х.Карзай выступает за установление взаимопонимания со всеми великими державами, особенно с США².

¹ Иктидаре милли, 11.09.2004.

² При подготовке данного материала использовались публикации биографий и предвыборных программ кандидатов в следующих афганских газетах: «Анис», «Кабул Таймс», «Кабул Уикли», «Джомхурият», «Иктидаре милли», «Сабат», «Мардом», «Роузанае Омид», «Рахе ноу», «Рузгаран», «Аинейи Афганистане», а также данные из краткого биографического справочника «Афганистан», 2002. (составитель Г.П.Ежов).

**ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ
ПО ИНТЕГРАЦИИ ИРИ В СИСТЕМУ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНЗИТНЫХ КОРИДОРОВ**

С распадом СССР и возникновением в Центральной Азии и Закавказье ряда новых государств и с повышением интереса Запада к каспийским запасам нефти и газа, вплоть до объявления США Каспийского региона зоной своих жизненных интересов, геополитическая значимость Ирана существенно повысилась. Вместе с этим возросло и значение транспортной сети Ирана для транзитных грузопотоков, в том числе и железнодорожных.

По мнению иранского руководства, уникальное географическое положение в регионе и та роль, которую страна может играть в качестве транспортного моста между Азией и Европой, а также возможность обеспечить связь между центральноазиатскими и закавказскими странами и южными портами ИРИ, является базисом для развития транзитного сообщения через Иран.

В настоящее время объем транзитных грузов, следующих через Иран, составляет 16,45 млн. т ежегодно. Распределение транзитных грузов по регионам мира представлено в таблице 1.

Таблица 1

Регион	Объем (млн. т.)
Восточная Европа	1,6
СНГ	0,9
Афганистан и Пакистан	0,15
Дальний Восток	1,8
Юго-Восточная Азия	2,6
Страны АТР	0,9
Африка	0,4
Страны региона Персидского залива	1,5
Южная Америка	2,9
Северная Америка	2,7

Для реализации транзитного потенциала страны правительством ИРИ разработана программа формирования и развития международных транспортных коридоров (МТК) на территории Ирана. Основными целями программы являются создание благоприятных условий для

привлечения на национальные транспортные коммуникации транзитных перевозок и улучшения транспортного сообщения внутри страны, более полное и эффективное удовлетворение потребностей экономики в услугах транспорта, а также расширение внешнеторговых связей, повышение конкурентоспособности иранских товаропроизводителей и транспортных предприятий на мировых товарных и фрахтовых рынках.

По видам транспорта экспортно-импортные грузопотоки распределены следующим образом:

Таблица 2

Морской транспорт	85%
Автомобильный	13%
Железнодорожный	1,7%
Воздушный	0,3%

К основным задачам формирования и развития международных транспортных коридоров относятся:

- согласованное развитие транспортной инфраструктуры с целью интеграции международных транспортных систем для беспрепятственного передвижения через национальные границы пассажиров и грузов;

- рационализация взаимодействия между различными видами транспорта в интермодальной транспортной цепи, основанной на логистических принципах и совершенствовании информационного обеспечения;

- оптимизация транспортного процесса с целью повышения качества перевозок и снижения объема транспортных издержек в конечной стоимости товаров;

- создание условий для снижения тарифов на перевозки пассажиров и грузов во внутреннем сообщении посредством повышения загрузки национальной транспортной сети и лучшего использования имеющихся резервов;

- развитие приграничного сотрудничества, освоение новых внутренних и международных рынков;

- переключение транзитных и экспортно-импортных грузопотоков с портов других стран на иранские морские порты;

- содействие развитию международного туризма и культурных связей.

Мероприятия по формированию МТК на территории Ирана можно сгруппировать по следующим направлениям, охватывающим наиболее важные стороны транспортной деятельности, связанной с обеспечением перевозок пассажиров и грузов в международном сообщении:

1. развитие транспортных путей;
2. развитие перевозок грузов;
3. развитие перевозок пассажиров;

4. повышение безопасности транспортной деятельности, улучшение навигационного и информационного обеспечения участников транспортного процесса;

5. осуществление научно-исследовательских работ;

6. совершенствование нормативно-правовой базы и обеспечение международной поддержки формирования МТК.

Для освоения будущих объемов перевозок грузов и пассажиров по МТК перспективными планами развития транспорта ИРИ предусмотрено:

– преодоление сложившихся диспропорций в развитии транспортного комплекса страны;

– улучшение состояния его материально-технической базы;

– применение современных технологий перевозки, переработки и хранения грузов;

– повышение качества перевозок пассажиров, расширение набора и повышение качества услуг, предоставляемых грузовладельцам и другим участникам транспортного процесса.

Для каждого вида транспорта разработаны перспективные планы развития.

Железнодорожный транспорт

Железнодорожный транспорт ИРИ по объему внутренних перевозок занимает второе место (около 10%). Ежегодно железными дорогами ИРИ перевозится около 20 млн. тонн грузов. Наибольшая доля приходится на продукцию горнодобывающей промышленности – 45%, нефтепродукты – 20% и промышленные товары – 18%.

Общая протяженность железнодорожной сети Ирана (ширина колеи 1435 мм) составляет 6398 км, а длина ответвлений промышленного и торгового значения – 1736 км.

Таблица 3

Динамика изменения протяженности железных дорог по годам	Основные линии	Перегоны	Промышленно-коммерческие линии
1991–92	4847	1567	451
1995–96	5332	2349	550
1996–97	5612	2398	609
1997–98	5995	2316	532
1998–99	6264	2239	662
1999–2000	6398	2240	781

На развитие железнодорожной сети страны в 2001\2002 г. было направлено 562 млрд. риалов. Это позволило проложить 400 км железных дорог. Всего за годы третьей пятилетки (2000/2001–2004/2005 гг.) намечено построить 2300 км железных дорог. Наиболее значимыми проектами являются железные дороги по маршрутам Тегеран-Мешхед

и Бафк-Мешхед. Этим дорогам отводится важная роль в планах развития экономических связей со странами Центральной Азии, включая транзит внешнеторговых грузов этих стран.

Сейчас в стадии строительства находится 3,1 тыс. км путей и из них в 2001/2002 г. в строй вошло 450 км.

Перспективными планами развития железнодорожного транспорта ИРИ предусмотрено ускорение строительства железнодорожных веток Бафк – Мешхед и Керман – Захедан, а также железной дороги, которая соединит города Арак, Малайер, Нехавенд и Керманшах на западе страны.

В качестве одного из приоритетных направлений модернизации железных дорог было выбрано направление Бендер-Аббас – Бафк. Город и порт Бендер-Аббас, расположенный на берегу Персидского залива и удаленный от Ирака, с началом ирано-иракской войны 1980–88 гг. стал быстро превращаться в главные морские ворота страны. Порты Бендер-Аббаса сейчас обрабатывают свыше половины всех грузов, поступающих в страну морским транспортом. В настоящее время этот порт остается основным пунктом поступления военных грузов в Иран. Поэтому строительство железной дороги из Бендер-Аббаса на Гольгохар и далее до Бафка (протяженностью 631 км, обеспечивающей связь с внутренними районами страны и центрами добычи цветных металлов) и дальнейшая модернизация дорожного оборудования имеет огромное экономическое и стратегическое значение для страны. По проекту на дороге сооружено 17 км мостов и проложено 18 км тоннелей. Благодаря этой дороге северные районы страны, а также новые государства Центральной Азии (после ввода в строй железной дороги Мешхед – Серахс) получили выход в Персидский залив.

Для центральноазиатских государств территория Ирана является кратчайшим выходом к мировому океану. Благодаря завершению строительства дороги Тегеран – Бендер-Аббас впервые в истории оказались связанными экономические пространства Каспийского и Аравийского морей.

В последние годы на дороге Мешхед – Серахс – Теджен была введена компьютеризированная система контроля за прохождением грузов. С вводом в эксплуатацию этой дороги завершено формирование Трансазиатской железной дороги (ТАЖД), которая теперь выглядит так: Стамбул-Тегеран-Мешхед-Серахс-Чарджоу-Ташкент-Алматы-Урумчи-Пекин.

В целях развития железнодорожного сообщения с сопредельными странами 8 сентября 2001 г. исполнительные директора ж/д Ирана, Ирака и Сирии приняли решение о соединении железнодорожных линий трех стран. В соответствии с достигнутым соглашением планируется строительство железнодорожного участка длиной 147 км по территории Сирии. Проектирование этой дороги уже завершено. В случае осуществления проекта намного сократятся время и расстояние, необходимые для поездки из Тегерана в Дамаск, и поезда пойдут из Ирана

в Сирию и Турцию через территорию Ирака. Иранцы рассматривают данный проект как перспективный маршрут для выхода на европейские рынки. Однако в связи с военными действиями против Ирака данная часть проекта практически уже не рассматривается.

Кроме того, изучается вопрос соединения железных дорог Ирана, Турции и Сирии. По заявлениям официальных лиц, Иран готов в течение одного года провести работы по соединению своих железных дорог с турецкими.

Предполагается, что железнодорожный транспорт будет играть основную роль в развитии торгово-экономических связей между странами Организации экономического сотрудничества региона, членом которой является Иран. В частности, в Иране предусмотрено создание координационного центра по согласованию информации и транспортных тарифов. Ожидается, что ввод в строй такого центра позволит значительно снизить транспортные издержки и повысить товарооборот между странами – членами ОЭС.

Укрепляется собственная производственная база по обеспечению парка вагонов. Крупнейшим центром по производству железнодорожных вагонов является Аракский завод «Вагон Парс», на котором работают свыше 2 тыс. чел. Завод выпускает пассажирские вагоны дальнего следования и пригородного сообщения, двухосные и трехосные вагонные тележки, шестиосные 90-тонные полувагоны, четырехосные 60-тонные вагоны и полувагоны, железнодорожные платформы, цистерны для нефтепродуктов и сыпучих веществ. Производственные мощности завода вполне обеспечивают потребности страны, и его продукция начала экспортироваться. Тем не менее производство некоторых видов подвижного состава в ИРИ не освоены и в соответствии с 3-м пятилетним планом Иран закупит 1000 новых вагонов для осуществления грузовых и пассажирских перевозок.

Таблица 4

Изменение количественного состава локомотивов и вагонного парка	Локомотивы		Пассажирские вагоны		Грузовой подвижной состав	
	Кол-во	Суммарная мощность (Л.С.)	Емкость (х 1000 пассажиров)	Человеко-километры (млн.)	Грузоподъемность (х 1000 тонн)	Тонны (млн.)
1991–92	212	463995	8138	4585	16979	77
1995–96	233	606671	9622	7294	21401	118
1996–97	247	627162	8882	7044	22650	136
1997–98	269	661220	9451	6103	24405	144
1998–99	265	655710	9561	5631	21615	126
1999–2000	267	647790	10688	6451	23019	140

Перспективными планами развития железнодорожного транспорта ИРИ предусмотрено:

1. реконструкция и модернизация инфраструктуры с целью повышения скорости движения поездов;
2. реконструкция существующих и строительство новых пограничных и припортовых станций, подходов к строящимся портам;
3. совершенствование информационных и других сервисных служб;
4. увеличение доли железнодорожных перевозок с 12% до 16%;
5. развитие железнодорожного парка и доведение его численности до 22500 грузовых и 1700 пассажирских вагонов.

Таким образом, в развитии железнодорожного транспорта Ирана произошел значительный прогресс, отчетливо проявившийся в 90-е годы. Более равномерное насыщение железнодорожной сетью различных регионов страны, обеспечение их связей с морскими портами, крупнейшими аэродромами, особенно военного характера, создание единой национальной сети с выходом ко всем границам отвечает целям укрепления военного потенциала Ирана. Но главным результатом выполнения проектов является то, что Иран, проводящий политику экономической и политической либерализации общества, создает современную транспортную сеть, способную стать частью мировой инфраструктуры и выполнять задачи, диктуемые процессами глобализации и интернационализации мировых товарных потоков.

Автомобильный транспорт

Автомобильный транспорт – ведущий вид транспорта в Иране, им осуществляется около 90% объема всех внутренних перевозок. Согласно данным министерства промышленности ИРИ, в 2002 году сборка большинства моделей автомобилей значительно увеличилась по сравнению с соответствующим периодом 2001 года. Так, за указанный период было собрано 85042 автомобиля «Пей-кан» (прирост 20%), 43166 автомобилей «Прайд» (70%), 8340 автомобилей «Сепанд» (11%), 14082 автомобиля «Пежо-RD» (29%), 12377 автомобилей «Пежо-Персия» и «Пежо-405» (20%). Всего за восемь месяцев собрано на 37577 автомобилей больше, чем за соответствующий период прошлого года. Увеличилось производство и отдельных видов специальной техники. Так, производство тракторов составило 4298 шт. (прирост на 17%), а сельскохозяйственных уборочных комбайнов 246 шт. (44%).

Вместе с тем производимая в Иране автотехника отличается низкой надежностью и представляет в основном устаревшие модели. Подавляющая часть грузовых автомобилей имеет возраст более 20 лет. Изношенность грузового автотранспорта является серьезнейшей проблемой для страны. Из-за этого иранские автоперевозчики не допускаются на европейские дороги, и сохраняется ограничение движе-

ния иранских грузовиков по дорогам других стран из-за несоблюдения владельцами норм технического и экологического контроля.

Вместе с тем автомобильный транспорт остается основным внутренним видом транспортировки, в связи с чем в Иране уделяется большое внимание совершенствованию имеющихся дорог и строительству новых.

Из предусмотренного перспективным планом развития автодорог ИРИ строительства 12,5 тыс. км скоростных дорог и автомагистралей 4,4 тыс. км уже построено. При существующих возможностях для строительства оставшихся 8,1 тыс. км дорог стране понадобится 55 лет и в этой связи предусмотрен коренной пересмотр имеющейся системы строительства дорог и финансирования.

Особое внимание уделяется строительству автодорог на направлениях транзитных маршрутов. Так, ожидалось, что строительство скоростной автодороги из Зинджана в Тебриз должно было завершиться к весне 2003 г. В будущем эта магистраль должна продолжиться до границы с Турцией. Для реализации проекта транзитного коридора «Север-Юг» планируется построить сеть автодорог общей протяженностью 20 тыс. км, из которых уже существуют 12 тыс. км автотрасс требуемого класса.

В соответствии с планами на третью пятилетку (до 2005 г.) в строй должно быть введено 6639 км основных автомобильных дорог, 6303 км вспомогательных дорог и 4051 км дорог местного значения.

Перспективными планами развития автомобильного транспорта ИРИ предусмотрено строительство и реконструкция основных магистральных автомобильных дорог (включая обходы, мосты, путепроводы, транспортные развязки и т.д.), строительство и реконструкция объектов дорожного сервиса (гостиниц, moteлей, станций ТО, АЗС и др.), обновление парка грузовых автомобилей за счет налаживания отечественной производственной базы и импорта.

Воздушный транспорт

Средний возраст гражданских самолетов ИРИ составляет 22 года, тогда как в других странах парк обновляется через каждые 12 лет.

Правительство ИРИ в январе 2001 г. одобрило предоставление кредита в 300 млн. долларов частным авиакомпаниям для осуществления замены устаревших самолетов. Финансовые средства выделяются из сверхприбылей от экспорта нефти.

В перспективе планируется увеличить возможности гражданского флота по перевозкам за счет увеличения парка самолетов и замены отслуживших свой срок машин. Задания 2-го пятилетнего плана экономического развития по авиатранспорту не были выполнены (планировалось закупить 23 самолета для внутренних и 18 для международных авиалиний). В настоящее время иранские авиалинии расширили географию услуг и обеспечивают регулярные полеты в столицы

республик Центральной Азии, а также в города Копенгаген, Гетеборг, Осло, Берлин, Бейрут, Дубай, Манаму и Стокгольм наряду с традиционными маршрутами. Перспективными планами развития авиации ИРИ предусмотрено:

1. строительство и реконструкция приоритетных объектов, обеспечивающих эксплуатацию перспективных магистральных воздушных судов с расширением географии их полетов; развитие сети международных аэропортов с созданием необходимых условий, соответствующих мировому уровню обслуживания международных авиапассажиров и грузов;

2. реструктуризация системы авиакомпаний страны, в частности: правительство ИРИ уполномочило министерство транспорта ИРИ передать частному сектору акции авиационных компаний «Иратур», «Асман» и 46% акций компании «Хома», в результате чего будет создана одна государственная и одна частная компания из 4 частных и 3 государственных авиакомпаний;

3. введение в действие нового Центра контроля авиаполетов, что позволит при использовании существующих двух центров, а также 12 радаров контролировать все воздушное пространство над страной и реализовать современную систему контроля авиаполетов в регионе;

4. в системах навигации, связи и телематики – создание единой интегрированной сети зональных центров информационного и навигационного обеспечения, создаваемых в крупных транспортных узлах, в том числе портах и аэропортах на всех направлениях, охватываемых системой МТК, развитие систем отраслевой связи и др.

Морской транспорт

В различные годы через иранские порты проходило 70–80% импортных грузов, что уже само по себе говорит о значении морского транспорта для страны.

За восемь месяцев иранского года (с 21.03.01) портами страны перевезено и отгружено 51 млн. т грузов. Из них на долю ненефтяных товаров приходится 26,4 млн. т грузов. За этот период переработано 1,2 млн. т транзитных грузов. 57% от данного объема приходится на долю Порта Шахид Раджаи. По планам иранского правительства пропускная способность портов страны к концу 2002 года должна была достигнуть 70 млн. тонн в год.

Правительство страны осуществляет определенные шаги по своевременной модернизации флота. В настоящее время средний срок эксплуатации кораблей в Иране составляет 17 лет, в то время как в передовых странах 10–14 лет, и в этой связи в бюджете страны предусмотрено выделение 500 млн. долл. на закупку восьми судов. В настоящее время гражданский флот Ирана составляет 152 судна общим водоизмещением 731688 тонн. По типам судов всего в ИРИ имеется: балкеров – 49, сухогрузов – 38, танкеров для перевозки химической

продукции – 4, контейнеровозов – 10, многоцелевых судов большой грузоподъемностью – 6, нефтяных танкеров – 32, судов типа Ро-Ро – 9.

В последнее время большое внимание уделяется развитию инфраструктуры транзитных транспортных коридоров, проходящих по территории Ирана – «Север-Юг» и «Запад-Восток». В связи с этим бюджетом страны на следующий год предусматриваются значительные инвестиции в развитие портов Шахид Раджаи и Бандер-Аббас, в завершение строительства железной дороги и соединение ее с северным портом Амирабад на Каспийском море.

Перспективными планами развития морского транспорта ИРИ предусмотрено:

1. увеличение мощностей морских портов на направлениях международных транспортных коридоров для обеспечения возрастающих объемов перевозок внешнеторговых и транзитных грузов, реконструкция морских судоходных и портовых каналов с одновременным обновлением парка технических средств портового хозяйства;

2. дальнейшее развитие возможностей контейнеризации грузов в торговых портах страны;

3. увеличение объемов транзитных перевозок до 6 млн. т грузов через транзитные порты страны.

Трубопроводный транспорт Ирана

Важнейшее значение для экономики Ирана имеет трубопроводная сеть транспортировки газо- и нефтепродуктов. Согласно существующим нормативам, транспортировка нефтепродуктов и газа по трубопроводам обходится в 7 раз дешевле, чем автомобильным или железнодорожным видом транспорта.

Общая протяженность нефте- и нефтепродуктопроводов в Иране составляет более 12 тыс. км, количество насосных станций – более 130.

В настоящее время рассматривается ряд проектов прокладки нефтепроводов. Проекты пока находятся на стадии первичного изучения. Наиболее реальным из них является проект нефтепровода Туркменбаши (Красноводск) – Нека – Рей – Арак – Исфаган – о.Харк. Проект (для иранской стороны) включает в себя три этапа:

- 1) Нека – Тегеран (Рей),
- 2) Тегеран – Арак – Исфаган,
- 3) Исфаган – Харк.

Китайские компании, выигравшие тендер, ведут строительство первого этапа нефтепровода Нека – Рей протяженностью 392 км и диаметром 32 дюйма, который будет иметь начальную производительность 40 тыс. барр/день, которая позже будет доведена до 315. Трубопровод предполагается использовать для осуществления операций замещения с нефтью прикаспийских государств. В ближайшее время планируется начало работ по модернизации северных НПЗ для приема «тяжелой» среднеазиатской нефти.

Система газоснабжения включает в себя магистральные газопроводы и газопроводы местного значения (без насосных станций). В настоящее время в Иране действует два трансиранских магистральных газопровода ТИМГ-1 и ТИМГ-2 и строится ветка Серахс-Астара-Тебриз.

22 января 2002 г. начаты поставки иранского газа в Турцию. Для реализации проекта в полном объеме требуется значительно увеличить подачу газа с юга Ирана, для чего ввести в эксплуатацию ТИМГ-2 до Казвина и построить новый газопровод диаметром 56 дюймов длиной 700 км (Казвин-Тебриз-граница Турции) с установкой пяти компрессорных станций.

Что касается «ирано-туркменского» участка, по которому будет поступать газ для Турции, то этот участок был открыт в марте 1998 г. Его длина 200 км (60 – по территории ИРИ, 140 – Туркменистана), диаметр иранского участка 40 дюймов, туркменского – 30 (на протяжении 80 км) и 40 (на протяжении 60 км).

В декабре 2001 г. достигнуто соглашение между ИРИ и Арменией о возобновлении сотрудничества в сооружении газопровода согласно подписанному еще в 1992 г. контракту. Контрактом предусмотрена прокладка газопровода из Ирана в Армению общей протяженностью 140 км (100 км – по территории ИРИ, 40 – по территории Армении). Стоимость проекта 472 тыс. долл., из них доля Ирана – 372 тыс. долл., 100 тыс. – Армении.

В дальней перспективе планируется организация экспорта природного газа в Индию через территорию Пакистана или по дну Оманского залива. Стоимость проекта оценивается в 4 млрд. долл. На последнем заседании совместной ирано-индийской комиссии по нефтегазовому сотрудничеству, состоявшемся в Дели в январе 2002 года, принято решение о начале проведения изыскательских работ для строительства наземного трубопровода.

В начале 2001 г. ливанской стороной инициирована идея строительства нефтепровода Иран – Ирак – Сирия – ливанские терминалы Средиземного моря. Проект оценивается в 1 млрд. долл., но количественных показателей этого проекта пока нет.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ ВС США В АФГАНИСТАНЕ

После террористических актов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, в результате которых погибли более 5 тыс. человек, перед вооруженными силами США (ВС США) была поставлена задача уничтожить международную экстремистскую исламскую организацию «Аль-Каида» и свергнуть поддерживающий ее афганский режим талибов, которые были обвинены американской администрацией в организации нападения на США. Для выполнения указанных задач ВС США при поддержке других стран антитеррористической коалиции приступили к проведению в Афганистане военной операции, которая получила кодовое название «Несокрушимая свобода».

В ходе этой операции американское военно-политическое руководство уделяло повышенное внимание информационному обеспечению боевых действий. Важное место при этом отводилось проведению против войск талибов и боевиков «Аль-Каиды» психологических операций.

Основная роль в организации и проведении психологических операций ВС США отводится частям и подразделениям Командования связи с гражданской администрацией и психологических операций (Командование СГА и ПсО), которое организационно входит в состав Объединенного командования специальных операций сухопутных войск США (ОКСО СВ США). Кроме того, аналогичные подразделения действуют в составе американских ВВС и ВМС, а также Корпуса морской пехоты.

В состав Командования СГА и ПсО входят как регулярные части, так и части резерва сухопутных войск. По своему функциональному предназначению они подразделяются на части и подразделения ПсО и части и подразделения СГА.

Группа ПсО насчитывает порядка 1200 военнослужащих-специалистов по психологическим операциям и является основным формированием ВС США, ответственным за информационно-психологическое обеспечение боевых операций американской армии. Подразделения Группы ПсО участвовали во всех военных операциях, проводившихся США за последние десять лет, в том числе в Ираке, Сомали, Боснии и Герцеговине, Косово.

Для выполнения задач в рамках операции «Несокрушимая свобода» на территорию Афганистана, Пакистана, Узбекистана и Киргизии из состава группы направлен региональный батальон ПсО, усиленный под-

разделениями и специалистами батальона тактических ПсО и батальона подготовки и распространения материалов ПсО, а также подразделения штабного планирования, связи и тылового обеспечения – всего около 30% личного состава Группы. Батальон СГА привлекался к решению задач в ходе последующих этапов операции практически в полном составе (до 150 военнослужащих).

На авиабазу Карши-Ханабад (Узбекистан) переброшены также 2 самолета ЕС-1 ЗОЕ из состава авиакрыла специальных операций ВВС национальной гвардии США (Гаррисберг, шт. Пенсильвания), оснащенных телерадиовещательным комплексом ПсО «Коммандо Соло»-П. Самолеты ЕС-1 ЗОЕ действовали также с авиабазы Тумрайт в Омане и с авиабаз Пасни и Джакобад в Пакистане.

Кроме того, на театр боевых действий были переброшены подразделения командования СГА резерва сухопутных войск США, а также оперативные группы офицеров сил ПсО при штабах объединенных командований ВС США. Непосредственное руководство всем комплексом информационно-психологических мероприятий США в регионе осуществлялось специальной объединенной оперативной группой Министерства обороны США с привлечением представителей Госдепартамента, ЦРУ, ЮСИА и отдельных СМИ. Военный компонент этой структуры находился в подчинении Объединенного оперативного центра психологических операций (Joint Psychological Operation Center) при штабе Объединенного командования специальных операций (ОКСО) ВС США (форт Мак-Дилл, штат Флорида) и включал передовые штабы Сил специальных операций в Бахрейне и Катаре, а также органы и пункты боевого управления, развернутые в районах оперативного предназначения, в том числе на территории Афганистана.

Проведение психологических операций в современных условиях является неотъемлемым элементом участия вооруженных сил США в региональных вооруженных конфликтах, миротворческих и гуманитарных миссиях. По взглядам американских военных экспертов, они способны значительно повысить эффективность действий войск, снизить потери среди военнослужащих и мирного населения, существенно облегчить выполнение поставленных перед ВС США боевых и других задач.

В соответствии с действующим в ВС США основным руководящим документом по проведению психологических операций (Доктрина объединенных психологических операций, JP 3–53 Doctrine for Joint Psychological Operations), уставами и наставлениями видов ВС, основными целями психологических операций являются:

- разъяснение политических целей и задач США в проводимой военной операции;
- воздействие на общественное мнение как в районе конфликта, так и по всему миру в поддержку проводимой операции;
- создание привлекательного образа американских и союзных войск, пропаганда западных демократических ценностей;

- оценка и анализ морально-психологического состояния войск противника, а также отношения гражданского населения к США;
- использование в своих интересах этнических, культурных, религиозных и экономических противоречий;
- подрыв боевого духа, снижение воли к сопротивлению противостоящей стороны;
- оказание деструктивного влияния на разрабатываемые противником стратегию и тактику боевых действий в конфликте;
- склонение личного состава войск противника к переходу на свою сторону или сдаче в плен, а мирного населения – к сотрудничеству с американскими войсками;
- демонстрация силы и мощи ВС США и союзных войск;
- содействие мерам дезинформации, скрытности и безопасности проведения операции;
- нейтрализация пропагандистских действий противника, организация контрпропаганды;
- содействие эффективности воздействия экономических и других несиловых санкций в отношении противостоящей стороны и т.д.

В ходе операции «Несокрушимая свобода» основными задачами ПсО являлись:

- деморализация и склонение к прекращению сопротивления и сдаче в плен членов вооруженных формирований талибов и «Аль-Каиды»;
- дискредитация руководства Талибана и «Аль-Каиды»;
- разъяснение афганскому населению целей США и причин появления американских войск в регионе;
- подавление талибской пропаганды, использование религиозных и этнических противоречий различных племен и народностей Афганистана;
- пропаганда военных успехов войск Северного альянса и ВС США;
- завоевание симпатий и обеспечение сотрудничества со стороны местных жителей;
- информационное обеспечение гуманитарных операций.

На более отдаленную стратегическую перспективу была поставлена задача формирования проамериканской ориентации у местной политической элиты с целью обеспечения долговременного влияния США в регионе.

Военную операцию «Несокрушимая свобода» можно условно разделить на три этапа, в соответствии с которыми проводились психологические операции в Афганистане.

Начальный этап операции (конец сентября – середина ноября 2001 г.) характеризовался широким использованием в первую очередь сил и средств ПсО военно-воздушных сил (ВВС) США, а также СВ, действовавших с территории сопредельных Афганистану государств.

На втором этапе операции (середина ноября – конец декабря 2001 г.), после отступления талибов из Кабула и других крупных городов страны масштабы психологической обработки населения Афганистана суще-

ственно расширились, а основное внимание было перенесено с северных на южные, юго-восточные и западные районы страны. В этот период было осуществлено развертывание подразделений и передовых органов управления ПСО непосредственно в районах, освобожденных от вооруженных формирований «Талибана».

Для третьего этапа операции, который начался в январе 2002 г. и фактически продолжается по текущее время, было характерно смещение акцентов с проведения боевых психологических операций на активизацию действий специалистов связи с гражданской администрацией, масштабное участие в гуманитарных организациях, восстановление органов местной власти, социальных и экономических государственных институтов.

Психологическая операция фактически началась за несколько дней до первых ракетно-бомбовых ударов по Афганистану. Первые вылеты самолетов ЕС-1 ЗОЕ для радиовещания на территорию Афганистана состоялись 23 сентября 2001 г. С 4 октября 2001 г. на авиабазе Карши-Ханабад в Узбекистане началось размещение военнослужащих из состава Группы ПСО.

С началом боевой фазы операции американская авиация целенаправленными ударами уничтожила радиовещательные центры талибов, в том числе официальную радиостанцию «Голос Шариата» в Кабуле. Это подорвало пропагандистские ресурсы талибов и обеспечило американским силам ПСО монопольное положение в радиозфере Афганистана, а также позволило в дальнейшем использовать для передачи своих радиопрограмм частоты, на которых ранее вещали радиостанции талибов.

Однако отсутствие видимых успехов на первом этапе операции ставило под сомнение не только эффективность информационно-психологических мероприятий ВС США, но и целесообразность всей операции против талибского режима в целом. Отдельные неудачи имели место и в американской информационной кампании на международной арене. К началу ноября 2001 г. администрация США столкнулась с нарастающим международным осуждением бомбардировок Афганистана и настоящей волной антиамериканских выступлений, захлестнувшей мусульманские страны Ближнего и Среднего Востока. Согласно опросам, поддержка американских бомбардировок существенно уменьшилась и во всех европейских странах. Талибы в целях активизации пропагандистской кампании против США стали допускать в страну некоторых западных корреспондентов и проводить организованные выезды в населенные пункты, подвергшиеся бомбардировкам. Благодаря репортажам катарского канала «Аль-Джазира» мир увидел страшные кадры убитых по ошибке детей и толпы беженцев. Отсутствие видимых военно-политических результатов усугубляло ситуацию. Как заявил министр обороны США Д.Рамсфельд, «США проигрывают информационную войну». Президент США Дж.Буш также подверг критике государственные информационные структуры за их низкую эффективность.

В такой ситуации руководство США предприняло ряд экстренных мер, призванных восстановить контроль Вашингтона над информационной обстановкой вокруг антитеррористической операции. Прежде всего Пентагон призвал журналистов более ответственно подходить к освещению событий, не давать талибской пропаганде возможности использовать западные СМИ в своих целях. Со стороны государственных структур США и Великобритании применялись меры политического давления с целью добиться полной информационной изоляции «Талибана». Имели место и меры политического давления на независимые СМИ. Так, «Аль-Джазира» была вынуждена заключить договор с CNN, позволяющий последней включать свои новостные сюжеты в телепередачи канала по принципу «обмена информацией».

Помимо расширения штатов афганских редакций и сетки вещания радиостанций «Голос Америки» и «Радио Свобода» было возобновлено вещание радиостанции «Свободный Афганистан». Конгресс США выделил на эти цели 20 млн. долларов.

Начиная новое «информационное наступление», администрация Дж.Буша сделала и несколько нестандартных шагов. На должность заместителя государственного секретаря по информационной политике была назначена Ш.Бирс, специалист по рекламе и связям с общественностью. Ей была поставлена задача координировать работу правительственных структур и частных СМИ. Принято решение о привлечении к ведению информационной кампании частных PR-организаций и выделении им около 400 млн. долларов на пропагандистские мероприятия в 78 государствах, прежде всего мусульманских. Кроме того, США и Великобритания разместили в Исламабаде Коалиционный информационный пресс-центр («медиа-центр быстрого реагирования»), в состав которого вошли как официальные военные представители, так и гражданские сотрудники СМИ. В целом это позволило сделать работу западных СМИ в регионе более оперативной и перехватить инициативу в освещении афганских событий у ближневосточных средств массовой информации, действуя по принципу опережения.

Поворотным моментом в ходе психологической операции ВС США и началом ее второго этапа стало неожиданное решение талибского руководства оставить крупные города и перейти к тактике партизанской войны. Это стало мощным аргументом в пользу правильности тактики американских войск и существенно усилило действенность пропаганды. Призывы к выходу из состава талибских формирований, переходу на сторону антиталибской коалиции, сдаче в плен под гарантии безопасности и т.д. стали в краткосрочном плане привлекательными для большей части полевых командиров и вождей афганских племен, а также для рядовых боевиков «Талибана» и «Аль-Каиды».

На втором этапе у американских подразделений ПсО, помимо оставшейся на повестке дня задачи по окончательному разгрому формирований «Талибана» и «Аль-Каиды», появились новые задачи – обеспе-

чение информационной поддержки планов США по вводу международного миротворческого контингента и послевоенному политическому переустройству Афганистана под контролем США. На первый план вышла задача агитации местного населения в поддержку временного правительства Афганистана, присутствия на территории международных миротворческих сил, прежде всего контингентов ВС США и Великобритании. Военнослужащие Группы ПсО активно привлекались к оказанию гуманитарной помощи, для чего на месте была создана оперативная группа ПсО. В ее состав вошли штаб, центр разработки информационно-пропагандистских материалов (ИПМ) и отдел координации действий со штабами других групп и контингентов ВС США. Оперативная группа планировала и вела согласование ПсО со штабами других служб и оперативных групп, готовила аудио- и печатные материалы информационно-психологического воздействия, а также специальные разговорники для распространения среди военнослужащих. Для согласования действий при проведении специальных операций в передовом штабе силы специальных организаций (ССО) в Катаре была создана группа по взаимодействию, ответственная как за проведение ПсО, так и за организацию взаимодействия с подразделениями ССО.

В начале 2002 г., условно на третьем этапе операции, в связи со смещением акцентов антитеррористической операции «Несокрушимая свобода» на решение миротворческих, гуманитарных задач существенно возросла роль подразделений Связи с гражданской администрацией. Значительная часть задач в этот период была возложена на личный состав батальона связи с гражданской администрацией, развернутого на территории Афганистана. К началу 2002 г. в различных районах страны действовали свыше 100 военнослужащих этого батальона, которые были разбиты на мелкие группы по 2–3 человека и выполняли специальные задачи в тех районах и населенных пунктах, которые полностью контролировались американскими и афганскими правительственными войсками.

Перед отправкой в Афганистан для специалистов батальона СГА были организованы курсы переподготовки на базе учебного центра в Форт-Брэгге, на которых слушатели изучали особенности ведения специальных операций в Афганистане, культуру, ислам (в том числе радикальные течения) и историю страны, а также местные языки. На территории Афганистана они действовали небольшими группами, в основном при военных гарнизонах правительственных войск Афганистана в крупных населенных пунктах (Кабул, Кандагар, Герат, Хост, Баграм). Специалисты групп одевались в национальную гражданскую одежду (халат, жилет, головной убор, обязательно ношение бороды), по стране передвигались в сопровождении военнослужащих правительственных войск (3–4 человека).

При контактах с представителями местной администрации перво-степенное внимание уделялось вопросам восстановления разрушенной инфраструктуры, строительства гражданских объектов, в первую оче-

редь школ, больниц, восстановления радио- и телесети, доставки и распределения гуманитарной помощи.

Другим направлением деятельности информационных структур США на стратегическом уровне стало обеспечение проамериканского освещения событий в Афганистане в мировых СМИ. В этих целях в Кабуле на базе центра боевых и миротворческих операций Объединенного оперативного формирования многонациональных сил (Joint Civil Military Operations Task Force Center) был сформирован пресс-центр для зарубежных СМИ. В задачи указанного Центра входило оказание представителям национальных и зарубежных СМИ информационной поддержки, предоставление им средств связи и обеспечение доступа для сбора информации в местах дислокации ВС США и союзников; отбор информационных сообщений о ходе операции «Несокрушимая свобода» и ее гуманитарной составляющей, отбор для общения с корреспондентами задержанных и арестованных руководителей и боевиков «Талибана» и «Аль-Каиды», ведение пропаганды среди местного населения. Функционирование пресс-центра для зарубежных СМИ обеспечивала группа офицеров ВС США под руководством полковника П.Пирса.

Помимо Кабула, для всестороннего информационного обеспечения были развернуты и функционируют оперативные группы по связям с общественностью и информационные центры:

- оперативная группа по связям с общественностью при штабе объединенного центрального командования (ОЦК) ВС США (авиабаза Мак-Дилл, штат Флорида);
- оперативная группа по связям с общественностью сухопутного компонента МНС при передовом штабе сухопутных войск объединенного центрального командования ВС США (Кувейт);
- оперативная группа по связям с общественностью морского компонента МНС при передовом штабе ВМС США (Манама, Бахрейн);
- оперативная группа по связям с общественностью в г. Исламабаде (Пакистан);
- оперативная группа по связям с общественностью в Узбекистане;
- информационный центр в г. Баграме (Афганистан);
- информационный центр в г. Кандагаре (Афганистан);
- информационный центр в г. Мазари-Шарифе (Афганистан).

Крайне низкий уровень развития информационной инфраструктуры в Афганистане существенно осложнял работу специалистов ПсО ВС США. В частности, при талибском режиме было запрещено телевидение и интернет. Поэтому основными формами информационно-психологического воздействия, которые использовали ВС США в Афганистане, стали радиопропаганда и печатная пропаганда.

Радиовещание было оценено американскими специалистами как наиболее эффективное средство ведения пропаганды в условиях Афганистана. Исследования 1999 г. показали, что 80% жителей Афганистана регулярно пользуются информацией радиостанции «Голос Афганистана» –

по крайней мере, один раз в неделю – и до 60% прослушивают ее передачи ежедневно. Значительное количество афганцев также прослушивало новостные блоки, транслируемые британской корпорацией Би-Би-Си.

Специалистами ПсО США было развернуто радиовещание общим объемом до 10 часов в сутки (по пять часов в утреннее и вечернее время) на средних и коротких волнах. Вещание осуществлялось на языках дари и пушту как с бортовых радиопередатчиков самолетов ЕС-130Е «Коммандо Соло»-П, так и со стационарных радиостанций и ретрансляторов на территории Пакистана, Турции, Киргизии и Туркменистана. В условиях малой обеспеченности населения радиоприемниками для расширения слушательской аудитории американской авиацией над разными районами Афганистана было сброшено до 100 тыс. радиоприемников с фиксированной частотой, как это ранее практиковалось во Вьетнаме и Ираке.

Помимо ретрансляции передач радиостанций «Голос Америки» и «Радио Свобода», информационные материалы для радиопередач готовились специалистами группы ПсО. В эфире эти передачи появлялись под названиями «Информационное радио» и «Радио Свободный Афганистан». В содержании радиопрограмм особое место занимала тема дискредитации лидеров «Талибана» и «Аль-Каиды», а также тексты из Корана, специально подобранные американскими специалистами для опровержения тезисов талибской пропаганды и антиамериканских высказываний бен Ладена. Начинались и заканчивались радиопрограммы народной афганской музыкой. Позднее, в результате работы с тест-группами и контактов с местной аудиторией цитирование Корана было признано контрпродуктивным и в последствии не использовалось.

Второй по значению формой информационно-психологического воздействия в проводимых психологических операциях США являлось распространение печатной продукции. Американцы буквально «завалили» Афганистан листовками. На завершающем этапе операции практиковалась также раздача листовок и буклетов в руки местному населению специальными моторизованными командами ПсО. Всего с начала военной операции США в Афганистане по конец декабря 2001 г. силами ПсО США было распространено свыше 18 млн. листовок, что для 28-миллионного Афганистана является значительной величиной. В то же время в условиях низкой грамотности населения (грамотно менее 40%) основной упор при разработке листовок делался на изобразительные средства наглядной агитации. Тексты в основном были предельно краткими и несложными, рассчитанными на менталитет простых афганцев.

Основными темами радиопередач и листовок, адресованных мирному населению, были демонстрация открытости и благожелательности американского руководства по отношению к афганскому народу и готовности оказать помощь в налаживании мирной жизни, дискредитация талибского режима, а также разъяснение того, что действия США и их союзников направлены не против мирных жителей или ислама, а против

источников терроризма на территории Афганистана и поддерживающего их движения «Талибан».

Другая группа передач и листовок была обращена к членам вооруженных формирований «Талибана» и «Аль-Каиды». В этих информационно-пропагандистских материалах превалировал мотив устрашения. Боевикам внушали, что они обречены, что их лагеря будут «залиты смертоносным ливнем огня с вертолетов». Подчеркивалось техническое превосходство американского вооружения: «Вы будете уничтожены до того, как ваши устаревшие радары засекут наши вертолеты», «Наши ракеты попадут точно в твоё окно». В некоторых листовках прямо говорилось, что единственный выход – «немедленная сдача в плен», как только в Афганистане появятся американские солдаты. Кроме того, делались попытки дискредитировать руководство «Талибана» и «Аль-Каиды». В одной из передач говорилось, что пока простые бойцы гибнут в боях, мулла Омар наслаждается жизнью в хорошо оборудованном бункере в обществе своих трех жен. «Если умереть за ислам является честью, то почему же мулла Омар не пойдет в бой?» – задавался вопрос.

В целях психологического воздействия на гражданское население практиковался также сброс с самолетов гуманитарных грузов (всего было сброшено более 1 млн. продовольственных пакетов) с американской символикой и рисунками пропагандистского содержания. Дизайн упаковки разрабатывался в том числе и при участии специалистов ПсО. Пайки имели ярко-желтый цвет, изображение американского флага и подпись: «Эти продукты – подарок народа США». Также сообщалось, что рацион пайков готовился в строгом соответствии с учением Корана. В дальнейшем было принято решение отказаться от желтой окраски продуктовых пакетов, вызывавшей у афганцев неприятные ассоциации, и заменить ее на голубую.

Помимо вышеназванных использовались и другие формы психологического воздействия на вооруженные отряды «Талибана» и «Аль-Каиды». В частности, на пещерный комплекс в горах Тора-Бора было сброшено несколько сверхмощных 7,5-тонных авиабомб BLU-82 с целью оказания шокового психологического эффекта на оборонявшихся в пещерах боевиков. Высадка американских рейнджеров в составе 200 солдат и офицеров и 4 специалистов Группы ПсО близ Кандагара 20 октября 2001 г. также была скорее демонстрацией силы, в ходе которой США стремились показать противнику, что их войска способны проводить спецоперации там, где это требуется – даже в сердце религиозной святыни талибов. В ходе рейда в Кандагаре американские военнослужащие распространили 2 млн. листовок с изображением нью-йоркского офицера пожарной службы, размахивающего флагом США на руинах Всемирного торгового центра, с надписью «Свобода – несокрушима!»

Оценивая работу органов ПсО ВС США на первом этапе антитеррористической операции, необходимо отметить, что многие зарубежные специалисты, в том числе американские, выражали большие сомнения в

ее эффективности. Независимые эксперты прямо указывали, что тексты первых передач «не так хороши, как должны были быть, особенно в области знания культуры и обычаев». По словам Дж.Метцля, сотрудника Госдепартамента, координировавшего информационное обеспечение операций ВС США в Ираке и Косово, качество информационно-пропагандистских материалов на начальном этапе операции было неудовлетворительным, штаб операции не учитывал национально-религиозную специфику региона и менталитет населения, низкий уровень образования и общую бедность.

Во-первых, население Афганистана в результате целенаправленной политики «Талибана» по информационной изоляции страны имело весьма смутные представления как о террористических актах 11 сентября 2001 г. и причинах бомбардировок, так и об отношении талибского режима с другими странами. При этом радиопередачи американских сил ПсО были недоступны подавляющему большинству населения страны из-за отсутствия радиоприемников. Эффективность распространения гуманитарной помощи, разрекламированной американскими СМИ, долгое время оставалась низкой. Во многих случаях она сбрасывалась над пустынными территориями, частями «Талибана» и минноопасными участками. Талибская пропаганда не без успеха призывала относиться к помощи как к подачке, «нечистой пище неверных», что находило отклик среди основной массы неграмотного, воспитанного в законах шариата населения. Кроме того, распространялись слухи, что часть доставляемого питания может быть отравлена. Отношение к гуманитарной помощи стало меняться только тогда, когда она стала доставляться наземными средствами.

Во-вторых, по мнению Ч.Борчини, бывшего командира Группы ПсО ВС США, содержание адресованных боевикам листовок и радиопрограмм, в которых «не было ничего, кроме элементарного запугивания», могло быть расценено афганцами, особенно пуштунами и белуджами, только как оскорбление и возымело скорее отрицательный эффект. Дж.Метцль говорил о «пугающем» непрофессионализме американских пропагандистов.

Наивно полагать, например, что можно подорвать авторитет муллы Омара, упрекая его в том, что у него три жены и что он лично не воюет. Любой верующий мусульманин на это ответит, что ему (как и любому мусульманину) по Корану можно иметь четырех жен и что мулла Омар в свое время был рядовым моджахедом и потерял в бою глаз, а теперь он – военачальник и руководит действиями армии. Ошибочен и расчет на то, что исламский фанатик, который постоянными молитвами и другими духовными практиками в лагерях приучает себя к мысли о гибели за веру и заранее «отдаляется от земного мира»,отреагирует на рассказ о гибели людей в Нью-Йорке и Вашингтоне так же, как американец или европеец, и осудит действия террористов: ведь террористы были борцами за веру, а вера позволяет мусульманину любые действия против иноверцев; ес-

ли же среди погибших неверных «торгашей» в небоскребах были добропорядочные люди, то они попали в рай (а недобропорядочные за свою мученическую смерть получили дополнительную возможность не попасть в ад).

Количественным показателем эффективности информационно-психологических операций является число вооруженных боевиков, сдавшихся в плен или, применительно к Афганистану, перешедших на сторону противника. По этому критерию эффективность американской пропагандистской кампании на этапе октября – середины ноября 2001 г. тоже можно оценить как низкую.

На втором этапе операции произошло качественное изменение информационно-психологического воздействия (ИПВ). В материалах, предназначенных для боевиков, метод устрашения стал использоваться более гибко.

Безапелляционные призывы «сдаваться в плен» уступили место рекомендациям «прекратить сопротивление». В ряде пропагандистских материалов преследовалась цель вбить клин между собственно афганцами и иностранными наемниками-добровольцами, используя традиционную ксенофобию афганцев: мулла Омар, облаченный в традиционную афганскую одежду, изображался в виде собаки у ног бен Ладена; на другой листовке сам бен Ладен в характерном арабском одеянии передвигает пешки с внешностью талибских лидеров на шахматной доске и т.д. Удачной оказалась листовка с поздравлениями от имени американского народа, приуроченная к окончанию месяца рамадан.

На третьем этапе операции, как уже отмечалось выше, основные задачи по информационно-психологическому обеспечению операции перешли к специалистам СГА. В местах постоянной дислокации американских войск на территории Афганистана специалисты из подразделений ПсО ВС США разработали инструкции поведения военнослужащих при общении с местным населением. Такие инструкции, например, запрещали посещение мечетей, кладбищ и других мусульманских святых мест, а также показывать афганцам фотографии своих жен и подруг и, тем более, западные журналы, которые насыщены множеством различных женских фотографий.

Одним из нестандартных методов информационно-психологического воздействия (ИПВ) стала организованная США встреча в Кабуле родственников погибших в результате террористического акта в Нью-Йорке американцев и афганцев, родные которых погибли при бомбардировках американской авиации. Данная встреча широко освещалась в международных СМИ. Причиной гибели мирного населения как с одной, так и с другой стороны назывался терроризм и, в частности, террористическая деятельность организации «Аль-Каида» и ее покровителей-талибов.

Для оказания своего влияния на руководство Афганистана США активно использовали визиты в Кабул представителей различных уровней, которые проводили консультации по разъяснению своих целей и даль-

нейших планов. Так, за довольно короткий период в Афганистане с визитами побывали госсекретарь США К.Пауэлл, две парламентские делегации, председатель комитета начальников штатов генерал Р.Майерс, главком ОЦК генерал Т.Френке и другие представители Министерства обороны США. Особое внимание уделялось деятельности одного из советников президента США Залмая Халилзада, афганца по происхождению, который был назначен специальным представителем по делам Афганистана. В дальнейшем правительственные круги США планируют задействовать в работе на афганском направлении значительное число проамерикански настроенных представителей афганских диаспор за рубежом.

В настоящее время психологические операции ВС США в Афганистане продолжаются. Сейчас еще рано судить об их результатах. В многонациональном и многоплеменном Афганистане выбор новых союзников, переход на сторону более сильного, «смена взглядов» и т.д. являющаяся конъюнктурным явлением, обычаем. К тому же наиболее сплоченная и боеспособная часть «Талибана» и «Аль-Каиды» оказалась невосприимчивой к действиям американских сил ПсО и не сложила оружия.

Выполнение задач послевоенного переустройства афганского общества потребовало от американского командования значительно больших усилий, так как исламский фундаментализм имеет в Афганистане глубокие корни и, бесспорно, сохраняет серьезное влияние, а традиционные социальные институты афганского общества крайне консервативны и малодоступны для внешнего воздействия. Кроме того, между афганскими группировками – союзниками по антиталибской коалиции уже наметились серьезные противоречия, грозящие перерасти в вооруженное противостояние. Следует также учесть, что Усама бен Ладен пользуется сочувствием и поддержкой арабов и населения других мусульманских стран, выступающих против политики США на Ближнем Востоке, а принципы религиозного движения «Талибан» по сути совпадают с основами ваххабизма в Саудовской Аравии и других странах Персидского залива, которые имеют собственные политические и экономические интересы в Афганистане и Центральной Азии в целом.

В такой ситуации говорить о полном успехе психологических операций ВС США преждевременно. Можно констатировать, что ПсО способствовали выполнению задач ВС США на начальном этапе операции в отношении минимизации потерь и разложения боевых формирований «Талибана». Американские специалисты ПсО в целом гибко реагировали на изменения военной обстановки и оперативно устраняли выявленные в ходе контактов с местной аудиторией недостатки в содержании и направленности своих материалов. Однако несмотря на это, ряд разработанных американцами материалов ПсО недостаточно учитывал местные национально-психологические особенности, а также этническую и религиозную специфику страны. Опыт проведения ПсО ВС США в Афганистане показал, что ряд приемов и методов (в частности, активно практиковавшееся устрашение), оказались малоэффективными.

ПРИЛОЖЕНИЕ

М.К.Каримов

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

За последнее десятилетие торгово-экономические связи между Российской Федерацией и Турецкой Республикой получили серьезное развитие. Так, официальный товарооборот с 1,5 млрд. долл. США в начале 90-х годов вырос до 6,8 млрд. долл. по итогам 2003 г. Только за первое полугодие 2004 г. товарооборот вырос на 60%. (4,6 млрд. долл.), что позволяет прогнозировать выход его к концу года на уровень 8–9, а с учетом «челночной торговли» – 11–12 млрд. долл.

В общем объеме товарооборота России Турция занимает 14-е место, опережая таких крупных российских партнеров, как Япония, Индия, Южная Корея. На долю Турции приходится более 3% российского товарооборота, а с учетом т.н. «челночного» импорта РФ – около 5%. Россия занимает 2-е место в импорте и 8-е – в экспорте Турции. При этом торговый дефицит для Турции в последние годы продолжал расти: за 2002 г. он составил 2,7 млрд. долл., 2003 года – порядка 3 млрд. долл. По итогам первой половины 2004 г. этот показатель уже перевалил за 3 млрд., что, несомненно, не может не беспокоить турецкую сторону.

Существенно, что рост объемов двусторонней торговли связан не только с увеличением поставок российских энергоносителей в Турцию, но и с тем, что активно заработала система прямых связей предприятий, акционированных и частных компаний в рамках рыночных механизмов.

Вместе с тем следует отметить, что основу российского экспорта в Турцию по-прежнему составляют топливно-энергетические товары – свыше 70%; металлы и изделия из них, химические товары – около 20%. Поставки газа в первом полугодии 2004 г. составили 6,32 млрд. куб. м, в т.ч. по трансчерноморскому газопроводу «Голубой поток» – 1,15 млрд. куб. м (в сентябре 2004 г. ожидался выход на поставку первых 3 млрд. куб. м газа).

Хотя экспорт российских машин и оборудования и остается на уровне прежних 5–6 лет (порядка 25 млн. долл.), в 2004 г. появились возможности для наращивания поставок этой группы товаров, включая энергетическое оборудование для ГЭС «Торул» (по линии «Силовые машины» – бывший «Энергомашэкспорт», 12 млн. долл.), автомобили «Лада-Нива» (10–15 млн. долл.), а также поставку отдельных видов горно-шахтного оборудования и кабельной продукции.

Дальнейшие перспективы роста экспорта в Турцию, как представляется, будут определяться постепенным увеличением поставок природного газа (до 30 млрд. куб. м в год) и сопутствующим развитием экономического сотрудничества, включая участие российских организаций в сооружении в Турции тепловых электростанций, магистральных нефте- и газопроводов, газовых распределительных сетей, подземных хранилищ газа и других объектов с поставкой из России требуемых для этого оборудования, технологий и оказанием подрядных услуг.

Имеются также реальные возможности для наращивания поставок в Турцию легковых и специальных автомобилей, мотоциклов, металлообрабатывающих станков, авиатехники, газового, текстильного, бурового и судового оборудования, а также высоких технологий. Кроме того, российские компании проявляют все больший практический интерес к осуществлению прямых и портфельных инвестиций в Турцию (РАО ЕЭС, ОАО «Газпром», ОАО «Татнефть» и др.), в их числе приобретение электротросетей, сооружение энергетических и газовых объектов, приватизация нефтеперерабатывающих заводов.

В российском импорте из Турции преобладают текстиль и готовая одежда (29,5%), машины и транспортные средства (22,8%), продовольствие (14,7%), химические товары (14,7%). Основную часть «челночного импорта» (порядка 3 млрд. долл.) составляют готовая одежда, текстиль и кожаные изделия. Однако этот вид торговли начинает постепенно переориентироваться на официальные каналы, что должно повлечь за собой увеличение объемов импорта в Россию и определенное смягчение дисбаланса в торговле с Турцией. Как представляется, в импорте будут по-прежнему преобладать текстильные, продовольственные, химические товары, автомобили, их компоненты и запчасти. Вместе с тем при намечавшемся развитии в России импортозамещающих производств в отраслях пищевой и легкой промышленности существуют возможности поставок из Турции полуфабрикатов и оборудования для создания в России высокотехнологичных, безотходных и экологически чистых производств, прежде всего в сфере малого и среднего предпринимательства.

Среди негативных для торговли с Турцией тенденций следует отметить сохраняющуюся незначительную долю машинно-технического экспорта при резком росте поставок в Россию турецких машин и оборудования для кожевенной, текстильной и пищевой промышленности (с 175 до 311 млн. долл. в 2002–2003 гг.).

С учетом ограниченных возможностей российских организаций и фирм по существенному увеличению в будущем объемов поставок в Турцию машинно-технической продукции (тесная привязка турецкой экономики к западным техническим и другим стандартам и партнерам, высокая конкуренция со стороны машиностроительных компаний, созданных в Турции западным капиталом, отсутствие импортных тарифов для стран ЕС, длительные сроки и организационные трудности сертификации продукции и т.д.) основным направлением улучшения структуры

российского экспорта является, на наш взгляд, дальнейшее укрепление экономического сотрудничества, преимущественно в области электроэнергетики, нефтегазовой отрасли и транспортного строительства.

Ряд российских компаний проявляет интерес к осуществляемой в Турции широкомасштабной приватизации. Однако опыт заключения крупных сделок на сложном, высококонкурентном турецком рынке приобретает с трудом. Так, в феврале 2004 г. российско-турецким консорциумом Татнефть-Зорлу был выигран тендер на приватизацию 65,7% акций (1,3 млрд. долл.) крупнейшего в Турции нефтеперерабатывающего комплекса Тюпраш. В июне 2004 г., однако, по иску профсоюзов решение приватизационной комиссии турецкого правительства было приостановлено. Заключение высшей судебной инстанции, рассматривающей апелляцию, ожидается.

Активно работают в России турецкие (прежде всего, строительные) фирмы (их число достигло 150). Турецкий бизнес хорошо структурирован, его интересы отстаивают различные деловые ассоциации и объединения. В результате турками уже построено в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге, Татарстане, Башкирии, Свердловской, Владимирской, Ростовской областях, Краснодарском и Ставропольском краях, в Якутии, на Чукотке и других регионах России около 800 объектов (общая стоимость заключенных контрактов составляет порядка 12,3 млрд. долл., реализованных – на сумму около 7 млрд. долл.).

По нарастающей идут прямые турецкие инвестиции в российский экономику (накопленный объем на начало 2004 г. порядка 1,5 млрд. долл.). Причем осуществляются они не только в сферу торговли (яркий пример – сеть из 28 супермаркетов «Рамстор», объем инвестиций 250 млн. долл.).

Основными направлениями турецких инвестиций являются текстильная, пищевая, стекольная, электронная, электротехническая, химическая, деревообрабатывающая промышленность, производство строительных и отделочных материалов и сфера услуг: торговля, туризм, банковский сектор. Как правило, это были прямые инвестиции, и лишь весьма небольшую их часть – не более 100 млн. долл. составили портфельные инвестиции в виде ценных бумаг, приобретаемых на российском рынке пятью турецкими банками – «Япы Креди Москва», «Гаранта Банк Москва», «Финансбанк Москва», «Зираат Банк» и «Дениз-банк Москва».

В настоящее время наиболее крупными из реализуемых инвестиционных проектов являются: 12 супермаркетов сети «Рамстор» в различных городах России, завод по сборке телевизоров марки «Вестель» в Александрове (2-я очередь), обувная фабрика марки «Рокланд» в Серпухове (40% капитала принадлежит компании «Аймасан», 60% – российским партнерам), расширение пивоваренного завода в Бирюлево, Москва, завод моющих средств в Клину Московской области («Левент Кимья»), торгово-деловой центр на Павелецкой набережной в Москве («ЭНКА», расширение), завод бытовой электротехники в Капотне, Москва, («Конти»),

онкологический центр в Томске («Мертеп»). Кроме того, крупнейшей в Турции компанией по производству бытовых электротехнических изделий «Арчелик» официально объявлено о решении и прорабатываются технические и финансовые вопросы осуществления инвестиций в строительство двух заводов – холодильников и стиральных машин.

Российский рынок рассматривается все большим числом представителей турецкого бизнеса в качестве перспективного места вложения капиталов. Появляются также примеры взаимовыгодного сотрудничества российских и турецких компаний в третьих странах, например, в Ираке (поставка энергооборудования по линии «Технопромэкспорта»). С учетом прочных позиций турецкого бизнеса на Ближнем и Среднем Востоке имеются хорошие возможности для совместных действий в данном регионе.

Весьма активно развиваются в последние годы связи в области туризма. В 2003 г. Турцию посетили около 1,5 млн. российских граждан, а в первом полугодии 2004 г. уже около 900 тыс. (прирост 14%). Поток туристов идет между тем лишь в одну сторону. Как представляется, имеются хорошие возможности для налаживания взаимовыгодного двустороннего сотрудничества в развитии гостиничного и туристического комплекса в России.

С целью развития и координации двустороннего торгово-экономического сотрудничества с 1992 г. действует Смешанная межправительственная Российско-Турецкая комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству. Председатель Турецкой части – государственный министр К.Тюзмен (с января 2003 г.), председатель Российской части (с июля 2004 г.) – министр промышленности и энергетики РФ В.Б.Христенко. Последнее V заседание Комиссии было проведено в Анкаре в 2000 г. накануне официального визита в Турцию Председателя Правительства России. Очередное VI заседание было намечено провести в Москве до конца 2004 г. В рамках комиссии действуют семь совместных профильных рабочих групп (по энергетике, передовым технологиям, инвестициям и подрядным услугам, транспорту и транспортному строительству, стандартизации и метрологии, малому и среднему предпринимательству, а также Комиссия по сотрудничеству в области туризма).

Для установления и развития прямых деловых связей между регионами России и Турции в конце 80-х – начале 90-х годов созданы и успешно действуют Российско-турецкий деловой совет (с августа 2004 г. – под эгидой ТПП России) и Турецко-российский деловой совет (в рамках Комитета по внешнеэкономическим связям Турции, ДЕИК). Регулярно проводятся рабочие встречи руководителей и ежегодные совместные заседания советов.

В целом потенциал российско-турецкого торгово-экономического взаимодействия далеко не исчерпан. Официальный визит в Турцию Президента Российской Федерации В.В.Путина несомненно даст дополнительный политический импульс дальнейшему углублению и расширению двусторонних экономических связей.

РЫНКИ ВООРУЖЕНИЙ АРАБСКИХ СТРАН И ПОЗИЦИЯ РОССИИ

Регион Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) на протяжении уже нескольких десятилетий входит в число крупнейших рынков вооружений в мире. Это вполне закономерно, поскольку государства БВСА испытывают на себе воздействие целого ряда внешних угроз. Существующая напряженность объясняется стратегической значимостью государств БВСА на мировой арене. В арабских странах сосредоточено более 60% мировых запасов нефти и около 30% газа. Наличие огромных резервов углеводородного сырья обуславливает повышенный интерес многих государств к этой части земного шара, что в свою очередь порождает многочисленные противоречия, провоцирующие вооруженные конфликты. Высокий уровень нестабильности и взрывоопасность обстановки заставляют правящие режимы поддерживать ассигнования на безопасность и оборону на одном из самых высоких уровней в мире.

России, стремящейся восстановить свои позиции на международном рынке вооружений, важно определиться с маркетинговым курсом в отношении государств БВСА.

Угрозы региональной безопасности

Ближний Восток и Северная Африка в силу внешнеполитических обстоятельств формируют одну из наиболее «горячих» зон в мире. Практически у каждой из стран Арабского Востока есть свой набор внешнеполитических и пограничных проблем с ближайшими соседями, а некоторые из них имеют крайне напряженные отношения с США, которые после крушения СССР стремятся единолично устанавливать правила игры в этом регионе. Помимо внешних проблем, страны БВСА испытывают с недавнего времени и внутренние вызовы со стороны экстремистских группировок исламского толка. Все эти обстоятельства в совокупности формируют набор угроз, которые вынуждают правящие режимы арабских стран поддерживать высокий уровень расходов на вооружения.

Среди главных угроз региональной безопасности эксперты выделяют арабо-израильский конфликт, который за последние полвека стал причиной четырех масштабных войн. Этот конфликт имеет непосредственное отношение, как минимум, к четырем арабским странам,

граничащим с Израилем. Речь идет о Египте, Иордании, Сирии и Ливане. С первыми двумя Тель-Авив подписал мирные соглашения. Тем не менее до сих пор, несмотря на прилагаемые дипломатические усилия, между Египтом и Израилем сохраняется высокий уровень недоверия, а радикально настроенные силы нередко выступают с воинственными лозунгами. С Сирией и Ливаном ситуация еще сложнее. На границе с Израилем нередко случаются вооруженные стычки, израильская авиация время от времени совершает вылеты за пределы своей территории. Враждующие стороны обвиняют друг друга в проведении диверсионных операций. Как следствие, в этом регионе зафиксирован один из самых высоких уровней военных расходов: четыре арабские страны и Израиль ежегодно тратят на эти цели около 20 млрд. долл.¹ – эта цифра сопоставима с ежегодными расходами такого крупного члена НАТО, как Италия.

Серьезное влияние на оборонную политику государств БВСА оказали террористические атаки 11 сентября 2001 г. Правда, необходимо признать, что это влияние, вопреки ожиданиям экспертов, имело пока ограниченное воздействие на конъюнктуру рынка вооружений. Например, уровень военных расходов за период 2001–2003 гг. увеличился в среднем примерно на 10%. Но события трехгодичной давности в США однозначно усилили и без того опасную напряженность в регионе, накалили ситуацию в ближневосточном конфликте, обнажили межарабские противоречия. Наконец, одним из результатов политики США стала война в Ираке, которая надолго подорвала региональную стабильность.

Ситуация на иракском направлении усугубляется тем, что война явно затягивается. Обстановка в этой стране оказывает прямое влияние на внутреннее положение в Сирии и Иордании, Саудовской Аравии и в государствах Персидского залива – Бахрейне, Кувейте, Катаре, Омане и ОАЭ. Нестабильность в этом регионе, угрозы безопасности, связанные с положением в Ираке, территориальные споры с Ираном заставляют правящие режимы этих стран поддерживать крайне высокий уровень военных расходов: например, в ОАЭ он достигает 5,9% ВВП, а в Катаре – 11,7%. Однако если для капиталов избыточных стран такие расходы под силу, то в Сирии и Йемене они ложатся тяжелым бременем на экономику, которая ограничивает их способность фигурировать на рынках вооружений.

Говоря об угрозах региональной безопасности, нельзя обойти вниманием и политику США, которая после 11 сентября отличается повышенной активностью. Очевидно, Вашингтон в своих действиях стремится не допустить появления новых центров силы в регионе, способных бросить ему вызов, и пресекает попытки арабских стран восстановить свою военную мощь. Например, для Сирии и Судана одной из главных внешних угроз являются как раз США. Военно-политический прессинг со стороны Вашингтона вынуждает эти «небо-

гатые» страны² отчислять на боеготовность своих вооруженных сил до 6% ВВП ежегодно³.

Ниже приводится список стран, предъявляющих повышенный спрос на оружие, в сопоставлении с их значимостью как источников ресурсов и объектов угроз.

**Угрозы безопасности и потребность
в вооружении основных стран БВСА**

Страна	Стратегические ресурсы	Спрос на военную технику	Угрозы безопасности
Алжир	газ, нефть	авиация, ПВО, флот	Исламские группировки
Бахрейн	газ, нефть	авиация, флот	Иран
Египет	Суэцкий канал	авиация, ПВО, флот	Исламские группировки
Ирак	нефть, газ		исламские группировки, Иран, Турция
Йемен	нефть	авиация, бронетехника	Исламские группировки, пограничные проблемы
Кувейт	нефть	авиация, ПВО	Иран, Ирак
Ливия	нефть, газ	авиация, ПВО	пограничные проблемы
ОАЭ	нефть	авиация, ПВО, флот	Иран
Саудовская Аравия	нефть, газ	авиация, ПВО, бронетехника, флот	Ирак, Иран, США, исламские группировки
Сирия	-	авиация, ПВО	Израиль, США
Судан	нефть, газ	авиация, бронетехника	повстанцы, США, Эритрея, Уганда

Агрессивная политика США в регионе усугубила и без того непростое внутреннее положение в арабском мире. Речь идет о территориальных спорах между государствами Персидского залива, арабо-иранских противоречиях, ситуации в Судане и в Ливане, приграничных проблемах между Тунисом и Ливией, кризисе в отношениях между Алжиром и Марокко из-за контроля над Западной Сахарой. Все эти проблемы обостряют региональную напряженность.

Примечательно, что после вторжения войск коалиции в Ирак и на фоне растущей агрессивности США возросла угроза с их стороны другим государствам на Ближнем Востоке. Такое положение дел,

несомненно, ведет к дальнейшей милитаризации жизни в арабских странах, а в долгосрочной перспективе – к сохранению напряженности в регионе.

Война в Ираке ускорила рост реакционных и радикальных настроений в арабских странах, которые существовали раньше преимущественно за счет арабо-еврейского антагонизма. С недавнего времени помимо противостояния внешним угрозам лидеры арабских стран сталкиваются с вызовами со стороны экстремистских движений исламского толка. Вышедшие из подполья исламисты публично выступают против правящих режимов Египта, Иордании, Саудовской Аравии, Палестины, государств Персидского залива. Обвиняя правящие верхушки в коррупции, подавлении свобод, предательстве общеарабских ценностей в угоду интересам Запада, лидеры экстремистов выступают с призывами к захвату власти, в том числе с помощью силовых методов. Такое положение характерно почти для всех арабских стран, и связанные с этим угрозы ведут к увеличению расходов на поддержание внутренней безопасности.

Модели рынков вооружений в регионе БВСА

Эксперты-ближневосточники ранжируют рынки вооружений в зависимости от разновидности угроз. Методика моделирования поведения продавца и покупателя была предложена Центром анализа стратегий и технологий еще в начале 90-х годов.

Известно, что под военно-техническим сотрудничеством подразумевается не просто процесс купли-продажи и дальнейшего технического обслуживания такого специфического товара, как оружие, а, как правило, целый комплекс договоренностей политического характера. Под такими договоренностями понимают совпадение внешнеполитических интересов договаривающихся сторон – продавца и покупателя оружия. Готовность продавца оказать необходимую поддержку своему клиенту в случае возникновения кризисных ситуаций является важным условием при определении поставщика.

В зависимости от степени политической близости и взаимопонимания сторон при заключении сделок на поставку оружия эксперты выделяют различные модели поведения покупателя: «зависимый», «политический» и «блокадный»⁴. Первая модель, «зависимая», подразумевает такие отношения между продавцом и покупателем, при которых военная техника выступает как своеобразный промежуточный товар, призванный замаскировать истинный предмет торговли. Под видом ВТ де-факто закупаются гарантии безопасности страны-производителя оружия. Данная модель наиболее характерна, как правило, для стран, которые в силу демографических и культурных особенностей не в состоянии самостоятельно обеспечить свою безопасность, однако обладают избыточными финансовыми или же политическими ресурсами для этих целей. К таковым относят монархии

Персидского залива – Бахрейн, Катар, Кувейт, Оман, безопасность которых как важных поставщиков нефти гарантирована американским военным прикрытием. США, в свою очередь, в настоящее время – единственное государство в регионе, способное давать такие гарантии своим клиентам.

«Зависимой» модели соответствует политика Египта и Иордании, которые связаны договорными обязательствами политически-компенсационного характера с США. Вашингтон в обмен на политические уступки этих государств, обладающих весомым авторитетом в арабском мире, фактически «финансирует» мир между ними и Израилем.

Так, с 1979 г. Вашингтон выделяет Каиру экономическую и военную помощь в размере около 2 млрд. долл. ежегодно. Лишь на военные нужды за последние пять лет Египет получил от американцев 7,5 млрд. долл., или 1,3 млрд. долл. в год⁵. То же самое относится и к Иордании, которая, правда, «обходится» американцам гораздо дешевле – 225 млн. долл. в год⁶. За период 1992–2001 гг. Амман также получил субсидии от администрации США в размере 521 млн. долл.⁷, являясь третьим по размеру получателем американской военной помощи в мире. Разумеется, доступ на рынки вооружений этих стран хотя и возможен, но в силу их стратегической значимости для США ограничен.

Что касается Саудовской Аравии, которую раньше эксперты также относили к «зависимой» модели, то после 11 сентября 2001 г. ее отношения с США были серьезно осложнены, а в настоящее время они проходят своеобразное испытание на прочность. Саудовская Аравия – важный союзник американцев на протяжении нескольких десятилетий – занята переосмыслением своего внешнеполитического курса, в том числе и целесообразности односторонней ориентации в области безопасности исключительно на США. Как следствие, объем договоров на поставку в королевство американского оружия сократился с 4,6 млрд. долл. в 1996–1999 гг. до 2,7 млрд. долл. в период 2000–2003 гг. В ответ американцы посылают предупредительные сигналы в адрес проявляющего «излишнюю» самостоятельность Эр-Рияда. С этой точки зрения симптоматичным выглядит факт перемещения в 2003 г. американских военных баз из Саудовской Аравии в Катар и на Бахрейн.

Помимо «зависимой», эксперты выделяют также «политическую» и «блокадную» модели поведения. «Политической» модели соответствуют Алжир, Тунис, а также, с некоторыми оговорками, – Йемен и ОАЭ. В этом подтипе покупатель, приобретая ВВТ, демонстрирует свои политические и цивилизационные предпочтения. Эти предпочтения могут быть прозападными, антиисламскими, антиамериканскими или подчеркнута плюралистическими. В большинстве случаев модель предполагает ориентацию на нескольких экспортеров. В последние годы подчеркнута «политической» модели поведения на

рынке вооружений придерживается Алжир, который поддерживает тесные отношения по линии ВТС со странами Западной Европы и Россией.

Объединенные Арабские Эмираты также пытаются проводить равноудаленную политику в области ВТС, однако во внешнеполитическом курсе этого государства инерционно чувствуется американский крен. Это объясняется скорее всего тем, что у ОАЭ есть территориальные разногласия с Ираном. В случае возникновения военной угрозы Эмираты небезосновательно рассчитывают на вмешательство США.

В отношении Йемена известно, что, будучи одной из беднейших стран в арабском мире, формирует свой военный бюджет за счет финансовой помощи своих ближайших соседей и США. После сентября 2001 г. США оказали этой стране финансовое содействие в размере 100 млн. долл. Кроме того, по линии международного донорского сообщества Йемен получил еще около 2,5 млрд. долл. на хозяйственные нужды. При этом Сана не замыкается в своей политике ВТС на западных производителей. Скорее наоборот, имея на вооружении советскую военную технику, испытывая серьезные экономические трудности, Йемен активно развивает отношения с Россией с ведома иностранных спонсоров.

К «блокадной» модели поведения на рынке вооружений причисляют Сирию и Судан (в недалеком прошлом, до снятия санкций, к ним относились еще Ливия и Ирак). Сегодня силовые структуры Сирии и Судана испытывают острую потребность в обновлении и модернизации парка военной техники. Однако данный процесс, с формальной точки зрения, несколько затруднен, так как у этих государств «натянуты» отношения с США. Помимо этого, финансовые ресурсы этих государств серьезно ограничены. Сирия на пределе своих возможностей поддерживает крайне высокий уровень военных расходов, тратя на эти цели до 7% своего ВВП. Судан как одна из беднейших стран в мире направляет на оборону около 3% ВВП ежегодно.

Что касается Ливии и Ирака, то этим странам, недавно освободившимся от международного эмбарго на поставки оружия, еще предстоит определить линию своего поведения на рынке вооружений. Учитывая экономический потенциал этих стран, очевидно, что их предпочтения будут иметь серьезное влияние на расклад сил в регионе БВСА. Первые заявления иракских руководителей свидетельствуют о том, что Багдад, возможно, будет стараться проводить равноудаленную политику в области ВТС. Тем не менее пока в этой стране находятся американские войска, интересы США будут учитываться в первую очередь. Что касается Ливии, то Триполи крайне важно политически реабилитироваться перед западными странами, а сделки на поставку вооружений – удобная разменная карта на таких переговорах.

Объем рынка и основные игроки⁸

Рынок вооружений БВСА считается одним из крупнейших в мире. На него приходится до 40% всех поставок спецтехники развивающимся странам: за период 1996–2003 гг. арабские государства приобрели вооружений на сумму 53,1 млрд. долл. Всего же в мире было реализовано оружия на 260,5 млрд. долл. Иными словами, речь идет о 20%-й доле мирового рынка вооружений. Привлекательность арабских стран в качестве покупателей дополняется тем, что многие из них обладают избыточными финансовыми ресурсами и расплачиваются с продавцами оружия регулярно, не нуждаются в каких-либо гарантиях, не выдвигают особых условий по расчетам за поставки.

Вопреки ожиданиям экспертов, эскалация напряженности в регионе в последние годы незначительно сказалась на абсолютных объемах рынка. Несмотря на дестабилизацию положения, арабские страны не пошли на увеличение закупок оружия, а некоторые, напротив, сократили соответствующие расходы. Если за период 1996–1999 гг. ими было приобретено военной техники на сумму 27,8 млрд. долл., то за 2000–2003 гг. – на 25,3 млрд. долл. Снижение объемов объясняется преимущественно политическими факторами. Правящие режимы арабских стран вплоть до начала войны в Ираке занимали выжидательную позицию, внимательно наблюдая за политикой Вашингтона в регионе и откладывая заключение новых сделок до «лучших» времен. В настоящее время, по последним данным, многие ведущие государства БВСА, в том числе Саудовская Аравия и ОАЭ (на эти две страны приходится больше половины объема приобретаемого оружия среди арабских стран), возобновили переговоры по закупке вооружений.

Крупнейшими игроками на рынке покупателей вооружений в регионе БВСА за период с 2000 г. по 2003 г. были ОАЭ, которые приобрели оружия на сумму 8,1 млрд. долл., Египет – на сумму 6,8 млрд. долл., а также Саудовская Аравия – на сумму 3,4 млрд. долл. На эту тройку государств в совокупности приходится 72% всего рынка. Оставшиеся места по степени убывания занимают следующие государства: Кувейт (2,2 млрд. долл.), Оман (1,2 млрд. долл.), Иордания (1 млрд. долл.), Йемен (600 млн. долл.), Алжир и Ливия (по 500 млн. долл.), Бахрейн (400 млн. долл.), Сирия (300 млн. долл.) и Марокко (100 млн. долл.). Объем ВТС других арабских государств не превышает 100 млн. долл. в год.

Ведущие позиции на рынке занимают США, которые за период 1996–2003 гг., неуклонно наращивая свое присутствие с 47% до 75%, реализовали ВТ на сумму 34,9 млрд. долл. Это – более трети всех поставок американского ВПК за рубеж, составивших в целом за названный период 105,4 млрд. долл. Обращает на себя внимание также тот факт, что после 2001 г., когда в мире вследствие террористических атак 11 сентября произошли изменения глобального характера, США, несмотря на рост антиамериканских настроений на

«арабской улице», были единственной страной, которая увеличила свою долю на рынках оружия на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Главные и постоянные клиенты ВПК США в регионе – монархии Персидского залива, Египет, Иордания. В течение 2000–2003 гг. крупнейшим покупателем американского оружия были ОАЭ, потратившие на эти цели 7,1 млрд. долл. Второе место в этом ряду занимал Египет с 6,2 млрд. долл., а третье Саудовская Аравия – с 2,7 млрд. долл. В отношении Египта необходимо сделать существенную оговорку. Значительная доля поставок американских вооружений в эту страну проходит в рамках военной помощи США.

Россия значительно уступает американцам на рынке вооружений БВСА. Тем не менее, ее доля за последние 9 лет также увеличилась с 6,1 до 8,1%. За период 2000–2003 гг. продажи российской военной техники составили ориентировочно около 2 млрд. долл.

Столько же было реализовано за 1996–1999 гг. Главными российскими клиентами на Ближнем Востоке и в Северной Африке в 2000–2003 гг. были Алжир (400 млн. долл.), Йемен (400 млн. долл.), ОАЭ (400 млн. долл.), Египет (300 млн. долл.) и Сирия (200 млн. долл.).

Европейские производители (Франция, Великобритания, ФРГ и Италия) занимают третью позицию на рынке вооружений БВСА. За последние три года их доля на рынке составила около 4,5%, хотя в 1996–1999 гг. этот показатель равнялся 25,5%. В этой группе продавцов обращает на себя внимание парадоксальный факт – существенное сокращение портфеля заказов Франции, несмотря на явный «проарабский» внешнеполитический курс Парижа. Так, если в 1996–1999 гг. 73,1% договоров на поставку французского оружия были подписаны с арабскими заказчиками, то после 2000 г. этот показатель сократился до 16,7%. Основными заказчиками европейских производителей вооружений в 2000–2003 гг. были Саудовская Аравия (500 млн. долл.), Оман (300 млн. долл.) и ОАЭ (300 млн. долл.).

Заметное место в последние годы на рынках вооружений БВСА занимает Китай. Хотя доля этой страны в объеме продаж невелика, Пекин тем не менее быстро осваивается в этом регионе. Основными заказчиками продукции китайского ВПК были Египет (200 млн. долл.), Кувейт (200 млн. долл.) и Йемен (100 млн. долл.).

Среди других игроков на рынках вооружений БВСА выделяются восточноевропейские страны, которые помимо продажи имеющегося у них оружия советского производства активно предлагают услуги по его модернизации. И хотя доля их рынка в настоящее время относительно невелика, в перспективе они могут существенно расширить свое присутствие. За период 2000–2003 гг. Белоруссия, Украина, Польша, Чехия, Словакия заключили с арабскими странами оружейных контрактов на сумму около 2 млрд. долл., большая часть которых так или иначе связана с поставками или модернизацией ВТ. Главные партнеры ВПК

восточноевропейских стран – Алжир, Марокко, Ливия, Египет, Йемен, Судан и Сирия. Обращает на себя внимание тот факт, что покупатели восточноевропейских оружейников – это традиционные партнеры СССР, то есть потенциальные клиенты российского ВПК.

Позиции России на рынках вооружений БВСА

Арабские страны занимали важное место в системе военнотехнического сотрудничества СССР. История взаимодействия нашей страны с государствами Арабского Востока имеет почти полувековую историю. Осенью 1955 г. советские корабли доставили в средиземноморский порт Александрию первые партии оружия, закупленные Египтом в СССР. В военнотехническом сотрудничестве СССР с арабскими странами была своя особенность – оно было связано с динамикой системного противостояния США. По этой причине круг наших партнеров менялся. В различные периоды 50–80-х годов XX в. важными клиентами военно-промышленного комплекса СССР были Египет, Сирия, Ирак, Ливия, Алжир, Южный и Северный Йемен. Советское оружие поставлялось в другие государства региона: Марокко (в начале 60-х годов), Судан (до начала 70-х годов), Иорданию и Кувейт. В целом на долю арабских стран приходилось до 35–40% поставок советской спецтехники за рубеж, что в стоимостном выражении составляло 7–10 млрд. долл. в год.

Развал Советского Союза, кризисная ситуация в российской экономике, внутривойсковые коллизии в нашей стране привели к «откату» в объемах ВТС с арабскими странами. Во многом это было связано и с переосмыслением самой системы отношений внутри российского ВПК, в рамках которых не было больше места идеологическим и партийным установкам. Ведь не секрет, что союзники СССР получали оружие во многом лишь за демонстрацию политической лояльности Москве.

По словам бывшего генерального директора государственной компании по экспорту и импорту вооружений и военной техники «Росвооружение» А.Котелкина, за период 80–90-х годов СССР поставил за рубеж вооружения и военной техники на сумму 77,3 млрд. долл., что составило 40,5% мирового оружейного рынка⁹. Из этой суммы примерно 33 млрд. долл. пришлось на поставки в арабские страны, в том числе в Ирак, Сирию, Йемен, Судан и Ливию¹⁰. Вместе с тем всего реально «живых» денег поступало в казну ежегодно лишь около 3 млрд. долл. в год. Последнее обстоятельство связано с тем, что поставки ВТ безвозмездно шли в счет долгосрочных кредитов нашим партнерам. Точная статистика на счет реальной платы за полученное оружие из стран БВСА отсутствует, однако о примерных объемах ВТС говорит задолженность арабских стран, образовавшаяся в течение 80-х годов – около 27 млрд. долл. Данная проблема, унаследованная

из прошлого, во многом осложняет в настоящее время восстановление позиций России в ближневосточном регионе.

С утверждением в России рыночных отношений Москва оказалась более не в состоянии бесплатно раздавать оружие своим союзникам в обмен на политическую лояльность и расширение своего геостратегического влияния. В результате произошедших в России изменений объемы ВТС с арабскими странами резко сократились. Количество договоров на поставку военной техники уменьшилось более чем вдвое – за период 1990–1998 гг. между Россией и арабскими странами были заключены лишь 23 сделки¹¹.

Падение объемов ВТС имеет свои причины. Во-первых, делами по линии ВТС начала заниматься специально созданная государством компания «Росвооружение», которой пришлось вникать в детали международного оружейного бизнеса и нести сопутствующие этому процессу издержки. Во-вторых, арабское направление не значилось в качестве приоритетного в планах этой компании, поскольку, как уже упоминалось выше, многие наши бывшие клиенты не отличались высокой платежеспособностью, а взаимодействие с рядом из них затруднялось проблемами задолженности и ведения расчетов. Наконец, в-третьих, у самих арабов, которые придерживаются консервативных и традиционных взглядов, отсутствовало ясное понимание новых процессов, происходящих в России. На этом фоне ситуация в Чечне отрицательно сказывалась на имидже нашей страны во всем мусульманском мире.

Откат в военно-техническом сотрудничестве произошел и в силу важных геополитических изменений на арене БВСА. Так, наши наиболее кредитоспособные клиенты – Ирак и Ливия – оказались под международным режимом санкций. Другие страны – Сирия, Судан и Йемен – начали испытывать серьезные экономические трудности, которые ограничивали их возможности пополнить и обновить парк армейской техники. Еще один наш важный партнер – Алжир – столкнулся с серьезной проблемой исламского экстремизма на внутреннем фронте.

Существующий спектр ВТС России с арабскими странами и потенциальный спрос на отечественную военную технику широк: это поставки на экспорт современных образцов авиационной техники и вооружения, комплексов ПВО, артиллерийских систем, бронетанковой техники, военно-морского вооружения, боеприпасов и стрелкового оружия, оказание содействия в налаживании ремонта и модернизации российских образцов вооружения и военной техники для сухопутных войск, ВВС и ВМС на территории иностранных государств, а также ряд других направлений.

Важное место в военных связях со странами Арабского Востока занимает подготовка военных кадров различного профиля и уровня в российских военно-учебных заведениях. В настоящее время российские военные специалисты постоянно работают в Алжире, Сирии,

Йемене, ОАЭ и Кувейте, а по мере необходимости выезжают и в некоторые другие арабские страны.

Периодически происходит обмен военными делегациями. Министры обороны и начальники генеральных штабов целого ряда арабских государств являются частыми гостями российской столицы. При этом в ходе их визитов одно из важнейших мест отводится переговорам по вопросам развития военно-технического сотрудничества с РФ. Положение дел в сфере ВТС также занимает видное место в ходе визитов в Россию высших государственных деятелей арабских государств и их переговоров с президентом РФ В.В.Путиным.

В 90-е годы России впервые удалось проникнуть на оружейные рынки Персидского залива, заключив сделки на поставки ВТ в Кувейт и ОАЭ. «Росвооружение» направило в Кувейт и ОАЭ в середине 90-х годов бронетехнику и противотанковые ракетные комплексы на сумму около 1,5 млрд. долл.¹² Эксперты оценили факт этих сделок как своего рода вознаграждение государств Персидского залива за позицию Москвы в поддержку операции США против Ирака в 1991 г. О чисто политическом характере заключенных соглашений однозначно свидетельствует тот факт, что сразу же после начала первой чеченской войны в 1994 г. эти страны свернули с Россией переговоры о заключении новых сделок в рамках ВТС.

В 1991–1996 гг. наши оружейники занимались установлением контактов в арабском мире и искали пути построения такой системы отношений, которая устраивала бы в финансовом смысле отечественных производителей, лишившихся государственной поддержки. Освоение рынков проходило через обмен визитами делегаций силовых ведомств, участие в международных оружейных выставках. Объем сделок на поставку вооружений арабским странам за этот срок, по различным оценкам, составил не более 2 млрд. долл.¹³ Из этого объема контракты с ОАЭ и Кувейтом в 1992–1994 гг. – наиболее примечательное событие в экспорте российских вооружений в арабские страны. С другими странами БВСА соглашения по линии ВТС имели эпизодический характер, и они мало влияли на общую картину продаж наших вооружений за рубежом.

На рубеже 1990–2000 гг. военно-техническое сотрудничество с арабскими странами начало приобретать системные очертания и наполняться правовым содержанием. В ноябре 2001 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между министерством обороны РФ и министерством национальной обороны (МНО) Алжира. В настоящее время идет подготовка долгосрочной программы российско-алжирского военного сотрудничества на период 2005–2010 годов. Аналогичная работа ведется сейчас с сирийскими и суданскими партнерами. В 1998 г. Москва подписала с Саной межправительственное соглашение по военно-техническому сотрудничеству, а в марте 2000 г. в ходе визита в Россию министра обороны Йемена был подписан ра-

бочий протокол, зафиксировавший намерения йеменцев в отношении будущих закупок вооружений.

В последние годы объемы экспорта оружия фиксировались примерно на уровне 500–700 млн. долл. в год. В настоящее время у России имеется портфель заказов для своих партнеров – Алжира, Йемена, ОАЭ, Судана и Сирии. С Алжиром и Йеменом прорабатываются вопросы новых сделок на поставку современных вооружений. На эти государства приходится до 90% российского экспорта вооружений. Из этого числа стран особого внимания заслуживают Алжир и ОАЭ. С первым были заключены несколько масштабных сделок, в том числе на поставку такого уникального оружия, как бомбардировщиков Су-24МК – событие неординарное для всего рынка вооружений БВСА. Спектр ВТС с этой страной включает значительный объем работ по модернизации военной техники советского производства. В минувшие годы в Алжире была проведена работа по созданию ремонтной базы и центров технического обслуживания поставляемой из России военной техники. За минувшие 10 лет объем ВТС с Алжиром достиг 700–750 млн. долл., причем половина этой суммы пришлось на 2000–2003 гг. Эксперты оценивают потенциал алжирского рынка для России на ближайшие годы в 2–3 млрд. долл. – около половины этой суммы может быть направлено на услуги по модернизации уже стоящей на вооружении техники. Алжир проявляет интерес к приобретению около 30 истребителей Су-30МК, учебно-тренировочных Миг-АТ, транспортных вертолетов.

Новым и интересным партнером России в арабском мире стали ОАЭ. Налаживание отношений с этим государством было непростым и удалось лишь с третьей попытки. В 2000 г. они подписали с Россией контракт стоимостью 734 млн. долл. на разработку и поставку 50 новейших зенитных ракетно-пушечных комплексов «Панцирь-С1». Эта сделка крайне важна для закрепления присутствия России на рынке Персидского залива в качестве производителя не только обычных вооружений, но и продвинутых технологических систем нового поколения.

Крупными покупателями российского оружия на Арабском Востоке являются Судан и Йемен. За последние годы с Саной осуществлены сделки объемом около 600 млн. долл., среди которых выделяются поставки 14 Миг-29 СМТ и 180 БМП-2. В настоящее время стороны прорабатывают вопросы заключения новых договоров. Потенциальный объем портфеля заказов с этой страной оценивается в 0,5–1 млрд. долл. Йеменская сторона заинтересована в боевых вертолетах Ми-35, зенитных комплексах С-300 ПМУ-1, установках залпового огня «Смерч», противотанковых комплексах «Корнет». Кроме того, йеменская армия вооружена на 90% оружием советского производства, которое нуждается в модернизации.

Судан за период 2000–2004 гг. приобрел российского оружия на сумму около 400 млн. долл. Наибольшее внимание наблюдателей при-

влекла сделка на поставку в эту страну 12 истребителей МиГ-29. Ее объем оценивается в 220–250 млн. долл. Ранее в 2000 г. Хартум получил 17 штурмовых вертолетов Ми-24П, заплатив за них около 100 млн. долл.

**Наиболее крупные зарегистрированные поставки
российского оружия странам Ближнего Востока
и Северной Африки в 1992–2003 гг.**

Покупатель	Наименование ВТ	Год сделки	Оценка объема сделки, в амер. долл.
Алжир	Вертолеты Ми-87 – 47 ед.	1994	около 30–40 млн. долл.
	Вертолеты Ми-17 – 42 ед., Ка-32А	2002	около 200 млн. долл.
	Истребители МиГ-29УБ – 8 ед.	1998	около 220 млн. долл.
	Штурмовик Су-24МК – 3 ед.	1999	около 15–20 млн. долл.
	Штурмовик Су-24МК – 22 ед.	2000	около 120 млн. долл.
	БМП-2 – 150 ед. (около 200 тыс. за ед.)	1994	около 30 млн. долл.
	РСЗО «Смерч» БМ-9А52 – 18 ед.	1998	н.д.
	ПТР АТ-4 2040 ед.	1994	н.д.
	Радиоэлектронное оборудование и радарные системы – 12 ед.	1997	н.д.
	ПКТ ТЭСТ-71 – 24 ед.	1997	н.д.
	ПКР Уран СС-Н-25 – 96 ед.	1998	н.д.
	Модернизация Ил-78М – 6 ед.	1998	н.д.
	Ракеты АА-10а «воздух-воздух» – 324 ед.	1998	н.д.
Джибути	Ми-8 – 5 ед.	1992	около 15 млн. долл.
Египет	Вертолеты Ми-17 – 27 ед.	1997	около 100 млн. долл.
	Радар Р-18 – 1 ед.	1992	н.д.
	Модернизация ЗРК ПВО «Печора» С-125	2000	около 150 млн. долл.
Йемен	Танки Т-72В – 39 ед.	1999	около 30–50 млн. долл.
	Истребители МиГ-29С – 15 ед.	2001	около 450 млн. долл.
	БМП-2 – 180 ед.	2004	около 100 млн.

			долл.
	ЗРК «Стрела-2» СА-7 – 100 ед.	1994	нет данных – н.д.
Покупатель	Наименование ВТ	Год сделки	Оценка объема сделки, в амер. долл.
Кувейт	БМП-3 – 126 ед.	1994	
	БМП-2 – 46 ед.	1994	
	БМ-23 – 27 ед.	1994	
	РСЗО «Смерч» – 27 ед.	1994	н.д.
	ПТУРС АТ-106 Ат-4 – 1676 ед.	1995	н.д.
ОАЭ	БМП-3, БРЭМ – 650 ед.	1992–1994	н.д.
	ПТР Ат-10 – 2400 ед.	1994	н.д.
	ЗРК «Панцирь С-1» – 50 ед.	2000	около 750 млн. долл.
Сирия	Истребители Миг-29С – 14 ед. ¹⁴	1999	около 350 млн. долл.
	Противотанковые ракеты «Корнет» АТ-14 – 1000 ед.	1998	около 130 млн. долл.
Судан	БТР-80А – 30 ед.	2000	10 млн. долл.
	Вертолеты Ми-24П – 17 ед.	2000	Около 100 млн. долл.
	Истребители Миг-29С – 12 ед.	2002	220–250 млн. долл.

Источник: подсчитано на основе данных СИПРИ (Стокгольмский институт мира, вебсайт www.sipri.se), данных российских СМИ.

В число ближневосточных партнеров входят Кувейт и Египет. Например, с последним сейчас заключен и выполняется довольно крупный заказ на модернизацию поставленных в советские времена систем ПВО С-125 «Печора». Ожидаются и другие подобные контракты на модернизацию советских вооружений. Последняя поставка военной техники в Египет зафиксирована в середине 90-х годов, когда этой страной были закуплены 27 вертолетов Ми-17. Но нужно понимать, что обе эти страны слишком плотно опекаются США. Американцы вместе со своим оружием предоставляют Кувейту гарантию безопасности, а Египту оружие поставляется в рамках масштабной военной помощи.

Обращает внимание, что возвращение России на рынок вооружений БВСА сопровождается восстановлением сотрудничества в первую очередь с теми государствами, которые в свое время поддерживали тесные связи с СССР. Данный факт немаловажен при оценке потенциала дальнейшего укрепления присутствия России в

регионе, учитывая объем военной техники, поставленной Советским Союзом арабским странам в прошлом столетии.

Из вышеприведенных данных следует, что наиболее востребованными видами продукции российского ВПК на рынках БВСА являются авиация, бронетехника, артиллерийские системы, а также запасные части и снаряжение к ним. Важнейшей статьей доходов нашего ВПК на арабском рынке стали поступления от продажи авиа- и вертолетной техники – самолетов марок «Су», «Миг» и вертолетов «Миль», продававшихся Алжиру, Сирии, Судану, Египту, Йемену, Джибути и ПНА. Доходы от их продаж превысили 1 млрд. долл. Наибольшая доля приходилась на самолеты Миг-29 различных модификаций, которых было продано на 0,7–1 млрд. долл. в Йемен, Судан и Сирию. Вертолетов марки «Миль» за период 1992–2003 гг. было поставлено 138 единиц примерно на сумму 450–470 млн. долл. Востребованы в регионе различные виды бронетехники, которой было продано около 1200 единиц на сумму в 400–450 млн. долл. Главными покупателями этого вида вооружений были монархии Персидского залива Кувейт и ОАЭ, которые закупили около 600 бронемашин в первую половину 90-х годов. В качестве сопутствующего снаряжения различных противотанковых ракетных систем было продано в количестве свыше 7040 боекомплектов на сумму до 700–900 млн. долл.

В целом объемы ВТС с арабскими странами за 1992–2003 гг. составили около 4,5–5 млрд. долл. Сотрудничество в этот период со странами региона было в целом поступательным, однако не вписывалось в рамки определенной стратегии. Двусторонние связи заметно активизировались с 2000 г. по инициативе арабских стран, и именно когда внешняя политика России приобрела некий предсказуемый и последовательный характер. Небезосновательным представляется мнение, что такой курс сулит дополнительные выигрыши на рынках вооружений отечественному ВПК уже в ближайшие годы. Однако многое зависит также и от готовности наших оружейников выстроить ясную стратегию в отношении арабских стран, учитывая как накопленный опыт, так и перспективы расширения военно-технического сотрудничества.

Перспективы военно-технического сотрудничества с арабскими странами

Военно-техническое сотрудничество с арабскими государствами является полезным и выгодным для России. Страны Ближнего Востока и Северной Африки формируют емкий и перспективный рынок сбыта военной продукции. Поставки российского оружия и военной техники дают возможность загружать производственные мощности отечественного ВПК. ВТС с государствами Арабского Востока способствует укреплению политических и экономических позиций нашей страны в регионе. Последнее обстоятельство важно в условиях сов-

местного противодействия международному терроризму, пресечения связей между экстремистскими организациями, действующими в арабском мире и в России. Поставки вооружений позволяют поддерживать баланс сил в этом беспокойном районе мира и способствовать более успешному разрешению политическими способами конфликтов между странами Ближнего Востока.

Достигнутые в последние годы объемы экспорта оружия на уровне примерно 500–700 млн. долл. в год – серьезный задел на рынке БВСА. Очевидно, что Россия постепенно восстанавливает свои позиции на арабском оружейном рынке. Тенденция ВТС последних лет говорит о том, что у отечественного ВПК имеются хорошие возможности расширить портфель заказов в первую очередь за счет наших традиционных партнеров – Алжира, Йемена, Судана, Сирии. Эти страны предпочитают закупать наше оружие в силу различных факторов, из которых наиболее важные, наверное, – его техническая доступность и относительная дешевизна. Для арабских стран Россия – удобный партнер, который может поставлять современные виды вооружений, не навязывая свои условия двустороннего взаимодействия технического или же политического характера. В свою очередь, большинство арабских стран в отличие, скажем, от Индии или Китая не предъявляет предварительных завышенных требований, связанных с передачей им «чувствительных» технологий или же участия в распределении прибыли от заключаемых сделок.

Помимо освоенных видов военной техники перед предприятиями ВПК России имеется возможность расширить свое присутствие за счет других сегментов рынка. Представляется, что перспективным направлением в развитии ВТС является поставка военно-морских вооружений. Почти все арабские страны имеют протяженные морские границы, и потребность в их обороне высока. Объемы рынка военно-морских вооружений, по разным оценкам, составляют 2–3 млрд. долл. в год.

Отдельное внимание нашим предприятиям следует уделить проектам модернизации имеющейся на вооружении наших бывших союзников военной техники. Пока же Россию на этом направлении опережают конкуренты из восточноевропейских стран.

Как уже упоминалось выше, одним из препятствий на пути активизации ВТС является проблема задолженности арабских стран перед Россией. Представляется, что свежее решение этой проблемы могло бы существенно укрепить наши позиции в регионе. Речь идет о возможности погашения долгов арабских стран России в обмен на предоставление российским предприятиям ВПК контрактов на модернизацию имеющейся техники. Потребность в этом в армиях Египта, Сирии, Ливана, Алжира и Йемена, учитывая количество проданной спецтехники в годы активного советско-арабского ВТС, остается очень высокой. Своевременно и правильно предложенные компенсационные контрак-

ты на модернизацию могут оказаться заманчивым предложением для руководства этих стран, которые стремятся одновременно сохранить высокую боеспособность своих армий при малых затратах. Например, согласно данным Центра стратегических исследований США, количество танков типа Т-62 и Т-72 на вооружении только Египта, Сирии и Ливана составляет почти 4 тыс. единиц, боевых машин пехоты типа БМП-1,2,3 – 2,4 тыс. единиц, самолетов Су-20, Миг-23, Миг-21 – свыше 500 единиц, вертолетов Ми-25 – около 50. Только рынок модернизации Миг-21 в арабских странах оценивается в 2 млрд. долл.¹⁵

Помимо отдельных сегментов рынка вооружений России предстоит расширить географию ВТС с арабскими странами. Представляется, что на этом направлении особенно привлекательными являются рынки Саудовской Аравии и ОАЭ. Не исключено, что руководство королевства решится на диверсификацию поставок военной техники, в том числе за счет расширения связей по линии ВТС с Россией. В перспективе Россия может претендовать на 1–1,5 млрд. долл. рынка вооружений Саудовской Аравии.

Что касается ОАЭ, то с этим государством необходимо углублять и развивать уже накопленный опыт взаимодействия. Подход к сотрудничеству ОАЭ требует хорошо продуманного, особого подхода, и тогда возрастут шансы на получение таких же особых заказов на поставку военной техники. Удачным примером в этом смысле является соглашение на продажу и размещение зенитно-ракетных комплексов «Панцирь», которые были произведены с учетом пожеланий покупателя.

Потенциально крупными игроками на региональном рынке вооружений станут Ирак и Ливия. Временное руководство Ирака уже заявило о своей заинтересованности развивать ВТС с Россией. С Ливией дело обстоит несколько сложнее по указанным выше причинам.

В будущем по мере восстановления своих стратегических позиций в мире Россия также сможет практиковать в своей политике военно-технического сотрудничества те методы, которые активно используются американцами в продвижении своих вооружений. Способность предлагать своим партнерам помимо военной техники еще и гарантии безопасности, несомненно, повысит потолок возможностей ведения оружейного бизнеса в этом непростом с военно-политической точки зрения регионе.

Как видно, потенциал активизации военно-технического сотрудничества с арабскими странами реализован далеко не полностью. Взаимодействие с регионом может вестись на основе уже наработанных в последние годы схем взаимодействия с традиционными партнерами, путем расширения географии поставок, прежде всего в государства Персидского залива, а также использования незадействованных до сих пор заделов ВТС в области модернизации стоящей на вооружении тех-

ники. По имеющимся оценкам, потенциально объемы продаж российских вооружений могут возрасти до 1,5–2 млрд. долл. в год.

Представляется, что устойчивому развитию сотрудничества будет способствовать взвешенная внешнеполитическая линия России на Ближнем Востоке. Москве, как и прежде, следует занимать равноудаленную позицию в качестве «честного маклера» и защищать свои интересы в регионе, которые во многом совпадают с арабскими, доступными средствами. Политическая предсказуемость должна привести к дальнейшему укреплению имиджа и доверия России в арабомусульманском мире и будет способствовать налаживанию поступательного двустороннего взаимодействия, в том числе в области военно-технического сотрудничества.

¹ Подсчитано автором на основе данных Стокгольмского института мира, СИПРИ-2004, <http://www.sipri.se>.

² Судан считается одной из беднейших стран в мире, но тратит на оборону треть всех государственных расходов – от 300 до 400 млн. долл. ежегодно.

³ MS Encarta, Statistics Centre, Country Statistics for Syria and Sudan, Data by International Institute for Strategic Studies 2000.

⁴ Условное деление на основе методики Центра анализа стратегий и технологий http://www.cast.ru/russian/publish/2002/mar-apr/tip_rinok.html

⁵ Egypt-United States Relations / Clyde R.Mark, Congressional Research Service – Library of Congress, April 2004, с. 1, 12.

⁶ Jordan: US Relations and Bilateral Issues / Alfred B.Prados, Congressional Research Service – Library of Congress, July 2003, с. 1.

⁷ Военные расходы и вооружения, СИПРИ-2003, с. 654.

⁸ Данные почерпнуты из материала Conventional Arms Transfers to developing Nations / Richard F.Grimmet, Congressional research Service – Library of Congress, с. 28–30.

⁹ Селезнев А. Красная книга товарных рынков России, http://www.nasled.ru/prensa/obozrev/N04_98/4_16.htm.

¹⁰ Cordesman A. The Strategic Impact of Russian Arms Sales and Technology Transfers, CSIS, 25/03/1999 <http://www.csis.org/mideast/online.html>.

¹¹ Там же.

¹² Оценка авт., на основе данных www.csis.org, www.sipri.se.

¹³ Cordesman A., с. 60; World Arms Sales and the Middle East, CSIS 1997.

¹⁴ Поставка Миг-29 в Сирию не была подтверждена в российских источниках.

¹⁵ Подсчет сделали на основе данных из открытых источников www.oae.ru (стоимость модернизации одного Миг-21 – около 4 млн. долл.).

СОДЕРЖАНИЕ

В.П.Воробьев	
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ	3
А.В.Гольев	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ АМЕРИКАНО-БРИТАНСКОЙ КОАЛИЦИИ ПРОТИВ ИРАКА	26
Е.В.Загорнова	
ВЛИЯНИЕ ДРУЗСКОГО РОДА ДЖУМБЛАТОВ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬ- НЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛИВАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ	36
В.С.Бойко	
НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ США В АФГАНИСТАНЕ	46
В.Г.Коргун	
АФГАНИСТАН В ПРЕДДВЕРИИ ВЫБОРОВ	63
И.В.Жмуйда, М.Ю.Морозова	
АФГАНСКИЙ НАРКОРЫНОК: ПЕРЕДЕЛ СОБСТВЕННОСТИ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ	73
И.М.Батыршин	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В РАМКАХ СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА	84
В.И.Гусаров	
АРАБСКИЙ МИР В НАСТУПИВШЕМ СТОЛЕТИИ: К «ЗОЛОТОМУ МИЛЛИАРДУ» ИЛИ В «ЧЕТВЕРТЫЙ МИР»?	101
А.А.Ткаченко	
РОССИЙСКО-ЕГИПЕТСКОЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	113
Б.В.Долгов	
ИСЛАМИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В АЛЖИРЕ ПОСЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2004 г.	119
А.Ахмед	
СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ И ПРОБЛЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	133
О.И.Жигалина	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВИЗАЦИЯ ИРАНСКИХ КУРДОВ	142
Г.М.Зиганшина	
ТУРЦИЯ И ЕС: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ	150
Д.А.Нечитайло	
ИСЛАМ В АВСТРИИ	163
Р.М.Мукимджанова	
ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ И СФЕРЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ПАКИСТАНА С КИТАЕМ (90-е – начало 2000-х годов)	171
И.В.Жмуйда	
О БОРЬБЕ С ПРОИЗВОДСТВОМ И ТРАНЗИТОМ НАРКОТИКОВ В ПАКИСТАНЕ	184

Г.А.Меламедов	
ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ РОЛЬ ООН В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ИЕРУСАЛИМА: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	191
А.И.Куприн	
ВЛАСТЬ И ИСЛАМИСТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В ТУНИСЕ В 70–90-х ГОДАХ XX ВЕКА	221
А.И.Куприн	
ВЛАСТЬ И ИСЛАМИСТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В МАРОККО	235
Н.Е.Калюжный	
ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ИНДОКТРИНАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ИРАНА	245
В.Я.Белокреницкий	
РЕЛИГИОЗНЫЕ И СЕКТАНТСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ПАКИСТАНЕ	264
И.В.Жмуйда	
ПРИВАТИЗАЦИЯ В ПАКИСТАНЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	276
А.З.Дерябина	
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ СТРАТЕГИЯ ИСЛАМАБАДА	284
П.А.Синовец, В.В.Гребцов	
ОБ ЭВОЛЮЦИИ АМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИИ СДЕРЖИВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ИРАКА	295
Р.Р.Сикоев	
КТО ЕСТЬ КТО НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ АФГАНИСТАНА	306
И.А.Новиков	
ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ИНТЕГРАЦИИ ИРИ В СИСТЕМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНЗИТНЫХ КОРИДОРОВ	313
В.И.Лактионов	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ ВС США В АФГАНИСТАНЕ	323
ПРИЛОЖЕНИЕ	
М.К.Каримов	
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ	335
А.Р.Люкманов	
РЫНКИ ВООРУЖЕНИЙ АРАБСКИХ СТРАН И ПОЗИЦИЯ РОССИИ	339

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития"
(Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко**
"Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".

18. "Турция: современные проблемы экономики и политики".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества
(израильская модель)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономи-ческий
потенциал стран Ближнего и Среднего Востока"
(информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан
и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI
в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки".
Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.

37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии".
(совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке"
(Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг.".
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАН).
55. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей
(Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).

59. **Аль–Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".

60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки".
(Совместно с Институтом Африки РАН).

61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".

62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. **"Турция между Европой и Азией".** Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

64. **"Ислам и политика".** Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

65. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".

66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".

67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Виравов** "Алжир: кризис власти".

69. **"Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке".** Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).

70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".

71. **К.И.Поляков** "Арабские страны и ислам в России".

72. **Зеев Гейзель** "Политические структуры Государства Израиль"

73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.

74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.

75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.

76. **С.Э.Бабкин** "Религиозный экстремизм в Алжире".

77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей,
(совместно с ИВ РАН).

78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.

80. **Н.Ю.Ульченко** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)".
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров** "Египет в последней трети XX века".
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.
86. **Р.Р.Сикоев** "Талибы (религиозно-политический портрет)".
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар** "Выбирая диктатуру".
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей. (совместно с ИВ РАН, ИСАА)
96. **А.Д.Эпштейн** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Кувейт: Контуры экономических перемен". (совместно с ИВ РАН)
98. **О.В.Плешов** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане". (совместно с ИВ РАН)
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.

101. **М.З.Ражбадинов** "Радикальный исламизм в Египте".
(совместно с ИВ РАН)
102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Сборник.
103. "Иран и СНГ". Сборник.
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян** "Внешняя политика Саудовской Аравии".
Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. **В.М. Ахмедов** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика".
108. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник.
109. **В.П.Юрченко** "Египет: проблемы национальной безопасности
(1952–2002 гг.)".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы". Сборник.
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетна-
мизация» (по материалам круглого стола)
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы".
Сборник статей.
114. **Е.И.Уразова**"Экономическое сотрудничество Турции и тюркских гос-
ударств СНГ".
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **Аганин А.Р., Соловьева З.А.** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зезв) Ханин** "Русские» и власть в современном Израиле".
120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три
года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". (Сборник статей и доку-
ментов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов** "Саудовская Аравия: поиски внутрен-
ней гармонии".

122. **Е.И.Миронова** "Алжир: смена приоритетов развития".
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Во-стока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке".
127. "Иран и Россия". (Сборник статей)
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". (Сборник статей)
- 129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока". Аналитические записки.
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г.
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт". Аналитические записки.
137. "Иран". Аналитические записки.
138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке (1946–2003)".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
- 141 **А.В.Гасратян** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by Alek D. Epstein.
144. "Афганистан в начале XXI века". Сборник статей.
145. **М.З.Ражбадинов** "Египетское движение «Братьев-мусульман»".

146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. "Сирия. Проблемы внутривосточной стабильности и внешней безопасности" (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. "Ирак: 100 дней переходного правительства".
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов". Материалы круглого стола, апрель 2004.
151. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and
N.Rogozhina**
12. "The Arab World in the end of the XX-th century", (collection of essays). In co-
operation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**

15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**

32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**
44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**

49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)

50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"

52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**

53. "Political Elite in the Middle East"

54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays) (In co-operation with the Russian Academy of Natural Sciences)

55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**

56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)

57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)

58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In co-operation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**

60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**

61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**

62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

64. "Islam and Policy" (collection of essays)

65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**

66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**

67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)

68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation"
by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays) In co-
operation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**
81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Rus-
sian Academy of Natural Sciences)
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of
Sciences

87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15, (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16, (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**. In co-operation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" {collection of essays}.
100. "The Contemporary Middle East" № 17, (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18, (collection of essays)

105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)
114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19, (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20, (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva.**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin.**
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. "Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis".

124. Analytical records. "Terrorism".
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East".
130. "The Contemporary Middle East" № 21, (collection of essays)
131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East ".
132. Analytical records. "Problems of the Middle East".
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22, (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict".
137. Analytical records. "Iran".
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
140. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**

- 144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
- 145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
- 146. "The Contemporary Middle East" № 23, (collection of essays)
- 147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)
- 148. "Iraq: 100 days of transition"
- 149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
- 150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
- 151 "Creation of industrial infrastructure in Syria" by **M.Zanbua** and **A.Filonik**

Internet: www.iimes.ru

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Подписано в печать 20.12.2004 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 23,5 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 87

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»